

1 2017

4878

Р.Н. БЕЗЕРТИНОВ

ГЕОПОЛИТИКА
И ПРАВИТЕЛИ
ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ
ИМПЕРИЙ

Р.Н. БЕЗЕРТИНОВ

**ГЕОПОЛИТИКА
И ПРАВИТЕЛИ
ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ
ИМПЕРИЙ**

Казань
Слово
2013

ББК 63,3
УДК 94(3)
Б39

Автор разрешает всем издательствам переиздавать эту книгу, а также переводить и издавать на других языках без изменений и искажений текста.

Безертинов Р.Н.

Б39 Геополитика и правители татаро-монгольских империй. Казань: Изд-во «Слово», 2013. — 304 с.

Рафаэль Нурудинович Безертинов родился в г. Баку. По национальности татар. Имеет высшее финансово-экономическое образование. Много его статей по тюркской истории опубликовано в журналах и газетах, издаваемых в Татарстане и в других республиках. В 1997 году вышла его книга «Татары, тюрки — потрясатели Вселенной» (История Великих Империй), в 2000 году — книга «Тэнгрианство — религия тюрков и монголов», в 2005 году — книга «Тюркско-татарские имена», в 2006 году — учебное пособие «Древнетюркское мировоззрение тэнгрианство», в 2006 году — книга «Вектор татарского направления», в 2011 году — «Китай и кочевой мир».

В книге освещаются заветы Чингиз-хана и то, как впоследствии его потомство выполнило другие задачи, которые привели к распаду и катастрофе его Великой империи. Основной акцент в книге делается на систему управления.

Рассматривается современное состояние тюркских и монгольских государств и проекта тэнгрианской цивилизации.

Книга адресована духу Неба Тэнгри и всем единомышленникам.

Г л а в а I

Походы адмирала Чжэн Хэ

В 2002 году вышла книга «1421 год, когда Китай открыл мир». Написал ее отставной британский офицер, десятилетиями служивший офицером в Британском королевском флоте, командир подводной лодки Гэвин Мензис. Книга вызвала огромный интерес у читателей. На основе этой книги вышел документальный фильм «Адмирал Чжэн Х», который был показан несколько раз по каналу «Культура» российского телевидения. Вскоре после этого книга вышла и в России. По мнению автора, бывшего капитана, Гэвина Мензиса, который более 14 лет собирал редкостные, курьезные факты в библиотеках и архивах, — факты, которые не вписывались в традиционную историческую картину, считает, что в 1421 году, во время предпоследней экспедиции, китайский адмирал обогнул южную конечность Африки, пересек Атлантический и Тихий океаны. «Флотилия китайского адмирала Чжэн Хэ в 1421—1423 гг. обследовала весь мир, побывав и в Америке, и в Гренландии, и даже обогнула Евразию с севера, пройдя, на зависть Баренцу, от Скандинавии до Берингова пролива. Лишь берегов Европы держались они подальше. Вернулись домой с запада. По мнению Гэвина Мензиса, Чжэн Хэ на 72 года раньше Христофора Колумба открыл Америку и почти на 100 лет раньше Фердинанда Магеллана совершил кругосветное путешествие. Помимо этих подвигов китайский адмирал опередил на три столетия Кука, первооткрывателя Австралии, побывал в Карибском море и даже у Южного полюса. Его экспедиции по праву можно сравнить с плаваниями другого, более знаменитого первооткрывателя — Васко да Гама — и, как считает Мензис, с плаваниями Колумба и Магеллана. Впрочем, этим мореплавателям никогда бы не снискать своей нынешней славы, если бы не внезапные перемены в китайской политике. Если бы не это

обстоятельство, китайские моряки, возможно, еще в первой половине XV в. все же достигли бы берегов Европы и Васко да Гама пришлось бы плыть хорошо известным маршрутом, да и, приплыв в индийский Каликут, он вел бы себятише воды, ниже травы, чтобы не прогневить императора великого Китая. Между тем Гэвин Мензис считает, что карты, по которым Колумб открывал Америку, Васко да Гама плавал в Индию, а Магеллан — вокруг света, пришли на Запад из Китая и были составлены Чжэн Хэ.

Итальянский путешественник и купец Николо да Конти побывал в Китае в 20-е годы XV века. Итогом его путешествия стала книга, написанная в 1434 году. В ней он, кстати, утверждал, что добирался на джонке из Индии до Китая через... Австралию. Конти, по мнению Мензиса, и вывез в Италию одну из чудом уцелевших карт Хэ. Старший сын португальского короля в 1428 году купил ее в Венеции и использовал при составлении первой в Европе карты мира. Вполне возможно, к этой китайской карте восходят и самые знаменитые карты начала XVI в. Так, у османского адмирала Пири Рейса была карта (она датирована 1513 г.), на которой показаны земли, еще не открытые европейцами. Кроме этих не подкрепленных фактами доводов есть у Гэвина Мензиса доказательства и посущественнее.

Чжэн Хэ так же, как древнегреческие и финикийские мореходы, путешествовал, ориентируясь по звездам. Мензис предпринял попытку проследить путь китайского флота по составленным адмиралом картам звездного неба. Заложив в компьютер предполагаемые районы плавания китайского адмирала и годы его путешествий, Мензис получил карту тогдашнего звездного неба. Она в точности соответствовала той, что была описана Чжэн Хэ. Гэйвен Мензис рассказывает об этой невероятной истории в своей 600-страничной книге. От взгляда на карту, приведенную Мэнзисом, охватывает оторопь. Одни профессиональные историки отвергают эти плавания как несостоятельные, другие историки относятся к его книге с большой настороженностью. Тем не менее одна из карт так называемая «карта Кан'нидо», свидетельствует как минимум о том, что адмирал Чжэн Хэ располагал надежной и достоверной информацией о Европе. «Как же получилось, что я, простой морской офицер в отставке, обнаружил факты, которые, очевидно, до сих пор ускользали от внимания ученых?» — та-

ким вопросом не раз с удивлением задавался Гэйвен Мензис. Хотя западные ученые уже в начале XX века обнаружили в источниках времен династии Мин упоминания об уникальных плаваниях. И, в конце концов, Гэйвен Мензис сам ответил на него: все эти факты на самом деле были известны специалистам. Сообщения о них можно прочитать почти в тысячах книг, но американские и европейские историки, очевидно, игнорировали их потому, что они не укладывались в привычную европеоцентрическую картину мира.

Кто открыл Америку? Колумб.

Кто открыл Магелланов пролив? Магеллан.

Кто открыл Австралию? Кук.

Конечно, если удивительная книга Мензиса верна, то ученым историкам придется переписывать учебники истории как минимум в 23 странах. А вот этого никто не хочет. Историк Гэйвен Мензис не унывает. Он говорит, что такой же прием встречали в прошлом все сколько-нибудь значительные открытия и теории. Так кто же был организатор экспедиций китайского флота, да не одного, а семь раз подряд. Кто же он был, адмирал Чжэн Хэ, который возглавлял все эти семь походов?

Император и его евнух. В 1368 году восставшие китайцы, во главе крестьянского предводителя Чжу Юань-чжан, овладели столицей Даду. Император династии Юань Тогон-Тимур бежал в Монголию. Так закончила свое правление монгольская династия Юань в Китае.

Чжу Юань-чжан сделал г. Нанкин своей столицей. Он принял Мандат Неба и занял китайский престол под именем императора Тай Цзу, назвав эпоху своего правления Хун У, и стал основателем династии Мин («свет», «огонь»). Его 30-летнее правление было отмечено жестокостями и репрессиями по отношению к чиновникам. Поводом к суровому наказанию становился малейший намек на коррупцию. Он не забывал о своем происхождении и старался защитить крестьян, которые больше всех страдали от чиновников, и они помогли ему основать новую династию. По новым законам чиновников, использовавших данную им власть для притеснения простого народа, ждала суровая кара: их клеймили, им вырывали ноздри, их имущество подлежало конфискации, а жен и сыновей отправляли на каторгу. Аристократия, уличенная в незаконном захвате земли, домов или скота простых людей, лишалась bla-

городного звания, а тот, кто неоднократно лишал владельцев ценной собственности, подлежал смертной казни.

Из военных кампаний он совершил карательную экспедицию в Тибет, что сопутствовало укреплению позиций в Маньчжурии. Военные действия против изгнанных монголов с переменным успехом велись на обширной территории, в том числе за Великой Китайской стеной. Императорским войскам даже удалось сжечь Каракорум. Чжу Юань-чжан умер в 1398 году. Перед смертью он назначил наследником престола своего внука Чжу Юнь-Вэня, который стал императором под именем Цзянь Вэнь.

Командующий большим войском, властолюбивый дядя Цзянь Вэня Чжу Ди, поднял армию и пошел на захват власти. После трех лет войны, в 1402 году, ему удалось захватить столицу Нанкин. Император, императрица и их старший сын погибли. Второго сына императора и всех оставшихся в живых родственников заключили в тюрьму. В 1403 году Чжу Ди провозгласил себя императором, взял имя Чэнь Цзу (1402—1424) и объявил о начале новой эпохи правления — Юн-лэ (Вечная Радость). Он щедро раздал поместья и титулы своим военачальникам, создал наследственную военную аристократию. Чэнь Цзу всеми силами стремился доказать свою легитимность как Сына Неба и для этого хотел представить себя как образец мудрого конфуцианского правителя. На протяжении 15 лет в пяти военных походах Чэнь Цзу пытался разгромить монголов. Но, несмотря на победы в отдельных сражениях, а также на затраченные силы и огромные средства, ему не удалось сокрушить быструю и мобильную армию монголов. Как бы то ни было, правление императора Чэнь Цзу чаще вспоминают в связи с успехами не на суше, а на море.

По приказу императора на реке Цинъхуай на верфях Нанкина стали строить огромные океанские суда — девятимачтовые корабли 155 метров в длину и шириной около 50 метров. Был собран флот из 300 таких судов¹. «Для сравнения заметим: в XV веке в Европе только начинали строить трехмачтовые каравеллы. Суда длиной в 25 метров считались у европейцев весьма крупными. Китайский флот начала XV века наверняка произвел бы сильное впечатление на европейцев. 28-метровая «Санта-Мария», на которой Колумб достиг Америки, была хрупкой шлюпкой в сравнении с китайскими кораблями. У Колумба было всего три каравеллы и только 270

человек команды. И даже флагманский корабль адмирала Нельсона «Викторию» китайские корабли превышали едва не втрое.

Гигантские суда делались из твердого тика в сухих доках, до чего европейцы додумались только спустя несколько веков. Повышенная плавучесть и устойчивость обеспечивались водонепроницаемыми отсеками, число которых могло доходить до 13. Для сравнения можно сказать, что в Европе делить трюмы перегородками на отсеки начали лишь в середине XVIII века.

Китайские суда превосходили европейские и по маневренности. Девять высоких мачт несли 12 гигантских парусов. Зачастую их делали не из парусины и шелка, а из планок расщепленного бамбука. Поверхность паруса менялась как в вертикальных жалюзи, что позволяло улавливать ветры практически любых направлений. Средняя скорость китайских кораблей достигала 10 км в час. Своим бронированным носом пятимачтовые военные корабли могли таранить и топить неприятельские суда. На них имелись четыре палубы. На нижней размещался балласт, придававший судну устойчивость, выше была жилая палуба. Стоя на третьей палубе, матросы управлялись с парусами. Наконец, на верхней палубе были выставлены пушки. Обшивка кораблей была смазана смесью из смолы и известия, защищавшей от огня, а также тунговым маслом, чтобы древесина не пропитывалась водой. Корабли были оборудованы герметичными переборками, поэтому, получив незначительную пробоину, корабль оставался на плаву. В Европе подобные суда стали строить лишь в XVIII веке».²

1.1. Адмирал Чжэн Хэ

«Первый императорский указ о снаряжении экспедиций китайского флота под начальством дворцовового евнуха Чжэн Хэ был издан в 3-м месяце 3-го года (между 1 и 29 апреля 1405 года). На тот момент у дворцовового евнуха Чжэн Хэ не было никакого навигаторского опыта, но он уже успел зарекомендовать себя как преданный и инициативный военачальник в гражданской войне, приведшей его господина на вершины власти.

Сведения о личности самого Чжэн Хэ можно почерпнуть из открытой в 1894 году надписи на могильном камне его отца, составленной в 1405 году. Чжэн Хэ родился в 1371 году

в городе Куньян провинции Юньнань (примерно в 50 км к югу от города Куньмина). Отец Хэ был мусульманином и носил фамилию Ма. По предположениям, предки отца и деда Хэ были выходцами из Западного края, так китайцы раньше называли Центральную Азию. В семье родились четыре дочери и два сына, из которых Хэ был младшим.

В 1382 году, когда в Юньнань вошли китайские войска династии Мин, 11-летний Хэ попал в плен и был осколен. Его собирались отправить на службу в один из богатых и знатных домов. В 1385 году войска, захватившие Хэ, были переброшены на север и увезли его с собой. Здесь он попал в услужение к четвертому сыну императора, основателя династии Мин — Чжу Ди, которому император доверил оборону северо-западных рубежей своей страны от монголов. В 90-х годах XIV века Чжу Ди стал братом с собой в походы и молодого евнуха, который также оказался способным воином. Как отмечается в надписи, Хэ «усердно служил и проявил способности, был скромен и осторожен, не бежал от трудных дел, за что приобрел среди чиновников хорошую репутацию». Что касается внешности будущего адмирала, то он, «став взрослым, говорят, вырос до семи чи (почти два метра), а обхват его пояса равнялся пяти чи (более 140 сантиметров). Скулы его и лоб были широки, а нос невелик. У него был сверкающий взгляд и голос громкий, словно звук большого гонга».

После смерти императора Тай Цзу в 1398 году разразилась междоусобная война, завершившаяся в 1402 году победой Чжу Ди. После провозглашения Чжу Ди императором и взятия им имени Чэнь Цзу он объявил о начале новой эпохи правления — Юн-лэ («Долгая Радость»). Чэнь Цзу начал рассыпать в заморские страны послов с манифестами, извещавшими о его вступлении на престол. В 1403 — 1404 годах китайские посольства с известием о начале нового правления посетили все более или менее крупные страны Южных морей.

Во время новогодних торжеств в 1404 году особо отличившимся участникам гражданской войны были пожалованы награды и титулы. Среди них был и Хэ, который с этого времени получил фамилию Чжэн и был произведен в высшие дворцовые евнухи — тайцзяни. В том же году на верфях Нанкина в провинции Цзянсу начинается закладка Великого флота.

Дальнейшая его судьба связана с началом в 1405 году морских экспедиций.

Почему император доверил руководство посольством именно Чжэн Хэ? Дело в том, что в 1404 году он уже получал предписание возглавить посольство в Японию. Очевидно, Чжэн Хэ успешно справился с заданием. И все-таки, почему на роль морского волка был назначен такой крайне сухопутный человек, как Чжэн Хэ? Просто евнух доказал императору свое мужество, верность, полководческую одаренность и, скорее всего, был умелым прорабом. Ведь не кто иной, как будущий адмирал, был назначен на пост главы Палаты дворцовых слуг и как таковой отвечал за строительство и поддержание дворцовых строений. Значит, доверял император своему чиновнику строительство не только на земле, но и на воде (китайцы строили в основном из дерева, поэтому создание дворца и флота казалось современникам аналогичными проектами).

Получив назначение и после изданного указа Чжэн Хэ начал срочно снаряжать свою экспедицию: формировался флот, подбирались матросы, корабли снабжались всем необходимым. В экспедицию вместе с моряками отбирали сотни чиновников, дипломатов, переводчиков, писцов, счетоводов, астрологов, священников, поваров, докторов и проституток. Также в поход набирались солдаты, лоцманы, рулевые, санисты, якорные рабочие, плотники-корабельщики, грузчики, подочники-снабженцы и работники других специальностей. Суда с продовольствием обеспечивали запасы продовольствия и второстепенных продуктов питания. Грузовые суда везли все необходимое для долгого плавания: зерно, собак, лошадей и свиней, которых выращивали на убой. Суда с водой перевозили пресную воду. В те времена у мореплавателей не было специальных судов для перевозки воды. Включение их во флот Чжэн Хэ — замечательный почин. На грузовых судах везли товары для торговли с туземцами, а также подарки, которые вручали покоренным властителям, в том числе золото и серебро в слитках. Были и другие ценности: шелк, атлас, мускус, кунжут. «Трюмы судов забивали фарфором и керамикой, драгоценностями и лакированными изделиями». Самые крупные корабли могли везти до 360 т груза.

Главной миссией экспедиций считалось установление дипломатических отношений с другими странами и народами. Однако мирные цели не помешали посадить на суда тысячи

морских пехотинцев, способных одинаково хорошо воевать как в море, так и на суше. С помощью солдат и имевшегося в распоряжении китайцев пороха Чжэн Хэ в походе активно вмешивался во внутренние дела государств и заменял недружественных Китаю правителей.

Император Чэн Цзу решил «продемонстрировать богатство и мощь» Китая в странах Южных морей и Западного океана — в краях, которые мы ныне называем Юго-Восточной Азией и странами Индийского океана, — то есть всюду, куда можно было добраться из Срединной империи по морю».³

«Флот Чжэн Хэ, направлявшийся в страны Западных морей, был весьма крупным. Он соответствовал требованиям мореплавания и был военным по своей организационной структуре. Тогда этот флот считали очень мощной маневренной армадой в мире. Многие иностранные ученые позднее называли его «флотом специального назначения», а Чжэн Хэ — «адмиралом» или «командующим». Доктор Джозеф Нидхэм из Великобритании, известный во всем мире ученый, пришел к такому выводу: «В истории человечества морской флот династии Мин, возможно, был более выдающимся, чем флоты других стран Азии, даже Европы. Если все армады европейских стран соединить вместе, то и тогда этот совместный флот не смог бы справиться с морским флотом династии Мин».

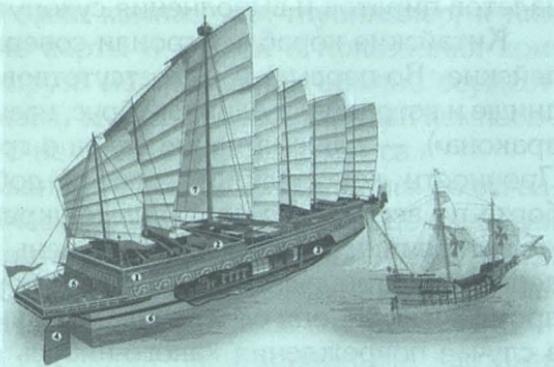
Во-первых, личный состав флота был многочисленным. Его численность в исторических документах четко указана четырежды. В первой экспедиции участвовали 27 800 человек, во второй — 27 000, в четвертой — 27 670 и в седьмой — 27 550 человек.

Количество моряков у западных мореплавателей — Христофора Колумба, Васко да Гамы и Фернана Магеллана — было соответственно 90—1500, свыше 170 и 265 человек. В некотором смысле число участников плавания показывает мощь государства, это было важно в средневековье. Большое количество людей нуждается в разнообразном материальном обеспечении. Это очень сложная задача.

Во-вторых, была хорошая организация. Многолетние исследования специалистов показывают, что флот Чжэн Хэ состоял из военной эскадры, морского десанта и почетного караула. В состав военной эскадры входили военные корабли. Морской десант осуществлял десантные операции, а почетный караул исполнял функции гвардии, торжественно и по-военному соблюдая дипломатический протокол во внешних сношениях.

В соответствии с поставленными перед Чжэн Хэ задачами личный состав флота был разделен на командование, специалистов в области мореплавания, внешней торговли, по тыловому обеспечению и по конвоированию. Исследования показывают, что флот Чжэн Хэ был хорошо организован и состав его был тщательно подобран. Данный факт свидетельствует о богатом морском опыте китайского народа в прошлом, что обеспечило успех экспедиций Чжэн Хэ.

По «Лунцзян чуаньчан чжи» («Записки о корабельном заводе Лунцзян»), «Убэй чжи» («Записки об оружии и снаряжении»), «Сиан цзи» («Экспедиции в Западные моря») и запискам на стенах учеными изучали обеспечение экспедиций Чжэн Хэ. Согласно их мнению, в армаду Чжэн

Баочуань

Хэ входило до 300 кораблей. В армаде было 7 типов кораблей, военные, десантные корабли, корабли по обеспечению продовольствием и водой, в том числе от 40 до 60 кораблей типа «Баочуань», «Мачуань» (букв. «Драгоценный корабль», «корабль-лошадь»). У Христофора Колумба было 3—17 кораблей, у Васко да Гама — 4, а у Фернана Магеллана — 5. «Баочуань» — командные корабли, которые должны были «получать драгоценности» в других странах. Баочуань: длина — 134 метра, ширина — 55 метров, водоизмещение — около 30 000 тонн, команда — около 1000 человек. Осадка до ватерлинии равнялась 6 с лишним метрами. Мачт было 9, и они несли на себе 12 парусов из плетеных бамбуковых матов. Для сравнения: «Санта-Мария» Колумба: длина — 25 метров, ширина — около 9 метров, водоизмещение — 100 тонн, команда — 40 человек. Первый трансатлантический пароход Изамбара Брюнеля «Грейт Вестерн», появившийся через четыре века (1837), в длину был почти в два раза меньше (около 72 метров). «Мачуань» — быстроходные корабли комплексного снабжения, на них были чиновники среднего ранга, находились военные запасы и преподнесенные правителями разных стран животные, одновре-

менно эти корабли могли принимать участие в сражениях. Измерения средних кораблей равнялись соответственно 117 и 48 метрам. Таких кораблей было около 200, и они сравнимы с обычными китайскими судами. Военные корабли — корабли-конвоиры — были маленькими и маневренными судами с оружием и моряками, готовыми к бою, они выполняли функции по обеспечению навигационной безопасности флота. Десантные корабли предназначались для предотвращения налетов пиратов и выполнения сухопутных операций.

Китайские корабли строили совершенно иначе, чем европейские. Во-первых, у них отсутствовал киль, хотя иногда в днище и встраивали длинный брус, называвшийся лунгу («кость дракона»), — для смягчения удара о грунт при причаливании. Прочности конструкции корабля добивались, добавляя на борта по всей длине деревянные укрепления-вельсы на уровне ватерлинии или выше нее. Очень важным было наличие переборок, тянувшихся от борта к борту через равномерные промежутки, — они обеспечивали защиту судна от затопления в случае повреждения какого-нибудь одного или нескольких помещений. Если в Европе мачты располагались по центру судна, встраиваясь основанием в киль, то в китайских судах основание каждой мачты соединялось лишь с близлежащей переборкой, что позволяло «раскидывать» мачты по палубе вне зависимости от центральной оси симметрии. При этом паруса разных мачт не перекрывали друг друга, раскрывались наподобие веера, парусность увеличивалась, и корабль получал соответственно большее ускорение. Это свидетельствует о наличии передовых технологий в судостроении Китая и о высоком уровне мореплавания.

Флот Чжэн Хэ был оснащен самым передовым оружием и снаряжением. Оружие включало пушки с большим калибром ствола и огнеметы, предназначенные для штурма крепостей во время морских сражений. В некоторых музеях можно увидеть и оружие-амфибии. Тогда же появилось новое оружие «сай-синфэй» (букв. «полет быстрее метеора»). Это первая запись о прообразе подводной мины в мировой истории.

Большой флот Чжэн Хэ каждый раз успешно возвращался на Родину. Это свидетельствует о прекрасных способностях китайцев руководить и управлять эскадрой. Армада была обеспечена транспортными судами, снабжена звуковыми сигналами и флагами. В исторических летописях записано

следующее: «Днем на кораблях висят флаги, разноцветными флагами по договоренности сигналят друг другу, а ночью зажигают фонари. Когда идет дождь или стелется туман, то при плохой видимости моряки бьют в медные гонги, трубят в горны и рожки-раковины для поддержания связи».

Географические навигационные приборы во время экспедиций Чжэн Хэ использовались для определения маршрута кораблей на основе океанографических знаний. В числе навигационных приборов были компас, лаг, глубиномер, к ним добавились еще морские карты и записи о показаниях компаса. Определение маршрута мореплавания обычно осуществлялось с помощью компаса, это называлось «линией компаса». Погрешность последнего не превышала 2,5 градуса.

«Карты морских плаваний Чжэн Хэ» сохранились до сегодняшнего дня благодаря Мао Юаньи, жившему в конце династии Мин. Он включил эти карты в свое произведение «Убэй чжи». «Карты морских плаваний Чжэн Хэ» — самый ранний сохранившийся в мире морской атлас. По сравнению с портуланами — известными западными морскими навигационными картами, «Карты морских плаваний Чжэн Хэ» охватывают больше стран и регионов, они более насыщены по содержанию. Хотя в математической точности они уступают портуланам, но по своей практичности превосходят последние. Британский ученый Дж. Нидхэм в своей книге «Наука и цивилизация Китая» пишет: «Тщательные исследования о точности китайских морских карт провели Миллс и Блэгдон, которые хорошо знали береговую линию Малайского полуострова. Они дали китайским морским картам высокую оценку».⁴

1.2. Походы китайского флота

Летом 1405 года из Нанкина, тогдашней столицы Поднебесной империи, вышла многочисленная флотилия судов. Отплытие флота сопровождалось пышными церемониями. В тот период крупнейшим флотом во всем остальном мире располагала Венеция. Этот флот насчитывал 300 галер, которые могли плавать только летом, в прибрежных водах. Китайские корабли, груженные доверху, могли месяцами блуждать в открытом море. Если экипаж венецианских галер защищал отряд стрелков из лука, то пушки китайских судов могли обстрелять неприятеля разрывными снарядами и горящими стрелами.

Простая запись была сделана 11 июля 1405 года в «Тай-цзун шилу» — «Хронике [времен] императора Тай-цзуна» (Чэнь Цзу): «Дворцовый сановник Чжэн Хэ и другие были посланы в страны Западного океана с письмами императора и с дарами для их царей — золотая парча, узорчатые шелка, цветной шелковый газ, — все по их статусу». В армаду входило до 255 кораблей с 27 800 человек на борту, большая часть из них — военные. Сердце флота составляли (по «Минши») 62 корабля-сокровищницы. Корабли Чжэн Хэ носили пышные названия, например «Чистая гармония», «Благоденствие и процветание». Кроме того, они имели порядковые номера.

В экспедиции участвовали семь послов (чжэн ши) и десять их помощников (фу ши). Численность «чиновников» достигала 572 человек. Анализ показывает, что по служебному положению их можно разделить на четыре группы: представители первой подчинялись непосредственно императорскому двору (евнухи), второй — военным властям (столичные и местные командующие), третьей — правительственный учреждениям (чиновники из Ведомства налогов, церемониального и банкетного приказов) и четвертой — прочим учреждениям (астрономы, врачи). Общее руководство экспедициями осуществлял императорский двор. Так, в «Мин ши» отмечено, что главами посольств и экспедиций в зарубежные страны обычно назначались люди из числа наиболее приближенных к трону. С XV века при дворе большую роль стали играть высшие чины из дворцовых евнухов, что отразилось и на подборе командного состава экспедиций. Чжэн Хэ был назначен «главным послом» и главнокомандующим; обязанности помощника главнокомандующего исполнял Ван Moy.

Флот Чжэн Хэ покинул берега Китая в январе 1406 года. С летним муссоном флотилия двинулась на юго-запад: в Индокитай, на Яву, Суматру. Выйдя в Индийский океан, китайский флот пересек Бенгальский залив и достиг острова Цейлон. Затем, обогнув южную оконечность Индостана, Чжэн Хэ посетил несколько богатых торговых центров на Малабарском берегу, в том числе крупнейший из них — Каликут. Вот лишь некоторые «варварские земли», где за два года побывал Чжэн Хэ. Всего же его флот посетил около 30 стран и островов.

В начале XV века подобные сцены нередко разыгрывались у берегов Индии, Индонезии, Африки. Воды Индийского океана бороздила флотилия, равной которой в ту пору не было.

Что сулило появление флотилии Чжэн Хэ у побережья некой страны для туземцев? Смерть и разрушение? Плен и рабство?

«Когда флот Чжэн Хэ подходил к берегу, рыбаки в испуге поворачивали лодки к берегу. Странное зрелище представляло перед ними. Огромные корабли с множествами парусами приближались к берегу. Едва причалив, растерянные туземцы врассыпную бежали в лес. Невиданная прежде армада подошла к побережью мирной южной страны.

Дальше события разворачивались неожиданно. С невероятной помпой на берег спускался адмирал Чжэн Хэ. «Челом подобен он тигру, — сообщал хронист. Брови его, точно мечи». Лицо же «шершаво, как апельсин». Всюду, куда ни прибывал Чжэн Хэ, он тотчас направлялся к правителью сего города или страны, спеша передать ему приветствия от «сына Неба» — Чэнь Цзу, императора Китая (1403—1424). Затем посланник осыпал хозяина дорогими подарками и просил об одной небольшой уступке: да уплатит тот дань «сыну Неба», да покорится ему.

Что в эту минуту испытывал бескураженный царек? Растираяность от того, что его владения завоевывали столь необычным способом? Или же страх мучил его душу, то же чувство, что отгоняло от берега рыбаков, — страх перед громадной эскадрой, нависшей над его городом? Впрочем, что бы ни наполняло его душу, он покорялся силе и лести.

Особых жертв от него не требовалось: только шепнуть, признаться, согласиться, сказать «да», кивнуть — и тут же дождем посыпались дары. Так, красноречивыми посудами и молчаливыми угрозами верный слуга империи адмирал Чжэн Хэ подчинял ей земли, лежавшие вдоль Муссонного пути.

На взгляд европейцев, подобная практика колониальных захватов расточительна и глупа. Однако, с точки зрения китайского императора, следовало поступать так и не иначе. Китай был «центром Земли», величайшей державой мира. Поэтому все иноземцы вправе были почитать за счастье, что им предлагают покориться этой империи и учиться у ее сынов, своему процветанию. Подарки же показывали, как сладостно быть в поучении у самого просвещенного из народов. «Среди множества стран нет таких, которые бы не сдались нам... Повсюду, куда приходили наши корабли и повозки и куда могли пройти люди, не было никого, кто бы не питал (к императору) чувства уважения и преданности... Все страны признали

себя подданными». (Фэй Синь. Обозрение достопримечательностей, XV век). Добившись покорности от одного царька, он плыл дальше, чтобы склонить на сторону империи новые земли — города, княжества, султанаты».⁵

В девятом месяце 1407 г. Чжэн Хэ и остальные возвратились. Послы от всех стран прибыли с ними и предстали перед императором... Кроме послов Чжэн Хэ привез на цепи пиратов. На побережьях Явы, Суматры и Малайи было сильно китайское купечество, которому очень мешали китайские же пираты. Купцы пожаловались на пиратов, на что Чжэн Хэ пообещал с ними разобраться на обратном пути и разбрался. На пути домой Чжэн Хэ пленил знаменитого пиратского главаря Чэнь Цзу, захватившего Палембанг — столицу индуистско-буддийского царства Шривиджая на острове Суматра. «Тайцзун шилу» пишет: «Чжэн Хэ вернулся и привез пирата Чэнь Цзу в кандалах. Прибыв в Старый порт [Палембанга], он призвал Чэня подчиниться. Тот прикинулся, что подчиняется, но втайне планировал бунт. Чжэн Хэ понял это... Чэнь, собрав силы, выступил в битву, а Чжэн Хэ выслал войска и принял бой. Чэнь был разбит наголову. Более пяти тысяч бандитов были убиты, десять кораблей сожжены и семь — захвачены... Чэнь и еще двое его помощников были взяты в плен и доставлены в императорскую столицу, где их приказали обезглавить». Мирных китайских купцов Палембанга защитили, а мирный посол Чжэн Хэ впервые продемонстрировал, что корабли-сокровищницы несли на себе оружие не только для красоты. По свидетельству Фэй Синя, после разгрома Чэнь Хэ в 1407 году «на морях воцарились порядок и смирение». Император был очень доволен, наградив всех титулами в соответствии с заслугами», — сообщает «История династии Мин».

«Сразу же по возвращении из похода осенью 1407 года флот Чжэн Хэ был вновь отправлен «в далекое плавание». Во время второго плавания, географически сходного с первым, произошло лишь одно событие, память о котором сохранилась в истории: правитель Каликута предоставил посланникам Поднебесной несколько баз, опираясь на которые китайцы могли в дальнейшем отправляться еще дальше на запад. «В девятом месяце 1408 года Чжэн Хэ был направлен на Цейлон. Под датой 6 июля 1411 года в хронике записано: «Чжэн Хэ... вернулся и привез захваченного царя Цейлона Алагакконару, его семью и нахлебников. Во время первого путешествия Алагаккона-

ра был груб и неуважителен и вознамерился убить Чжэн Хэ. Чжэн Хэ понял это и уехал. Мало того, Алагакконара не дружил с соседними странами и часто перехватывал и грабил их посольства по пути в Китай и обратно. Ввиду того что другие варвары страдали от этого, Чжэн Хэ, вернувшись, снова выказал презрение Цейлону. Тогда Алагакконара заманил Чжэн Хэ в глубь страны и послал своего сына Наянару потребовать у него золото, серебро и прочие драгоценные товары. Если бы эти товары не выдали, более 50 тысяч варваров восстали бы из укрытий и захватили корабли Чжэн Хэ. А еще они подпилили деревья и вознамерились перекрыть узкие дорожки и перерезать Чжэн Хэ пути к отступлению так, чтобы отдельные отряды китайцев не могли прийти друг другу на помощь.

Когда Чжэн Хэ понял, что их отрезали от флота, он быстро развернул войска и отправил их к кораблям... И он приказал гонцам тайно обойти дороги, где сидела засада, вернуться к кораблям и передать приказ офицерам и солдатам биться до смерти. А тем временем он лично повел двухтысячное войско обходными путями. Они штурмовали восточные стены столицы, взяв ее испугом, прорвались внутрь, захватили Алагакконару, его семью, нахлебников и сановников. Чжэн Хэ провел несколько сражений и разбил армию варваров наголову. Когда Чжэн Хэ вернулся в Китай, министры решили, что Алагакконару и прочих пленников надлежит казнить. Но император смилиостивился над ними — над невежественными людьми, не знавшими, что такое Небесный мандат на правление, и отпустил их, дав еду и одежду, и приказал Палате ритуалов выбрать в семействе Алагакконары достойного человека, чтобы править страной⁶.

Такое сочетание дипломатических методов с демонстрацией военной силы обеспечивало успех деятельности китайских морских экспедиций в большинстве стран Южных морей. Почти все они предпочитали направлять свои посольства в Китай либо вместе с экспедициями, либо вслед за ними. Во многих странах китайским послам оказывался пышный прием. Например, водной из хроник сказано: «Все без исключения иноземцы соперничали, кто опередит других в преподношении чудесных вещей, хранящихся в горах или скрытых в море, и редкостных сокровищ, находящихся в водной шире, на суше и песках». Так, правитель Тямпы, государства в Южном Вьетнаме, выехал встречать Чжэн Хэ на слоне. За ним на лошадях

ехали самые знатные придворные и шли парадом сотни солдат. Гремели барабаны, пели флейты. Казалось, вся держава готова была славить великого гостя.

В истории мореплавания трудно найти другой пример подобного бескровного покорения мира. Обычно, как гласит история, раз к берегу приближается неприятельский флот, жди выстрелов из пушек. Солдаты Чжэн Хэ не проходили земли огнем и мечом, не грабили города, не захватывали рабов, не строили крепости, не обращали «язычников» в свою веру. Здесь же сам император, напутствуя экспедицию, говорил лишь о добре и мире. В чем же состояли дипломатические задачи Чжэн Хэ? Его современники или участники морских экспедиций Ма Хуань, Фэй Синь, Гун Чжэн пишут, что дипломатические миссии укрепляли великие основы правящей династии, чтобы простиралась ее власть на десять тысяч поколений. Для этого они, как указано в Чанлэской надписи, «заручались почтительной преданностью и радушием со стороны отдаленных иноземцев». Руководители экспедиций, имевшие звания послов и помощников послов, торжественно зачитывали и вручали иноземным властителям императорские манифесты и указы. Например, перед началом третьего плавания в 1409 году в императорском указе сказано и передано Чжэн Хэ и разослано по всем кораблям, говорится: «Императорский указ всем ваннам (царям) и вождям племен всех заморских иноземцев. Я получил приказание Неба и являюсь государем Поднебесной. В полном согласии с волей Небесного Владыки Я действую милостиво и распространяю добродетель. Всем людям — старым и малым, где бы они ни находились в пределах между Небом и Землей, там, где светят Солнце и Луна и где выпадают иней и роса, — всем желаем, чтобы они продолжали заниматься своими делами. Ныне посыпаю Чжэн Хэ с императорскими манифестами, распространяющими Мою волю, чтобы вы почтительно следовали Пути Неба, строго блюди Мои указания, в соответствии с разумом были безропотны, не позволяли себе нарушений и противоборства, не смели обижать тех, кто в меньшинстве, не смели притеснять слабых, дабы приблизиться к идеалу общего наслаждения счастьем совершенного мира. Если кто с выражением искренности прибудет ко двору, то для его поощрения приготовлены различные подарки. Поэтому и дан сей указ, чтобы всем стало о том известно! 7-й год Чэнь Цзу, 3-й месяц... число». Недаром годы правления императора Чэнь Цзу полу-

чили название «Вечная Радость» (Чэнь Цзы). Каков был монарх, таков и его адмирал.

«В конце содержится приглашение прислать в Китай ответные миссии, подслащенное обещаниями щедрых даров. Иначе говоря, перед морскими экспедициями ставилась задача «привлечения» посольств из заморских стран в Китай. Наряду с императорскими указами местным властителям вручались богатые подарки, что в немалой степени способствовало дипломатическому успеху экспедиций. В некоторых случаях Чжэн Хэ одаривал не только правителей заморских стран, но и их приближенных и даже население.

В вопросах веры дипломаты проявляли крайнюю терпимость. Пример тому — памятник, сохранившийся в городе Галле на Шри-Ланке: каменная стела, датированная 1409 г. Надписи, сделанные на ней, описывают прибытие адмирала Чжэн Хэ. Выполнены они на трех языках и обращены к трем богам. Китайский текст превозносит могущество Будды, персидская надпись прославляет Аллаха, а тамильские словеса воздают хвалу индуистскому богу Вишну. Кроме того, каждый из богов был удостоен разнообразных даров: драгоценных металлов и шелковых тканей, жертвенных свечей и бронзовых ваз».⁷

Когда португальские мореплаватели Васко да Гама и Фернан Магеллан достигли Индийского океана, все жители побережий еще помнили адмирала. Его корабли — громадные, грозные — десятилетиями скитались от берега к берегу, всюду вызывая почтение и трепет, но нигде не причиняя разрушений. Флотилия адмирала была так неподдельно сильна, что ему не зачем было доказывать свою силу туземцам. Эта флотилия воплощала имперскую мощь Китая, а сам адмирал — мудрость и великолодшие.

«Китайское мировосприятие, мировоззрение, а также дипломатия по отношению к «варварам», сильно отличалось от европейцев, и туземцы быстро увидели различие воочию. Имя португальского мореплавателя Васко да Гамы вошло не только в летопись великих географических открытий, но и в анналы колониальных преступлений. История его плаваний в Индию разительно отличается от экспедиций его предшественника, адмирала Чжэн Хэ. Вот некоторые из «подвигов» европейского дворянина, совершенных во время второго плавания в Индию в 1502—1503 годах и заслуживающих лишь одной оценки: варварство. Захватив близ Каликута судно, на котором плыли

более трехсот паломников — мужчин, женщин и детей, возвращавшихся из Мекки, он ограбил его, а потом приказал сжечь вместе со всеми пассажирами. Прибыв в гавань Каликута, португальцы захватили в заложники 38 индийцев и, повесив их, отрубили казненным руки, ноги и головы, а затем, по приказу адмирала, отослали эти части тел правителю Каликута, предложив приготовить из них свое любимое кушанье. Следующую группу заложников да Гама велел высадить на берег, отрубив им руки, уши и носы. После этого португальцы начали обстреливать беззащитный город из артиллерийских орудий. «Каликут превратился в груду дымящихся развалин, — писал Жюль Верн в «Истории великих путешествий». Под обломками зданий разлагались сотни трупов».

Так был уничтожен один из цветущих городов того времени. Пожалуй, если бы у «северных варваров» достало сил, они истребили бы индийскую цивилизацию так же, как их современники разрушили державы ацтеков и инков».⁸

«В середине декабря 1412 года Чжэн Хэ получил новый приказ везти дары ко дворам заморских правителей. Более того, к этой четвертой экспедиции, отпавшей в 1413-м, предусмотрительно прикомандировали переводчика — мусульманина Ма Хуаня. Этот уроженец Ханчжоу владел арабским и персидским языками. Позже он оставил довольно подробные рассказы о последних великих плаваниях китайского флота, не забывая о всевозможных бытовых подробностях. К примеру, он тщательно описал рацион моряков: они ели «пущеный и нелуженый рис, бобы, зерна, ячмень, пшеницу, кунжут и все виды овощей... Из фруктов у них были... персидские финики, сосновые орешки, миндаль, изюм, греческие орехи, яблоки, гранаты, персики и абрикосы...», «многие люди делали смесь из молока, сливок, масла, сахара и меда и ели это». Можно с уверенностью заключить, что китайские путешественники не страдали от цинги.

Во время четвертой (1413—1415) экспедиции китайские корабли дошли до Ормуза в Персидском заливе, а во время следующей (1417—1419) — посетили Лясу (пункт в районе современного города Мерса-Фатима в Красном море) и ряд городов на Сомалийском берегу Африки — Могадиши, Браву, Чжубу и Малинди. Во все плавания грандиозная армада отправлялась из Южно-Китайского моря. Через Индийский океан корабли шли по направлению к Цейлону и южному Индостану,

а последние путешествия охватили еще и Персидский залив, Красное море и восточное побережье Африки. В дороге ориентировались по звездам, пользовались компасом. Капитаны кораблей, служившие под началом Чжэн Хэ, наносили путь, пройденный судном, на линованную карту. Правда, понятия долготы и широты были еще неведомы китайским мореплавателям.

Использовали они и опыт, накопленный арабами. Так, на китайской карте, изображающей Африку и датируемой 1402 г., показаны Нил, Судан и Занзибар. Очертания континента переданы довольно точно: треугольный профиль, обращенный вершиной к югу. Европейцы тоже считали Африку громадным треугольником, однако вершину его направляли на восток.

Возможно, сведения об Африке китайцы почерпнули отнюдь не из вторых рук. Судя по археологическим находкам, сделанным в Восточной Африке, они уже давно установили торговые отношения с этим регионом. По всему побережью — от Сомали до Занзибара — встречаются многочисленные фарфоровые черепки и монеты, относящиеся к династиям Сун (960—1279) и Мин (1368—1644).

Шел Чжэн Хэ всякий раз «накатанным» путем: ловя повторяющиеся муссонные ветра, которые с декабря по март дуют на этих широтах с севера и северо-востока. Когда же влажные субэкваториальные потоки воздуха поднимались над Индийским океаном и как бы по кругу обрачивались обратно на север — с апреля по август, — флотилия соответственно разворачивалась к дому. Домой китайские экспедиции возвращались тем же маршрутом.

Главным же событием этого похода стал захват некоего главаря повстанцев по имени Секандар. Он имел несчастье выступить против признанного китайцами и связанного с ними договором о дружбе царя государства Семудера на севере Суматры — Заина аль-Абидина. Самонадеянный повстанец обиделся, что посланец императора не привез ему подарков, а значит, не признал законным представителем знати, наспех собрал сторонников и сам напал на флот адмирала. Правда, шансов на победу у него было не больше, чем у пирата из Палембанга. Вскоре он, его жены и дети оказались на борту китайских сокровищниц. Ма Хуань сообщает, что «разбойника» публично казнили еще на Суматре, не удостоив чести императорского суда в Нанкине. Зато в столицу флотоводец привез

из этого плавания рекордное число иностранных послов — из тридцати держав. Восемнадцать дипломатов из них Чжэн Хэ развез по домам в ходе пятой экспедиции. Все они имели при себе милостивые письма от императора, а также фарфор и шелка — вышитые, прозрачные, крашеные, тонкие и весьма дорогие, так что их государи, надо полагать, остались довольны. А сам адмирал на этот раз пустился в неизведанные воды, к берегам Африки⁹.

В различных источниках перечислено разное количество стран, в которых побывали экспедиции Чжэн Хэ. Всего же в связи с походами китайского флота упоминается 56 стран, причем большинство из них расположено в районе Южных морей. Так продолжалось двадцать восемь лет, с 1405 по 1433 год. Первые три плавания Чжэн Хэ следовали непрерывно одно за другим с 1405 по 1411 год с короткими перерывами — в 1407 и 1409 г. Всего же до 1433 года адмирал предпринял семь экспедиций. В ту пору, когда европейские купцы боязливо держались побережий своих стран, китайские моряки пересекли почти полсвета. Им вполне было по силам достичь мыса Доброй Надежды, обогнуть южную оконечность Африки и, следуя вдоль берегов Черного континента, добраться до Европы, дабы осыпать дарами и смутить чередой кораблей, например, кастильского короля. Всякий раз по возвращении флотилии в Китай император выражал искреннюю радость. Вновь и вновь он направлял Чжэн Хэ в западные моря. Его корабли, как убедительно доказано, причаливали к побережью Никобарских и Мальдивских островов, бывали в гаванях на берегу Персидского залива, в Адене, Могадиши (Сомали), Малинди, на Занзибаре, а также в Мекке. Морские операции достигли такого размаха, что адмиралу пришлось поделить свой флот. Его тихоокеанская эскадра посетила острова Рюкю, лежавшие близ Японии, Филиппины, Борнео и Тимор. Кстати, остров Тимор расположен всего в 600 км к северу от Австралии.

Адмирала Чжэн Хэ интересовали, прежде всего, диковинные животные, растения, снадобья, благовония, драгоценные камни и слоновая кость. «Приобретенные ими неописуемые сокровища и товары трудно сосчитать», — сказано в «Истории династии Мин». Вот лишь несколько строк из списка даров, привезенных с острова Ява. Они звучат словно строки волшебной сказки. И прибыл адмирал, и привез на своих кораб-

лях «рог носорога, панцири черепах, орлиное дерево, укроп, голубую соль, сандаловое дерево, стручковый перец, древесную тыкву, борнеоскую камфару, бананы, бетелевые орехи, серу, красильный сафлор, сапановое дерево, молуккскую сахарную пальму, парадные мечи, плетеные циновки, бело-серых попугаев, обезьян.»

Возвращение адмирала Чжэн Хэ неизменно вызывало фурор в столице. Все находки торжественно доставляли во дворец императора, а животных водворяли в его зверинец. Особенно запомнилось хронистам «заморское знамение счастья, знак совершенного порядка и гармонии, утвердившихся в мире и империи». То был... живой жираф, привезенный императору. В Китае увидели этого диковинного зверя впервые.

«2 февраля 1421 г., новогодний праздник в Китае — самой великой и могущественной стране того времени. 2 февраля 1421 г. — дата, которая должна навеки войти в анналы истории. Что за красочное зрелище! Сотни кораблей с поднятыми вверх красными парусами из шелка медленно отходят от берега — величайшая флотилия всех времен. Эти громадные корабли достигали 142 м в длину и 55 м в ширину. На носу каждого корабля сверкали глаза дракона, вселявшие ужас в глаза сторонних свидетелей и отгонявшие злых духов. Вокруг теснилось множество мелких грузовых суденышек, призванных сопровождать экспедицию. Они везли тысячи тонн продовольствия и воды. 30 тыс. человек, отправившихся в далекий путь, не должны были ни в чем испытывать недостаток.

«Корабли, груженные сокровищами — изящным фарфором, шелком, нефритом, золотом. Все эти богатства должны были пойти на подкуп властителей неведомых стран. Каков был монарх, таков и его адмирал. Грозный с виду адмирал с «походкой тигра» и «сердцем мудреца» готов был выдержать любые трудности, а его кораблям были нипочем и тайфуны, и айсберги. Цель, поставленная перед ними, была столь же величественна. Им надлежало обогнать весь земной шар, открыть неизвестные континенты и океаны, изучить людей, населяющих неведомые страны. Авантура, требовавшая от ее участников невероятного мужества, а также лучшей моряцкой сноровки. Сколько опасностей подстерегало их! Как велик был мир, расстилавшийся перед ними. «За каждым валом — даль, за каждой далью — вал». Два с половиной года им предстояло пробыть в пути, осматривая берега неведомых земель. Два

с половиной года, а потом некоторым даже посчастливилось вернуться назад.

Вначале китайская флотилия отправилась знакомым путем. Но вот моряки миновали Индийский океан, обогнули мыс Доброй Надежды, вошли в воды Южной Атлантики... Китайские моряки не могли знать розу ветров и картину течений в Атлантическом океане. Они с интересом наблюдали, как воды совершают свой бег против часовой стрелки и суда покорно следуют за волнами. Гэйвен Мензис, десятилетиями служивший офицером в Британском королевском флоте, предполагает, что корабли Чжэн Хэ следовали за атлантическим течением. В таком случае примерно в 3 тыс. морских миль к северу, т.е. в районе островов Зеленого Мыса, корабли Чжэн Хэ достигли побережья Западной Африки. Отсюда холодное Бенгельское течение, направляющееся на север и северо-запад, очевидно, помчало их к берегам Южной Америки. Через несколько недель они достигли Бразилии и вдоль ее побережья отправились на юг, к мысу Горн.

Здесь, полагает Мензис, флотилия разделилась. Часть кораблей, увлекаемая Бенгельским течением, отправилась в обратный путь, к мысу Доброй Надежды. Другие корабли двинулись в противоположную сторону. Они вошли в узкий пролив -- «безмолвный, мрачный пролив, куда испокон веков не проникал человек» (С. Цвейг). Страшное молчание встретило их. Теперь этот пролив между Патагонией и Огненной Землей считается самым опасным в мире проливом и носит название Магелланова, поскольку Фернан Магеллан был первым европейцем, миновавшим его. А ведь «это запутаннейшее, беспорядочное сплетение излучин и поворотов, бухт, глубоких выемов, фьордов, песчаных банок, отмелей, перекрещивающихся протоков, и только при условии чрезвычайного умения и величайшей удачи суда могут благополучно пройти через этот лабиринт» (С. Цвейг). Магеллан никогда бы не миновал этот пролив, пишет Мензис, если бы не располагал китайскими лоциями. По-видимому, китайцы случайно открыли вход в этот пролив и, подгоняемые любопытством, заглянули туда...

Другая половина флотилии, двинувшаяся в обратный путь, тоже пережила немало опасных приключений. Гэйвен Мензис разыскал странную запись, оставленную в 1506 г. знатным жителем Болоньи, Лодовико де Вартемой, побывавшим незадолго до этого в Аравии и Индии. Запись, похоже, была навеяна до-

шедшими до него рассказами китайских моряков. Мало о чем, например, можно услышать в портовых трактирах? Если все записывать, столько небылиц будет... Вартема где-то услышал и записал рассказ о плавании среди дрейфующих льдов вдоль льдов неподвижных (паковых), рассказ о бурях, вздымающих перед кораблями стены воды, о кораблях, что кренились и трещали, но шли вперед. Их ждали жгучий холод и лютая жара, неумолчное завывание бурь и оглушительная тишина штиля. Их ждала не только Африка, но и Антарктида.

По подсчетам Гэйвена Мензиса, за два с половиной года китайские моряки преодолели 40 тыс. морских миль и достигли Северной Америки, Австралии и Антарктиды. Вещественные следы экспедиции Чжэн Хэ британский историк собирал всюду, на всех континентах, с такой скрупулезностью, что любой его коллега заведомо проиграл бы ему пари, если бы попробовал так же тщательно документировать плавание Магеллана. Китайцы Чжэн Хэ, как современные туристы, везде оставили какой-нибудь предмет или надпись. Так, на островах Зеленого Мыса (в Атлантическом океане) и в устье реки Конго, в районе гавани Матади, — а это тоже Атлантика, — найдены каменные стелы с надписями, восхваляющими действия китайских моряков. Немало кораблей погибло в этих странствиях. А в finale истории опускается шелковый занавес».¹⁰

1.3. «Шелковый занавес» над Китаем

В первые годы своего правления Чэн Цзу решил, что столицей страны должен быть не Нанкин, а Пекин (Даду). Император счел, что Китай набрал достаточно сил и поэтому кочевники не смогут вновь вернуть себе Северный Китай. По его распоряжению в городе начались масштабные реконструкция и строительство. И в течение 15 лет сотни тысяч рабочих создавали удивительной красоты город. Правда, судьба отвела императору лишь несколько лет, чтобы насладиться Запретным городом — комплексом императорских дворцов в столице. В 1424 году император Чэн Цзу, покровитель прославленного флотоводца, умер, возвращаясь из очередного похода против монголов.

Трон унаследовал его старший сын, который страдал ожирением и болезнью ног и меньше чем через год умер от сер-

дечного приступа. На трон взошел старший из его сыновей — император Сюань Цзун.

Летом 1430 года император Сюань Цзун издал указ, где Чжэн Хэ было приказано отправиться в новую заморскую экспедицию. Это было седьмое и, как оказалось, последнее путешествие. В «Мин ши» сказано, что экспедиция 1430—1433 годов была вызвана именно тем, что «послы с данью из большинства иноземных стран не прибывали». Ее целью было восстановление положения, сложившегося в отношениях Китая со странами Южных и Западных морей к началу первых походов Чжэн Хэ. Любопытно отметить, что Чжэн Хэ и его соратники везли в заморские страны манифест с известием о вступлении на престол нового императора с опозданием на пять лет. Эта последняя по счету экспедиция Чжэн Хэ оказалась успешной. Посольские связи стран Южных морей с Китаем вновь оживились, а из Малакки (1433) и Самудры (1434) прибыли к императорскому двору сами правители этих стран.

В 1433 году Чжэн Хэ возвратился в Срединную империю. После его возвращения политика Китая в отношении других стран резко поменялась. Послы 11 заморских стран, жившие в Пекине, были отосланы на родину: «Не дело утомлять Китай заботами о людях из далеких стран». Император Сюань Цзун запретил своим подданным путешествия в другие страны. Отныне ослушникам, покидавшим Китай, грозила в случае их поимки смертная казнь: их причисляли к пиратам. Власти запретили даже изучение иностранных языков, а придворные чиновники уничтожили или «потеряли» все документы, связанные с экспедициями Чжэн Хэ. На Китай опустился «шелковый занавес».

В 1436 году вышел императорский указ, запрещавший строить большие корабли для морских путешествий. Строительство судов более чем с двумя мачтами считалось серьезным преступлением и каралось смертью. В результате к 1474 году ранее огромный флот, состоявший в начале века из 3500 первоклассных морских кораблей, сократился втройку, а еще через четверть века, когда для выхода в море требовалось специальное разрешение властей, — в 10 раз. В 1474 г. из 400 военных судов в Поднебесной осталось 140 кораблей. Начиная с 1500 г. строительство крупных морских судов считается особо тяжким преступлением. Корабли спешно уничтожают, а моряков арестовывают. Морские плавания приравниваются

к измене родине. Китайская империя добровольно встала на путь изоляции от всего мира.

Чжэн Хэ не увидел окончательного краха дела всей своей жизни. Он скончался за три года до издания указа. Чжэн Хэ умер словно в неведомой дали, «за семью морями», ведь даже дата его смерти неизвестна. Одни называют 1433 г., другие — 1434-й, трети — 1435-й.

«В 1435 году после непродолжительной болезни умер император Сюань Цзуна — историки назовут его образцом конфуцианского монарха, сведущего в искусствах и склонного к благожелательному управлению. Трон императора унаследовал его шестилетний сын Ин Цзун. Так как он был ребенком, реальная власть принадлежала регентскому совету, в состав которого входили три евнуха. Решающий голос принадлежал одному из евнухов, Ван Цзиню. Меняются императоры, а ограничения в плавания не отменяются.

Основная торговля китайских купцов была через Японию, оттуда китайские товары стали расходиться по всему миру. Но это продолжалось недолго. В 1587 году лоцман испанского корабля «Сан Феликс» похвастался в японском порту, что владения короля Испании все расширяются. Когда лоцмана спросили, как Испания завладела столь обширными территориями, он ответил: «Сначала пришли миссионеры, а потом — солдаты короля». Об этом разговоре доложили правителю Японии Хидэсиги, и он издал закон о запрете распространения христианства, по которому священники-иезуиты под угрозой смертной казни в течение 20 дней должны были покинуть пределы Японии. Хидэсиги считал, что христиане уводят японцев от их национальных богов. Следующей акцией было приглашение в столицу японцев, обращенных в христианство, где их там всех казнили. Над Японией, как и в Китае, опустился «шелковый занавес». Япония, как и Китай, добровольно изолировалась от всего мира.

После издания книги Гэйвен Мензиса исследователи задались вопросом: почему после последнего плавания (1433), случившегося в царствование императора Сюань Цзуна, Китай забывает о дальних берегах почти так же быстро, как открывал их для себя какие-нибудь четверть века назад. И почему эта славная морская страница китайской истории оказалась столь резко закрытой в 1433 году? Что даже сами китайцы напрочь и на долгое время забыли об этом ярком событии.

Почему люди не сохранили даже отблеск воспоминаний о величайшем плавании всех времен и народов? Что погнало дотоле «малокаботажных» китайцев в дальние страны? Зачем была создана эта огромная флотилия? Почему китайцы не открыли морской путь в Европу? Почему Китай добровольно огородился от всего мира? Эти вопросы остались актуальны по сегодняшний день.

Версии выдвигались разные: Российский китаевед и историк Алексей Бокщанин в своей книге «Китай и страны Южных морей» считает возможную причину: «К 1405 г. крайне обостряются противоречия между Поднебесной и державой Тимура, даже выступившего в поход на Китай. Чжэн Хэ должен был найти за морем союзников для совместной борьбы против Тимура». Зимой 1404—1405 гг. гроза Центральной Азии, эмир Тимур (1336—1405), повел 200-тысячную армию на Монголию и Китай, но смерть помешала ему. В такое тревожное время надо было впрямь собирать коалицию союзников. Но на его версию отвечают так: «Но ведь уже в январе 1405-го Тамерлан умер. Новости в те времена, конечно, путешествовали медленнее, чем нынче, но уж не четверть века, что длились морские странствия Чжэн Хэ. Китайские разведчики сразу сообщили о смерти Тамерлана, и было вполне ясно: Тамерлан в Китай не придет. Миссия Чжэн Хэ не была поиском друзей против общего врага».

Другая версия: толчки к началу европейских и китайских плаваний кое в чем сходятся. После завершения славной карьеры Тамерлана Великий шелковый путь, соединявший Восток и Запад, лежал в руинах — в особенности ключевые точки: Исфахан, Багдад, Дамаск, Алеппо, Смирна. Население было практически вырезано, удар по экономике всей Азии нанесен ужасающий. Политическая нестабильность на просторах Евразии привела к тому, что путешествовать в дальние страны и европейцам, и китайцам приходилось не по суще, а по морю. В XV в. лишь моря соединяют дальние страны. Сухопутные дороги только разъединяют их. Кто отправляется в путь на коне или пешком, легко сложит голову или угодит в неволю. Кто отправляется в путь во главе армады из ста кораблей, тому лишь морская буря — один достойный соперник. Если в эпоху Тан знаменитый буддийский монах-землепроходец Сюань-цзан дошел до Индии по Шелковому пути, то в эпоху Мин Чжэн Хэ был вынужден к ней плыть. Поэтому Чжэн Хэ

был «первопроходцем и исследователем» вроде Кука, он искал для империи колонии подобно конкистадорам, его флот представлял собой мощное военное прикрытие для развивающейся внешней торговли, как у португальцев в XV—XVI веках. По этой логике выходило, что император Чэнь Цзу и Чжэн Хэ — представители гордой и прогрессивной «морской партии», открытой внешнему миру, в противовес традиционным сановникам — боязливым и заносчивым ксенофобам и противникам всяческих новшеств. Противники этой версии заявляют: «Открывать новые земли? Нет. Страны Южных морей и Индийского океана были связаны морской торговлей с Поднебесной еще во времена династий Тан и Сун (618—1279 годы). Тогда из портов Фуцзяни, Гуандуна, Чжэцзяна и Гуанси уже тянулись морские пути к Индокитаю, Индии и даже Аравии. Ходили морем от провинции Ляонин к Корейскому полуострову и в Японию. За годы своих веерных плаваний Чжэн Хэ посетил десятки стран и государств, обогатив китайцев знаниями о дальних краях, их культурах и диковинах. Он видел другие берега и, безусловно, открыл для себя и для своей страны много нового. Но концепция «Чжэн Хэ — первооткрыватель» не выдерживает никакой критики. У адмирала были навигационные карты и лоции, он пользовался услугами местных моряков и методически уточнял маршруты, но он ничего не собирался «открывать». Миссия Чжэн Хэ не была торговой, и открывать он ничего не планировал».

Другая версия: адмирала Чжэн Хэ не очень-то интересовал торговый профиль. Важнее ему было возвеличить своими действиями Поднебесную империю, простереть власть Китая над всеми народами, жившими на берегу океана и на его островах. Об этом свидетельствует памятная надпись, высеченная на камне в южнокитайском городе Линьчжачан: «Страны по ту сторону горизонта, во всех концах света, все они стали подданными — самые западные из всех стран на западе и самые северные из всех стран на севере, как бы далеко они ни простирались. Поэтому Китай всегда видел двор Сына Неба центром мира, куда надлежало прибывать послам от варварских народов, складывавшим к ногам императора «дань» и готовность подчиняться. Само Срединное государство никогда не любило слать официальные посольства «на сторону» и подобная комплиментарная оценка китайской дипломатической практики сохранялась до начала XX века, когда даже прибы-

тие в Поднебесную представителей западных держав, навязывавших стране неравноправные договоры и унизительные условия торговли, фиксировалось в официальных хрониках как явление послов с данью. Традиционно Китай получал дары извне, а отдавал во все времена почти тем же, чем и в эпоху Чжэн Хэ — бумажными деньгами, драгоценным шелком и... китайским календарем — по нему шло все международное общение в китаецентристском мире. Но было и так, что ответные китайские дары зачастую превосходили дары полученные. Противники этой версии говорят: «Хотел ли Чжэн Хэ покорять новые земли? Да китайские империи испокон веков вели завоевательные войны с ближайшими соседями, и в правление императора Чэнь Цзу живо интересовали Вьетнам и Монголия. И китайская империя не прочь при удобном случае присоединить себе земли ближайших соседей. Более того, армада Чжэн Хэ по самые планширы была упакована оружием и воинами. Но, с другой стороны, на протяжении всей истории жители Поднебесной расселялись в Юго-Восточной Азии и странах Индийского океана мирно, образовывали диаспоры, не испытывая никакой нужды в колонизации новых земель. Китай уже фактически подчинил себе страны АСЕАН, т.к. во многих из них «хуацио» контролируют большую часть их экономик. Это касается Таиланда, в котором «хуацио», составляя 12% населения страны, контролируют 80% частного капитала, на Филиппинах 3% «хуацио» контролируют 70% частного капитала, а в Индонезии 5% населения и 70% частного капитала, в Малайзии 30% населения и 50% капитала, в Сингапуре — 77% населения и 30% капитала.

«Сыновья неба» никогда не предпринимали морских завоевательных походов. Миссия Чжэн Хэ не имела агрессивного характера. Чжэн Хэ не претендовал на контроль над океанической торговлей, никого не завоевывал, просто приплывал, высаживался, знакомился с местными царьками и все, а учение, прибывшие на кораблях, все записывали. И если дары, которые флотоводец вез назад ко двору, привычно трактовались как дань, то их поступление прекратилось ровно в тот момент, когда корабли адмирала вернулись в родную гавань. Нет, миссия Чжэн Хэ не имела ни торгового, ни военного, ни агрессивного характера».

Историк-исследователь Гэйвен Мензис считает, что все дело в политике и поясняет: «Вернувшись в Китай, моряки

увидели, что страна неузнаваемо изменилась. В 1424 г. Чэнь Цзу, покровитель прославленного флотоводца, умер. У нового правителя Поднебесной появились другие советники. Они посчитали, что морские плавания разорительны для казны. К чему сие рвение? Арабские и индийские купцы и так заискивают перед Китаем. Недаром к его берегам прибывает множество торговых судов из этих отдаленных стран. Их капитаны жадно скупают китайский шелк и фарфор». Итак, чиновники решили, что флот является для страны ненужной обузой. Вместо кораблей надо строить амбары, в которых хранились бы запасы зерна на случай голодной годины. Вместо путешествия в неизвестные моря следует рыть каналы и прокладывать дороги, дабы проще было добраться до отдаленных районов Поднебесной. Наконец, новый император изрек: «Территория Китая в изобилии производит все товары. Так зачем нам покупать бесполезные побрякушки за границей?» Но такая версия тоже не убедительная. После смерти императора Чэнь Цзу на трон воссели император Сюань Цзун. Он послал в последнюю экспедицию Чжэн Хэ и при нем же вышел указ об изоляции империи. Он правил не долго. После его смерти династия Мин просуществовала 200 лет. За это время сменилось десяток императоров и, несмотря на это, китайская империя продолжала быть закрытой для всех государств. Мало того, когда Китай в 1644 году захватили маньчжуры и установилась маньчжурская династия, и они не отказались от добровольной изоляции Китая. Только английская армия, победившая в «опиумной войне», принудила правительство Китая открыть прибрежные города для свободной торговли.

Ища ответы, европейцы подошли к вопросу с чисто западным аршином. По их понятиям, китайцы воспринимают мир, так же, как и они сами. Но в действительности это не так. Китайское мировосприятие, мировоззрение сильно отличается от европейского. По современным европейским меркам, победа мыслится так же, как и во времена Первого Рима: воин-победитель гордо стоит, опираясь ногою на проткнутый мечом поверженный и ограбленный труп противника. Так по европейским меркам естественно вел себя португальский мореплаватель Васко да Гама, да и тысячи европейских колонизаторов. Так завоевывалась Африка, Австралия, Латинская и Северная Америка. Так же вели себя современные американцы во время завоевания Ирака и Афганистана.

Китайцы относятся к победе по-другому. Если по европейским понятиям победа воспринимается, когда противник повержен окончательно, то по китайским меркам для китайской победы достаточно, чтобы противник «потерял лицо»! Посрамление в глазах победами вынудить врага согласиться на мир, или военными победами вынудить врага согласиться на приемлемый мир, не доводя противника до отчаянного сопротивления. Потеряв достоинство в глазах наблюдавших за «ареной борьбы», враг будет вынужден на коленях ползти к трону императора Поднебесной с подарками и докладами. Именно в согбенном почтении с преклонением колен окружающих и состоит политический смысл победы Китая.

В Китае издревле знали и об Индии, и даже о Риме. Китайцы плавали потихоньку по близким морям и по Индийскому океану. Но центральную власть интересовали не прибрежные торговцы, а государства и их правители. Если обнаружатся власти, готовые вступить в контакт с представителями Сына Неба, они узнают о существовании империи Мин и императора Чэнь Цзу. Если же они окажутся недружелюбны, флот отлично вооружен и сможет «разъяснить» это существование более наглядно. Как отмечает Фэй Синь, «мелкие и ничтожные далекие иноземцы иногда противились благотворительному воздействию императора». В этих случаях китайцы прибегали к военному давлению. «Когда мы приходили в чужие страны, то тех властителей из иноземцев, которые упрямились и не оказывали почтения, захватывали живьем; разбойничьи войска, которые своевольничали и грабили, уничтожали, и поэтому морские пути стали свободными, и иноземцы благодаря этому занялись мирными делами», — гласит Чанлэская надпись Чжэн Хэ. Ну а если внушительной внешности армады будет достаточно — последует обмен подарками и послами. Так Чжэн Хэ покорял страну за страной без особых усилий, без риска. За годы плаваний он всего трижды — на Цейлоне и Суматре — попадал в опасные переделки, но всякий раз его солдаты брали верх. Такое сочетание дипломатических методов с демонстрацией военной силы обеспечивало успех деятельности китайских морских экспедиций в большинстве стран Южных морей.

Все прибрежные народы запомнили его как посла дружелюбного государства. В истории мореплавания трудно найти другой пример подобного бескровного покорения мира. По-

этому памятники великому китайскому мореплавателю Чжэн Хэ стоят не только в Нанкине — его почитают в Малайзии и Индонезии, в Таиланде и на Малабарском побережье Индии. Благодаря такой политике, жители Срединного государства расселялись по соседним странам Юго-Восточной Азии, не испытывая никакой вражды со стороны местного населения.

Почему китайцы не открыли морской путь в Европу? Мир с древних времен разделен на Запад и Восток. К Западу относится Европа, с европейскими народами, а так-же евреи и персы, которые причисляют себя к европейской культуре. К восточной культуре относят Китай и Индию. И между этими цивилизациями в течение двух тысяч лет ведется идеическое противоборство. Из Китая вот уже тысячу лет как караваны везли товары по шелковому пути в Европу. Великий Шелковый путь — величайшая мировая торговая коммуникация на Евразийском континенте в древнем мире и средневековье. Крупнейший памятник открытости цивилизации к внешнему миру и международным экономическим отношениям. Поэтому как в Китае, так и в Европе через купцов имели представление друг о друге. Поход Бату-хана в Европу досконально был изучен китайскими учеными аналитиками и китайцы имели неплохое представление о европейцах. Поэтому в китайской символике белое лицо «длинноносых заморских чертей» — это лицо порока. А рыжеватая волосяная растительность англо-саксонской аристократии — вообще символ разбойника («хунхуз» — красная борода). Через францисканского монаха Ионна (Плано Карпини), посланного папой Климентом IV, который пропагандировал христианство, итальянских купцов братьев Поло и сына одного из братьев Марко Поло и т.д. европейцы тоже имели представление о Китае. В те века шелк, керамику, фарфор и т.д. везли из Китая в Европу. А из Европы Китай ничего не приобретал. Зачем китайцам было налаживать торговые связи? Это нужно было европейцам. Они-то и искали пути в Индию и Китай.

Навязать свою волю европейцам китайцы не собирались. Зачем навязываться на торговые связи, ведь не китайцы нуждались в торговле с европейцами, а европейцам нужны были китайские товары. Поэтому не было смысла налаживать какие-то политические или экономические связи. Видимо, из этих соображений и было приказано Чжэн Хэ обходить Европу стороной.

Экспедиции Чжэн Хэ доставили множество материалов, которые были вдумчиво исследованы китайскими учеными. Говоря языком современной стратегии, деяния Чжэн Хэ представляли собой морскую проекцию военной мощи минского Китая на весь регион, представлявшийся китайцами сферой их политического влияния. Эти семь плаваний минской армады не имеют аналогов во всей истории древнего и средневекового Востока. Если на западе и на востоке, на севере и на юге китайцы завоевывали чужие территории с помощью оружия, то в Юго-Восточной Азии колонизация идет мирным путем. И это благодаря дипломатии мореплавателя Чжэн Хэ и китайской стратегической политике.

Конечно, если бы не книга историка-исследователя Гэйвен Мензиса, а затем и интерес европейских исследователей, то мир до сих пор бы не знал об этом уникальном походе. Европейских и российских исследователей в основном интересуют вопросы, которые высказаны выше, а на вопрос: «Почему Китай добровольно отгородился от всего мира?» до сих пор у них нет убедительного ответа. Хотя этот вопрос самый важный. Какая же была сверхглобальная причина, что китайцы впервые в мире приняли уникальное решение, как отгородиться от всего мира. Ответ на этот вопрос, по моему мнению, находится за Великой Китайской стеной. Чтобы было понятно, рассмотрим историю Монгольской империи.

Глава II

Заветы Чингиз-хана

2.1. За Великой Китайской стеной

За Великой Китайской стеной простиралась Великая Татария или по современному Великая степь. На этой территории с 209 г. до н.э. по 155 г. н. эры располагалась Хуннская империя. После распада Хуннской империи образовалась империя жужаней. Род Ашина, объединив вокруг себя кочевые племена обиженные жужанеми, смогла сокрушить империю жужаней, и создать Тюркский каганат. В 742 году власть в Тюркском каганате перехватили уйгуры. Во главе каганата стала уйгурская династия, а каганат стал называться Уйгурским каганатом. В

842 году южносибирские племена кыргызы захватили столицу Уйгурского каганата Каракорум, но у власти не удержались. После междуусобной войны за власть Уйгурский каганат распался. Со второго века до нашей эры по пятый век нашей эры всех кочевников Великой степи называли хуннами (гуннами). В VI—VIII веках общий этноним кочевников Великой степи был «турк». После распада Уйгурского каганата на территории современной Монголии, Забайкалья, Хакасии, Алтая в течение последующих 300 лет не было централизованного государства. На этой территории жили разные племена — тюрки, монголы, финно-угры, а на востоке тунгусы.

Кочевой образ жизни у кочевников Великой Татарии был схожий. К XII веку языки народов Великой степи (Татарии) так называемой алтайской языковой семьи еще не слишком отличались друг от друга. Сегодня лингвисты четко делят алтайскую семью на три группы: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую. И действительно, современный монгол не поймет якута. Тогда же тюрки и монголы прекрасно понимали друг друга, что значительно облегчало взаимовлияние, а зачастую и полное смешение. По крайней мере, во всех многочисленных случаях контактов татар и монголов, описанных в источниках, нигде не отмечается наличие какого-либо языкового барьера. И если их языки в чем-то не похожи друг на друга, то у них одинаковая синтаксическая система, которая предполагает одинаковую систему рассуждений. Несмотря на незначительное языковое разделение, в основном кочевники Великой степи вели одинаковый образ жизни, жили в одной климатической зоне и имели этническое родство, которое удивляло всех путешественников. Все племена и роды Великой степи почитали культ Неба Тэнгри и поклонялись духам предкам, по современному это называется тэнгрианство. Большое влияние на общество оказывали камы (шаманы). Религия определяет поведение человека, формирует его мировоззрение, его взгляд на окружающее. Таким образом, у всей этой массы людей было общее мировосприятие, мировоззрение и один менталитет. Все эти племена всегда действовали вместе. Все они себя называли татарами (тадарами). Китайцы знали названия наиболее больших племенных объединений, а в маленьких племенных объединениях или родах, которые переплетены были родственными узами, и трудно было разобраться кто есть кто, и какое чье название, они путались и, чтобы не вдаваться в

тонкости родовых названий, всех кочевников называли татарами.

Название «татары», как полагают некоторые исследователи, было названием конкретного племени, одним из этнической группы киданей, которые в совокупности составляли племена шивэй. Тюркская и мусульманская письменные традиции распространяли название «татары» на все кочевые племена Великой степи, превратив, таким образом, этот этноним в общий политоним. Термин «татары» через древних уйгуров попал в китайский язык и регулярно фиксируется в китайских текстах с 842 г. В XI—XV веках общим этнонимом кочевников Великой степи был «татар». Этот странный факт, что имя «татары» скоро стало обозначать всех тюрков, всех степняков Восточной Европы, Центральной Азии и Сибири, не случаен, поскольку он, должно быть, свидетельствовал о том, какое важное место занимал этот народ в тюрко-монгольском конгломерате.

Исходя из собирательного значения термина татар, средневековые китайские историки делили восточные кочевые народы на три раздела: белые, черные и дикие татары. Кочевники, которые жили вдоль Китайской стены, жившие южнее пустыни Гоби, были в союзе с Северным Китаем, китайцы называли их белыми татарами. «Белые татары» «Ак татар» (по-китайски «бай-да-да»). Китайцы также их именовали «шу да-да», т.е. «спелые, созревшие татары», потому что они близко подошли к культурному уровню китайцев. К «белым татарам» относились тюрки онгуты (потомки шато). От своих повелителей, киданей, и от соседей, китайцев, онгуты — кочевники усвоили элементы цивилизации взамен утраченной самостоятельности. Они одевались в шелковые одежды, ели из фарфоровой и се ребряной посуды, имели наследственных вождей, обучавшихся китайской грамоте и конфуцианской философии.

Тех, кто жил подальше от Китая и не хотел принимать китайскую культуру и враждебно относился к китайцам, называли черными татарами («кара татар» — «темные», «непросвещенные»). Кара татар (по-китайски «хэй да-да», по-монгольски — «хара-татар»). «Черные» татары занимали открытую степь к северу от пустыни Гоби и подчинялись своим ханам, никому ничего не платили и никому не служили. «Кара татары» («черные татары») искренне жалели «белых татар» и даже их презирали за то, что те продали свою свободу чужеземцам за те шелковые ткани, фарфоровую посуду и покупали плоды ци-

вилизации унизительным, на их взгляд, рабством. Кочевое скотоводство обеспечивало черным татарам достаток, но не роскошь, а подчинение «природным ханам» — независимость, но не безопасность. Война в степи не прекращалась и вынуждала черных татар жить кучно, огораживаясь на ночь кольцом из телег (курень), вокруг которых выставлялась стража. Сами они пасли скот, который кормил их и одевал, так как ходили они в одеждах из шкур, ныне называемых дубленками. В число черных татар входили самые многочисленные и могущественные племена — джуин (жыен), айрибуир, жалаир, унгират (варианты названия: хунгират, онгират, хонкират, кунгират, кунграт), найман, керайт, меркит и т.д. Мужчины племени унгират были высокого роста, с косматыми головами и очень храбрыми. В течение многих столетий девушки — унгиратки славились своей красотой. Еще задолго до рождения Чингиз-хана сложилась традиция, согласно которой род Борджигин-Кыят (род его отца) обменивался невестами и женихами с унгиратами. Так, например, мать Чингисхана Оэлун, его первая жена Борте, вторая жена Есуган, третья жена Есуй были унгиратками. Мать старшего сына Джучи Хорду-Ичана, мать Бату, старшая жена Бату по имени Баракчина были унгиратками.

Найманы считались наиболее культурными из всех татарских племен, т.к. представляли собой ветвь кара-китаев «западных киданей». Найманы заимствовали свои культурные принципы у уйгуров, своих южных соседей. Они пользовались уйгурским письмом. В начале XIII в. найманский хан держал при себе грамотного уйгура в качестве «хранителя печати» и писца, этот тюрк звался (в китайской транскрипции) Та-Та-Тонга. Про найман можно сказать, что они у чжурчжэней пользовались большим почетом, о чем свидетельствовал титул тайанг, который носили их ханы во времена Чингисхана и который происходил от китайского словосочетания тайванг, т. е. «великий царь». Найманы XII—XIII вв. были родственниками онгутов и вместе с последними подходили под понятие «белых татар». Онгутов и найманов связывали, кроме прочего, династические браки и всякие тесные политические связи.

«Дикие татары» жили в таежных районах Восточных Саян и Южного Алтая и в тех местах, где расположен современный город Датун в провинции Шаньси Китая. К «диким татарам» также относили южносибирские племена охотников и рыбо-

ловов (лесные народы). «Дикие татары» на татарском языке «Кыргы татар». Видимо, от слова кыргый (дикий) образовался этноним кыргыз (по-китайски «шэн да-да», дословно означает, «незрелые татары»). Дикие (кыргый) татары Южной Сибири промышляли охотой и рыбной ловлей (лесные народы), они не знали ханской власти и управлялись старейшинами, подчиняясь им добровольно, а если подчинение становилось в тягость, младшие всегда могли отделиться. Больше всего на свете они ценили свою волю. Их постоянно подстерегали голод и нужда, но они соболезновали черным татарам, вынужденным ухаживать за стадами, слушаться ханов и считаться с многочисленными родственниками. Для девушки из числа «диких» татар выйти замуж за «черного» татарина, который будет заставлять ее доить коров или пасти овец, считалось унизительным наказанием. К числу «диких» татар, т.е. охотников и рыболовов, относились древние урянхаи, жившие в Восточной Сибири, и народ уги — на Амуре, а также многочисленные и разрозненные племена, обитавшие севернее Саянского хребта — лесные народы. Во времена существования империи Ляо в VIII—IX вв. сильные племенные союзы — керайты, меркиты, тайчиуты, жалайры, онгуты, найманы были уже перемешаны с племенами, проживавшими в регионах так называемых «лесных народов», в особенности с родами и племенами ойрат.

Еще были приамурские и приморские татары. Они относились к тунгусо-маньчжурским племенам. Одни из них кочевали по правому берегу Аргуни, другие вели оседлый образ жизни и жили в поселениях, расположенных на левом берегу Амура, а третья обитали на берегу Амурского залива. Здесь на берегу бухты Золотой Рог находился крупный татарский город Алакчин. Вокруг этого города было много больших селений. Приморские татары занимались охотой, рыболовством, домашним животноводством и земледелием. Их стада крупного рогатого скота и табуны лошадей были многочисленными. Окрестности города Алакчина были богаты серебряной рудой. Из серебра древние татары изготавливали украшения, посуду, котлы.

Северный Китай. Территория современного Северного Китая (Внутренняя Монголия КНР) входила в Хуннскую империю. Со времен Хуннской империи эта территория принадлежала татарам (туркам), монголам, чжурчженам (маньчжурам). После падения Хуннской империи шла постоянная борьба между северными кочевниками за владычество над этой территорией.

Северным Китаем китайцы стали править, только начиная с крушения династии Хубулая с эпохи династии Мин в середине XIV века, да и то недолго. Маньчжуры затем Северный Китай вновь вернули, который потеряли в начале XX века.

Шивэй — одна из этнических групп киданей — занимали с юга на север пространство от Великой Китайской стены и находились на различных ступенях культурного развития. Часть племен шивэй жила кочевой жизнью в степных районах к югу от нижнего течения Аргуна и верхнего течения Амура. После падения Уйгурского каганата (середина IX в.) кидани стали переселяться на территорию западной части Северной Маньчжурии. На памятнике в честь Культегина — перечень посольств, прибывших в 732 году в Орхонскую ставку восточно-туркских каганов для участия в похоронах Культегина, такая надпись: «В качестве плачущих и стонущих (т.е. для выражения соболезнования) пришли кидане и татабайцы во главе с Удар-сенгуном...». Татабы — это проживающие вдоль Великой Китайской стены, которых впоследствии стали называть онгутами.

В начале X века киданьский предводитель Елюй Абаоцзи смог объединить свое племя и начать завоевательный поход. В 924 году он вошел на территорию современной Монголии, дошел до верхнего Орхона, вступил в Карабалгасун и повел войну с кыргызами, которые жили в этом районе с 840 года. После упорных боев кыргызы отступили назад к Верхнему Енисею и степи запада. В 926 году Елюй Абаоцзи захватил тунгусо-корейское царство Бохай, которое охватывало Северную Корею и часть Маньчжурии. Тунгусы северо-востока в уссурийских лесах стали вассалами киданей.

В Китае в это время шла гражданская война. Одним из предводителей восстания был военный по имени Чжу Вэнь. Он организовал свою армию. После многолетней войны в 907 году Чжу Вэнь смог свергнуть последнего императора династии Тан и установить контроль над значительной частью территории на севере и востоке страны. Чжу Вэнь объявил себя основателем новой династии. Так начался период в истории Китая, получивший название «эпохи пяти династий и десяти царств» — первые существовали в северной части страны, вторые — в южной. Империя распалась в третий раз.

Пять династий быстро сменяли одна другую. Первая из них, Поздняя Лянь, название которой дал ее основатель Чжу Вэнь, уступила место сначала тюркской династии Поздняя

Тан, а затем династии Поздняя Цзинь. Новый киданьский хан по имени То-Куан в 936 году взял под свое покровительство императорского генерала Ши Чин-тана, который поднял восстание против династии Поздняя Тан. В 947 году хан То-Куан во главе 50-тысячной армии помог Ши Чин-тану разгромить имперские силы и сесть на трон Китая в качестве основателя династии Поздняя Цзинь. Став с помощью киданей императором Китая, Ши Чин-тан уступил им в знак благодарности часть территории Северного Китая. То-Куан провозгласил себя императором империи Ляо, которая простиралась от берегов Тихого океана до Байкала и Тянь-Шаня. Столица — город Пекин. Династия Сун, владевшая всем южным Китаем, впоследствии несколько раз посыпала войска, чтобы победить киданей, но, потерпев поражения, согласилась на мир. Мир с 1004 года соблюдался в течение более ста лет. Династия киданей правила Северным Китаем на протяжении 200 лет. Кидане были родственниками найманов. От названия кидани (хитани, хитай) и произошло современное название Китая.

В 1115—1125 гг. тунгусы, обитавшие в Приамурье и в северной части Уссурийского края, жившие по соседству с киданями и называвшиеся в V веке народом уги и мохэ, объединились в орду под названием чжурчжени, сумели организоваться, с помощью южно-китайской династии Сун, разгромить империю киданей Ляо. В течение 1114—1125 гг. они захватили Северный Китай. Свою династию назвали Цзинь алтун (золото), державу Айсин-гурун — «Золотой оградой», а по-китайски Чин или Кин. Окрыленные своим успехом, чжурчжени в следующем году напали на прежних своих союзников на город Кайфын — столицу Китая династии Сун. Император династии Сун Хуэй-цзун и его сын попали в плен к чжурчженям. Династия Сун прекратила свое существование. Чжурчжени Кайфын сделали своей столицей.

Большая часть киданей подчинилась победителям, а другая часть, под начальством одного из императорского рода Елюй Та-ши, двинулась в Семиречье и в Среднюю Азию. Елюй Та-ши был ученым. В 1115 году он защитил звание доктора (по-китайски Та-ши обозначает «великий доктор»). Он принадлежал академии Гань-Линь и сам основал академию Линь-Юа. Когда чжурчжени захватили Кайфын, великий доктор Елюй Та-ши сел на коня и вместе со своей дружиной из двухсот конников явился во владения чаган-татар, где его встретили с энтузиаз-

мом. К нему примкнули четыре сотни татар. Они продолжили свой путь в Катун-былыг, в южные остроги Алтая. Здесь в остроге Алтая он созвал курултай представителей тюркских родов и племен, находившихся прежде в вассальной зависимости от киданей — уйгуры, татары, кираиты, меркиты, бусуган и т.д. На курултае его провозгласили Гур-ханом. Курултай выделил Елюй Та-ши отборное войско, и все племена снабдили в поход всем необходимым. Войско двинулось в Восточный Тюркистан и Семеречье. Это войско стали называть кара-китай (卡拉汗). По дороге к нему примыкали новые тюркские племена и рода, которые находились на службе Караганидов. Оказалось, что академик и политик Елюй Та-ши так же искусно владел саблею, как кистью — орудием письма. Он стал замечательным полководцем своего времени, одних увлекая за собой, других сокрушая. В 1128 году он захватил долину Чу и Таласа. В 1130 г. он захватил Баласагун, где находилась резиденция Караганидов. В 1137 г. Елюй Та-ши захватил Кашгар и Хотан. Караганидская армия потерпела сокрушительное поражение, а его остатки бежали в Самарканд. Вся территория караганидского каганата стала принадлежать кара-китаям. Победы кара-китаев над караганидами удивили сельджуков. Война между кара-китаями и Сельджукской империей была неизбежна и она вскоре произошла. Сельджукский султан Санджар подверг карлуков, обитавших в Самаркандской области, притеснениям, вынуждая их покинуть Мавераннахр. Чаша терпения переполнилась, и карлуки бежали к кара-китайскому гур-хану Елюй Та-ши за поддержкой. Он не мог упустить столь удачный повод вмешаться в дела Сельджукской империи. Он написал письмо султану Санджару, в котором ходатайствовал за карлуков. Султан отклонил его просьбу в оскорбительной форме, что явилось поводом для вторжения кара-китаев в Среднюю Азию. Против Елюй Та-ши выступила сельджукская армия. Армия Санджара состояла из тюрков-мусульман и персов. Хотя Санджар был тюрком, но восточные кочевники видели в нем перса. Основная часть войска Елюй Та-ши исповедовала культ предков, священного неба (Тэнгри) и земли. «Мусульмане-тюроки не смели противиться кара-китаям, которые говорили на их языке и называли себя их соплеменниками. В глубине души они предпочитали их своим единоверцам иранцам, но старались скрыть эти чувства, чтобы не навлечь на себя обвинения в непочтении тюркской нации. Санджар тоже был в таком по-

ложении, будучи тюрком в глазах иранцев и персом в глазах северных и восточных тюрок, ненавидевших всякого, в чьих жилах текла персидская кровь.» Тюрки-мусульмане прилюдно кара-китаев называли «неверными». 9 сентября 1141 года произошла битва в Катаванской степи, к северо-востоку от Самарканда, которая завершилась страшным разгромом огромной армии сельджукского султана. Войско сельджуков было смято и обращено в бегство. Султан Санджар, боясь попасть в руки кара-китаев, бежал с поля боя. Громадное пространство, состоящее из Восточного Тюкестана, Семиречья, Ферганы, также из района озера Балхаш, составляло государство под названием Кара Китай (Кара Хитай), населенное тюркскими племенами. Во главе этой державы стал Гур-хан Елюй Та-ши.

А чжурчжи в это время в течение 20 лет завоевали весь Китай. Чжурчжи в XVII веке назывались маньчжурами, а 1644 году вновь установили в Китае свою, но с другим названием, династию Цин, просуществовавшую до 1911 года.

Великая Татария более 400 лет не пыталась строить империи и не угрожала Китаю. Но такая опасность оставалась, и чжурчжи, стоящие у власти Китая, попытались уничтожить эту опасность в корне. Каждые три года стали совершаться походы против черных татар в Забайкалье с целью ослабить противника, уничтожая население под корень. Эта политика неприкрытого геноцида сначала была поддержанна онгутами белыми татарами. Но затем уничтожение своих людей в гражданской войне, служа орудием чужих, не нравилось и этим наемникам. Отряд татарских наемников восстало против чжурчжиней и двинулось в Забайкалье. Они вошли на территорию, подвластную Темучину будущему Чингиз-хану. Татары были профессиональными воинами и по многим параметрам превосходили ополченские отряды, которые были под командованием Темучина. Бой с татарами произошел на реке Улзе притоке Онона, южнее современной Читы. Участвовал в сражении и старший союзник Темучина кераитский хан Тогрул. Темучин и Тогрул одержали победу над потрепанным, но регулярным войском татарских наемников до прихода чжурчжиней, убили предводителей. В победе большую роль сыграла орда Темучина. Малочисленным дружинам племенных вождей во главе ополчения вряд ли удалось бы это сделать. Захваченное в плен татарское население было распределено между Темучином и Тогрулом, а командингу чжурчженского отряда послали извещение

о победе. За оказанную помощь чжурчженский император Алтын-хан пожаловал Тогрула титулом «Ван-хан» — государь керайтов, а Темучину был пожалован титул «Джаут-хури» — военный комиссар. На китайском языке слово ван (хан), на русском языке это слово обозначает царь. Это было первым крупным военным предприятием и победой молодого Темучина против татарских наемников. Как считает исследователь из Якутии Андрей Кривошапкин, если бы татарскому отряду онгутов удалось уйти от чжурчженей и разгромить забайкальских кочевников, кто знает, как бы повернулась история. Объединителем степных племен могли бы стать тогда не монголы, а эти татары. И это имело бы большие последствия. В степи были случаи, когда степняки, служившие у китайцев наемным войском, рассорившись с ними, уходили в степь и создавали свои империи. Таким был, например, Второй тюркский каганат, каганат голубых тюрок.

Далее, до 1197 г. нет сведений, чем занимался в эти годы Темучин. По утверждению некоторых ученых, к примеру, Л.Н. Гумилева, который, ссылаясь на китайского генерала и историка Чжао Хуна, говорит, что Темучин пробыл в чжурчженском плену 11 лет, пока не убежал. Правда, эти сведения противоречат мнению других ученых, которые не упоминают о его пленении.

Андрей Кривошапкин из Якутии написал книгу «Завещание Чингисхана». В этой книге он считает, что «Темучин служил в чжурчженских войсках, поэтому эта часть таинственного периода не описана в летописях монгольской и китайской версий». Но за что и зачем было им держать его такое длительное время в плену, считает Кривошапкин. Можно держать человека в плену, если за него могут дать большой выкуп, или он сын какого-то союзного правителя, которого можно держать в узде, пугая смертью заложника. Темучина, за которым не стоял никто, просто убили бы, никому он в Китае не был нужен. Летописцам просто было неудобно писать, что Потрясатель Вселенной вместе со своей ордой служил простым военным комиссаром в пограничных областях, каких там было тысячи.

Белые татары до этого были союзниками чжурчженей, но после разгрома их мятежного отряда этот союз распался. Возможно, на службе у чжурчженей Темучину во многом помогали белые татары онгуты, у которых не было большого повода любить своих вероломных и жестоких соседей. Жители гра-

ницы в отличие от забайкальцев хорошо знали обычай и традиции чжурчженей, и без их помощи на первых порах нельзя было обойтись. Темучин эту услугу, оказанную онгутами, не забыл. Косвенным доказательством службы Темучина китайским комиссаром было то, что он уравнял в правах с монголами онгутов — кочевников пограничной с Китаем степи, хотя они и не выбирали его ханом на курултае.

Онгуты. Белые татары — кочевники, живущие южнее пустыни Гоби, в горах Иньшаня, вдоль Великой Китайской стены. Большую часть их составляли онгуты. По сведениям Рашид-аддина, онгуты были многочисленны и имели свое государство. Онгуты были народом со сложной биографией. Они потомки среднеазиатских хуннов, сэнъбийцев, воинственных тюрок-шато — последнего осколка хуннов. Первоначально онгуты обитали в восточной Монголии, в южной половине Карциньских земель. Они кочевали в основном вдоль реки Шара-Мурен. Со временем они превратились в многочисленное племя и заняли почти всю южную часть восточной Монголии. В IV веке часть отпочковалась от остальных и смешалась с табасцами (племенами сянъбийцами). В первой половине VII века их называли Хи. В 648 году правитель Хи по имени Кэду принял китайское подданство. Его владения вошли в состав Китая под названием «губерния Жаоло». По китайским свидетельствам, в их составе были не только найманы, а также какое-то количество шивэй, в которых можно заподозрить и предков киданей, которые были с чигилями политически тесно связаны. В конце XII века племя Хи стало известно под названием Татаби. Татаби проживали на западных склонах Большого Хингана. В XII веке татаби стали известны под названием онгуты. Такое наименование им дали китайцы. В I веке китайцы построили против хуннов Великую Китайскую стену. Для прохода караванов были сооружены двое ворот с железными запорами. Стену с воротами китайцы называли унгу. Они договорились с правителем татаби о том, чтобы тот со своими соплеменниками охранял ворота в Китайской стене. После этого китайцы стали называть татаби унгутами или онгутами. Слово «унгут» означало «охранники государства». Онгуты в прямой речи называли себя татарами. Татары онгуты делились на ряд родов (тутукулиуч, алчи, чаган, терат, куйн, баркуи, дербен и др.), составляли 70 тысяч домов-кибиток. Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), сочинения которого являются одним из самых авторитет-

ных источников, говоря о татарах, относит их к тюркам, называя «самыми известными тюркскими племенами» в период образования державы Чингиз-хана.

В «Сборнике летописи» известны слова Рашид ад-дина: «Татары в глубокой древности большую часть времени были покровителями и владыками большой части монгольских племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом от других. Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии и разрядов, и названий стали известны под их именем и назывались татарами.

Еще во времена Тюркского каганата, затем киданской империи Ляо их называли «белые дада» или «белые тата», «белые татары». Они находились под влиянием китайской культуры, а в политическом отношении подчинялись киданям, позднее — чжурчженям. После падения киданской империи они стали служить чжурчженьским (маньчжурским) императорам династии Кин (Цзинь) в качестве пограничной стражи.

По сведениям Рашид-ад-дина, это «был народ особый, несли охрану границ Цзинь, вдоль Великой китайской стены». В киданьской империи Ляо и в период существования династии Цзинь они состояли на службе у цзиньских императоров, охраняя их границы. Они всегда были верны тунгусо-чжурчженьской династии, а точнее чжурчженьским государям. Онгуты охраняли горные проходы на северо-западе провинции Шаньси, соединяющие Северный Китай с Монголией. Татары-онгуты были храбрыми воинами и считались одними из наиболее воинственных среди всех этих народов. Они жили вдоль хребта Цзинь, у излучины р. Хуанхэ. По приказу киданьских императоров Северного Китая, подтвержденному потом и чжурчжэнами, они должны были кочевать строго вдоль Великой Китайской стены с тем, чтобы в случае нападения северных кочевников защищать эту самую стену. Поэтому онгуты проживали на длинной, но очень узкой полосе территории. За свою службу по охране ворот в Китайской стене онгуты получали от китайцев шелковые ткани, фарфоровую посуду, украшения. Подобно многим другим кочевым племенам, онгуты охотно заимствовали материальные блага китайской цивилизации, но категорически не принимали китайскую духовную культуру и идеологию. Они занимались скотоводством и земледелием. Вдоль Китайской стены онгуты вспахали поля и

сеяли просо. Из него варили кашу в глиняных котлах с плоским дном.

Кроме того, что онгуты охраняли границы Северного Китая, они разводили татарских коней. Онгуты владели несметными табунами и бескрайними пастьбящими на территории Внутренней Монголии современного Северного Китая. Кони паслись стадами десятками тысяч. Кони были полудикими. До трех лет кони паслись привольно. В три года коня из стадаловили арканом и обезжали. Человек должен быть очень ловким и иметь большую смелость, чтобы обезжать коня. Татарских коней принято называть низкорослыми. Татарский конь полностью находился на подножном корму: ему не нужны были ни конюшня, ни торба овса на ночь. Даже из-под снега он мог добывать себе пищу, и татары никогда не знали принципа, которому подчинялись едвали не все армии средневековья: «зимой не воюют». В те далекие времена конница решала исход любой битвы, поэтому для любой армии нужны были подготовленные для войны кони. Татарские кони отличались боевыми качествами, помогая всаднику, кусали и топтали противника.

Важность разведения выносливых коней понимали и китайцы, и представители кочевого мира. Кони были частью военной мощи и тех, и других, и в силу договора о вечной дружбе и родстве ни те, ни другие не посягали на коннозаводческую деятельность татар-онгутов. В источниках имеются сведения о том, что в период династии Юань специально было создано управление коневодства. В средние века ханские табуны, в которых держались татарские кони, назывались «табунами предков».

Онгуты были высокорослыми, хорошо сложенными людьми. Они почитали родителей и старших по возрасту. Когда умирал кто-нибудь из близких родственников, то мужчины делали надрезы на лице и громко рыдали. Они поступали в данном случае подобно своим предкам — хуннам.

2.2. Создание татаро-монгольской империи

«Чжурчженская служба многое дала Темучину и его соратникам. За эти годы они приобрели громадный военный опыт, увидели жизнь Золотой империи изнутри. Из четырех выдающихся полководцев, которых звали четырьмя псами Чингиз-хана, трое ушли с ним на эту службу. Чжэлмэ, Субэтай

и Мухали стали полководцами именно там. Самый молодой из четырех Джебе нойон примкнул к Чингиз-хану позже.

Темучин и его люди за долгие годы службы поняли, что, несмотря на внешнее великолепие, империя слаба, что внутренние противоречия раздирают его на части, крестьянское население не боеспособно, а государственные чиновники про дажны. Что есть силы, которые помогут кочевникам разгромить своих южных соседей, — это противостояние киданей и чжурчжэней. Все эти годы Темучин узнавал то, что тщательно скрывалось от кочевников, знакомился с нужными ему для этого людьми, изучал другие государства и другие народы. И именно эти годы, проведенные на службе империи, позволили Темучину стать затем Чингиз-ханом¹.

После таинственного периода времени, который не описан в монгольской и китайской версиях летописей в 1197 году, Темучин со своей ордой внезапно появился в степи. Это был умудренный в военном деле человек, у которого была регулярная военная часть из ветеранов, обладающих громадным опытом боевых действий. Они быстро опрокидывали ополченские отряды местных племенных вождей. С этого периода началось объединение Степи. Но объединение проходило не только с помощью оружия, но и с помощью идеи. Чтобы консолидировать общество перед внутренней и внешней угрозой, Темучин использовал лозунги: мир, справедливость и благополучие. Темучин не мог выдвинуть идею завоевания всего мира. Такая война была бы бесконечной, она противоречила бы его лозунгу о мире и на такую идею не согласились бы ни вожди племен, ни рядовые воины. Кочевники предпочитают мир войне. Для того чтобы кочевники воевали, нужно, чтобы кочевники этого захотели сами. Это прекрасно знал Темучин и поэтому не хотел воевать со всем миром и завоевывать земли, которые его народу не были нужны. У них уже была Родина, менять ее они не собирались.

Какие бы ни были хорошие идеи или лозунги, если их не проводить в жизнь, то они обесцениваются. Справедливости желают все люди. За нее всегда боролись. К примеру, подросший молодой талантливый воин или будущий вождь из бедной семьи сразу сталкивался с родовыми обычаями, возвышаться он не мог. Все правящие места занимали родственники родового вождя, хотя по своим моральным и профессиональным качествам не всегда соответствовали занимаемой должности.

У такого молодого человека не было шансов на дальнейший перспективу роста. Он должен был всю жизнь оставаться табунщиком или простым воином. Родовые традиции не предусматривали социальных лифтов. Молодой человек считал, что социальная система построена несправедливо. Что тогда делали такие люди? Они откочевывали и пытались сами добиться власти, а это значит становиться изгоями в племени. Так появлялись орды, которые воевали друг с другом в межплеменных войнах.

Чингиз-хан

Чингиз-хан с самого начала своей карьеры начал с того, что боролся против тех законов, которые считал несправедливыми. Темучин считал, что Степной закон при отборе правителя был не совершенен. Чтобы исправить такую несправедливость, Темучин при основании государства стал подбирать людей на государственные должности ни по родству и ни по принципу личной преданности, а по их деловым и нравственным качествам. Он опирался на свои основные принципы: деление людей на подлых, эгоистичных, трусливых и наоборот — на честных, справедливых, смелых, которые ставили свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия.

Согласно этим принципам, власть правителя должна опираться не на какое-либо господствующее сословие, а на честных, справедливых, смелых людей. Была элита, погрязшая в междоусобных стычках, не способная управлять жизнью общества. Был народ, которому эта ситуация надоела до чертиков. «Когда явилось счастье Чингиз-хана, они пришли под его начало, и он ими управлял посредством единого для всех непреклонного джасака (закона). Тех, которые были умны и могучи, он сделал беками (беке — начальниками) войска, тех, которые были проворны и ловки, дав на руки их принадлежности, сделал табунщиками; глупых, давши им хворостинку, послал в пастухи. По этой-то причине дело его, словно молодой месяц, возрастает со дня на день; от неба, силою Верхних Творцов, нисходит победоносная помощь, а на земле с помощью его явилось благоденствие; летние кочевки

его стали местом ликующего праздника, а зимние кочевки получались приятные и удачливые». Конечно, такая справедливость не нравилась родовым вождям, если они были алчными, подлыми, эгоистичными, а также и их прислужникам. Конечно, им было по душе самоуправство, безнаказанные грабежи соседей, угон скота и убийства. Таким вождям были нипочем и Степные законы. Вседозволенность в отношении остального общества, в основе которой лежат завышенные самооценки и скудоумия таких людей.

В 1206 г. Темучин решил осуществить свой план о перенесении своей ставки в древнюю тюркскую столицу Каракорум. В курултае, провозгласившем Темучина Чингиз-ханом, участвовали до девяти кочевых племен. Они представляли уже не федерацию племен, а однородную нацию. Чингиз-хан на холме Дэлюнь-Булдак, окруженный священными знаменами, стоя рядом с главным прорицателем со святым Кукчэ («небесный» по-татарски), поклялся перед курултаем соблюдать национальный договор: «Этот народ..., который, несмотря на мои невзгоды и опасности, неразрывно связал себя со мною против всех, — этот народ, готовый принять и радость, и горе, вооружил мою мощную мысль своей великой силой, — этот народ, чистый, как горный кристалл, который среди всевозможных опасностей до конца сопровождал своей преданностью каждое мое усилие, я хочу, чтобы он назывался Кюк Монгол («небесные монголы») и чтобы он возвысился над всеми». Так завершился процесс образования Монгольского государства. Так продолжалась традиция — империя кюктюрков сменилась империей кюкмонголов, небесные монголы сменили небесных тюрков. Образовалась татаро-монгольская империя. Символом власти Чингиз-хана стала белая кошма и бунчук-шар с девятью конскими хвостами разной масти на длинной пике.

Чингиз-хан, создавая государство, обещал кочевникам создать государство Мэнгу Иль (Эль) — Вечное государство, где будет мир, справедливость и благополучие. Такая идея пришла по вкусу не только простым воинам, но и племенным вождям кочевых племен. Поэтому название «мэнге» — «мэнэ» — «вечные» приняла элита, которая участвовала в выборе Чингиз-хан каганом и договорилась назвать свое государство Мэнгэ Эль — Вечная Родина. «Мэнгу Эль — Вечная Родина» — эта популярная в народе цитата из орхонских памятников эпохи Кюктюрков VI—VIII вв. не забыта была еще

в XII—XIII вв. Вечная Родина возникает в результате договора между теми, кто согласен жить в мире и согласии. Множественное число от этого слова мэнге будет мэнгелер. Оттуда и появились названия монгалы, мунгалы, монголы у иноязычных исследователей. Такое политическое название мунгалы, монголы не ущемляло достоинство людей ни из слабых, ни из сильных племен. И поэтому вожди племен согласились называть себя мэнгу (монгол), и на курултае подняли Темучина на белой кошме к синему Небу и нарекли новым именем Чингиз-хан. За вновь сформированным народом-войском официально было закреплено единое имя «монгол», поскольку монголами были сторонники и сподвижники Чингиз-хана, составившие военно-политическое ядро молодого государства. Конечно, всякий помнил свою генеалогию, но это было их личное дело. Монгол — это имя, которое сам Чингиз-хан дал объединению племен и народов, составивших новую общность людей. Отдельных племен с именем «монгол» тогда не было. В государстве Чингиз-хана никаких документов, писавшихся на языке, который мы называем ныне «монгольским», не обнаружено. В начале XIII века названия монгол и татар были синонимами, потому что название татар было привычно и общеизвестно, а слово монгол ново. Яса была написана на тюрки уйгурским письмом. А исходный текст «Сокровенного сказания монголов» дошел до наших дней лишь записанный китайскими иероглифами. Несколько ясность этнонима монгол для иностранных ученых послужила основой для создания теории «Монгольского нашествия». Эта ложная теория насаждалась учеными Российской империи и была продолжена в Советском Союзе и продолжается в современной России. Вредность этой теории состоит в том, что она разделила один народ, когда-то называвшийся себя татарами, на два народа — тюрков и монголов.

Чтобы покончить с произволом и придать ему законность, на курултае во время избрания Чингиз-хана каганом были принятые законы Ясы. Законы Ясы были написаны на основании тэнгрианского мировоззрения. Эти законы назывались Яса или Тура — два тюркских слова, из которых первое обозначает «уложение», второе — «обычай», обычное право, устав. Посредством ясака великий хан «сила Неба» вводил строгую дисциплину, предписанную Небом, как на гражданское общество, так и на армию. Яса был весьма суровым: он требовал смертной казни за убийство,

крупное воровство, сфабрикованную ложь (интриги), супружескую неверность, мужеложество, злонамеренную черную магию, приобретение украшенных товаров и т.д. Непослушание, независимо от того, являлось ли оно гражданским или военным, приравнивалось к преступлениям под общим законом, ясаком, являвшимся одновременно гражданским и административным кодексом. Он был дополнен в сфере юриспруденции «мудростью» или «поговорками» (билик) Чингиз-хана.

«На курултае Чингиз-хан поклялся соблюдать законы и первым подчиняться им. Чингиз-хан всю жизнь оставался точным исполнителем этого справедливого закона, в котором были за-кодированы древние обычай тюрков и монголов. Чингиз-хан считал, что неуклонное выполнение закона обязательно для всех, даже для родных ему людей, что предатель должен быть казнен, а его родные наказаны. Недруги не могут сказать, что он сам нарушил какой-то закон. Злейшие враги Чингиз-хана не могли указать в его жестокостях ни следа произвола. Это признают все его современники: Жуанвиль и Марко Поло, обладающие наиболее достоверными сведениями, видят в нем лишь строгого законодателя».² Он был первым ханом, при котором законы Ясы были не только изложены, но и написаны на бумаге.

Рашид ад-дин точно подметил, почему Чингиз-хан, вступив на престол, т.е. победив врагов и будучи поднят ханом на белом войлоке, ввел повсеместно строгий порядок и указал каждому свое место. «До него младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники же не исполняли своих обязанностей относительно подчиненных. Злодействия приняли такой обширный характер, и людям стало невмоготу, что Небеса не стерпели», — утверждается в знаменитой летописи «Алтан Тобчи». Так с помощью законов Ясы утверждалась справедливость. Чингиз-хан завещал своим потомкам придерживаться законов Ясы, основанных на мировоззрении предков (тэнгрианство). Мировоззрение тэнгрианство служило государству потому, что в нем присутствовала для государства идея, которая обязывает человека жить для общества. «Если у детей моих потомков — правителей, которых будет много и будут они править после меня, вельможи, богатыри и беки, подчиняющиеся им, не будут крепко соблюдать законы Ясы, то дело государства потрясетя и прервется. Опять захотят найти Чингиз-хана и не найдут».

О благополучной и безопасной жизни желают все люди. Мирная жизнь кочевника, устойчивый рост его хозяйства повышают уровень жизни и степень уверенности в завтрашнем дне. Безопасность его самого и членов семьи дает ему уверенность в завтрашнем дне. Когда исчезает уверенность в завтрашнем дне, это означает, что по отношению к большинству общества реально властные творят несправедливость. Тогда вера в правительство и в государство быстро теряется. Поэтому Чингизхан безопасности и благополучию жизни кочевников уделял особое значение. Все те, кто считал, что их родовые вожди правят несправедливо и не гарантируют безопасность, присоединялись к Чингизхану. Переход к справедливому вождю в степи было обычным делом.

После курултая 1206 года степные и лесные племена Забайкалья стали присоединяться к монгольскому союзу добровольно. Чингизхан знал, в чем сила кочевых народов. В то время у элиты кочевников не было и мысли, что они могут выступить против империи Цзинь, слишком неравными были силы, многомиллионный Китай и разрозненные кочевые племена, которые еще и воевали друг с другом. Возродить столицу тюрков Каракорум, поднять знамя империи кюкторков, т.е. тюркской державы, значило то же, что объявить войну известному врагу кюкторков Северному Китаю, империи Цзинь «Золотой ограде», которая припятымствовала созданию государства. Идея завоевания Северного Китая, восстановление исторической справедливости, была сверхзадачей, сверхидеалом, она консолидировала общество перед внешним врагом, она объединяла всех кочевников, она была общим делом, которое являлось смыслом существования татар и монголов. Это война предполагалось быть короткой, так как в Китае шла гражданская война, и она облегчила бы завоевательный поход.

Как пишет Абул-Гази, Чингизхан созвал собрание монгольских вельмож и сказал: «Императоры Китая (т.е. «Золотой ограды») причинили много зла моим предкам и родственникам. Теперь всевышний Тэнгри обеспечил мне победу. Он дает мне случай и власть потребовать у Китайской империи в лице императора «Золотой ограды» восстановления прав моих предков и родственников (под родственниками он имел в виду тюркскую нацию). И вот все восточные тюрки — кидани, уйгуры, татары, карлуки, кунграды, мангуты, онгуты, кераиты, найманы, ойраты, торгуты и т.д. — все потомки Огуз-кагана, все дети

Серого волка, пошли за Чингиз-ханом, чтобы отомстить национальному врагу — чжурчженям и китайцам — за все зло, которое они причинили их предкам, древним кюктурукам». С этого момента история Чингиз-хана обретает новое качество, история вступила в этап образования империи Великой Степи, фактически повторив события 400-летней давности, империю Кюктуруков.

Для приготовления войны с Северным Китаем Чингиз-хан начал создавать административную систему. На вершине социальной структуры была семья Чингиз-хана: золотая семья (Алтын урук), главой которой был великий хан (каган, каан) и его царевичи, которые были сыновьями великого хана. Вожди и одновременно полководцы племен назывались — нойонами, которые командовали и руководили воинами или верными людьми — нукерами. Низшей административной единицей была признана группа аулов, способная выставить десять воинов. Далее шли группа аулов, выставлявшая по 100 воинов, по 1000 воинов и, наконец, по тумену (10 тысяч воинов). Для того чтобы надежней спаять тысячную организацию войска, Чингиз-хан обязал каждого сотника. Тысячника, темника просыпать своего сына на службу в личную каганскую гвардию. Гвардия была своего рода высшей военной школой, которая готовила талантливых военачальников. Она называлась по-древнетюркски кешик (кешик-кешиктен) — «колчан» (люди из колчана) и имела сопутствующее значение «смена».

Чингиз-хан не освобождал в порядке исключения от воинских обязанностей родных братьев и сыновей. Мораль Чингиз-хана не позволяла освобождать от воинской службы своих близких, а заставлять воевать только чужих сыновей. Во время создания государства-войска Чингиз-хан отодвинул на второй план родоплеменное деление. Нормой стало составление десятка или сотни из воинов разных родов и племен, а во главе каждого такого подразделения, как правило, стоял проверенный ветеран из числа старых сподвижников Темучина — балджунахцев, выслужившихся кешиктенов или ханских нукеров. И в армии полностью отменялся принцип родового подчинения: указания родовых вождей не имели для воинов никакой силы; приказы военного начальника — десятника, сотника, тысячника — должны были выполняться беспрекословно, под угрозой немедленной казни за невыполнение. И это правило было нерушимо. Если воин пытался перейти из одной десятки

в другую к соплеменникам — это каралось смертью. Так достигалось объединение людей. Несмотря на такую жесткость, родоплеменной способ организации войска не был полностью отменен, были и исключения. В некоторых подразделениях — уруты, мангуты, икиресы, онгуты — родоплеменной способ войск еще сохранялся, но в основных боевых частях применялся лишь от случая к случаю.

Чингиз-хан создал дисциплинированную армию с чувством взаимовыручки. «В бою монгол должен был чувствовать локоть своего товарища и знать, что он не предаст ни в коем случае, а для этого и другой товарищ обязан был не предавать его ни под каким предлогом. Чингиз-хан считал, что предатель должен быть казнен, а его родные наказаны. Смертная казнь ждала и каждого, кто оставит в беде на поле боя своего соратника, независимо какого он был рода-племени. Так достигалась взаимовыручка. Так возникла новая общность людей с именем монгол. Не было ни титульных, ни рабских родов, в бою все были равны перед смертью. По тэнгрианским понятиям предательство считалось худшим из грехов и пороков, на войне для победы можешь идти на хитрость, но нельзя обманывать доверившегося. Ложь категорически запрещалась. В Ясе смертная казнь грозила тем, кто будет уличен в сознательном обмане, в предательстве, лжесвидетельстве, а также невозвращении оружия, случайно утерянного владельцем в походе или в бою.

Новый общественный императив монголов — взаимовыручка — включал в себя гарантию, даваемую боевому товарищу, ставшему жертвой предательства. Если его не могли спасти, то за него следовало отомстить нарушителям закона гостеприимства (например, убийство посла). Вот такой этикой обеспечивалось единство Орды. Силу элиты монголы видели в ее способности жить для других людей, для государства.

2.3. Завоевания (объединения) Чингиз-хана

После возвращения на родину в 1197 году Темучин (Чингиз-хан), видимо, продолжал поддерживать дружбу с вождем онгутов Ала-хушем (Ала-кушем). В 1204 г., когда над найманами и их ханством нависла угроза от Чингиз-хана, они первым делом отправили послов к онгутам. Как сообщает «Тайная история», правитель онгутов Ала-хуш не поддержал найманов. Однако Ала-хуш сообщил об этом Чингиз-хану. К сообщению

о намерениях правителя найманов Чингиз-хан отнесся внимательно. Онгуты оказались на стороне Темучина, они знали, что кровь, которую они проливают сегодня, в будущем окупится, когда он станет повелителем всех племен. Чингиз-хан эту услугу, оказанную онгутами, не забыл. В благодарность за услугу Чингиз-хан велел отдать за Ала-хушу свою дочь Алагай-беки, но тот отказался от этой чести в пользу своего старшего сына Шенгуя. Их сын Ангудай, в свою очередь, был женат на дочери Тулуй-хана, а мать Аргун-хана, Каймыш-хатун, была из рода онгут. Рашид ад-дин заключает: «Из этой истории видно, что из рода Чингиз-хана дают девушки племени онгут и берут от них». Ала-хуш стал гурганом (зятем) Чингиз-хана и носил почетный титул гурген, то есть «зять» рода Чингиз-хана. В списках, вошедших в ближайшее окружение, он значился как Ала-хуш-джигитхури гурган. Так военно-политический союз между Чингиз-ханом и онгутами был скреплен брачными узами. Ала-Куш, став зятем, подарил Чингиз-хану десятки тысяч татарских коней. Этот подарок дорого обошлся чжурчженям, их конная армия лишилась пополнения конями.

Перед выступлением в поход на Северный Китай Чингиз-хан поднялся на священную гору Бурхан-халдун, развязал пояс и повесил его на шею. Стал возносить молитвы о даровании победы. Окружавшие у подножия горы народ и войско все это время взывали: «Тэнгри! Тэнгри!» На четвертый день Чингиз-хан спустился и объявил, что Небо дарует ему победу. Началась война с Северным Китаем, которая впоследствии перекинулась и на Среднюю Азию. Это была не просто война за пространство, за пастбища, за религию. Это была глубинно-космическая война. И Небо даровало в этой войне победу Чингиз-хану. Правление Чингиз-хана можно считать именно как потрясающую мистическую духовность во время образования татаро-монгольской империи.

Когда Чингиз-хан выступил в поход на Северный Китай, по китайским источникам «Шэн-у цзинь-чжэн лу» сообщается, что онгуты выставили 10 тысяч всадников для участия в походах в Китай под командованием полководца Чингиз-хана Мухали. Онгуты открыли войскам ворота в Китайской стене, отдали пограничную полосу, которую они охраняли, и выделили проводников. Благодаря этому монгольские войска беспрепятственно вторглись на территорию Китая и хорошо ориентировались за Китайской стеной. Как показывает просмотр

списка «тысяч», содержащегося у Рашид ад-дина, онгуты не были включены в состав монгольских войск, распределенных между родственниками Чингиз-хана. В 1219 году Чингиз-хан, отправляясь в поход в Среднюю Азию, взял с собой воинов-онгутов, а управлять оставшимися онгутами в Северном Китае оставил свою дочь Алагай-беки. После смерти Шенгуя, в 1225 году, Чингиз-хан выдал ее замуж за племянника Алахуша по имени Boeh.

За территорию Северного Китая велась тысячелетняя война между кочевниками и китайцами. Территория Северного Китая исконно принадлежала северным кочевникам. Китайцы, селившиеся на этой территории, из-за боязни, что их могли изгнать, а такое было не раз, в основном не вмешивались в эти разборки. Для них было привычным, что одни кочевые правители сменялись другими. Чингиз-хан также считал эту территорию своей собственностью и решил отобрать ее у чжурчженей. Война между татаро-монголами и чжурчжениями в тот период была обычной, родственники делили территорию и каждая из сторон его считала своей. Такие войны сопутствовали кочевникам в борьбе за пастбища, водопои и т.д. Противостояние царских династий киданей и чжурчженей, которые были на самом деле не китайцами, а племенной кочевой знатью, завоевавших Северный Китай, позволило в последующем опираться на выходцев из потерпевшей поражение киданьской царской династии Елюев, которые ненавидели своих противников чжурчженей. Монголы объявили себя освободительной армией, целью которой было восстановление владычества старого киданьского царского рода, отстраненного от власти столетия назад. Прежде чем начались сражения, многие кидани бежали и присоединялись к татаро-монголам, которых воспринимали как родственников, которые говорили на одном с ними языке. Татаро-монголы опирались не только на киданей, но и на восставших китайских крестьян. То есть в зависимости от сложившейся ситуации монголы на свою сторону привлекали то киданей, то китайцев. Таким образом, у татаро-монголов в Северном Китае были не только враги, но и союзники. Кидани и другие тюркские племена восстали и захватили Ляодун и перешли на сторону Чингиз-хана. В 1215 г. после длительных боев татаро-монгольские войска заняли Северный Китай со столицей Кайфын (Пекин). Чжурченский император подписал договор, по которому он признавал протекторат тата-

ро-монголов над Северным Китаем. В обеспечение договора он выдал свою дочь за Чингиз-хана и перенес свою столицу в Пиан-Кинг, к северу от Желтой реки. В Северном Китае Чингиз-хан оставил в качестве своего наместника надежного и методичного Мухали с тридцатью тремя тысячами человек, предоставив ему гражданскую и военную власть. Чингиз-хан вернулся в Каракорум. Следуя тюркским традициям, Мухали стал во главе Северного Китая. Он не продолжил завоевание южного Китая, так как дальше была чужая земля. В 1221 году в ставку Мухали (жалайра по происхождению) прибыл посланник южнокитайской империи Сун Чжао Хунь. Во время разговора с посланником Мухали называл себя и свое окружение татарами, а не «монголами». Первые европейские путешественники к Великому хану Плано Карпини, Марко Поло и Рубрук в своих записях писали, что увидели у татар. И это спустя 30 лет после того, как Чингиз-хан назвал всех своих подданных монголами.

На территории Средней Азии находилась мусульманская империя Хорезмшахов. Эта империя простиралась от границ Индии до Кавказа, от Персидского Ирака до территории современного Казахстана. В городах Средней Азии Бухаре, Самарканде, Узгенче и т.д. жили сарты, фарсы и тюрки, исповедовавшие ислам. Кыпчакские воины, находящиеся на службе у хорезмшахов, приняли ислам. На территории современного Казахстана и в степях Средней Азии жили тюркские кочевники, которые исповедовали тэнгрианство. Слухи об идеи Мэнгу Эль — Вечное государство, где будут мир, справедливость и благополучие, дошли и до кочевников, проживающих на территории современного Казахстана. Находясь в Каракоруме, Чингиз-хан послал послов хорезмшаху Мухаммеду на взаимное сотрудничество между двумя империями. Хорезмшах Мухаммед дал согласие. Но прошло немного времени, воины хорезмшаха напали на отряд татаро-монголов в Тургайской степи недалеко от реки Иргиз, территории принадлежавшей государству монголов. Чингиз-хан сделал вид, что он не знает о случившемся. Далее, неожиданно люди хорезмшаха Мухаммеда вероломно убили купцов Чингиз-хана, направляющихся торговать в империи хорезмшахов. Караван Чингиз-хана нашел свою погибель в Отрапре. Хорезмшах убил и послов, посланных Чингиз-ханом на урегулирования этого события. Хорезмшах заявил: «Мир не может быть между двумя империями». По рассказу Рашид ад-

дина, «дерзость» хорезмшаха произвела «такое впечатление на Чингиз-хана, что у него не осталось больше сил для стойкости и спокойствия. В гневе он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову, приник лицом к земле... Три дня Чингиз-хан обращался к вечному синему Небу, до его синих сводов долетало: « — О, Тенгри, создатель Вселенной! О, творец тазиков и тюрков! Не я был зачинщиком этой смуты! Даруй мне силу для отмщения!» Своими поступками хорезмшах Мухаммед спровоцировал войну с Чингиз-ханом. Идявойной против хорезмшаха Мухаммеда, Чингиз-хан знал, что он вел непрерывные войны, и требовал все время уплаты налогов в больших размерах. Знал, что чиновники погрязли во взяточничестве, в казнокрадстве и в распутстве, которые тяжелым бременем ложились на бедные слои населения. Чингиз-хан знал, что хорезмшах в грозный час войны не найдет поддержки ни у народа, ни у войска. Кроме того, он знал, что в империи хорезмшаха кроме врагов есть много его сторонников и союзников. Многие тюркские племенные вожди, которые исповедовали концепцию духа Неба и поклонялись духам предков, увлекшиеся его идеей, дали согласие присоединиться к своему единоверцу Чингиз-хану. Случай перехода тюркских войск тэнгрианцев от мусульман к своим единоверцам в степи возникали часто. Нравы кочевников были таковы, если они считали, что с ними поступили несправедливо, они бросали своих хозяев и переходили на сторону его противников. Впоследствии почти все кочевники-тэнгрианцы перешли добровольно на сторону Чингиз-хана. Чингиз-хан был для них родней по вере и идее.

Истинные патриоты Туркестана, Средней Азии тюркские националисты знали, что столица Великой тюркской империи — Каракорум восстановлена Чингиз-ханом и что он ведет не религиозную войну, а за возрождение тюркской империи, многие из них ждали случая, чтобы открыто встать на сторону великого заступника, объединителя всех тюрков и монголов, Чингиз-хана. И это время настало, и они массово переходили на сторону Чингиз-хана. Хорезмшах не дал генерального сражения, а разделил свое войско и распределил их по городам. Именно ненадежность войск была причиной разделения Мухаммедом войск на части. В надежде, что они будут до конца защищать свою родину.

Только воины мусульмане защищали Бухару, Самарканд, Ургенч, и были уничтожены. Поэтому Чингиз-хан почти бес кровно завоевал Восточный Туркестан, территорию современного Казахстана и Среднюю Азию, хотя войско хорезмшаха Мухаммеда имело численное превосходство в десять раз и, несмотря на это, потерпело поражение. В 1221 году на территории Средней Азии уже не было другой власти, кроме татаро-монгольской.

Сын хорезмшаха Джелал ад-дин, потерпев поражение в Средней Азии, затем в обороне Газны ушел с остатками войска в Индию. Чингиз-хан не стал преследовать Джелал ад-дина в Индии. Он не стал завоевывать Индию, которая была у его ног. Он дал приказ армии на отход в Среднюю Азию и сам возвратился под Самарканд в свою резиденцию. Территория Восточного Туркестана, территория современного Казахстана, Средняя Азия входили в состав Хуннской империи, затем в состав Тюркского каганата и Чингиз-хан продолжатель идеи кюктуров присоединил их к своей империи.

Территория, которую занимала в XIII веке кыпчакская федерация, входила в VI—VIII вв. в состав Тюркского каганата. Эти земли были заселены множеством разных тюркских родов и племен. После распада Тюркского каганата многие племена объединились в федерацию. Во главе этой федерации стояли кыпчакские вожди. По имени этой федерации земли стали называться кыпчакскими. Кыпчакские вожди не смогли в X-XIII веках объединиться и создать своего государства. Они занимались грабежами, погрязли в междоусобных войнах. И создали такие позорные условия, что своих же соплеменников продавали в рабство, заполнив рынки Ближнего Востока и Европы рабами-kyпchаками. Так были проданы, к примеру, будущие султаны Египта — Бейбарс, Калаун и правитель Азербайджана и Ирана Ильхан Ильгизид.

Отряду во главе полководцев Джебе и Субэтея уполномочивалось идти разведкой в кыпчакские земли, с целью узнать, желают ли кыпчакские храбрецы добровольно войти в империю Чингиз-хана, если они окажут непримиримое и будут сопротивляться, тогда включить их силой. С берегов Хазарского (Каспийского) моря, Терека и Черного моря кыпчаки были готовы встретить нашествие. Они знали, что в святом городе Каракоруме сидит повелитель всех тюрков и монголов. Всем им издавна была знакома обычная дорога тюркских походов —

по ней шли их собственные предки. Они знали, что татаро-монголы придут. И вот собирались военные отряды кыпчаков, осетин, черкесов, лезгин. Они отправились поджидать татаро-монголов на равнине Терека, на обычной степной дороге, рассчитывая, что они придут с севера. С изумлением они узнали, что татаро-монголы перешли через неприступный Кавказ и наступают с юга. Впереди войска скакали агенты Джебе, проникая всюду, разбрасывая золото полными пригоршнями, превознося славу тюркской нации. Они говорили кыпчакам: «Мы татары, как и вы, кыпчаки, — одна кровь одного рода. А вы соединяетесь с иноплеменниками против своих братьев. Осетины и нам, и вам чужие, не следует помогать им. Вы должны действовать заодно с нами». Они щедро раздавали подарки. Кыпчаки колебались, они были чувствительны к родству, но уровень кругозора был у них мал, ограничен, поэтому они не могли сразу воспринять Великую тюркскую идею и воспылать страстью к созданию новой империи, наследницы империи кюктюроков.

Кыпчаки отошли в сторону от места боя. Джебе воспользовался их нерешительностью и двинул Субэтея против соединенной армии осетин и лезгин. Опытные татаро-монгольские эскадроны опрокинули и разбили это нестройное войско и затем двинулись дальше.

После победы Джебе потребовал, в соответствии с обычаями и законами Ясы, у кыпчаков помочь людьми, лошадьми и фуражом. Кыпчакские беи сначала согласились, но они никогда не имели системы государственных налогов, никогда не подвергались поборам в пользу хана, поэтому возник конфликт. Видя, что монголы забирают лошадей и мулов, конфискуют их фураж, уводят их молодежь в свое войско, пополняя ряды убитых, кыпчаки взбунтовались. Они собрали все, что можно прихватить, и массами бежали из татаро-монгольского войска к своим родичам, кыпчакам, обитавшим на обширной равнине р. Тан (Дон). Это было дезертирство — проступок, непростительный в глазах монголов. Необходимо было вернуть их, казнить вожаков и наказать непонятливых. В это время пришло известие, что некий народ, по имени русы, взял кыпчаков под свое покровительство и поспешно вооружается. В то время многие кыпчакские ханы породнились с русскими князьями, естественно, те выступили на защиту своих родственников. Тогда татаро-монголы решили: этим русским надо дать хоро-

ший урок, чтобы они потеряли охоту защищать предателей и научились уважать законы Ясы.

Призванные на помощь устрашенными кыпчаками (половцами) объединенные русские князья и кыпчаки выступили в поход против татаро-монголов. На берегу реки Калки 25-тысячный татаро-монгольский отряд встретил 100-тысячное русское и кыпчакское войско. Битва произошла в апреле 1223 г. и закончилась полным поражением русских. Потери в битве на Калке были для Руси очень тяжелы. Было убито шесть князей из десяти. По летописным данным, из простых воинов вернулся лишь каждый десятый. После битвы в 1223 г. на Калке русские княжества могли быть присоединены к империи Чингиз-хана. Но он отозвал своих полководцев Джебе и Субэтея обратно, так как территория русских княжеств не входила в кюкторкский каганат. По возвращении из похода Джебе в Средней Азии заболел и умер. В 1225 г. Чингиз-хан ушел из Средней Азии в Монголию.

Как видим, Чингиз-хан завоевывал (объединял) только те земли, которые принадлежали Тюркскому каганату. Нигде и никому Чингиз-хан не говорил о завоевании всего мира. Этот миф распространили после его смерти. «Все войны, которые вел Чингиз-хан, а их было четыре, были спровоцированы его противниками, а его территориальные приобретения лежали в ореоле окраин Великой Татарии (Великой Степи).

Война с найманами началась в 1204 г. по инициативе найманского царевича Кучлука и закончилась его гибелью в 1218 г., когда он был покинут своими подданными, перешедшими к Чингиз-хану.

Война с чжурчженями, начавшаяся в 1130 г., прервалась после взятия монголами Кайфына в 1215 г. перемирием, по условиям которого монголам был уступлен Северный Китай, фактически ими уже занятый и считавшийся землей не чжурчженской, а татаро-монгольской. Чжурчжени нарушили этот мир, и возобновленная война закончилась в 1235 г. истреблением чжурчженских войск. Население же Маньчжурии, не принявшее участие в авантюре полководцев, было принято в состав монгольского войска.

Войну с Хорезмом развязал султан Мухаммед, напавший на монгольский отряд у реки Иргиз в 1216 г. и затем казнивший монгольских послов в 1219 г. Чингиз-хан, разгромив войска Мухаммеда и его сына Джелал ад-дина, оттянул свои силы за

Амударью и оставил за собой только те земли, которые принадлежали кара-киданям (найманам), подчинившимся ему добровольно. Ведь Самарканд и Бухара были незадолго перед этим захвачены султаном Мухаммедом (1210 г.), и там вспыхивали частые восстания против жестокого гнета султанского режима, которые силой усмирялись.

Четвертая война — покорение Тангута в 1227 г. — была ответом на невыполнение союзного договора, что Чингиз-хан расценивал как предательство. А поскольку земли Тангутского государства лежали в пределах Великой Степи, то присоединение их к Монгольскому улусу нельзя считать внешним завоеванием».³

Чингиз-хан практически выполнил программу, записанную небесными тюрками на орхонских памятниках. Где четко указано, в каком месте может быть создано государство. То, что он знал это, показывает и выбор места столицы Каракорум. На этом месте располагалась столица Хуннской империи, Империи Жужани (Авары), Кюктюркского каганата, Уйгурского каганата. Их желание — создать государство, где будут царить мир, справедливость и благополучие Мэнге Эль (Вечное государство). Его он сумел создать, но сохранить его он смог только во время своей жизни. Его наследие было проигнорировано и не выполнило. Его потомство стало выполнять другую задачу, завоевывать весь мир. Причина последующих поражений заключалась в истоках побед. Так, после смерти вождя и уже при внуках Чингиз-хана начался распад его Великой империи.

Начиная с Петра I ученые-историки, а в основном были это немцы, предпочли выставить Россию «жертвой нашествия орд Чингиз-хана и щитом закрывшем западную Европу от полчищ татаро-монголов». Такая политика имперских кругов России на протяжении веков по сегодняшний день обеспечивала России права называть себя европейской нацией, присовокупить себя к Европе и в конечном итоге отмежеваться от «дикой Азии».

Татары несколько веков находились под жестким прессом российской власти. Кроме того, мусульманское духовенство поддерживало русскую официальную пропаганду о зле Чингиз-хана для татарского народа. Все это вместе сделали свое дело, и татары отвернулись от имени Чингиз-хана и всего его наследия, несмотря на то, что веками не отказывались от своего имени — татар, несмотря на сильное давление. Так идеологически покорили татар и приручили.

Монголы безо всякого сомнения считали Чингиз-хана своим великим героем и не отказались от имени монгол. Российские власти считали, что монголы далеко, малочислены и уже не воинственны. Значить они не страшны и не опасны. Поэтому на этот народ можно возложить всю ответственность за все злые дела Чингиз-хана и его наследников.

Остальные бывшие кочевые народы: казахи, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты, калмыки и т.д. отказались от имени татаро-монгол, отмежевались от Чингиз-хана и всего его наследия, и добровольно лишились истории своих предков средних веков. Российское правительство и историки, дали всем им разные имена и приписали к малочисленной тюркской народности.

После распада коммунистической Советской империи монгольский народ и правительство единодушно отвергли столетиями проводившуюся Российской и ее наследницей Советской империями пропаганду о пагубности возвеличивания личности Чингиз-хана. В 2006 году монголы, считающие, что Чингиз-хан принадлежит им, в торжественной обстановке отпраздновали 800-летие своей государственности и юбилейную дату со дня рождения Чингиз-хана. В Улан-Баторе был воздвигнут величайший памятник Чингиз-хану. Так монголы продемонстрировали, что каждый народ должен гордиться своими историческими личностями, не смотря на то, нравится это или нет соседним государствам или кому-то лично.

События, связанные с Чингиз-ханом и его преемниками, уже давно привлекают к себе внимание историков Китая. Они утверждают, будто халка-монголы состоят в родстве с китайцами, и называют их веточкой великого китайского (ханьцами) народа. Они утверждают, что такая одна-единственная нация, ядром и собирателем которой были ханьцы, существует в Китае уже несколько тысячелетий, а все другие народности страны являются лишь ее ветвями. Имея такую концепцию на вооружении, китайские историки и идеологи сразу после смерти Чингиз-хана начали искать «родство» с Чингиз-ханом и его преемниками. Поэтому китайские современники пишут, что наш Чингиз-хан покорил Европу, то был наш золотой век. Они заявляют, что Чингиз-хан является выдающимся политическим и военным деятелем Китая, так как он и его преемники завершили объединение Китая, заложили баланс стабильности китайских границ на 600 с лишним лет для последующих

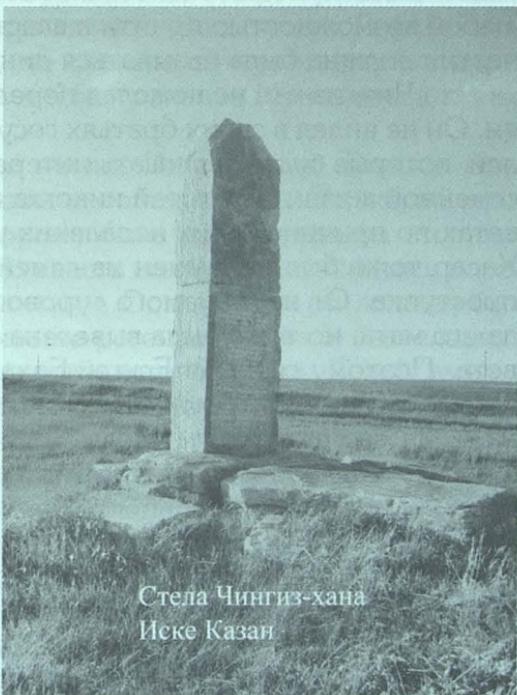
династий — Юань, Мин и Цин. Некоторые китайские историки рассматривают историю Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, Киргизии и т.д. как одну из составных частей истории Китая наряду с другими землями, присоединенными в свое время Чингиз-ханом и его преемниками к своей державе. В Китае в городе Хоххот — столице автономном районе Внутренней Монголии — появилась новая площадь Чингиз-хана, в центре которой расположена массивная конная статуя завоевателя. Рядом с площадью шумит бульвар Чингиз-хана, выдержаный в монгольском стиле с его куполообразными крышами и элементами в бело-синих тонах. В степях Внутренней Монголии в Ордосской степи, граничащей с самой Монголией, расположен мавзолей Чингиз-хана. Автономный район Внутренней Монголии основали 1 мая 1947 года. Внутренняя Монголия стала самым первым автономным районом КНР. Автономный район имеет население 23,84 млн человек (занимает 23-е место среди всех провинций). Автономный район составляет 12% территории Китая и по площади превосходит Францию и Германию вместе взятые.

Идейное обоснование борьбы за жизненное пространство всегда готовится заранее. Этой планомерной подготовке помогают недальновидные тюркские и монгольские политики и историки.

После распада Советского Союза во вновь образовавшихся тюркских государствах появились независимые не официального происхождения исследователи, которые не верили утверждениям официальных историков так, например, что неграмотные пастухи-кочевники, жившие полунатуральным кочевым скотоводческим хозяйством, вдруг под руководством таких же неграмотных феодалов-предводителей как бы случайно создали целую Евразийскую Державу. Так якут Андрей Кривошапкин из Якутии, хакас Геннадий Тюньдешев из Хакасии, профессор Николай Абаев из Тувы, татар Гали Еникеев из Башкирии в своих книгах доказывают, что Чингиз-хан был татар. Хакасы, тувинцы (урянхайцы-тюрки), часть якутов до революции назывались татарами и они считают, что их предки имеют непосредственное отношение к Чингиз-хану и его походам. Казахские исследователи Калибек Данияров, Кайрат Закирьянов, Мирзабек Каргабаев и другие считают Чингиз-хана казахом или, в крайнем случае, тюрком, так как род Чингиз-хана кияты — большая часть живет в Казахстане

и называются сегодня казахами. Кияты многие столетия проживали на берегах Волги в теперешней Астраханской и Волгоградской областях. Почему-то все эти исследователи считают, что если доказать происхождение Чингиз-хана как казахское, татарское, якутское, хакасское, тувинское, бурятское и т.д. то он автоматически будет принадлежать этим народам вместе со всей его исторической славой. Авторитетный в Монголии доктор исторических наук, профессор, знаменитый археолог Довдой Баэр приехав в Алматы, в интервью газете «Алаш» заявил: «Давайте не будем спорить, пусть Чингиз-хан будет общим могучим предком и монголов, и казахов». К сказанному можно только добавить, что Чингиз-хан — не только достояние монгольского и казахского народа, но и достояние других тюркских и монгольских народов, которые участвовали в исторических событиях XIII века. Ведь Чингиз-хан совместно с этими народами осуществлял в жизнь идеи этих людей о мире, справедливости и благополучия на просторах Великой степи. За осуществление в жизнь этих идей и ставится памятник Чингиз-хану.

В Татарстане в 45 км от г. Казани есть с. Камаево (в народе его называют Иске Казан — Старая Казань). Рядом с Камаевом есть священная гора. С 2006 года на этой горе стоит 5-метровая стела, высеченная из желтого камня, на которой высечена надпись сверху на татарском (руни) алфавите, ниже — на татарской кириллице, и еще ниже переведенная на русский язык. Она гласит: «В память Великим предкам, в честь 800-летия провозглашения Чингизом ханом, начала строительства Великой империи Татарии посвящен вечный памятник».

Стела Чингиз-хана
Иске Казан

Так кем же был потрясатель вселенной Чингиз-хан? Что за наследство оставлено им своим потомкам, и как это использовать в современном мире? Эти вопросы продолжают волновать умы людей, потому что события, изменившие мир, в это время стали основой для возникновения современной цивилизации человечества. Не зря западное общество признало Чингиз-хана человеком тысячелетия.

Глава III

Закат татаро-монгольской империи

По Степному праву хан наделял своим братьям самостоятельные уделы с людьми и войском. Очередность наследования престола передавалась в династии от правителя младшему брату или племяннику. Братья хана спокойно ожидали своей очереди наследования. Такая форма наследования помогала сохранить власть за ханским родом. Но форма наследования таила в себе угрозу сепаратизма — братья, несогласные с политикой хана, просто откочевывались подальше и пользовались любой возможностью прийти к власти. По Степному праву династия должна была называться династией Борджигенов.

Но Чингиз-хан не пожелал передавать власть своим братьям. Он не видел в своих братьях государственно мыслящих людей, которые будут защищать интересы своего народа. Даже в семейной жизни Бельгутай никогда не принимал участия в советах по причине своих недалеких умственных способностей. Хасар тоже был исключен из семейного совета после своего проступка. От неминуемого суворого наказания Хасара спасла его мать, но тоже была выведена после этого из состава совета. Поэтому сыновья Есугей-Бахадура, братья Чингиз-хана Темуге и Бельгутай были отодвинуты от власти. Чингиз-хан не наделил своим братьям уделы. Таким образом, после смерти Чингиз-хана фундаментальный закон военно-кочевой демократии был нарушен.

Чигиз-хан не смог подготовить себе достойную замену. Он часто отсутствовал на длительное время и мало проводил время со своей семьей, к тому же гениальность и талант не передаются по наследству. Сыновей воспитывала жена. Старший сын Джучи не стал идейным сторонником своего отца.

Прожив мирную жизнь под крыльшком матери, он не любил воевать, потому что не видел в этом необходимости. Это заставило Чингиз-хана лишить его практически реальной власти. Второй сын Чагатай вырос нелюдимым, жестоким человеком. Он завидовал Джучи, что мать больше любила и уделяла времени Джучи, чем ему. Именно этой ревностью и объясняется дикая выходка Чагатая, когда он обозвал при своем отце своего старшего брата «меркитским отродьем». Простить ему это отец не мог. Нельзя было делать своим наследником человека, который не может справиться со своими низменными чувствами. Поэтому, скорее всего, желание Чингиз-хана было высказано в форме устного совета своим соратникам о недопущении к власти двух старших сыновей. Третий сын Окотой (Угедей) вырос тихим беззлобным человеком, который больше всего предпочитал попойки в кругу таких же, как он сам, бездельников.

Чингиз-хан завоеванные при нем территории разделил на уделы между своими сыновьями. Но старшему сыну Джучи достались еще не завоеванные земли кыпчаков и Хорезм. Второй сын Чагатай получил Среднюю Азию, Семиречье и южную часть Восточного Туркестана. Уделом третьего сына Окотоя (Угедея) стала северная часть Восточного Тюркестана. К младшему сыну Тулую, по обычаям татаро-монголов, переходил коренной юрт отца — Центральная Монголия, а также Северный Китай.

Джучи погиб еще при жизни Чингиз-хана. Вопрос престолонаследии сыновья решили согласно Ясе. Отджегин (хранитель очага), Тулуй, которому была предоставлена столица, получил непосредственную власть над наследственными народами — монголами и кераитами. Остальными он должен был управлять временно, в качестве регента, и обязан был следить за соблюдением национального договора Яса. Тулуй имел в своем распоряжении печати отца и его министров, но не был провозглашен кааном.

Чингиз-хан своим сыновьям наделил самостоятельные уделы. Дети Чингиз-хана тоже не обладали талантом управления государством, как и братья. Поэтому в виде пожелания Чингиз-хан высказал в форме устного совета своим соратникам о не- допущении к власти двух старших сыновей. Письменного завещания, кому он желает конкретно передать власть, не было. После смерти Чингиз-хана во дворце началась великая

интрига. Этим воспользовались его дети. В законе Яса смертная казнь преследовала тех, кто осмелился назвать себя ханом, не будучи избранным специальным курултаем. В законе Яса нет положения о передаче власти от отца к сыну, то есть чингизидам. Правителя могли избрать среди вождей из племен монголов, которые на курултае поднимали Темучина на белой кошме и провозгласили его Чингиз-ханом: найман, керит, меркит и вошедшие в него позже роды онгут, аргын, кыпчак, дулат, жалаир, конырат, мангыт, ойрат и т.д., а не только прямых потомков Темучина. Курультай избрал Окотоя (Угедея) на каанский престол, хотя он не обладал даром правителя. Значит, дети Чингиз-хана перехватили власть и узурпировали, и власть перешла от отца к сыну. Добровольно от власти чингизиды в пользу достойных не отказались. После такого избрания началась династия Чингизидов. Все остальные племена соратники Чингиз-хана были отодвинуты и лишены права выдвигать альтернативных кандидатов на каанский трон. И это показывает, что закон Ясы был переписан детьми и внуками Чингиз-хана. При внуках Чингиз-хана управление государством привело к семейной клановой системе и бескомпромиссной борьбе за власть, где нарушались не только государственные законы, но и человеческие. Некоторые исследователи считают, что реформирование передачи власти начал сам Чингиз-хан, но не довел до конца.

В таком случае возникает множество вопросов. Если Чингиз-хан начал реформировать систему передачи власти от отца к сыну, то он не должен был наделять самостоятельными улусами своих детей. Вся власть должна быть у центральной власти. Кроме того, переход передачи власти от отца к сыну должен был быть разработан и утвержден законом. Во-первых, конкретно какому сыну передавалась власть — старшему, младшему и т.д., в противном случае после смерти хана начиналась братоубийственная война за престол, которая создавала смуту и расшатывала устои в государстве. Другой вариант — специальный курультай мог сам избрать правителя из сыновей умершего хана. Переход передачи власти от отца к сыну не давал полной гарантии стабильности и процветания государства. Опасность заключалась в том, что сыновья хана могли быть неадекватны, а у тюрков и монголов вся власть концентрируется у правителя и неправильные политические решения правителя (каана или хана) сразу негативно отражались

на жизни государства и его народе. Как показывает история, у власти часто оказывался бездарный человек. Поэтому еще один вариант избрания правителя, это специальный курултай, который мог выбрать самого талантливого руководителя или полководца из единомышленников хана.

Таким образом, в этом ответственном решении, как передача власти, Чингиз-хан проявил непоследовательность и не довел до конца свои реформирования. Этим воспользовались его дети из личных соображений и враги, которые умело манипулировали во время передачи власти, создавая смуту и хаос.

Установив новый порядок передачи власти от отца к сыну, чингизиды должны были отказаться от наделов самостоятельных улусов, переданных Чингиз-ханом, в пользу централизованной власти. Но этого они не сделали. Внуки Чингиз-хана, владея самостоятельно этими улусами, из своих соображений начали войну между собой, не подчиняясь центральной власти, что в конечном итоге было одной из многих причин распада огромного государства.

Выбрав оседлую имперскую систему передачи власти как в Китае, чингизиды при этом не провозгласили доктрину ответственности правителя перед духом Неба и народом, (почитать дух Неба и соблюдать интересы народа), а в случае невыполнения своих обязательств — лишения мандата Неба и власти. Мандат Духа Неба Тэнгри получали правители державы Хуннов и Тюркского каганата, и они становились Тэнгрирожденные. Во время избрания Угедея на престол он не получил мандат Духа Неба Тэнгри, значит он не был тэнгри рожденным каганом и не нес ответственности перед Небом и народом. Такой избранный правитель становился безответственным и ни за что не отвечающим человеком. В дальнейшем история показала губительность такой системы правления.

Нарушения чингизидами Степного закона о престолонаследии, незавершенность реформ — все это губительно сказалось на всем морально-нравственном состоянии государства, что, в конце концов, привело не только к развалу огромного государства, но, в конечном счете, его гибели.

Чингиз-хан начал свое возвышение с лозунга за справедливость в отборе в элиту. Он считал, что доступ в элиту должен быть свободным. Это видно из вводной части свода законов: «вельможи вступили в сговор с подчиненными и не приводили к власти людей не из своего круга». Когда был жив Чингиз-хан,

любой пришедший к нему человек мог претендовать на место по своим способностям. Это, несомненно, привлекало к нему людей, обиженных властью. Чингиз-хан с помощью закона Яса пытался это изменить в сторону справедливости. Но фундаментальная и справедливая система по отбору кадров в элиту не была разработана и узаконена ни при Чингиз-хане, ни при его потомках. После его смерти в элиту стали принимать по родству и личной преданности. Дети и внуки Чингиз-хана предпочли управление государством по семейно-клановой системе и личной преданности, тем самым уничтожили зачатки справедливости при отборе в элиту, заложенные в правление Чингиз-хана. Отбор в элиту по родству и личной преданности несправедлив и противоестественен, ибо стимулирует отрицательный отбор. При таком отборе происходит полное отчуждение простого народа от участия в управлении государством, и его контроля за распределением национальных богатств. Несправедливый и отрицательный отбор в элиту в последующем привел к катастрофе татаро-монгольскую империю и всего тюркско-монгольского мира.

Чингиз-хан завоевал и объединил многие государства и народы в одну империю. Встала острая необходимость в правящей элите и в чиновниках. После смерти Чингиз-хана от управления власти были отодвинуты племенные вожди и подвластные им племена. Из-за нехватки чиновников на подвластных территориях принимались чиновники из народов завоеванных стран. Нужны были чиновники и во дворце в Каракоруме. Но и там чингизиды не хотели держать соратников отца возле себя. Начиная с правления Угедея-каана, во дворец стали принимать чужих: китайских, персидских, европейских чиновников и советников. Хотя они служили каану, но они не забывали своего этнического происхождения и тайно служили интересам своего народа. Своими интересами они старались оказать влияние на правительство. С этого времени мнение каана стало формировать его окружение, которое не придерживалось законов Чингиз-хана. Так, с их появлением в правительстве татаро-монгольской империи в Каракоруме сформировались три партии.

Первая партия была китайской во главе с первым полномочным министром и одновременно первым советником Угедея Елюй Чу-цаем. Китайская партия мечтала о возрождении древней китайской славы времен Ханьской и Танской

империй. Для этого она считала необходимым, во что бы то ни стало перенести резиденцию и правительственный центр из Каракорума в Китай. К китайской правительственной партии примыкали буддисты Далай-Ламы. Они вели подготовку по обращению монголов в буддийскую веру и превращению их в своих вооруженных поборников в Китае против даосизотов, против философов конфуцианской школы.

Второй партией были мусульмане и христиане. Тюркские мусульмане мечтали об обращении каана в мусульманина и перенесении резиденции и правительского центра из Каракорума в Бухару. К мечтам мусульман присоединялись и христиане. Они мечтали перенести резиденцию из Каракорума в Алмалык, центр тогдашней христианской общины в Средней Азии. Немалую роль играли в г. Каракоруме послы и агенты из христианских стран. Истории известно о таких посланниках Папы Римского, как францисканский монах Ионна (Плано Карпини), Рубрук, Жуанвил, Марко Поло, которые письменно описали жизнь и быт татар. А сколько было тех, кого история не знает. Известно, что в Каракоруме были и посланцы тайного ордена тамплиеров.

К третьей партии, самой большой и ведущей, относились татаро-монголы, исповедующие культ Неба Тэнгри (тэнгрианство). Если в первой и второй партиях были люди в основном чиновники гражданской профессии, то к третьей партии относились военные. Они твердо подчинялись законам Ясы, верили в национальное единство и надеялись объединить всех до последнего тюрка и монгола. Своими идеями татары увлекли за собой и монгольских аристократов. После смерти отца потомки Чингиз-хана решили, что мир завоеван, цель выполнена, теперь можно расслабиться, а полководцы и воины, которые имеют свои мнения, отличные от хана, больше не нужны. Пусть они будут подальше от трона, где-нибудь в походах. И вот эта военно-аристократическая партия, самая сильная и надежная, постоянно находилась в походах и почти всегда отсутствовала в Каракоруме.

3.1. Поход в Европу

В 1229 г. на обширном курултае в г. Каракоруме избрали Угедея Великим кааном. По описанию европейского посла Рубрука, Угедей сильно отличался от своего грозного отца

тем, что он был очень добр, великодушен и терпимый ко всем. На курултае было решено продолжить покорение Цзинской империи и присоединить кыпчакские степи к империи татаро-монголов.

В начале 1330 года татаро-монгольские войска форсировали Хуанхэ. Полководцы Тулуй и Менгу взяли последнюю столицу империи Цзинь — г. Кайфын. Император и остатки его разгромленной армии укрылись в г. Цайчжоу.

«Непосредственно для завоевания Ляодуна Угедей в августе 1230 года посыпает сюда своего полководца Салитая. Салитай, прибыв в Ляодун, захватил здесь Гайчжоу, Сюаньчэн и еще более десяти городов. Так Салитай завершил полный разгром цзиньских войск в Ляодуне. В следующем 1231 г. войска Салитая получили приказ Угедея о выступлении против Кореи. В течение 1231—1232 гг. Корея была полностью за-воевана. Далее Угедеем было принято решение о завоевании государства Дун Ся. Поход против Дун Ся возглавил царевич Гуюк. В октябре 1233 года внезапным броском отборной татаро-монгольской армии и ее стремительным натиском государство Дун Ся было завоевано. Так, концу 1233 года весь Северо-Восточный Китай был завоеван татаро-монголами и включен в состав их империи».¹

В 1234 году совместно с сунскими войсками началась осада города Цайчжоу — последнего оплота цзиньских императоров. Город не могло спасти мужество отдельных чжурчженских отрядов и личной императорской гвардии. Чжурчжени мужественно отбивали атаки монгольских войск. Они проявили удивительную стойкость и отвагу. Позднее, когда монголы напали на далекую от их родины Центральную Европу, Субэтай сумел в два месяца (конец марта — середина мая 1241 г.) сокрушить все военные силы Польши, Силезии, Моравии, Богемии и Венгрии, поддерживаемые Германской империей, но тому же Субэтаю, Джебе, Мухали и целому ряду других полководцев понадобилось двадцать четыре года беспрерывной войны (1211—1235 гг.), чтобы справиться с чжурчжениями. Когда исчезла последняя надежда, император Ниньясу приказал сжечь свое тело после смерти, повесился. Так, в 1235 г. Цзиньская империя пала.

Чингиз-хан не оставил письменного завещания стратегии развития империи. Чингиз-хан при жизни разделил сыновьям уделы, из которых Джучи достались еще не завоеванные зем-

ли кыпчаков и Хорезм. Поэтому, покончив с войной в Китае и после частичного присоединения кыпчакских земель, Угедей в 1235 г. собрал курултай. На курултае было решение закончить завоевание кыпчакских земель.

В 1236 г. татаро-монгольские войска начали поход на Запад. Во главе войска стоял внук Чингиз-хана Бату. У Бату-хана было в войске 4 тысячи монголов (по Рашид-ад-дину), порядка 30 тысяч татар. Их возглавляли тысячи-онгуты, ими командовал Алчи-нойон. Это была гвардия Бату-хана. В 1232 году, уже после смерти Чингиз-хана, правителем онгутов был назначен младший брат жены Чингиз-хана Борте по имени Алчи. Алчи-нойон участвовал вместе с Чингиз-ханом во многих походах. В войске Бату-хана было также 20 тысяч чжурчженей, по 10 тысяч воинов киданей, кара-китаев, ойратов, керайтов, меркитов, найманов и т.д. Из Средней Азии были мобилизованы 10 тысяч карлуков. Татары-онгуты были союзниками киданей и чжурчженей (маньчжуров). Именно они составляли большую часть татаро-монгольского войска в западных степях. Армия продвигалась по протоптанной дороге со времен древнетюркских походов, через территорию современного Казахстана, далее на р. Яик, и в направлении нижнего течения р. Идели (Волги). По пути следования к войску примыкали воины со всей Великой Степи, преимущественно кыпчаки.

Выйдя на Нижнее Поволжье, армия разделилась на три части. Переправлялись войска через р. Волгу в трех точках: в Нижнем, Среднем и Верхнем Поволжье. По русским источникам, кыпчакский вождь Бачман, который оказал яростное сопротивление, погиб в дельте р. Волги. По китайским источникам, Бачман попал в плен и продолжил свою карьеру в татаро-монгольском войске. Видя надвигающуюся военную мощь, большая часть кыпчакских орд после нестойкого сопротивления сдалась и вошла в татаро-монгольскую империю. Только орда хана Котяна отступила за р. Тан (Дон). «На предложение сдаться Котян отказался и под ударами армии Бату-хана стал отступать на земли русских княжеств, которые были с ним в союзе. Чтобы его обойти и окружить, пришлось пройти через русские княжества».² Тогда Котян попросил убежище у мадьярского короля Белы IV. По договоренности поляки пропустили через свою территорию орду Котяна. Котян отступал к своим родственникам мадьярам. Мадьяры жили в Приуралье и Прикамье, но в IX веке откочевали в римскую провинцию

Паннонию и там создали Венгерское государство. С XII века мадьяры постепенно стали принимать христианство. В 1239 г. венгерский король Бела IV принял и лично встретил 40-тысячную орду хана Котяна на границе и велел королевским чиновникам расселить всех кыпчаков внутри Венгрии. Наследник Белы — Стефан — женился на одной из дочерей Котяна (крестившейся Елизаветой) и получил от короля титул «правитель куман». Бела, приняв кыпчаков, подписал с ними договор, согласно которому они должны отказаться от веры отцов и креститься в католичестве, и составить крепкую силу, подчиненную королю. Об этом узнали татаро-монголы. Это было дезертирство — проступок непростительный в глазах монголов. Еще в 1223 году кыпчаки не понимали идей татаро-монгольской империи, бежали к русским. Пришлось Джебе и Субэтаю наказать за это кыпчаков. Но урок не пошел впрок. Сейчас Котян, оставив свои земли, бежит к мадьярам. Ему больше по душе ходить ползком у ног мадьярского короля и принимать чужую веру, нежели добровольно войти в татаро-монгольскую империю и остаться ханом на своей земле. Венгерский король отклонил требования Бату не пускать кыпчаков в Венгрию. Принцип монголов: «Друзья наших врагов — наши враги». За такой проступок было решено Котяна наказать, а кыпчаков рассеять. Бату-хан не имел права самостоятельно действовать в таком межгосударственном деле. Он, как главнокомандующий армией, должен был просить Каракорум разрешение на преследование Котяна. Бату-хан был дисципнированным и четко выполнял свои обязанности. Но, возможно, Бату счел, что он свою задачу выполнил, кыпчаки рассеяны, а земли их включены в татаро-монгольскую империю, собирался возвращаться домой и не думал преследовать кыпчаков. Сегодня можно только делать предположения о тех событиях, так как никаких документов об этом нет. И вот здесь начинается самое интересное, в Каракоруме решают наказать мадьяров, чтобы они не защищали предателей. Почему? Мадьяры не угрожали и не напали на татаро-монголов, они приняли своих родственников. Мадьярам нужны были воины-родственники. Кыпчаки посчитали, что их обижают, и сбежали к родственникам. В Степи это считалось обычным явлением. Поэтому мало кто у кого скрывается, не воевать же за это со всеми. Кроме того, несмотря на близкое родство, мадьярские магнаты предательски убили в Пеште Котяна и других неофитов. Узнав об этом,

кыпчаки взбунтовались, и основная масса ушла на Балканы, сокрушая все на своем пути. Ушедшие кыпчаки поступили на службу к императору Никеи Иоанну III Ватацу. Только часть кыпчаков осталась в Венгрии. Так Котян и его окружение своими амбициями и безответственными решениями погубили не только себя, но и ввергли в гибельное положение свой народ.

Как будто разногласия между татаро-монголами и мадьярами были исчерпаны. Вести армию в Европу против мадьяр, значит начать войну и против поляков, через их территорию надо проходить. За них заступятся Папа Римский, крестоносцы и весь христианский мир. Значит война будет со всеми европейцами. Татарам это надо? Конечно, нет. Татары тэнгрианцы, а европейцы — христиане и католики. В Европе у татар не было ни друзей, ни союзников, одни враги. Татаро-монгольской империи ввязываться в эту войну совершенно было не нужно. Тогда возникает вопрос, из каких соображений Угедей принял такое ответственное решение, как дать приказ на войну с крестоносцами. В завете Чингиз-хана не было указания достичь «последнего моря». Можно только предположить, что во время очередной попойки, в кругу своих друзей, кто-то из советников посоветовал ему достичь «последнего моря». Несужели ему самому пришла в голову ненасытная жажда к расширению территории? Но что бы то не было Угедей дал приказ на вторжение в Европу. Такое ответственное решение для империи не было обсуждено ни в одном высшем органе власти.

Возникает вопрос, кто мог внедрить в голову Угедея такую идею, кто был автором проекта достичь «последнего моря»? Ответ можно найти, если отвечать на вопрос, кому это выгодно? В тэнгрианстве нет «вселенских проектов» покорения всех народов, значит ни советники, ни жрецы тэнгрианства не могли посоветовать так. Поэтому у Чингиз-хана не было в планах завоевание мира. Такие проекты есть у иудеев и у европейских тайных организаций (орденов), и об этом мечтал в то время Папа Римский. Папа Римский и жрецы тайных организаций ясно осознали, что на мировую арену вышли татаро-монголы, имеющие необъятные земли, с неограниченными природными ресурсами, своеобразным образом жизни, со своим национальным мировоззрением и культурой. И надо было срочно «подставить» и «опустить» этих татаро-монголов. Самое лучшее для «опускания» — чтобы татаро-монголы ввязались в нескончаемые войны со всем миром. Предложенная идея до-

стичь «последнего моря», то есть завоевать все народы земли, устраивала и китайских советников, чтобы «пассионарные» люди были вдали от столицы. Она устраивала и самого Угедея, так как она совпадала с его желанием держать вояк подальше от дворца. Это давало ему спокойную расслабленную жизнь со своими друзьями собутыльниками и со своей семьей в Каракоруме.

Из истории известно, что во все времена во время своего правления правящая власть преследует главные цели — это четкая работа на интересы своего народа или на сохранение своей неограниченной власти. Если власть в стране не работает на интересы народа, то такая страна слабеет, и правящая верхушка допускает роковые ошибки, которые потом дорого обходятся народу.

Армия Бату-хана перешла границу и вошла в Польшу. Объединенная польско-немецкая армия Генриха Благочестивого, собранная из добровольцев-рыцарей, готовых умереть, но не пропустить татар в Европу, встретила одно крыло татаро-монгольской армии при Лигнице 9 апреля 1241 г., а объединенная венгеро-хорватская армия Белы IV решила уничтожить другой корпус татаро-монголов при Шайо 11 апреля 1241 г. Обе армии были разбиты наголову татарами, а население, особенно в Венгрии, сильно пострадало. В этих двух битвах погиб цвет немецкого и польского рыцарства. Летучие отряды татар громили мелкие города и замки феодалов.

Как же реагировали государи христианского мира на разгром и опустошение двух католических стран — Польши и Венгрии? Как видим, многие встретили татар как врагов, а были и такие, которые отнеслись спокойно. Если Западная Европа была в панике, страх охватил не только Германию, но и Францию, Бургундию и Испанию и вызвал застой в торговле Англии с континентом, то венецианцы, к владениям которых так близко подошли татаро-монголы, были спокойны, они знали, чего хотят монголы. Фридрих II вел тайные переговоры с Батыем. Когда же выяснилось, что татаро-монголы на Германию не посягают (ведь кыпчаков там не было), в июне 1241 г. войска Фридриха II двинулись на Рим и овладели землями римской церкви.

Угедей (Окотой) — Великий хан с 1229 года — умер 11 декабря 1241 года по официальной версии от чрезмерного пьянства, а по версии Плано Карпини был отравлен. До 1246 года Монгольским улусом правила меркитка Туракина — жена

Угедея и мать Гуюка. В Венгрию пришло официальное известие о его смерти. В Каракоруме в правительстве началась борьба за власть. В тот период шла смена поколений. Старые ветераны умирали и оттеснялись от власти, новое поколение мало знало о временах создания империи. Со временем некоторые детали из жизни Чингиз-хана стали стираться из памяти народа. Государственная система стала идеализировать личность Чингиз-хана. В 1240 году была написана книга неизвестным автором «Тайная история монголов», но сохранилась она только в переводе на китайский язык. В книге «Тайная история монголов» подробно изложена родословная Чингиз-хана, а также история формирования его окружения. Книга выполнена в стихотворной форме, написана замечательно и талантливо. Русский синолог Кафаров (в монашестве Полладий) вывез ее из Китая, перевел с китайского языка на русский и издал в 1866 году. «Тайная история монголов» в русском переводе академика С.А. Козина названа «Сокровенное сказание монголов». Книга писалась тогда, когда грамотеи с соизволения каана оттесняли ветеранов. Возможно, он был участником тех событий и был среди тех нойонов, и книга его была рассчитана на пропаганду среди этих обиженных офицеров, где он доказывал им, что соль земли именно они и что им обязана империя своим существованием. Автор восхвалял доблесть и возврат к исконной традиции. В 1240 году автор был, видимо, стар, потому что если в 1182 году ему было 16—18 лет, то в 1240 году ему должно было быть под 80 лет. Конечно, это была «Тайная история», так как монгольское правительство никогда не допустило бы открытой пропаганды таких взглядов.

Претендентом на престол становился злейший обидчик Батыя сын Угедея — Гуюк, за которого пока правила его мать — ханша Дорэгэнэ-хатун. Сразу же после смерти Угедея закрылась и «большая идея» «последнего моря», видимо, ханше Дорэгэнэ-хатун было не до «последнего моря». Согласно монгольскому обычью, все предприятия, кроме неотложных, должны были быть приостановлены до выбора нового хана. Не получив приказа что делать дальше, Бату-хан счел свою задачу выполненной, он уничтожил кыпчакскую орду, бежавшую в Венгрию, и поэтому дал команду войскам отходить на берега Нижней Идели (Волги). Субэтай принял меры к эвакуации всех войск из всех стран от Адриатического моря до Днестра.

Бату выполнил главную поставленную перед ним задачу, включил кыпчакские земли в состав татаро-монгольской империи. Кыпчаки — родственники татар, одна кровь, один менталитет, один язык. Территория, которую занимали кыпчаки, была некогда территорией Тюркского каганата. Бату-хан ни в Европе, ни в русских княжествах не оставил военных отрядов. Значит, о завоевании этих территорий не может быть речи.

Победы татаро-монголов в Европе не дали татарам ни экономической, ни политической выгоды, может быть, только моральной, что они победили европейцев на их же территории. А в остальном один вред. Воины и их семьи страдали от неизвестных в дальних походах. Погибло много татаро-монгольских воинов в войне с крестоносцами. Причем на войне погибают самые лучшие. Этот поход настроил христиан против татар. В Европе во всех церквях и городах стали распространять клевету о зверствах и кровожадности татаро-монголов. Они говорили, что татары — это исчадие ада («тартары»). В сознании европейцев это нашествие сохранилось по сегодняшний день. «После ухода татаро-монгол из Европы, папа Иннокентий IV на ливонском соборе 1245 г. объявил крестовый поход против татар».³ Но, так как военные столкновения пока посчитали бесполезными, предоставили вести войну разведчикам. Так руками Угедеятатар «подставили», чтобы в будущем «опустить».

В 1243 году, вернувшись из Европы, Батый-хан начал расселять по всему улусу свое войско, мобилизованное специально для похода. Алчи-нойон со своими войсками остался вместе с Бату-ханом в Поволжье. Два тюменя (20 тысяч воинов со своими семьями) чжурчженей (маньчжуров), киданей и большая часть татар-онгутов расселились в Поволжье, Прикамье, Приуралье. Татары-онгуты, кидани (кара-китаи) и чжурчжины привезли на берега Волги с далекой Великой Китайской стены свою родную татарскую музыку-пентатонику. Татарская музыка-пентатоника схожа с музыкой чжурчженей (маньчжуров), монголов, китайцев, корейцев, японцев. Татары-онгуты переняли у своих союзников киданей и чжурчженей их символы. Чжурченский дракон на знаменах татар развивался в степях Европы, а затем стал гербом Казани. Дракон — это твердь духа победы. В китайской традиции Дракон, как символ несокрушимой мощи, связывает силы небесные с подземными силами. Дракон долго спит, потом взлетает в блеске могущества, затем опять долго спит. Другая часть татар-онгутов была пе-

реселена в современные оренбургские и северо-казахстанские степи. Часть онгутов была отправлена в Крым. Впоследствии онгуты и мангыты составили часть Ногайской Орды. Род онгутов встречается у казахов, под названием унгит, есть род и у монголов. У башкир он известен под названием унлар. Часть онгутов участвовала в этногенезе крымских татар.

Вместо выселенных из черноморских и донских степей орд кыпчаков на их места были направлены карлуки, найманы, кара-китай, мангыты, меркиты, кияты, конраты и т.д. Эти же племена и рода частично были оставлены в Среднем и Нижнем Поволжье, в Прикамье и Приуралье. Таким образом, татары — потомки среднеазиатских хуннов, воинственных тюрок-шато, далее обитавшие под этнонимом дунху, потом татабов, онгутов, прияя с Бату-ханом на Запад, дали свое имя «татар» тюркским племенам, заселившим бассейны рек Волга, Урал, Дон, Кубань и т.д. Согласно Рашид-ад-дину, старшей женой Бату-хана была Боракши-хатун из татарского рода «алчи». Принятие общего названия татар всеми тюркскими родами и племенами стало, видимо, из-за положения пришлых татар в государстве, а также их боевого духа.

Кыпчакские племенные вожди, которые воевали против татар, были увезены в Каракорум как пленники, те, которые добровольно вошли в империю, остались на своих прежних местах. Ранее некоторые кыпчакские ханы были союзниками русских князей. После разгрома кыпчаков русские княжества потеряли своих союзников. Крестоносцы наступали на русские земли. Защищать русские границы от западных захватчиков приходилось самим. На западной границе началась жестокая война, и ливонцы вешали русских пленников. Нужны были союзники, без них нельзя. Это подтолкнуло многих русских князей ехать в Орду в Каракорум. И первым из князей был Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Великий князь Ярослав, находясь в Каракоруме на выборах Великого каана, был отравлен в ставке Гуюка по доносу своего же боярина Федора Яруновича. Как в дальнейшем было установлено, Федор Ярунович был агентом папы и оклеветал князя Ярослава, приписав ему контакт с Лионским собором и, следовательно, измену монголам, с которыми тот заключил союз. Ханша, мать Гуюка, была меркитка, а сибирские народы сами не лгут и поэтому верят чужим словам. Ханша поверила доносчику, и князь Ярослав, находившийся в Каракоруме, был отравлен. За это

Александр изрубил на куски доносчика Федора Яруновича. Видимо, яд во дворце был эффективным оружием.

Александр Невский, дважды разбивший католических рыцарей и почти ежегодно отражавший литовские набеги, искал дружбы и союза с татарами. И этот договор был заключен. Но заключили договор не союзнический, а вассальный, т. е. признавали сузеренитет монгольского хана в Каракоруме и Батыя как старшего в роде Борджигенов. Если бы был договор союзнический, то он обязывал бы помогать во время войны друг другу. А здесь заключили договор, где русское княжество как вассал должно платить дань (налог) 10 процентов, а за это татары будут обороныять его от Запада. Заплати десять процентов, и спи спокойно, татары тебя будут защищать и оберегать. Конечно, дань 10 процентов для татаро-монгольской империи была мизерной в ее бюджете, защищать русское княжество было убыточным делом. Другие удельные князья, увидев выгоду от такого договора, тоже поехали в ставку Бату, для заключения договоров. Добровольно став вассалами татар, русские платили дань (десять процентов от прибыли). Конечно, русские князья платили 10 процентов дани, и притом нерегулярно, ведь им самим нужны были деньги на содержание своих дружин. А деньги у них были не малые, они имели свои дружины и успешно развивали свои княжества. Выгода такого союза была очевидна, ведь известно, во время смут в Татарии (Золотой Орде) русские княжества спокойно могли выйти из этого договора. Но русские княжества до конца держались за этот договор, даже после распада Золотой Орды продолжали платить дань крымскому ханству. Тогда для чего ханша Дорэгэнэ-хатун, а в дальнейшем и другие чингизиды продлевали такой невыгодный договор, где все выгоды доставались русским княжествам? Просто татарские ханы «крышивали» русских князей.

Кроме того, раз русские княжества были вассалами империи, то русские купцы могли свободно торговать в татарских городах во всей империи. Открывалась возможность и для христианских священнослужителей, в татарских городах они стали строить церкви и заниматься миссионерством среди татар и монголов. Этот договор обязывал правителей Каракорума разбираться в интригах и склоках русских князей, предотвращать междуусобицы среди князей, в разборках православной церкви и т.д. Спрашивается, это нужно было татарам?

В период романовской династии появились в исторической науке различные мифы и разрабатывались теории о «монгольском нашествии», «татарском иге», где татары представляются завоевателями и притеснителями русских княжеств. Якобы татары обрекли русский народ на нищету и бесправие, но, несмотря на это, русские защитили не только себя, но и Европу от порабощения. Китайское название «Иго» (иероглифический символ: «Единое государство». На китайском языке «татарское иго» переводится на русский язык как «татарское единое государство». Такое информационное прессование татар продолжается по сегодняшний день. Так за ошибки своих правителей предков приходится нести ответственность потомкам.

3.2. Поход на Ближний Восток

«Летом 1246 года около источников Орхона, недалеко от Каракорума, был установлен большой город из юрт, куда прибыли чингизиды, правители областей и государств, за исключением Бату. В соответствии с желанием Туракиной — жены Угедея и матери Гююка курултай избрал в качестве великого каана ее сына Гююка. Новый великий каан принял власть с условием, что империя будет оставаться наследством его семейной линии. По впечатлению францисканского монаха Плano Карпини, направленного папой Иннокентием IV в Каракорум, который был свидетелем избрания Гююка, у него был крутой нрав, энергичный, властный, очень ревнивый по поводу своей власти. Он был полон решимости восстановить властные отношения между великим ханом и чингизидами до уровня, который имел место при Чингиз-хане. В тот период ключевые стратегические решения стали приниматься узкой группой людей, которые исключали возможность широких общественных обсуждений. Францисканский монах Плано Карпини отметил, что при Гююке решения хан принимает в кругу семьи. Эта узкая группа людей действовала и говорила от имени народа. Фактически они свои собственное видение стали навязывать всей остальной стране. Навязывания своего мнения начали происходить и на всеобщих курултаях, которые впоследствии решили вообще отменить. Чтобы подавить непокорность Бату-хана, он в начале 1248 года начал поход на запад от Каракорума. Узнав об этом, Бату-хан выдвинулся навстречу со своим

войском и достиг Семиречья возле Алатау, между озером Иссык-Куль и рекой Или. Столкновение казалось неизбежным. За три дня от столкновения после большого пиршества и попойки Гуюк заболел и умер. Это было в начале апреля 1248 года. Ему было 43 года. После смерти Гуюка его жена Огуль Гаймыш правила империей до выборов курултая».⁴

На курултае 1251 г. в Каракоруме, на престол Великого каана был избран Менгу-каан (1251—1259 гг.), сын Тулуя. Как сообщает «Алтан товч», Бату окзал психологическое давление на выборы, явившись на курултай во главе военных отрядов своего улуса. Бату доказывал участникам курултая, что Менгу вполне заслужил каанский престол по двум причинам: во-первых, в предыдущем походе на Запад он проявил себя как искусный полководец; во-вторых, Менгу как потомок младшего Тулуя, согласно традиции кочевников, имеет больше прав на наследственный трон своего деда. В конечном итоге сторонники Бату-хана выбрали каана Менгу, с чем не были согласны потомки Угедея. Многие из них покинули Каракорум и отправились в свой улус в Табагатайский район, среди южных предгорьев Алтая. На курултае было решено ускорить окончание войны в Китае и навести порядок в Иране. Для этой цели было решено послать два больших ополчения: в Китай под руководством Хубулай-хана и в Иран под главенством Хулагу-хана, братьев Менгу-каана. Потомки Угедея, отказавшиеся признать своим кааном Менгу, организовали против него заговор, но он был раскрыт и 77 его участников были казнены.

Менгу-каану было 43 года, когда его избрали великим ханом. Он был молчаливый, не терпел излишества и разврата. Его развлечением и отдыхом была охота. Менгу был хорошим воином, энергичным человеком, строгим, но справедливым администратором. Получив в правление улусы или уделы, чингизиды считали себя хозяевами этой территории и старались не платить налоги центральной власти. Менгу-каан пресек такие вольности.

В 1252 г. началась подготовка к походу в Иран, который являлся общеимперским предприятием. Из всех имперских улусов было выделено по два человека из каждого десятка, вместе с семьями, и все они были переданы в распоряжение Хулагу-хана. Общее количество войск, которыми располагал Хулагу, по свидетельству армянского историка XIII в. Инока Магакии, доходило до 70 тысяч воинов.

Хулагу-хан три года не спеша шел до Ирана. В Иране Хулагу-хан начал войну с исмаилитами (ассасины) — хорошо вооруженная банда террористов. Первой жертвой татаро-монголов стал горный замок Аlamut, где жил последний исмаилитский «старец» (пир) Хуршах, молодой человек, унаследовавший власть от своего отца. Он был любитель вина и женщин, поощрявший интриги при своем дворе. Он мог бы еще долго сидеть в своем замке, но у него сдали нервы. Узнав, что ему лично обещана жизнь, он явился в конце 1256 г. в ставку Хулагу. Тот отправил его в Каракорум, но Менгу-каан терпеть не мог изменников и приказал убить Хуршаха в пути.

Всего было взято и разрушено около 40 исмаилитских крепостей. Дольше всех (3 года) сопротивлялась крепость Гирдкух, близ Дамгана, и, в конце концов, она тоже сдалась. Привычка к злодеяниям не воспитывает доблесть. Все исмаилиты, обнаруженные татаро-монголами, были убиты».⁵

Во дворце в Каракоруме еще во время правления Гуюка находился Гетум I, царь Армении (Киликии). Гетум I был проницательным армянином и хорошим дипломатом. Он добровольно признал свое государство вассалом татаро-монгольской империи и обещал во всем помогать татарам. Гетум I делал все, чтобы татаро-монголы начали войну против мусульман, считая, что это укрепит христианский мир против ислама. Менгу-каан очень хорошо относился к Гетуму I и вручил ему, верному своему вассалу ярлык. Ярлык, говорит армянский летописец, имеющий его печать и полный запрет на любые действия против личности или государства Гетума. Менгу-каан брал армян под свою защиту, разрешал армянам строить церкви во всех уголках татаро-монгольской империи и заниматься миссионерством. Другой армянский историк, монах «Хайтон», в своей летописи утверждает дополнительно, что Менгу дал Гетуму заверения, что великая монгольская армия под командованием его брата, хана Хулагу, будет атаковать Багдад, разрушит халифат, их «смертельного врага», и возвратит Святую Землю христианам. Полный уверенности, Гетум покинул монгольский двор и возвратился назад в Киликию в июле 1255 года.

После смерти пророка Мухаммеда в мусульманской общине Ближнего Востока появилось новое течение, которое впоследствии назвали шиитами. Среди мусульман началась гражданская война между шиитами, выступавшими под белым знаменем, и их противниками — омейядами — под зеленым.

Эта война продолжалась на протяжении многих веков с переменным успехом. В 776—783 гг. в Средней Азии поднялось религиозное народное движение. Восстание возглавлял Мукарна, предводитель мусульманской секты аспидджамакия, что значит «люди в белых одеждах». Затем известно восстание в Гургане под именем сурх алем («краснознаменные»). В 816—837 гг. развернулось большое крестьянское восстание под предводительством Бабека в Азербайджане и Западном Иране. Участников его называли «одетыми в красное». Идеологическим стержнем движения Бабека было учение хуррамитов. Появился тайный орден исмаилитов, который проповедовал свой ислам. Появления новых течений в исламе постоянно сопровождались гражданской религиозной войной за «чистоту ислама». Ближний Восток постоянно жил в напряжении.

К халифам нанимались тюркские кочевники, наемники (гулямы), которые, служа арабскому правителю, впоследствии принимали ислам. Туда попадали тюркские рабы, которые впоследствии становились профессиональными воинами мамлюками. Тюрки на Ближнем Востоке были чужими к людям, климату. Между арабами, персами и тюрками было общее лишь исповедование ислама. Газневидские и сельджукские султаны, хорезмшахи, принявшие ислам, вели захватнические войны на Ближнем Востоке. Так как в халифате религиозному происхождению придавалось большее значение, чем национальному, то у них на Ближнем Востоке кроме врагов были и друзья. Много раз они завоевывали Халифат и принуждали халифа читать хутбу на свое имя. Ближний Восток, Передняя Азия постоянно бурлила, воевали все друг с другом. Трудно было разобраться, кто друг, а кто враг. Более трех веков шли религиозные войны среди мусульман внутри общины, так к этому добавились еще «крестовые походы» Запада.

«В 1096 году Папа Римский смог организовать поход рыцарей в Палестину на Святую Землю за освобождение Гроба Господня. Участвовавших в походе рыцарей стали называть крестоносцами. Крестовый поход продолжался три года. Результатом его было завоевание четырех городов: Эдессы, Антиохии, Триполи и Иерусалима. Это еще не было государством, но каждое из укреплений сделалось центром завоевания. На завоеванных землях крестоносцы создали свои тайные ордена: тамплиеров, иоаннитов, тевтонцев. С начала первого крестового похода прошло почти 200 лет, за это время было со-

вершено семь крестовых походов, а расширить захваченные территории так и не удавалось. Тюрки-сельджуки завоевали Малую Азию, Сирию и Палестину, а тюрки-кыпчаки были проданы в египетскую армию, сделавшись там мамлюками (рабами). Все они, разных племен и родов, оказались волею судьбы в чужих краях: одни как завоеватели, другие как рабы-воины. Арабы потеряли воинственность и уже не способны были защищать не только свою (исламскую) религию, но даже свои земли — все это они предоставили тюркам. Все крестовые походы были разбиты тюрками-сельджуками и тюрками-мамлюками. Кроме того, Багдадский халиф в своих проповедях постоянно призывал мусульман на войну против неверных крестоносцев. Крестоносцы пали духом. Сотни тысяч погибших, а закрепиться на Ближнем Востоке не получается. И вот в такой горячий регион в Каракоруме решили послать имперскую армию для завоевания этих земель. Поход Хулагу-хана был конкретен: по решению курултая уничтожить исмаилитов и навести порядок в Иране, привести к покорности багдадского халифа и его союзника султана Египта, во власти которого были Сирия и Палестина.

Уничтожение исмаилитов можно понять и объяснить. Это было решением курултая. На подвластных территориях Персии (Ирана), которые вошли в состав татаро-монгольской империи, исмаилиты (ассасины) продолжали заниматься грабежом и террором. Они не подчинялись законам Ясы. По современным понятиям, занимались рэкетом. Убивали знатных и незнатных, мусульман и христиан, всех тех, кто не хотел платить или служить им. Они были всем враги. Несколько раз сельджукские султаны и хорезмшихи начинали войну по уничтожению замков исмаилитов в горах, где они скрывались, но до конца дело не доводили. Уничтожить исмаилитов по татаро-монгольскому закону, значит защитить своих подданных.

Татаро-монголы были тэнгрианцами. У татаро-монголов на Ближнем Востоке не было ни друзей, ни союзников, одни враги. Багдадский халифат и Египет не угрожали и не нападали на татаро-монгольскую империю. Тогда спрашивается, зачем Менгу-каану надо было дать команду посыпать армию в чужие земли, которая не угрожает татаро-монгольской империи? Ввести армию на Ближний Восток, означало натравить на татар весь мусульманский мир. Надо ли это татарам? Конечно, нет. Возникает вопрос, кому это было нужно? Такой по-

ход нужен был Гетуму I, царю Армении (Киликии), крестоносцам, Папе Римскому и тайным орденам, обосновавшимся на Ближнем Востоке, которые терпели поражения от египетских мамлюков и сельджуков. И вот приходит известие из глубины Азии, идет армия татаро-монголов покорить Багдадский халифат, египетских мамлюков и тюрков-сельджуков. Крестоносцы, Папа Римский и тайные ордена ликуют, наконец, счастье повернулось в их сторону. Встает вопрос, кто так хорошо поработал с мозгами Менгу и внедрил ему в голову «завоевание мира», то есть завоевание всех народов земли. Это могли только агенты Папы Римского и агенты тайных орденов, которые владели системой воздействия на людей, действующие в обход сознания через подсознания, и хороший дипломат Гетум I, царь Армении (Киликии). Война с Багдадским халифом и Египтом — это обычная «подстава» и «опускание» татаро-монгольской империи.

Когда татаро-монголы вторглись на территорию Ирака и Сирии, они быстро осознали, что договориться с непокорными народами практически будет невозможно, и здесь они не найдут ни подданных, ни союзников. В январе 1258 г. войска Хулагу-хана подошли к Багдаду. Последний аббасидский халиф ал-Мустасим (1242—1258), человек праздный и безвольный, любитель музыки и шутов, не знал на что решиться. Там было много людей, умевших носить оружие, и еще больше денег, чтобы нанять тюрков, бродивших по Ираку, но не было воли к сопротивлению и порядка. Сразу сложились партия войны и партия мира. Первые вышли навстречу армии Хулагу и погибли в бою. Вторые, в том числе и халиф Мустасим, 10 февраля 1258 г. сдались. Татаро-монголы пощадили город. Через несколько дней Хулагу-хан въехал в Багдад и приказал халифу показать скрытые в тайных казнохранилищах сокровища Аббасидов. Дрожащий от страха халиф был принужден признаться в существовании тайных складов, полных золота и ценностей. Все, что в течение 600 лет было собрано Аббасидами, горами нагромоздили вокруг ханской ставки. Затем возле такого несметного богатства Хулагу устроил заседание своих прорицателей. Он спросил их: «Если халиф будет казнен, произойдет ли землетрясение?» После долгого размышления совета мудрецов при Хулагу-хане прозвучал такой ответ: «Ничего же не произошло после смерти Иона Крестителя, Иисуса Христа, мученика Хусейна, внука пророка Мухаммеда».

Затем к горе сокровищ халифата привели пленного халифа Мустасима. Хулагу задал ему вопрос: «Зачем ты собирал такое богатство, если оно тебе в самый трудный момент жизни не помогло?». Мустасим молчал, кажется, он впервые в своей жизни задумался над этим. Далее Хулагу-хан спросил халифа: «Почему не раздал эти богатства своему народу, он бы тебя за такие деньги отбил бы от стен твоего города любого врага, не только меня». Хулагу-хан приказал казнить халифа. Монголы и тюрки верили, что если бы хоть одна капля его крови упала на землю, был бы потрясен весь мир. Поэтому халифа завернули в ковер и по очереди трясли до тех пор, пока он не умер. Вместе с ним были умерщвлены все мужчины фамилии Аббасидов, женщины же были обращены в рабство. Так арабо-исламский халифат, просуществовавший свыше пятисот лет, пал.

«Христиане Ближнего Востока ликовали. Хулагу, чтобы обрести больше союзников среди христиан, подарил дворец халифа несторианскому патриарху. Некоторые мечети окропляли святой водой и превращали в церкви. Армянский царь Гетум предоставил Хулагу-хану несколько тысяч армянских воинов. Множество храбрых добровольцев — армян, сирийцев — пополнили имперское войско и двинулись в Палестину. После падения Алеппо Хулагу, все подчиняя на своем пути, дошел до Иерусалима, но входить в этот город не стал. Везде и всюду он расставил своих наместников над покоренным населением Иерусалима и взял курс на Дамаск. Дамаск и Майяфарикин, пали только в 1260 г., потому что героически защищались. На открытых пространствах Сирии и Палестины татаро-монгольская конница не имела себе равных, и весна 1259 г. застала имперский авангард у стен Газы. Летом 1260 г. лучший полководец Хулагу найман Китбуга-нойон со своей армией в двадцать тысяч человек стоял у Баальбека, с востока его охраняла пустыня, на западе высились замки союзных христианских рыцарей.

Владетель Сидона Жюльен поправлял свои финансовые дела грабежом соседей. В отсутствие мамлюков он грабил Сирию, а после завоевания Сирии татаро-монголами снова напал на беззащитное население и с добычей и пленными вернулся в Сидон. Татаро-монголы были изумлены. Они полагали, раз они воюют с мусульманами, то христиане и крестоносцы непременно будут им союзниками. Они полагали, что набеги можно и нужно делать на врагов, но не на союзников, а грабежом

может заниматься разбойник, а не принц. Племянник Китбуги с небольшим отрядом погнался за сидонскими рыцарями, чтобы выяснить недоразумение, освободить пленных и вернуть принадлежащее им имущество. Рыцари увидели, что монголов мало, повернули коней, окружили монгольский отряд и всех убили.

Китбуга знал: за удаль в бою не судят, а предательское убийство доверившегося не прощают. Не успели жители Сидона отпраздновать удачный набег, как у стен их города появились монгольские всадники. Город защищался, а затем жители Сидона эвакуировались на остров на генуэзских галерах, куда монголы, не имеющие флота, попасть не смогли. Тогда монголы разрушили часть города полностью, а стены срыли.

Мамлюки — это конное войско египетского султана, набранное из бывших рабов тюркского происхождения. Из Великой Степи на невольничьи рынки Востока обильно шел живой товар. Особым спросом пользовались тюркские юноши. Много было тюрков-огузов. Но все же большинство были кыпчаки, которые во время войны попали в плен к татаро-монголам и были проданы в рабство. Они были отличными всадниками и стрелками из лука. Поэтому правители Востока охотно покупали их для личной охраны и своего войска. Обучение воинов длилось несколько лет. Воинам платили хорошую зарплату. В зависимости от заслуг повышались в чине. Воинам-ветеранам выплачивалась пенсия, а их семьи получали бесплатно продукты питания. При принятии ислама им разрешалось сохранить свои тюркские имена. Многие из них, даже став султанами, эмирами или наместниками областей, не знали арабского языка, говорили только по-турецки. По результатам исследований, в средние века более 160 султанов и эмиров мамлюков правили в странах Ближнего Востока.

Мамлюки Египта (kyпчаки) были родственны татарам, один язык, один менталитет, одна кровь. Они попали в Египет как рабы из территорий современного Казахстана, Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа, Крыма. В Египте многие приняли ислам и считали татаро-монгол «неверными», значит врагами. «Султан Египта мамлюк Кутуз не стал дожидаться, когда татары-монголы пойдут на Египет, и решил сам дать бой в Сирии. Мамлюки Кутуза быстро форсировали синайскую пустыню и, используя численное превосходство, легко опрокинули монгольский заслон в Газе, но монгольский нойон Байдар

успел известить Китбугу о вторжении. Китбуга, который стоял у Баальбека, узнав о внезапно начатой войне, со всеми своими войсками двинулся на юг, к Назарету, чтобы остановить мамлюков. Китбуга считал, что кони мамлюков утомятся переходом, а отдохнуть им негде, а в то время степень утомленности коней в немалой степени определяла исход сражения. Китбуга не думал, что крестоносцы вновь пойдут на предательство. Кутбуга считал, на пути мамлюков крестоносцы, с которыми они воюют. Значит отдохнут мамлюкам негде. Татаро-монголы заблуждались и не понимали, что крестоносцы уже почти 200 лет живут в Палестине, за это время они с местным населением притерлись, и, несмотря на то, что они воюют с мусульманами, они могут найти общий язык и договориться. Кроме того, христианство и ислам — авраамские религии, есть много общего и поэтому когда необходимо, мусульмане и христиане находят общий язык. Поэтому хоть и воевали крестоносцы с мусульманами, но к ним относились лучше, чем к татарам. Татаро-монголы были тэнгрианцами, крестоносцы считали их «язычниками» и пришедших по недоразумению в эти края откуда-то из Азии. Но раз эти азиаты воюют с мамлюками и мусульманами, это хорошо, но не более.

Слава хана Хулагу дошла до Италии и Франции. Европейцы надеялись, что, наконец, можно будет забыть о крестовых походах, о взимании с них денег, которые оседали неведомо в чьих карманах, и о бесконечной, давно надоевшей болтовне по «этому поводу». Но тут наступило роковое «мгновение», которое повернуло историю всего континента в новое русло, чего никто не мог предвидеть. Второе предательство рыцарей Акры своих союзников — татаро-монголов и смерть Менгу-кана. Иногда самая грандиозная геостратегическая спецоперация может сорваться на ничтожной банальной жадности.

«К тому времени, когда утомленные большим переходом мамлюки подошли к крепости Акре, заканчивался рыцарский совет Акры, где обсуждался вопрос о союзе с мамлюками, т.е. с мусульманами, против монголов — защитников христианства. Это было второе предательство крестоносцами, которое лежало вне возможностей нормального воображения монголов. Только магистр тевтонских рыцарей помешал заключению этого союза. Ограничились компромиссом: позволили мамлюкам отдохнуть под стенами Акры и даже впускали мамлюкских вождей в крепость, чтобы хорошо угостить.

За эти услуги рыцари Акры заключили с мамлюками торговую сделку: мамлюки обязались продать им за низкую цену лошадей, которые будут захвачены у монголов. Но мамлюки не выполнили своих обязательств. Видимо, степнякам были слишком противны титулованные спекулянты.

Дав войску и коням хороший отдых, султан Кутуз прошел через владения крестоносцев в Галилею, чтобы оттуда напасть на Дамаск. Китбуга с монгольской конницей и вспомогательными отрядами армян и грузин встретил мамлюков у Айн-Джадуда, недалеко от Назарета 3 сентября 1260 г. Монгольские кони были утомлены форсированным маршем, но монголы, еще не потерпевшие ни одного поражения, рвались в бой, доверяя своей силе и храбрости. Они верили в свою победу.

Кутуз, используя численное превосходство, укрыл фланги в глубоких лощинах, а против главных сил Китбуги выставил авангард под командованием своего друга Бейбарса. Татары-монголы пошли в атаку и скрестили сабли с кыпчаками-мамлюками. Бейбарс устоял. Фланговые части вышли из лощин и окружили татаро-монголов. Китбуга метался по полю битвы, пока под ним не убили коня. Тогда мамлюки навалились на него и скрутили ему руки.

Разгром был полный. Беглецы с поля боя тоже не уцелели. Их усталые кони не могли уйти от свежих мамлюков. Связанного Китбугу привели к султану Кутузу. Китбуга гордо заявил, что Хулагу-хан поднимет новую конницу, которая зальет ворота Египта как море. Потом добавил, что он был верным слугой своего хана и никогда не был цареубийцей. После этих слов Кутуз велел отрубить Китбуге голову.

Кутуз, казнив Китбугу-ноиона за дерзкие слова, совершил поступок, который в те времена считался нехорошим. Военно-пленного, если он не был преступником, по татаро-монгольскому обычай следовало отпустить за выкуп. Надежды христианского мира и слова Китбуги не сбылись. 11 августа 1259 г. умер Менгу-каан. Началась междоусобица в Каракоруме. Гражданская война в Монгольском улусе отвлекла монголов от Египта. Татаро-монгольская армия отошла за р. Тигр, а в Сирию и Месопотамию вошли мамлюки, и началось поголовное истребление христиан⁶. Все города были завоеваны, оставшиеся в живых рыцари погрузились на корабли и уехали в Европу.

Поставленная перед Хулагу-ханом военная задача была блестяще выполнена. Имамитские замки были захвачены и разрушены, а имамиты казнены. Багдад был взят, халиф казнен, халифат упразднен. Сирия и Палестина были завоеваны. Только один отряд татаро-монголов был разбит в Палестине мамлюками Египта. Вокруг Хулагу-хана и его войска были одни враги. Территория погибшего халифата оказалась непригодной для конницы. Не было в достатке пастбищ. Хулагу-хан понимал, что он оказался в очень тяжелом положении. Измотанные штурмом Багдада кони, оказались без корма. Надо было срочно покидать эти песчаные пространства. Армия Хулагу-хана двинулась на северо-восток от Багдада в сторону Тебриза, где он расположился со своей ставкой в Южном Азербайджане. Здесь жили свои тюркские племена и были хорошие пастбища. Часть войск он направил в Малую Азию на завоевания мелких сельджукских государств. Все они вошли в состав новой империи. Государство, созданное Хулагу-ханом на Ближнем Востоке и в Малой Азии, было названо государством Ильханов, т.е. народных ханов.

Победы татаро-монголов на Ближнем Востоке не дали татарам ни экономической, ни политической выгоды, может быть, только морально, что они победили Ближний Восток. А в остальном один вред. Погибло много татаро-монгольских воинов в войне на Ближнем Востоке. Весь мусульманский мир скорбел о погибшем халифате и был настроен против татар. В сознании арабов это нашествие сохранилось по сегодняшний день. В марте 2003 года после вторжения американских войск в Ирак, Саддам Хусейн заявил, что американцы вторглись в Ирак так же как татаро-монголы в середине XIII века. Так западные агенты руками Менгу-каана «подставили» татаро-монголов.

Завоевать чужую землю можно при условии, если до завоевания или после внедрить идеологию или религию завоевателя. В противном случае народы с разными идеологиями все равно не уживутся. Война будет вечная. Татаро-монголы в то время были тэнгрианцы и поклонялись духам предков, а такое мировоззрение нет необходимости внедрять его в чужие народы. Если тэнгрианство и законы Ясы невозможно внедрить как идеологию для народов Ближнего Востока, тогда завоевание можно считать безнадежным делом. Испанцам и португальцам, прежде чем завоевать Южную Америку, пришлось крестить

большую часть индейцев. В Северной Америке индейцы не хотели принимать христианство, а значит подчиниться. Тогда большая часть индейцев была уничтожена. Если завоеванные народы не принимают религию завоевателей или их идеологию, а полностью уничтожить их невозможно, тогда остается завоевателям уйти, как это сделали англичане в Индии, или самим ассимилироваться, как это случилось с татаро-монголами в Иране, Египте и т.д.

Хулагу-хан был тэнгрианец. Отличался храбростью, суровостью, жесткостью. Щедрый к друзьям, непримиримый с врагами воин. Став повелителем Ирана и Ирака, Хулагу не изменил своего образа жизни и привычек кочевого аристократа. Вместе со своей ставкой (ордой) он продолжал по несколько раз в год перекочевывать с места на место. Соколиные и облавные охоты и пышные пиры были его любимыми развлечениями. Татаро-монгольская традиция и Великая Яса были для него основным руководством в государственной и личной жизни. Для управления огромной территорией с оседлым населением нужно было создать административный и налоговый аппарат. Нужные кадры имелись среди иранской служилой знати, жившей в городах. Эта служилая знать, бывшая ранее на службе у сельджукидов и у хорезмшахов, охотно пошла на службу к ильхану. Хулагу-хан брал к себе на службу нужных ему людей независимо от их религиозной принадлежности. Главой гражданского управления он сделал мусульманина, перса Шамс ад-дина Мухаммеда Джувейни, придворным врачом его был китаец и т.д.

Потомки Хулагу-хана, через 20 лет Токудар-хан (1282—1284 гг.) первым из ильханов принял ислам и мусульманское имя Ахмед. Им был взят курс на исламизацию государства и установление дружеских отношений с мамлюками. Токудар-Ахмед-хан направил в Египет два посольства с предложением дружбы и установления торговых связей. В одном из первых своих указов Ахмед-хан обратился к жителям Багдада — бывшего центра Аббасидского халифата — с извещением о принятии им ислама и обещанием покровительства мусульман. Прошло еще сто лет, и татаро-монголы, которые остались вместе с Хулагу-ханом жить в Иране, впоследствии приняли ислам шиитского направления и персизировались, часть из них растворилась среди персов. В течение двадцати лет (1298—1318 гг.) всеми делами государства управлял визир Рашид ад-дин — врач,

ученый-энциклопедист, богослов и опытный финансовый чиновник. Перс по национальности, визир хулагуидского государства Рашид ад-дин написал обширный исторический труд «Джами-ат-таварих» («Сборник летописей»), где затрагивается жизнь Чингиз-хана и история татаро-монголов. Некоторые исследователи считают, что в этой истории есть некоторые противоречивые данные, из-за того, что сами чингизиды ильханы не вникали, о чем писал Рашид ад-дин. А раз высшая власть не интересовалась историей страны и своего народа, то соответственно ученые не занимались историческими анализами и выводами, а обходились обычным писанием летописи.

3.3. Улус Джучи — Орда (Татария)

Созданное государство Бату-ханом татаро-монголы называли «Джучи Улус» или «Улуг Улус» — Большим (Великим) государством. Арабы называли — «Царством северных татар», государством «Дашт-и-Кыпчак», «Улусом Джучи». Европейцы называли «страна Команов», «Комания» или «держава татар», «земля татар», «Татария», «Тартарий». Китайцы называли татаро-монголов «татарами» (тар-тар). В русских источниках XIII века для наименования государства использовали преимущество название «Татары» (это одновременно означало государство и народ, населяемое это государство). В русских летописях слово «орда» вначале обычно означало войско. С XIII—XIV веков в русских летописях стало преобладать слово «Орда» и как государство. Название «Золотая Орда» впервые было употреблено на Руси в 1566 году в историко-публицистическом сочинении «Казанская история», когда самого государства уже не существовало. С XIX века термин прочно закрепился в историографии и используется для обозначения улуса Джучи в целом, либо (в зависимости от контекста) его западной части со столицей в Сарае. У татар серебро ценилось больше, чем золото. Чингиз-хан своих сподвижников называл «серебряным народом». В те далекие времена татары предпочитали изготавливать ювелирные изделия из серебра: серьги, кольца, кулоны, браслеты и т.д. Деньги всегда были из серебра (акча — белый) и т.д. Считали, что серебро благоприятно влияет на здоровье человека. По моему мнению, название Золотая Орда не удачное для государства татар. Золото ассоциируется с торговлей, с ростовщичеством и с золотым тельцом.

Бухара, Самарканд, Ургенч — самые сильные центры ислама в Средней Азии быстро оживились после присоединения этих городов к татаро-монгольской империи. Купцам и исламским миссионерам открылась дорога во все уголки империи. После смерти Бату-хана началась борьба за престол. Берке, брат Бату-хана и его сторонники требовали соблюдения старых тюркских традиций, где престолонаследие передавалось от старшего брата к младшему, от младшего дяди к старшему племяннику. Сторонники сына Бату-хана Сартака хотеливести престолонаследие по наследству от отца к сыну, закрепив власть в Орде (Татарии) за домом Бату. На стороне Сартака выступили Менгу-каан и определенная прослойка монгольской аристократии. На стороне Берке — мусульманская верхушка городов. Берке при Бату принял мусульманство, поэтому мусульманское купечество, особенно среднеазиатских городов, видело в нем прежде всего единоверца, способного в отличие от Сартака, хана «язычника», сочувствовавшего христианам, покровительствовать мусульманскому духовенству и чиновничеству старой среднеазиатской формации, способствовать расцвету городской жизни. Неожиданно Сартак был убит. Историки считают, что его отравителями были сторонники Берке. «Когда стало известно о смерти Сартака в Каракоруме, Менгу-каан назначил ханом Орды не Берке, а сына Сартака Улакчи. Он приказал, чтобы Беракчин-хатун, старшая из жен Бату, отдавала приказы и воспитывала сына Сартака Улакчи до тех пор, пока он вырастет и заступит на место отца. Но Улакчи также умер в этом же году. Берке стал первым ханом-мусульманином Орды. По велению Вечного Неба Тэнгри, Чингиз-хан и его воины татаро-монголы начали свои завоевания Великой Степи. Татаро-монголы сражались и победили всех приверженцев буддизма, христианства, ислама всех толков и направлений. Так какой же был стимул у чингизидов, чтобы отказаться от Вечного Неба Тэнгри и обратиться в религию покоренных ими народов? Таким образом, внуки Чингиз-хана начали свое правление с предательства мировоззрения своих предков — тэнгрианства, с предательства обычая и традиций своих предков.

Хотя Берке-хан принял ислам как частное лицо, но он был правителем огромного государства, и его мышление стало влиять на политику государства, которая не заставила долго ждать. Объявив войну Хулагу-хану, Берке-хан официально за-

явил так: «Он (Хулагу) разрушил все города мусульман, свергнул все дома мусульманских царей, не различал друзей и врагов и без совета с родичами уничтожил Багдадского халифа. Ежели господь извечный поможет, я взыщу с него за кровь невинных». Собрав огромную армию, он двинулся на Иран. Узнав об этом, Хулагу-хан с войском выступил ему навстречу. В августе 1262 г. на территории Азербайджана впервые татаро-монгольские войска начали войну друг против друга. Пренебрегая законом Ясы, татаро-монголы стали убивать друг друга на религиозной почве. Первый мусульманин на троне Сарай Берке вступил в войну со своим двоюродным братом — тэнгрианцем ильханом Ирана Хулагу. Национальная держава, основанная Чингизханом, распадалась на территориальные единицы. Жестокие бои шли на территории Азербайджана, за город Дербент и в степях Дона. Татары убивали татар. С обеих сторон было много убитых и искалеченных. Свидетели этой войны описывают жуткую картину, представшую взору после битв. Не добившись военного успеха, обе армии возвратились домой.

В войске Хулагу служили ордынские отряды, посланные к нему еще при начале похода Бату-ханом. Берке, став улусным ханом, предписал своим полководцам: «Если окажется невозможным отвести войска обратно в Улус Джучи (Орду), то уйти в Египет и перейти на сторону мамлюков», не без основания полагая, что земляки между собой договорятся. Первые отряды татарских войск, покинувшие лагерь Хулагу, прибыли в Египет в 1261 г. Султан Египта Бейбарс оказал прибывшим войскам самый радушный прием. Он приказал своим наместникам снабдить их всем необходимым и направить в Каир, куда отправился и сам для их встречи. Ордынцы были размещены в домах, специально построенных для них в ал-Луке. В их честь было устроено пиршество, Бейбарс наградил их почетными одеждами, лошадьми и деньгами, их военачальников сделал эмирами, а всех прочих включил в число бахриев — тюркскую гвардию мамлюков. Впоследствии все они приняли ислам, арабизировались и растворились среди арабов.

Через 3 года Берке-хан вновь пошел войной на Хулагу-хана. Встреча армий произошла на левобережье Куры у р. Аксу в разгар лета 1265 г. Победа осталась за войсками Хулагуидов и потрепанные отряды Берке-хана отступили на север к Шемахе. После 14-дневного противостояния Берке решил переправиться на правый берег реки в другом месте и

двинулся в направлении к Тифлису. Во время этого перехода он заболел и умер. Видимо, в его окружении не все разделяли войну, где родные убивают друг друга за веру. Этим, наверно, и объясняется его неожиданная и скоропостижная смерть. После чего его армия без возобновления каких-либо операций вернулась домой.

Огромное единое татаро-монгольское государство держалось на концептуальной основе «Великой Ясы Чингиз-хана»: уложения запретов, караемых смертью; похвальных доблестей; семейного строя и правил власти, которую нельзя было нарушать. Моральные принципы Ясы, распространенные на страны и народы, вошедшие в единое государство, фактически означали смену там всей политico-экономической системы. «Великая Яса Чингиз-хана» была написана на основе мировоззрения, концепции Великому Духу Неба Тэнгри и поклонения духам предкам (по современному тэнгрианству). В основной массе кочевники были тэнгрианцами. Они сохраняли традиции и обычай предков, но часть элиты не хотела тэнгрианства. Ей больше нравилось жить для себя, а не для общества. Если при этом она и совершила грешки, то усиленная молитва, пожертвования духовенству, они считали, закрывают эти грешки, обеспечивая дорогу в рай. А все совершаемые грехи они сваливали на происки шайтана, иблиса, черта и т.д. Такой элите это более чем устраивало. С увеличением таких людей во властных структурах, вместо власти меча пришла власть толстого кошелька.

В тэнгрианстве такое невозможно. В тэнгрианстве нет шайтанов, иблисов, чертей и т.д. За свои поступки и совершенные ошибки человек отвечает лично сам на этом и на том свете. В земной жизни он отвечает по земному закону, а после смерти отвечает по законам Духа Неба. «Землю окружает аура (геомагнитное поле), разделенное на девять слоев. Положительные дела и эмоции в энергоинформационном пространстве имеют тонкую энергию, а это значит они «легкие». Негативная энергия всегда «тяжелая». Чем выше слой (уровень), тем меньше энергоинформационного негатива попадает с Земли. Геомагнитное поле пронизывает и внутрь Земли. Подземное геомагнитное поле разделено на три слоя (уровня). Чем глубже под землю, тем ближе к центру (ядру) Земли, где находится огненная плазма с высокой температурой. Душа человека (кут) является тоже биомагнитным полем, в котором в тече-

ние жизни человека собирается информация и его эмоции. Люди, которые живут на Земле нравственной жизнью, у них энергоинформационная душа (кут) «легкая». Таким образом, греховность человека напрямую связывается с его биополем — аурой. Чем больше хороших поступков совершает человек, тем энергоинформационная душа становится более «легкой». После смерти человека до 40 дней кут (кот) еще находится среди живых. На 40 день, после того как умершее тело полностью разложится, кут человека переселяется в страну умерших (в невидимый мир), и он становится унганом, онгоном, курмэсом (невидимым духом). На том свете никто не сортирует, куда дух должен попасть в рай или в ад. Все происходит автоматически. Чем «легче» энергоинформационный дух, тем на высокий ярус он взлетает. Чем выше ярус, тем она чище, значит там условия обитания лучше. На высоком ярусе живут «небожители». Обычные люди, у которых много хороших поступков, и столько же «грехов», обычные люди остаются на ярусе уровня Земли. За многие тысячелетия на Земле и под Землей скопилось огромное количество энергоинформационного негатива. Поэтому духам умершим плохо оставаться на уровне живых людей, они мучаются, живя среди людей на земном уровне. Они стремятся вверх. Только «легкие» духи могут подняться на более высокие уровни. Человек подлый и лицемерный, который во время земной жизни подхалимничал, угодничал, предавал друзей, соответственно у него душа «тяжелая». Если душа «тяжелая», она никуда не взлетает. Наоборот, проваливается. Чем энергоинформационный дух «тяжелее», тем ниже он опускается в нижний ярус. Духи наиболее отъявленных негодяев, убийц и т.д., у которых большая отрицательная энергия, всасываются в глубину земли, где стоит высокая температура, там они сгорают полностью».⁷ Кроме того, со злых духов мертвого обязательно спросят с его потомков в виде кармы. И молитвы тут бесполезны. Прощение можно получить только в том случае, если последствия неблаговидных поступков будут исправлены самим человеком или его потомством. При этом кому дается много, с того и спрашивают больше. А с элиты спрос большой. Так как конечный результат некачественного управления страной отражается на благосостоянии народа и его будущности.

В религии принято считать, что многие грехи тянутся через поколения, в зависимости от тяжести совершенного грехо-

падения или преступления предков, и иногда «до седьмого коления». Наследственная греховность может быть остановлена, если в одном из потомств или предков будут священнослужители, либо просто праведные и очень добрые люди, которые сумели очистить и передать своим потомкам обновленное и качественное биополе.

В 1312 г. умер Токтай-хан. Согласно завещанию умершего хана на престол должен был вступить его сын Ильбасмыш. Он поддерживался степной аристократией, исповедующей тэнгрианство. Другая же часть аристократии, придерживающаяся ислама, преимущественно из городов Средней Азии, и мусульманское духовенство выдвинули кандидатуру царевича Узбека (сына Тогрула), внука Менгу-Тимура. Эмир Кутлуг-Тимур и глава хорезмского духовенства Иман ад-дин Эльмискари возвели на престол Узбека, предварительно уничтожив сторонников царевича Ильбасмыша. В 1312 г. Узбек-хан, утвердившись на престоле, повел борьбу с тэнгрианством, требуя от подданных обращения в ислам. Раскол западной степной элиты на своих сторонников и на чужих был сделан ханом Узбеком. Чингизхан и его соратники ко всем религиям относились веротерпимо, но они не желали подчинять свою волю какой бы то ни было другой религии. Чингизхан не изменял своей религии и завещал своим потомкам оставаться верными духу Неба Тэнгри: «Кочуйте... и поклоняйтесь только Небу Тэнгри — Яса!». Потомки Чингизхана, в том числе и Узбек, переступили не только его волю, но и волю предков.

Воссев на ханский престол, Узбек начал строительство новой столицы Татарии (Орды), г. Сарай ал-Джадид у современного г. Царева Волгоградской области. Город Сарай ал-Джадид строился недалеко от Саая-Бату, который находился недалеко от современного города Астрахани, и многие современники не могли понять, для каких целей оно строится. По замыслам Узбек-хана, Сарай ал-Джадид должен был быть одним из самых больших городов мира. Город должен быть построен в кратчайшие сроки. На постройку города были привлечены сотни тысяч строителей. Чтобы город имел восточный (мусульманский) облик, из Персии, Ближнего Востока привлекали строителей и ремесленников. Одновременно тайно нанимались и мусульманские наемники, которые находились среди строителей и были незаметны для татарской аристократии. Через 8 лет, когда город в основном был построен, пока народ

еще только заселялся, туда переехали правительство и чиновники. Узбек-хан устроил торжества в честь открытия города. На торжества были приглашены все чингизиды. Устроив скандал, он с помощью наемников вырезал около 120 царевичей (это родные, двоюродные, троюродные братья) и полководцев — противников ислама. После кровавой бойни Узбек-хан объявил ислам государственной религией Татарии (Орды). Часть татарских беков заявила Узбеку: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и каким образом мы покинем закон и ясак Чингиз-хана и перейдем в веру арабов».⁸ Всех отказавшихся предать веру отцов казнили. Не согласные с политикой Узбек-хана бежали за пределы государства на Русь. Великая Татария (Великая Орда), никогда не знавшая религиозных преследований, столкнулась с этим омерзительным проявлением цивилизации. Законы Ясы перестали работать. Татаро-монгольская империя создалась на основе законности Ясы, но правитель Узбек-хан — чингизид перестал основываться на закон, хотя являлся официальным лицом.

После объявления государственной религией ислам, а также резни чингизидов и полководцев, конечно, татары толпой не побежали в мечети. Во-первых, в те годы татары в основном были кочевниками, а в Степи мечети не строят. Во-вторых, они не знали арабского языка и не понимали арабских молитв. Просто основная масса татар была шокирована такой резней и отказом не только законов Ясы, но и Степных законов (обычного права), непризнания духов предков, обычаяв и традиций, от всего того, что было обыденной жизнью народа. Народу была нанесена тяжелая травма, был разрушена вся система координат, все коды, все заповеди, заветы воссоздания справедливого бытия, в которой жили люди. Понятие «традиция» — это духовная ситуация прошлого, программирующая матрица общества. Народ в целом регулирует поведение привычным следованиям устоявшимся в общественном бытии правилам, моделям, почти бессознательно повинуясь психологическим стереотипам, подражанию и т.д. Привычное поведение освобождает человека от бессмысленной, тяжелой в психологическом плане необходимости в каждом конкретном случае призывать волю, сознание, социальный выбор, каждый раз ставить его перед волевым определением поведения. Благодаря национальной традиции человек живет комфортно без

принуждения своей психики. Хранителем таких норм выступало все общество, объединенное традиционным социально-экономическим укладом. Традиция охраняла, человек мог на нее положиться, чувствовать себя в безопасности. Все стало рушиться и уходить из-под ног. Насильственное внедрение во имя «безграничной справедливости» «прогрессивных» культурно-исторических традиций приводит к разрушительным последствиям для другой цивилизации. Аморальна и разрушительна по своей природе попытка отказа от собственной традиции путем заимствования ценностей другой цивилизации в духовной сфере. Культурно-генетический код цивилизаций формируется в конкретной природно-географической среде и пространстве, основанном на принципах народного мироздания. И вот это единое сознание татарского народа нарушилось. Программирующая традиционная небесная матрица разрушилась. Произошло как на карнавале, с помощью переодевания и присвоения чужих знаков было осуществлено разрушение коренных традиционных символов, государственной власти и тюрко-монгольского мировоззрения. Но от старых традиций невозможно было уйти и куда-то их деть, а новые были непонятны и тогда в головах людей поселился Хаос. Одновременно сменили идеологию. Вместо идеи организации мира и порядка по заветам Чингиз-хана на территорию государства пришла идея наживы, поддерживая наиболее богатую часть населения государства. Произошел демонтаж системы социальной справедливости. Так руками Узбек-хана сначала татар «кинули», затем «развели», чтобы их в дальнейшем «опустить».

Конечно, эта Смута, Хаос закладывалась задолго до его возникновения. Начало было заложено при Берке-хане. Смута была бы невозможной, если бы хан и часть элиты не отвернулись от мировоззрения своих предков. В смутное время открывается простор для мошенников, авантюристов, самозванцев и проходимцев всех мастей. Сразу вокруг хана сформировалось окружение, которое не придерживалось законов Чингиз-хана, а поклонялось «золотому тельцу». Это перекинулось и на армию. После смены религии воины стали торгашами. Человек, легко принявший другую религию, становится неустойчивым. Раз легко изменяет обычай своих предков, такому человеку и лгать ничего не стоит. Все стало продаваться и покупаться. С принятием татарскими ханами религии ислама, буддизма и

христианства дух Чингиз-хана иссяк, а вместе с ним и величие единого государства.

Египетская цивилизация просуществовала почти четыре тысячи лет, благодаря своему мировоззрению и религии. Как только в Египте жрецы начали реформы по изменению своей религии, египетская цивилизация рухнула и исчезла. Китайская цивилизация существует более трех с половиной тысяч лет благодаря концепции Духа Неба Тэнь и конфуцианской этики. Тюркско-монгольская цивилизация существовала полторы тысячи лет, начиная с 209 года до. н.э. со времен Хуннской империи. Чингизиды уничтожили тюркско-монгольскую цивилизацию, опиравшуюся на мировоззрение концепции Духа Неба Тэнгри (тэнгрианство), что вызвало в последующем неизбежный распад кочевого тюркско-монгольского мира на отдельные части, вошедшие затем в мусульманскую, китайскую, европейскую цивилизацию.

В 1342 г. умер Узбек-хан. Перед смертью Узбек-хан объявил своим преемником своего старшего сына Тинибека. Джанибек — средний сын Узбек-хана — организовал восстание с поддержавшими его эмирами. Между братьями произошло сражение, в котором Тинибек был разбит и взят в плен. Джанибек казнил его и сел на отцовский престол. Потом он убил и младшего брата, найдя для этого незначительный повод. Однажды Джанибек заболел. Бердигек, сын Джанибека, вступил в тайные переговоры с эмирами для захвата власти. Заговорщики убили Джанибека. Одновременно с убийством хана были убиты и 12 братьев царевичей. Истреблены были главным образом царевичи из рода Узбека. Отцеубийца Бердигек недолго сидел на престоле. Его убили, и началась, как пишут русские летописи «Великая замятня» («Великий хаос»), смена ханов, многие из них правили меньше года. Система потерпела крах, система управления была разрушена. С момента убийства Бердигека (в 1359 г.) до вступления на престол Тохтамыша в 1379 г., т. е. за 20 лет, в Сарая сменилось более 25 ханов. «Они сменяли друг друга с такой калейдоскопической быстротой, что летописцы не успевали даже вносить их имена в свои летописные записи. Сотни тысяч людей погибли в этой гражданской войне. Торговля и экономика были разрушены. В стране начался голод: Началось неподчинение дальних областей центру. Сепаратистские тенденции постепенно захватили всю страну.

Во дворце Сарае-Бату во власть принимали по принципу личной преданности, это открывало возможность, чтобы во власть проникали бездарные, неспособные, все разваливающие люди или просто авантюристы, и паразитически настроенные люди. Они начинали диктовать всем свои капризы. Чиновников охватывало невежество, беспринципность, безделье, коррупция, а не деловые качества. Во дворце происходили интриги, заговоры, убийства и самоубийства. Хотя, по официальной историографии, Узбека взрастило и возвело на престол хорезмское мусульманское духовенство и купечество, но в это трудно поверить. В тот период ислам не имел такой силы в Орде, чтобы так смело проводить свою политику. Во дворец Сарай-Бату могли проникнуть и служить тайные агенты из других государств, которым ничего не стоило выдавать себя за кого угодно. Они могли подкупать чиновников, которых могли использовать «втемную». Но самое эффективное оружие — воспитывать царевичей. Имея сверх знания, агенты могли внушать не только детям, но и взрослым чингизидам все что угодно. Поэтому можно предположить, что во дворце были не только мусульмане, но и другие силы, которые желали гибели Орды. А таких сил, видимо, было немало.

Кем же был Узбек-хан, если он из-за религиозных соображений вырезал своих родственников. Вероятнее всего «биороботом». Биоробот — не человек, а антиприродное явление. На биороботов нормы этики не распространяются. Биоробот — это разновидность техники, а отношение к технике — вне этики. Нормы общечеловеческой этики не распространяются на биороботов в то время, когда те ведут боевые действия против людей. Те лица, которые зомбировали и создали биоробот Узбек-хана, хорошо осознавали, что после операции «Великая резня» в государстве Татарии (Орде) начнется Хаос, междоусобицы, гражданские и религиозные войны. Что и произошло.

Чтобы правильно понимать и анализировать, надо видеть перед собой высокую цель. Именно таким путем выживают и восстанавливаются после потрясений и поражений великие цивилизации. А если они хранят свою мудрость, то могут превентивно пресекать Смуты. Чтобы не повторялись Смуты, которые были в нашей истории, наравне с героями должны, узнаваемы быть и предатели своего народа. Эти образы должны быть узнаваемы, их дух должен быть взятен всем пытливым

людям. Народу должны быть известны их действия, которыми они уничтожали традиционное мировоззрение и стравливали тюркско-монгольский мир и сейчас не прόчь это делать.

3.4. Улус Тулуя и династия Юань

В исторических сочинениях эпохи Юань «Юань ши» (История династии Юань), «Юань-чao би-ши» (Тайная история династии Юань), «Сун ши» (История династии Сун), и т.д. в основном часто встречается этноним «да-да» (татар). Например, в китайских книгах часто употребляются выражения «татарская угроза», «татарский гнет», «перебьем всех татар!», «изгоним татар!» и другие. Этноним «татар» был широко распространен в китайском народе в эпоху Юань. В книге «Юань ши» и других китайских средневековых исторических трудах пишутся сведения о «татарском государстве» (на кит. «татарское иго»). Этноним «татар» был широко распространенным у китайского народа, в эпоху Юань. Этноним «мэн-гу жэнь» («монгол») встречается редко. В китайских источниках упоминаются татаро-монголы под общим названием «мэн-да». В средневековых арабских, персидских, армянских, европейских источниках в основном употребляется этноним «татар», и очень редко «монгол» или «турк». Таким образом, в ту эпоху по старой традиции всех северных кочевников называли татаро-монголами. Этноним «монгол» стал употребляться чаще, с появления народа халхамонгол в XV веке. Поэтому, следуя написанию источников, я буду употреблять больше этноним «татар» или «татаро-монгол».

Тулую, по обычаю татаро-монголов, достался коренной юрт отца — Центральная Монголия, а также Северный Китай. В 1251 году Менгу-каан поручил своему брату Хубулаю покорить империю Сун (Южный Китай). Готовясь к решающей схватке с империей Сун, командование армией решило блокировать ее с суши. В связи с этим в 1253—1257 гг. татаро-монгольская конница под командованием Хубулая и сына Субэдэя Урянхатая провела ряд операций против сопредельных с Китаем государств и народов. «В декабре 1253 года началось захватывание государства НаньчжАО со столицей Дали (совр. пров. Юньнань) и покорение Тибета. В конце января 1254 года государство НаньчжАО и Тибет были полностью покорены Хубулаем. В течение следующих трех с лишним лет татаро-монголы

покорили племена, жившие по соседству с провинцией Юньнань, в ноябре 1257 г. известный полководец Урянхатай вступил на территорию современного Северного Вьетнама — государство Аннан (Вьетнам). Пройдя по Аннану Урянхатай дошел до столицы Ханой и в декабре захватил его».⁹ Царь Аннана признал себя вассалом татаро-монгольской империи. Южный Китай оказался блокированным со всех сторон.

«В конце 1257 г. великий каан санкционировал исходившие от его ближайшего окружения требования о необходимости нового похода против Южной Сун. На специальных совещаниях был установлен срок начала военных действий и разработан стратегический план, согласно которому в следующем 1258 году монгольская армия должна была нанести противнику мощные удары на различных направлениях (с севера, запада и юга), чтобы раздробить сунские силы.

На юге из Аннана выступили войска Урянхатая. Перед ним была поставлена задача в течение 1258 года проделать путь от современной вьетнамо-китайской границы и в начале 1259 г. соединиться с Хубулаем под стенами Чанша. Урянхатай располагал 3-тысячной татарской кавалерией и отрядом из разных южнокитайских племен (10 тысяч человек). Разгромив крепость Хэншаньчжай (юг Гуанси), Урянхатай двинулся в центральные районы Гуанси. Здесь татары нанесли сокрушительное поражение и почти полностью уничтожили 60-тысячную сунскую армию. Эта победа позволила им овладеть городами Биньчжоу, Гуйчжоу, Сянчжоу и выйти в область Цзиннцзян-фу».¹⁰ Урянхатай выступил на север, к Чанша, для соединения с войсками Хубулая. Переправившись через Янцзы, Урянхатай соединился с войсками Хубулая, до этого осаждавшими Эчжоу.

«Западное направление возглавил сам великий каан Менгу, армии которого предстояло пройти через провинцию Сычуань. Он выступил в марте 1258 г. из Каракорума. Оставив столицу на попечение своего младшего брата Арык-Буга, китайский губернатор Сычуани Пу Цзэ-чжи приказал полководцу Лю Чжэну занять переправу через р. Суйнинцзэн, чтобы отрезать войскам Менгу дорогу на восток. За эту переправу между татарами и китайскими войсками разгорелась ожесточенная битва, длившаяся с раннего утра до позднего вечера. Армия Лю Чжэна потерпела полное поражение. В мае армия великого каана, насчитывающая 40 тыс. человек, разделилась

на три колонны и стала брать одни крепости за другими. Каждая крепость ожесточенно сопротивлялась, поэтому продвижение армии в глубь Сычуани шло довольно медленно, лишь 6 октября 1258 г. она вступила в Ханьчжун. Начиная с конца ноября, в этом районе завязались упорные бои за отдельные крепости, горные вершины и проходы. В конце января Менгу двинулся к Хэчжоу (совр. Хочуан). 25 февраля татары форсировали водные преграды и попытались с ходу ворваться в город, но сунские войска отразили их нападение. Весь март и апрель не прекращались татарские атаки на город. В середине мая начался штурм, татарам удалось подняться на внешние стены, многие защитники погибли, но город устоял. Простояв под стенами города еще около месяца, великий хан оставил здесь 3 тысяч отборных солдат, остальным приказал атаковать г. Чунцин. 11 августа 1259 года Менгу-каан неожиданно умер в горах Юэюй-шань под Хэчжоу в возрасте 52 лет. Возможно, он умер от эпидемии дизентерии, которая с апреля месяца свирепствовала в татарском лагере».¹¹

Войскам третьего направления, наступавшим на Сунскую империю с севера, предстояло овладеть Эчжоу, а затем начать быстрое движение к китайской столице Линъяню (совр. Ханчжоу). В конце ноября 1258 года, совершив специальный обряд воинских жертвоприношений недалеко от Кафына в современной Внутренней Монголии (КНР), Хубулай выступил в поход. Его армия прошла через Синчжоу (prov. Хэбэй), Пучжоу (prov. Шаньдун), Сянчжоу (prov. Хэнан) и 2 августа 1259 г. прибыла в город Жунань. 3 сентября татарская армия перешла границу Сунской империи, переправившись через Хуайхэ. Здесь войска Хубулая разделились надвое и начали продвигаться в глубь Сунской империи. Татарская армия, наступала не встречая никакого сопротивления со стороны отступавших сунских войск. 9 сентября татары достигли Хуанпо (prov. Хубэй), а 17 сентября захватили переправу через Янцзы в местечке Янлобао. На следующий день Хубулай сосредоточил все свои войска на берегу Янцзы. В разгар подготовки к переправе 19 сентября от Менгу, стоявшего у Хочжоу, прибыл гонец, сообщивший о смерти Менгу и предложивший Хубулаю вернуться на север. Хубулай знал, что на реке находятся крупные военные суда противника, а на противоположном берегу — сильно укрепленный лагерь, и все же он надеялся молниеносно взять Эчжоу и вернуться в Каракорум с триумфом победителя. Хубулая не

остановила весть о смерти Менгу, и он 22 сентября дал команду войскам на переправу реки. Развернув знамена, под барабанный бой татары двинулись вперед. Татары вступили в сражение с сунскими войсками на середине реки. В результате трех ожесточенных схваток кочевники взяли в плен огромное количество китайских солдат и проложили путь на южный берег. Высадившись на южном берегу Янцзы, Хубулай через два дня, ломая сопротивление сунской армии, подошел к городу Эчжуо. Осада города Эчжуо затянулась.

Окружение и блокада Эчжуо смертельно напугали императора Цзя Сы-дао, и он направил в лагерь Хубулая переговорщиков, где тайно стал просить мира, обещая ежегодную уплату дани и вассальную зависимость Сунской империи от татар. Однако Хубулай отверг эти предложения и продолжил еще более ожесточенный штурм города. В начале декабря Хубулай получил из-под Таньчжуо от Урянхатая известие о готовящемся возведении на престол его младшего брата Арыг-Буга. Такое же сообщение пришло и из Каракорума, и в то же время вновь прибыл посол от императора Сунской империи Цзя Сы-дао, предложивший мир при условии уплаты 200 тыс. слитков серебра и 200 тыс. шт. шелковых тканей и ежегодной дани. Хубулай ответил согласием, и татаро-монгольская армия начала отходить на север. Одновременно было принято решение отзвать войска южного направления из-под Таньчжуо.

Обычно современные войны бывают за территорию или за ресурсы. В древние и средние века войны были за территорию, за продовольственные и ремесленные товары. Климат на территории современного Северного Китая умеренный. Территория с необъятными просторами пастбищ, лугов, рек и гор была идеальна для разведения скотоводства. Во втором веке до нашей эры китайцы захватили эту территорию и стали заселять китайцами. Большая территория этой земли стала засеваться под зерновые культуры. Хотя кочевники вновь вернули эту территорию, но у китайцев есть такая привычка однажды захваченные земли считать своими. Чингизхан после многолетней войны захватил и отобрал Северный Китай у чжурчженей. Южнокитайская империя Сун заключила мирный договор с татаро-монгольской империей. Значит, претензии на северные территории у китайцев не было, и территориальный вопрос был решен. По этому поводу Рашид ад-дин сообщает: «Некоторым другим из войск Чингиз-хан дал

без меры места зимних и летних кочевок на границах Китая, Джурдже (Маньчжурии) и Монголии. Это чрезвычайно многочисленное войско (со своими семьями, скотом и имуществом) завладело всеми степями, горами, зимними местами и летними местами Китая». Б. Я. Владимирцов в своей книге «Общественный строй монголов» писал, что большое число монгольских войск с их семьями было расселено в Северном Китае и Маньчжурии. Война — дело затратное. Война за продовольственные товары ведется в двух случаях — если тебе перекрыли к ним доступ или если ты намерен перекрыть доступ к ним другим. Во всех остальных случаях дешевле и проще их покупать. Чтобы получить доступ к товарам, на военные затраты нужно вначале истратить. А для большой войны материальные и финансовые затраты таковы, что рентабельность мероприятия обычно стремительно приближается к нулю. Какие именно продовольственные и промышленные товары империя Чингизхана не могла купить у южнокитайской империи Сун, или какие продать Китаю? Ответ — никаких товаров. Да все что угодно империя Сун предоставляла татарам, лишь бы не было войны. Тогда возникает вопрос, зачем Менгу-каану надо было начать войну с южнокитайской империей Сун и завоевывать ее? Захват территории. Тогда, как татаро-монголы собирались управлять в этом человеческом муравейнике. Ясно — никак. Просто там ассимилироваться и раствориться.

В 1259 г. умер Великий каан Менгу. У Менгу сына Тулуга было три брата: Хубулагай, Хулагу и Арык-Буга. Хулагу стал ханом Персии и не имел претензии на наследство. Остались Хубулагай и Арык-Буга. «Перед смертью каан Менгу наделил своего младшего брата Арык-Буга правом на владение древними монгольскими кочевьями, расположенными вокруг Каракорума. Арык-Буга был настоящим от-джегином (самым младшим сыном) и, следовательно, законным наследником. Арык-Буга был опытным и мужественным воином. При возведения Арык-Буга на престол по старому степному обычанию старшая жена Менгу-каана созвала в Каракоруме Великий курултай (съезд) с участием царевичей, нойонов (полководцев) каанского рода, влиятельных сановников и послов. Чингизиды и крупные нойоны из улусов Чагатая и Бату поддержали возведение Арык-Буга на каанский престол».¹²

Пока другие чингизиды ходили в походы, китайцы держали и воспитывали при себе маленького Хубулая, внука Чингиз-

хана. С самых малых лет его старательно обучали наукам, урокам китайского языка китайские учёные. С ними он беседовал о китайских исторических сочинениях и выслушивал их суждения об управлении государством. Впоследствии Хубурай, став управляющим завоеванными областями Северного Китая и долго проживший там, был достаточно знаком с обычаями китайцев. Тогда на службе у Хубулая находились чиновники, прославившиеся в Китае своей ученостью. Именно китайский учёный Хао Цзин подсказал Хубулаю, каким образом узурпировать каанскую власть и сесть на престол.

«Арык-Буга и Аландар-нойон узнали, что Хубурай следует советам исключительно китайских чиновников и полководцев готовить заговор с целью узурпировать право на наследование каанского престола, и неоднократно напоминали Менгу-каану: «Надо ограничить права и привилегии Хубулая. Это человек, которому нельзя ни в коем случае позволить наследовать престол великого хана». Но Менгу-каан не придавал этим словам большого значения. По данным некоторых источников, он доставлял старшему брату (любителю выпить) всевозможные китайские вина и, спаивая его, тайно беседовал с ними о важных государственных делах. Как только дошло до Хубулая известие о том, что Арык-Буга сел на каанский престол, он быстро собрал свою армию и двинулся в Кайфын. В Кайфыне 4 июня в 1260 году созвал еще один Великий курултай своих сторонников, то есть армию, и провозгласил себя великим кааном. В дальнейшем город Кайфын был переименован в г. Шанду (впоследствии Шанду — «Верхняя столица юаньских императоров»). Ему тогда было 44 года». ¹³ Таким образом, в 1260 году в Монгольской империи состоялось два Великих курултая и появилось две столицы. В 1271 году Хубурай закончил строительство новой столицы, построенной неподалеку от Кайфына. В этом городе, названном Даду (по-китайски «Великая столица»), среднеазиатские тюрки-торговцы назвали его Ханбалык (на протяжении многих столетий он был известен как Пекин), Хубурай построил себе роскошный дворец. Ввел в своем дворце — китайский этикет, для своих торжеств принял буддийское богослужение, для себя — китайское имя Ши-цу и для своей династии — китайское название Юань (иероглифический смысл: «первоначальное творение мира»).

Для многих кочевников перенос столицы в завоеванный Китай и превращение каана в сына Поднебесной было из ряда

поразительным. Арык-Буга был сильно возмущен. В живых уже не было ни старых полководцев, ни старых советников, теперь некому было мирным путем защитить традицию. Воинственный Хайду — внук Угедея, воспитанник великого Субэтая — поддержал Арык-Бугу, взялся за оружие и увлек его за собой. Так при Хубулае кочевой тюркский мир разделился, что вызвало один за другим антиимперские мятежи Арык Буга, Хайду и Наяна. У Арык-Буги нехватало воинов.

Война не бывает без потерь. Много воинов Чингиз-хана погибли на войне в Северном Китае, в Средней Азии. Много воинов погибло в походе в Европу и в походе на Ближний Восток. Для поддержания порядка Чингиз-хан оставил гарнизоны с татаро-монгольскими воинами на территории Китая, современного Казахстана, в Восточном Туркестане, в Средней Азии. Вместе с воинами оставались семьи, которые сопровождали их в обозе во время походов. Многие татаро-монгольские кочевые племена остались жить на территории современного Казахстана, Узбекистана, России, Украины, Ирана и т. д. Батый-хан после завершения Западного похода расселил своих воинов с семьями в Поволжье, в Крыму, Придонье и т.д. Армия Хулагу-хана вместе со своими семьями полностью осталась в Иране и на территории современного Азербайджана. Для завоевания Южного Китая под власть Хубулая был передан большой контингент татаро-монгольских войск с их семьями. Только малая часть татаро-монголов вернулась в Монголию. Чингиз-хан и его потомки обезлюдили территорию современной Монголии. Официальная историография долгое время считала, что те племена и рода, которые подняли на белой кошме и провозгласили Темучина Чингиз-ханом, и те племена, которые впоследствии присоединились к нему и делали историю вместе с Чингиз-ханом и его внуками были монголами, а впоследствии они исчезли, пропали, ассимилировались.

Но после распада Советского Союза и образования новых тюркских государств выяснилось, что эти племена не исчезли, а благополучно дожили до наших дней. Примеры: найманы, кыпчаки, ойраты, меркиты в Сибири и на Алтае; найманы, керайты, коныраты, дулаты, меркиты, аргыны и т.д. в Казахстане; меркиты, найманы, аргыны, барласы, онгуты, керейты в Узбекистане; меркиты, найманы в Киргизии; ойраты, жалаиры в Иране; среди крымских татар преобладают мангыты, меркиты, кияты, коныраты, кыпчаки, аргыны и т.д.; онгуты,

коныраты, кияты, аргыны, барыны, шырыны в Поволжье и Башкирии. Только входят они в разные национальные образования, например, найманы, которые живут в Казахстане, называются казахами; найманы, живущие в Киргизии, называются киргизами; найманы живущие в Узбекистане называются узбеками; на Алтае называются алтайцами и т.д. То же самое можно сказать и о племенах киятах, коныратах, онгутах, кыпчаках, мангытах и т.д. Когда эти факты стали известны общественности, некоторые современные ученые историки сделали такие выводы, что все эти племена и рода были монгольскими, а с течением времени, проживая на новых местожительствах отюречились. Казахские исследователи Калибек Данияров, Кайрат Закирьянов, Мирзабек Каргабаев, Анатолий Оловенцов и другие доказывают в своих книгах, что все эти племена всегда были тюрками и разговаривали они во времена Чингизхана на тюркском (татарском) языке, а значит Чингиз-хан был тюрком.

В распоряжении Хубулая были главные силы татаро-монгольских войск, завоевавших Северный Китай. У Хубулая было две армии. В его войсках было больше двух третей воинов, мобилизованных в Китае, Средней Азии и Иране. По существу, это был иностранный легион. В армию Хубулая в основном были набраны китайцы, тюрки-мусульмане, сарты, фарсы, русские. Они не знали татаро-монгольских традиций и законы Ясы. Хубулай не боялся, что они оставят свои позиции и перейдут на сторону законному наследнику Арык-Буга. Арык-Буга, Хайду и Наян с оружием в руках выступили против маргиналов, нарушивших закон Чингиз-хана. В численности войск они сильно уступали Хубулаю. Осенью 1260 г. в результате сражения Арык-Буга потерпел поражение и отступил. Хубулай, преследуя по пятам войска Арык-Буга до бассейнов рек Орхона и Толы, подчинил себе Каракорум. Он оставил там часть армии во главе с нойоном Есунге для обороны города, а сам с главными силами возвратился в Даду. Хубулай с детства не желал жить в Каракоруме, хотел сделать вновь построенный город Даду своей столицей.

Арык-Буга отступил на Верхний Енисей. Пользуясь передышкой после ухода главных сил Хубулая из Каракорума, Арык-Буга в течение лета и осени 1261 года собрал новую армию. Он разгромил гарнизон, оставленный в Каракоруме, и двинулся на Кайфын, чтобы повторно напасть на Хубулая. Хай-

ду и Наян со своим войском присоединились к армии Арык-Буга. К ним присоединился и сын Чагатая — Алгуй. Зимой 1261 году у края Гоби в современной Внутренней Монголии (КНР) между войсками под командованием братьев Хубулая и Арык-Буга снова произошло жестокое сражение, длившееся несколько дней. Однако Алгуй неожиданно изменил и перешел на сторону Хубулая, чем обеспечил ему победу. Арык-Буга был побежден и поспешно отступил. После этого Арык-Буга неоднократно

вторгался незначительными силами на территорию, занятую войсками Хубулая, но безуспешно. Он оставил Каракорум, перекочевал в долину Или, преодолев Алтайские горы, чтобы найти поддержку в западной части империи. Там он вступил в сражение с отрядами Алгuya. Войска Хубулая не могли разгромить кочевников, если они применяли свою старую тактику ухода от противника в степи. Поражение Арык-Буги было вызвано тем, что он не только потерпел поражение в прямом столкновении, но его после поражения не поддержали племена Чагатайского улуса. Попытка Арык-Буги силой навязать им свою волю вызвала ответную реакцию, а принудить их у него не хватало сил. Не найдя поддержки, а оставаться там дальше стало невозможно, лишившись последнего шанса продолжить борьбу, он в 1264 г. сдался Хубулаю с остатками своих войск. Хотя вооруженные столкновения между ними прекратились, но борьба за каанский престол в Монголии не закончилась, ее возглавил и продолжил Хайду. Хубуай, сохранил Арык-Буга жизнь, который прожил два года под особым надзором. И был, скорее всего, отравлен родным братом. Остальных царевичей сторонников Арык-Буга он строго осудил, обвинив их в организации заговора и разжигании войны между братьями, и большинство из них казнил.

Столица татаро-монгольской империи Каракорум была покинута и перенесена в Даду-Ханбалык (Пекин). Именно сидя в новой столице, Хубулаю удалось разгромить южную китайскую империю Сун и объединить Китай. Столицей объ-

Хубулай-хан

единенного Китая стал Даду, а не Каракорум. Перенос столицы указывает на то, что Хубулай нарушил закон своего деда. Люди, проживающие на родине Чингиз-хана, автоматически потеряли узаконенное право на доступ в элиту. Хубулай-хан, внук Чингиз-хана, первый начал разрушать наследие Чингиз-хана. Образование китайской империи Хубулая и нелегитимный захват им звания Великого каана содействовали распаду татаро-монгольской империи на четыре самостоятельных татаро-монгольских улуса и определили ее преждевременное исчезновение с политической карты мира. Перенесение Хубулаем столицы монгольских ханов из Каракорума в г. Даду (Ханбалык) подтолкнуло к тому, что другие улусы не признали власть Хубулая и стали самостоятельными государствами. Так произошел раскол империи.

Посеянные семена вражды дали всходы. Ожесточение в противостоянии нарастало. Хайду был внуком Угедея и славился как самый умный и проницательный из потомков Угедей-каана. Он участвовал в западном походе с Бату-ханом и прославился как талантливый полководец. В Европе его летучие отряды громили поляков, венгров и словаков. Во времена Менгу-каана за организацию заговора против каана он был удален из столицы на поселение в улус, где правил его отец, в далекий край в горах Тарбагатая. Хайду оставался верным сторонником традиций и образа жизни кочевников. У него была неустрашимая энергия, и он был полной противоположностью Хубулая, который был уже китаизированным. Хайду всегда был одним из решительных противников переноса столицы государства в Китай и создания империи Юань с центром в этой стране. В конце 1264 года, после поражения Арык-Буга, Хайду немедленно начал вооруженную борьбу с Хубулаем. Он решил создать обширное государство на территории Монголии и на прилегающих к ней землях.

Хубулай принял все меры предосторожности на случай нападения Хайду, подготовил армии для контрудара и назначил главнокомандующим своего четвертого сына Номухана. Одновременно Номухан был назначен управляющим Монголией. Он получил полномочия, живя в Каракоруме, «умиротворять» окраины Монголии, принимать любые самостоятельные решения, связанные с подавлением Хайду. По прибытии в Каракорум Номухан сконцентрировал в столице отборные войска и приказал проводить военные учения с ними.

«Номухан стал прибегать к чисто китайскому способу привлечения на свою сторону союзников подкупая их подарками. Он от имени отца Хубулая отправил послов в улус Чагатая и Золотой Орды для заключения с ними союза. В качестве подарков он послал предметы китайской роскоши. Хан Золотой Орды Менгу-Тимур согласился выслать свои войска на помочь Хубулаю в случае нападения Хайду на государство Юань. Но и Хайду не сидел, сложа руки. Он направил послов во все улусы, разъясняя чингизидам правоту своего дела и увещая ханов и нойонов выступить на его стороне. В одном из писем с послом монгольским нойонам говорилось: «Ведь завещали же нам Чингиз-хан и наши деды-предки строго соблюдать правила наследования ханского престола! Но ныне вы, нойоны — старшие и младшие братья, отвергаете и нарушаете завещания наших отцов-предков, не обращая на него внимания, и отдаете по недоразумению ханский престол изменникам! Хубулай, предавшись Китаю и отбросив обычай, отверг и нарушил завещание отцов и дедов. Но если вы все будете опираться на такого человека и поддерживать его, то не это ли будет изменой отцам и дедам? Хорошо обдумайте и решайте!»¹⁴ Вскоре хан Золотой Орды отказался от соглашения, заключенного с Хубулем, и перешел на сторону Хайду.

Получив войско от хана Золотой Орды Менгу-Тимура, Хайду сразу пошел войной против улуса Чагатая. В 1267 и 1269 годах он нанес поражение Бараку и овладел Или и Кашгарией, оставил ему Мавераннахр. Наследники Барака подчинились ему. Став новым владельцем Центральной Азии, Хайду прогласил себя кааном и решил атаковать Хубулая. Главные силы его армии сосредоточились на берегах р. Эмиль.

Хубулай, воспользовавшись несколькими годами сравнительного затишья в военных действиях на северной границе, заявил о своей решимости завоевать весь Китай. В 1273 году началась война против южносунской империи. В 1274 году он направил первую военную экспедицию на Японские острова, окончившуюся поражением татаро-монголов. В 1275 году татары возобновили активные боевые действия. Армия Хубулая перешла Янцзы и взяла все города до Нанкина. В 1257—1258 годах татаро-монгольские войска завоевали Вьетнам, татаро-монголы нанесли удар Сунской империи с севера и с юга одновременно. Однако сопротивление китайских войск Сунской империи продолжалось. Родной сын Субэтэя Уранхай

стал знаменитым полководцем. Именно его обходной рейд через Тибет и удар по южному тылу государству Сун в союзе с южными племенами помогло Хубулаю разгромить китайцев и присоединить к своей империи Южный Китай. В феврале 1276 года была взята столица Сунской империи — город Ханчжоу. После серии выигранных сражений на юге и взятия столицы южносунской империи сопротивление окончательно было сломлено. Хубулай завершил в 1279 году завоевание сунского Китая и на следующий год объявил себя императором созданной им новой всекитайской династии Юань (1280 г.). Завоевав Сунскую империю, Хубулай стал правителем всего Китая. Среди многочисленных походов и войн Чигиз-хана и его потомков борьба за покорение Южного Китая оказалась самой изнурительной и продолжительной (1235—1279). Более 40 лет китайцы отстаивали независимость родины.

Вьетнамские правители стали вести более независимую политику. Это привело в 1284—1285 и 1287—1288 годах к новым татарско-вьетнамским войнам, проходившим уже в период владычества Юаней в Восточной и Юго-Восточной Азии. В ходе расширения татарской экспансии под властью Юаней оказались наибольшие территории, чем первоначально. Хубулай значительно расширил свое государство. Ранее Юаньская империя охватывала только Монголию и Северный Китай, но теперь под ее властью оказались обширные земли Тибета, Мьянмы, Вьетнама, Камбоджи, Кореи, Маньчжурии, Южного Китая. Все эти территории находились в подчинении императора, восседавшего в Ханбалыке. Зачем Хубулаю нужно было завоевывать столько территории, когда в улусе Тулуя из-за войн собственный народ его бедствовал? Конечно, расширение территории и объединение Китая были только на руку китайской правящей элите. Они знали, династии приходят и уходят, а Китай должен расширяться.

В 1275 году началась война на северных границах. «В 1275 году Хубулай направил Номухана с его армией на Или. Номухана сопровождал блестящий штаб из чингизидов, среди которых были Токтемир и его первый двоюродный брат Ширки, сын Мунке-каана. Однако в 1276 году Токтемир, недовольный Хубулаем, уговорил Ширки присоединиться к его заговору. Они захватили в 1277 году Номухана и заявили о своей поддержке Хайду, отдав Номухана союзнику Хайду, хану Золотой Орды Менгу-Тимуру. Получив известие об аресте Номухана,

сына, бывшего для него самой надежной опорой, Хубулай-хан решил бросить все силы на борьбу с Хайду. Ситуация была серьезной для Хубула и он остановил завоевания Южного Китая династии Сун и отозвал из Китая своего лучшего генерала Баяна. Баян нанес поражение Ширки на р. Орхоне и отогнал его назад на Иртыш, а Токтемир отступил в страну енисейских кыргызов. После такой неудачи между Токтемиром и Ширки начались разногласия, перешедшие в войну, где в одной из стычек Токтемир был убит. Ширки начал войну с чингизидом Сарбаном и попал к нему в плен. Сарбан сдал Шики Хубулаю, который выслал его на остров для проживания. Коалиция против Хубула распалась, и в 1278 году Номухан был освобожден.

Хайду, будучи истинным ханом Центральной Азии, каковым не являлся Хубулай, решил организовать новый союз против Хубула, вовлекая в него лидеров боковых ветвей боржигинов: потомков братьев Чингиз-хана. Среди них были Наян, Шиктур и Кадан. Наян потомок младшего брата Чингиз-хана Белгутая, имел владения в Маньчжурии. Шиктур был внуком Хасара, старшего брата Чингиз-хана. Шиктур и Кадан имели уделы в регионе Восточной Монголии и Маньчжурии. В 1288 году положение Хубула более ухудшилось в связи с тем, что Наян, управлявший Лядуном, изменил ему и перешел на сторону Хайду с большой армией. Если Хайду, приведя войска из Центральной Азии и западной Монголии, успешно соединился бы с войсками Наяна, Шиктура и Кадана, то ситуация для Хубула стала бы весьма опасной. Хубулай срочно сформировал пять воинских частей из китайцев, которые в последующем переселились в Северный Китай с семьями.

«Стремясь, прежде всего, помешать соединению армии Наяна с Хайду, Хубулай-хан действовал быстро. Он приказал полководцу Баяну занять позицию в районе Каракорума и обороны от Хайду Каракорум и прилегающие к нему районы. В то же время двинул одну армию под командованием полководца Гаммалы против Хайду, а сам направился в Маньчжурию во главе другой армии. Хубулай-хану было 72 года, он передвигался на деревянной башне, носимой на слоне. Он выступил навстречу Наяну во главе главных сил Великой армии. Армия Хубулая-хана, дойдя до бассейна р. Ляохэ, окружила там войска Наяна. Армия Наяна состояла из кочевников. Армия Хубулая состояла в основном из китайцев и малочислен-

ного контингента кочевников. Сражение продолжалось два дня. Хубурай одержал победу благодаря своему численному превосходству и ценой больших потерь. Наян попал в плен и казнен.¹⁵ Темур Олжайту, внук и будущий наследник Хубулая, одержал победу над Каданом и умиротворил Маньчжурию и прилегающие к нему округа. Выступление Наяна и принятие им боя в невыгодных для него условиях было связано с этой тактикой «выжженной земли», проводимой Хубулаем. Наян не мог дать свою землю под разорение, а народ на уничтожение и переселение. И принял бой с противником, который не только превосходил по численности его войска, но и приплыл с большим речным флотом, оснащенным катапультами и огнеметами. И потерпел поражение.

Полководцам Баяну и Гаммале удалось разгромить армию Хайду, но они отразили наступление Хайду и приостановили дальнейшее его продвижение на Северный Китай. Несмотря на это, Хайду не отказался от борьбы, он многократно совершил вторжения большими и малыми силами и по-прежнему управлял своими подданными. Один из внуков Хубулая Камала, перед которым стояла задача защищать границы Хангайских гор против войск Хайду, в 1289 году был побежден и окружён возле р. Селенги и чудом спасся бегством. Хубурай, несмотря на свой почтенный возраст, решил лично отразить наступление Хайду. Однако Хайду, не приняв генерального сражения, ушел в свои пределы. При жизни Хубурай-хана так и не удалось положить конец нападениям со стороны Хайду. Гражданская война длилась более 40 лет.

Войска Хубулая не могли разгромить кочевников Хайду. Хайду избрал политику ухода в степи. Поэтому Хайду не принимал прямого столкновения, но неизменно возвращался назад, как только основные войска уходили. Оставшиеся гарнизоны он легко уничтожал. Не один раз он доходил и до Каракорума в ответных набегах. Сражения между войсками Хубулая и Хайду представляли собой борьбу между двумя идеологиями. Хайду поддерживали кочевники, так как он выступал за сохранение традиции и против создания империи Юань с центром в Китае, и требовали переноса столицы из Даду (Ханбалык) (Пекина) обратно в Каракорум. Выступали против империи Хубулая те племена, которые были недовольны попранием законов Чингиз-хана. А законы Ясы основывались на мировоззрении тэнгрианства. А резали их без пощады

наемные войска, исповедующие разные религии, которые не имели ничего общего с ними, не имея никакого понятия о законах, установленных Потрясателем Вселенной. Ожесточение в противостоянии дошло до того, что Хубурай приказал рубить головы царевичам-чингизидам. Это тоже нарушение закона Чингиз-хана. Инакомыслящие уничтожались под корень. Их кочевья были отданы другим. Остатки их племен были переселены с родины в Северный Китай. Не захотевшие подчиняться китайскому императору люди из государства Мэнгэ Эль уходили на север. В конечном счете, численность кочевников, проживавших в Монголии, еще более сократилась. Так стало возможным провести в степи геноцид. И этот положительный для Китая опыт уничтожения степняков своими же имеющими другую религию степняками не был забыт.

Из-за гражданской войны, которую устроили чингизиды, в связи с гибелью множества молодых людей на полях битв и уходом значительного числа татаро-монголов в чужие края, численность людей на территории современной Монголии резко сократилась. По китайским источникам, лишь в Центральном Китае проживало несколько десятков тысяч семей монголов. В Юньнани и других южных провинциях Китая также находилось не менее 10 тысяч семей. Большинство из семей, переселившиеся в Китай, не смогли возвратиться на родину и приняли образ жизни и языки китайцев.

Территория современной Монголии с ее небольшими доходами мало интересовала Хубуя. Хубуай и его потомки, правившие в Китае, мало уделяли внимания на Монголию. Оставшиеся монголы в Монголии бедствовали. Главная причина тяжелого положения заключалась в том, что на Монгольской территории с центром в Каракоруме шли войны в течение более 40 лет, пока не закончилась борьба между Арык-Бугом, Хайду и другими с Хубуаем. В период войны юаньское правительство вводило в Монголию китайские контингенты войск и расселяло их там. Эти китайские части расквартировались на отгороженных участках, сеяли хлеб, выращивали овощи и обеспечивали себя продовольствием. Население страдало от произвола от этих расквартированных юаньских войск. Китайские солдаты, тая ненависть к побежденным, убивали и грабили население, прикрываясь тем, что будто бы подавляют восстание Хайду. В результате войн сократилась численность мужской части населения. Во время войны сильно уменьши-

лось поголовье стад из-за ухудшения пастьбы и охраны скота вследствие сокращения численности мужчин, которые выполняли эту работу. Создалась огромная нехватка рабочей силы. В источниках сообщается много сведений о стихийных бедствиях, которые причиняли огромный ущерб кочевникам. Известно, какое огромное значение имел конь для кочевника — скотовода или воина. Конь для него являлся средством передвижения. Без коня невозможно было вести степное хозяйство. Между тем в «Юань ши» попадаются записи о беззощадных монголах. По сведениям китайских источников, «араты в степях и в Китае, доведенные до отчаяния нуждой и лишениями, не имея никакой возможности выйти из создавшегося положения, продавали себя, своих жен и детей или отдавали их за долги. Например, в Каракоруме и Шанду постоянно слонялись бродяги и нищие и продавали себя в рабство».¹⁶ В «Юань ши» имеются записи о том, что в 1317 г. «племена кочевников обнищали вконец и продавали сыновей и дочерей в рабство в семьи китайских крестьян», «голодные араты из племени урянхай умирали голодной смертью».¹⁷ «В 1330 г. из Каракорума чиновники доносили в докладной записке на имя императора, что в течение четырех лет бедным аратам, пришедшем с Севера, роздано 650 тысяч мешков зерна, 40 тысяч ассигнаций бумажных денег. Из-за наступления голода племя хулагар было освобождено от поставки овец для жертвоприношений».¹⁸

Правление чингизидов обернулось трагедией для жителей самой Монголии. От их завоевательных и междоусобных войн в сильной степени пострадала собственно Монголия. Тотальная мобилизация людских и экономических ресурсов нанесла Монголии серьезный ущерб. Жестоко пострадала и экономика, поставленная на службу военных завоеваний. Примерно так же обстояло дело и в других улусах. Так, по словам Рашид ад-дина, «многие монголы в государстве хулагуидов продавали своих детей по причине бедности. Так Газан-хан из выкупленных им монголов — бывших пленных или проданных родителями детей — составил 10-тысячное войско».¹⁹

Без приказа хана или императора никто не имел право переселяться. Вполне вероятно, из-за того что территория современной Монголии и Внутренней Монголии (Северного Китая) обезлюдились, а пустой степи не бывает, наместники императора в Каракоруме стали переселять из окраин своего улуса лесных племен из Забайкалья. Видимо, тогда и началось

переселение ойратов, урянхайцев на территорию современной Монголии. Кроме того, в это время, видимо, переселялась какая-то часть киданей и тангутов. Так на этих землях появились новые племена, которые не были местными. В исторических трудах сообщается о том, что во второй половине XIII в. на территории Монголии проживало в своих кочевьях «40 тымы монголов» и «4 тымы ойратов», это значит, что насчитывалось 40 тысяч семей монголов и 4 тыс. семей ойратов.

У лесных племен в тот период роль охоты намного уменьшилась, и она уже перестала быть основным источником существования. В таежных и лесных районах выращивание скота стало главным средством к существованию, хотя охота пока еще целиком не была вытеснена из числа отраслей хозяйства народа. Лишь небольшая часть племен, из лесных татар, постоянно жила охотой. Численность лесных татар увеличивалась, а увеличение выращивание скота ограничивалось, из-за того что разводить скот в лесах, где глубокий снег и множество хищных зверей, просто невозможно. Одновременно лесные племена уже потеряли интерес к тому образу жизни, когда охота являлась единственным способом добывания средств. Охота приобрела качество только дополнительного источника существования. Все эти обстоятельства стали причинами переселения людей из лесов в степь.

При формировании административной структуры империи Юань была взята за основу докладная записка китайского чиновника Хао Цзина «Ли чжэн и» (Предложения о создании системы управления). Когда Хубулай-хан поставил записку на обсуждение на совещании монгольских нойонов, то, передают источники, часть нойонов во главе с полководцем Баяном выдвинула сильные возражения против нее. Но Хубулай-хан, лично оказав давление на противников, принял в основном эти предложения и воспользовался ими при создании структуры государственного управления. В 1271 году по указу хана проект был принят почти целиком, за исключением статей, связанных с собственно Монголией, и начался осуществляться. Громоздкий китайский государственный аппарат использовался только для управления Китаем, в монгольской административной системе из него нашло применение очень немногое. Хубулай-хан не смог что-то изменить в административной структуре коренной Монголии, так как война с Хайду не за-

кончилась и многие нойоны не соглашались преобразовывать ее на чисто китайский манер.

Узурпировав власть, Хубурай начал менять политическую систему Монголии и Северного Китая. После Хубулая практика избрания ханов на Великом курултае была полностью прекращена, и великий каган единолично стал назначать по своей воле наследника престола. Во главе всего Китая стоял монгольский великий хан. Он же одновременно осуществлял верховную власть над собственно Монголией — улусом Тулуя. Внося изменения в административную систему улуса Тулуя, Хубурай-хан прежде всего назначил царевича-наследника престола с золотой печатью на управление всей Монголией. Назначение заранее царевича-наследника престола, с одной стороны, являлось мерой предосторожности против борьбы за престол, с другой — имело целью заставить будущего хана управлять государственными делами собственно улуса Тулуя. Хубурай стал великим ханом империи Юань, а царевич-наследник престола — ханом, ведавшим делами всей территории современной Монголии. Этот порядок, установленный Хубуаем, сохранялся в силе до конца династии Юань.

Закон Чингиз-хана перестали соблюдать, не нужно стало и тэнгрианство. Хубурай начал искать замену тэнгрианству. Хубурай послал своих людей в Тибет и пригласил к себе Пагба-лама — настоятеля монастыря Сас-Кия в провинции Цанг. В 1260 году тотчас же после объявления себя кааном он возвел тибетского Пагба-ламу в сан имперского учителя веры и решил обратить всех татаро-монголов в буддизм. Хубурай, его жена и приближенные приняли обет посвящения и первыми обратились в буддизм. Пагба-лама, проживший многие годы при дворе Хубулая, активно насаждал буддизм среди монгольской знати и прилагал много усилий для того, чтобы буддизм был главенствующей религией в империи. В империи Хубулая приняли буддизм тибетского толка (ламаизм) в 1269 году. При внедрении буддизма было много экспериментов, но решили остановиться на одном. Использовать из тэнгрианства только культ предков и сочетать ее с тибетским буддизмом. С внедрением религии буддизм ярость степняков смягчилось.

Юаньская династия ставила тибетских лам в особое положение, предоставляли им большие права и привилегии. Юаньская династия издавала суровые законы и правила в защиту прав буддийского духовенства. Например, одним из указов

Хубулая устанавливался жестокий закон, по которому тому, кто подымет руку на ламу или послушника, отрубалась рука, а тому, кто словесно оскорбит их, вырывали язык; законодательно утверждалась неприкословенность лам и закреплялись за ними права дарханства. В цитированном выше «Жемчужном указе» Хубулай-хана сказано: «Если буддийские монахи соблюдают правила своей религии и послушно подчиняются велико-му каану, то они полностью освобождаются от ямской службы, налогов и повинностей. Строго запрещается ставить послов на постой в буддийских храмах и монастырях, захватывать их земли, воды и имущество». Принятие таких законов привело к тому, что ламы стали чувствовать себя безнаказанно. По этому вопросу в «Юань ши» сказано: «Тибетские монахи, привесившие к поясу круглые пай-цы с золотыми иероглифами, беспрерывно проезжают на перекладных по почтовым станциям по несколько сот человек; когда они не помещаются в зданиях почтовых станций, их ставят на постой в домах крестьян. Они прогоняют мужчин из этих домов и обесчещивают их жен и дочерей».²⁰

Несмотря на то, что Хубулай и его потомки предпочитали внедрять буддизм в империи, в то же время сами они не стремились освободиться от влияния тэнгрианства и, как описывается в «Юань ши», участвовали при жертвоприношениях в Храме предков, которые устраивались четыре раза в год с участием каганов. Например, при дворе юаньских династий такие обряды, как похороны, совершались только по-тэнгриански. Хубулай-хан и его потомки сделали буддизм главной религией империи, но они не запрещали тэнгрианство и шаманизм. Между Хубулай-ханом и Пагба-ламой существовало соглашение лишь о распространении буддизма, и ни о каких мерах, направленных на запрещение тэнгрианства и шаманизма, речи не велось. И в дальнейшем при его потомках не было выпущено ни одного указа об уничтожении тэнгрианства и шаманизма. Поэтому буддизм в Монголии пользовался влиянием только в среде знати, широкие массы кочевников по-прежнему оставались тэнгрианцами. Чтобы внедрить народу новую религию, процесс занимает века, да и то не всегда успешно. Постоянно нужны огромные усилия, чтобы народ не вернулся к своим традициям. Да и по прошедшее тысячелетие, ни один народ в мире от своих традиций и мировоззрения полностью

не отказался. Поэтому после падения династии Юань влияние буддизма в Монголии свелось к минимуму.

Хубурай решил создать новый народ, поэтому он начал с изменения языка и создания нового алфавита. Хотя тюркский язык консервативен, но с течением времени какой-то процент слов обновляется и настолько же процентов слов устаревает. Но если за обновление языка берется государство, то процесс изменения языка быстро ускоряется, так как деды умирают знающий родной язык, а внукам внедряют новый язык, а отец и мать из разных народов вынуждены будут разговаривать на имперском жаргоне, чтобы понять друг друга. И одеваться в имперскую одежду, которую придумала вторая жена Хубулая Чаби. Переводы из индийской и тибетской литературы, получившие распространение среди татаро-монголов юаньской династии, оставили заметный след в литературе того времени. В идейном отношении влияние буддизма на литературном творчестве татар оказалось преобладающим, что касается формы, то здесь предпочтение было отдано тибетским и индийским литературным тенденциям. Кроме того можно сказать, что литературная письменность сильно отличается от устного разговора. Например, современные татарские интеллигенты, для кого владение татарским языком является профессией, т.е. литераторы, учителя татарского языка, журналисты татарских газет и журналов, артисты, не в состояние понять в полном объеме язык писателей, поэтов конца XIX начала XX веков. Это связано с тем, что литераторы XIX века в большом количестве использовали арабские и персидские слова. В частности в правление династии Юань, в то время в чисто татаро-монгольской фольклорной традиции наступил застой. И произведения устного народного творчества татаро-монголов по форме в какой-то мере начали смешиваться с литературными памятниками других народов. И так вскоре появился новый народ, который не будет знать свой род, своих настоящих предков, свою историю, а имперскую униформу считать национальной одеждой.

Язык является одним из основных признаков этнического поля, так как только использование родного языка может обеспечить полноту передаваемой информации между отдельными членами этого этноса. Уничтожение языка и вместе с этим потеряя полноты передаваемой информации, несомненно, влияют на дальнейшую судьбу этого этноса. Утерявший язык

этнос обречен на поражение. Новому народу Хубулай привил новый язык. На это указывает ареал распространения этого языка в пределах территории китайского государства династии Юань.

Для официальной переписки в 1260 году Хубулай-хан поручил Пагба-ламе составить новый алфавит. Работа над ним продолжалась около десяти лет и была закончена в 1269 году. В основе нового алфавита была принята тибетская письменность, вместо старой уйгурской письменности. Разработал ее тибетский монах Апхагспа на основе тибетского, угловатого или квадратного, алфавита. Но так как тибетское письмо мало отражало особенности имперского монголо-киданьского языка, в 1310 г. был совершен обратный переход на уйгурский алфавит.

Хубулай перепрограммировал тюркский и монгольский народ от Северного Китая до Забайкалья его культурно-цивилизационное наследие — тэнгрианство. Из него целым комплексом мер вытравил все этническо-национальное, прежде всего гордость, историю и привязал все это к новой буддийской цивилизации. Хубулай разрушил коренные традиционные и исторические символы. В тюркско-монгольской истории и традиции много символов. Символ — это сгусток смыслов и концентрированное выражение главных идей. Конфуций не случайно обронил такую фразу: «Символы и знаки управляют миром, а не слово и не закон». Есть два вида символики — мистическая символика и смысловая символика. Первая есть удел обывателей, а второй подход используется теми, кто понимает сущность смысла глубже. А если теряются исторические и традиционные символы, то невозможно сформировать ясные идеологические модели, и невозможно будет иметь контроль и влияние на формирования своей культуры, и понимания своего общества. Знаки и символы в политике значат ничуть не меньше действий — именно поэтому дипломаты столь ревностно следят за этикетом и жестко реагируют на незначительные от него отклонения. В войне символов Хубулай разрушил и лишил татаро-монгольские смыслы и навязал чуждые — разрушительные и парализующие волю к борьбе. Так китайские мудрецы использовали «втемную» Хубулая, и его руками сначала татаро-монголов «развели», а затем и «кинули».

При Хубуле начали писать летописи о величии роли Чингиз-хана и официальную историю правящего дома. Китайская

династия Мин перевела и сохранила эти источники на китайском языке для элиты, чтобы в дальнейшей имперской политике был использован опыт борьбы со степью Юаньской династии.

Смерть любимой жены Чаби, а потом их сына Номухана, назначенного наследником, повергла Хубуляй-хана в тоску. Он все чаще находил утешение в пирах и напитках, превратившись в тучного старика. 18 февраля 1294 года Хубуляй умер в своем дворце.

Настоящее не понять без прошлого, а без правильного понимания настоящего сложно представить будущее. Эту вполне тривиальную мысль можно и нужно применить к тюркско-монгольскому народу, проживающему на территории Забайкалья, Центральной Монголии, а также Северного Китая. А их понимание неизбежно вынуждает обратиться к истории периода правления Хубуляя и Хубулаидов. Не столько к датам и событиям, сколько к процессам, которые и определили в конечном итоге будущую жизнь этого региона и народа. И в конечном итоге совершилось то, чем стал этот регион сейчас.

Династия Юань. «Внук Хубуляя Темур Олджайту (кит. Чэнцзун, 1295—1307 гг.) стал наследником Хубуляя, по кит. императором Чэн Цзун. Император Темур Олджайту был яростным буддистом, он продолжил войну с Хайду. В 1301 году Хайду со своим войском в сопровождении чингизидов дома Угедея и Чагатаев подошел к Каракоруму, где командовал царевич Хайшан, племянник Темура. В августе произошло крупное сражение в районе между Каракорумом и рекой Тамир, левым притоком Орхона. Хайду потерпел поражение и умер во время отступления».²¹

Преемники Хубуля не обладали его управлеченческими талантами, а наследование трона всегда было сопряжено с трудной борьбой. Допуском к управлению есть добровольное принятие на себя ответственности за себя, за народ, за других и за какое-то дело. При Оладжайт-Темуре в целом правление империей было без изменений. Оладжайт-Темур стал известным своим пристрастием к алкоголю. При нем до невиданных масштабов разрослись такие явления, как взяточничество и коррупция. Хотя после Оладжайт-Темура прекратились войны дома Угедея, Чагатаев с Хубулаидами, но в ханском дворце началась острыя борьба между различными группировками. Она сопровождалась тайными убийствами и носила кровава-

вый характер. «Во время правления Темура и сменившего его племянника Хайсан-Хулуг-хана финансовый кризис в стране, наступивший после неудачных военных походов, усилился. Были увеличены налоги и выпуск бумажных денег, что вызвало инфляцию».²² Кроме того, как подчеркивается в источнике «Юань ши» начиная с 1310 года, хан и нойоны, стоявшие у власти в империи Юань, вели особенно разгульную жизнь, тратя огромные суммы на свои прихоти. Они меньше всего думали о делах государственных; во время их ежедневных пиршеств шум был слышен далеко за стенами императорского города. Можно привести один пример по этому вопросу: цена кораллов и жемчуга, купленных Тогон-Темур-ханом для его жен и других родственников, равнялась сумме государственных денежных сборов за четыре года».²³

Темур-хан назначил своего внука Хайсана наследником престола и отправил его в Каракорум. Но после скоропостижной смерти Темур-хана его жена Бурхан, пользуясь пребыванием Хайсана в далеком Каракоруме, составила тайный заговор, чтобы сделать императором своего любовника царевича Ананду. Ананда был ярым поклонником ислама. Если Ананду удалось бы утвердиться на троне, то, несомненно, он начал бы внедрять ислам в Китае. И это было бы жутким ударом по китайской цивилизации. Аюрбарибада, узнавший о заговоре, спешно прибыл со своим войском в Ханбалык, казнил Бурхана и Ананду и возвел на имперский престол вызванного им Хайсана.

Утвердившись на имперском троне, Хайсан-Хулуг-хан (кит. У Цзун, 1307—1311 гг.) в свою очередь оценил заслуги младшего брата и сделал Аюрбарибада наследником престола. При этом он доверил ему поставить на престол после его смерти сына Хошиду. Но, став императором, Аюрбарибада не выполнил завещание старшего брата и назначил наследником своего сына Шидэбалу.

В период правления Хайсан-Хулуг-хана непомерные расходы и оргии, устраивавшиеся у ханов и нойонов при императорском дворе, сильно расстроили государственные дела; важные государственные должности стали предметом торговли. Армия чиновников при нем выросла еще больше; он щедро раздавал титулы и звания. В империи не производился отбор способных лиц на чиновничьи должности путем государственных экзаменов. Проверка чиновников для повышения по

должности превратилась в пустой формализм. В источнике (Сун сюэ-ши вэнъцзи, гл.3) зарегистрирован тот факт, что во время «Хайсан-Хулуг-хана в течение лишь одного года свыше 880 человек попали на важные государственные должности с помощью взяток и «зверствовали, как тигры». Кроме того, встречаются также сообщения, что при императорском дворе подвизались свыше 40 лиц, выдававших себя за родственников ханских жен и пользовавшихся большой властью. По мере углубления финансового кризиса повышались налоги, и увеличивался выпуск бумажных денег, что подстегивало инфляцию».²⁴ Из-за пристрастия к алкоголю и женщинам он умер в возрасте 31 года 27 января 1311 года.

Одни люди стремятся получить власть, чтобы осуществить свои идеи. Другие для того, чтобы улучшить жизнь своего народа. Но большая часть людей лезет во власть для удовлетворения своих телесных потребностей. И чем выше власть, тем больше возможности для ненасытных желаний потребления, удовольствия и изнеженной роскоши. Потомки Хубулая считали, что Хубулей завоевал Китай и другие народы для их роскошной жизни, а китайский и другие народы можно держать в повиновении с помощью силы оружия. Империя Юань проводила жесткую политику по отношению к кочевникам во времена Хубулая. Им не доверяли. При потомках Хубулая в элиту стало некого брать из своих способных людей. Людей чести, долга и беспримерного мужества, способных иметь свое собственное мнение вырезали во время междуусобиц. Стали набирать в правящую элиту по родству и личной преданности. Они были не воины, а изнеженные и сытые охранники. Поэтому в династии Юань происходили постоянные заговоры и убийства.

Хубулей и его потомки решили стать китайцами. Отвернувшись от традиций и религии своих предков, но они до конца не приняли китайское мировоззрение. Так они не стали ни китайцами, ни татарами. Желание стать китайцами — это было их личное желание, и это их право, но они, будучи правителями, принуждали к этому и татаро-монгольский народ. У потомков Хубулая не было каких-то идей, не было забота о народе. В их головах была смута и удовлетворение не обузданной потребности своего тела. Смута и Хаос начинается в мозгах, в душах и только потом переползает на экономику и политику.

За 26 лет, с 1307 г., после занятия имперского престола Хайсан-Хулуг-хана, по 1333 год, когда был возведен в императоры Тогон-Темур, находилось на престоле восемь ханов, из них шесть сменяли друг друга всего за пять с небольшим лет — с 1328 по 1333 год.

Вот как излагает свое мнение по этому поводу французский историк Рене Груссे в своей книге «Империя Степей»: «Император Темур Олджайту был последним способным представителем монгольской династии Китая. После него последовала дегенерация. Потомки степных охотников, позабыв о своем непростом происхождении и о том, как достигли власти, уступили удовольствиям оседлой жизни и роскоши. Хубурай решительно переориентировал свою династию на китайский образ жизни: оседлое существование среди цивилизованных наслаждений. Под управлением такого человека, как он, все обстояло хорошо, поскольку к монгольской смелости, которая еще у него оставалась, он добавил китайское умение. Однако с его потомками императорами, становившимися слабыми, эта комбинация оказалась полностью ущербной. Последующие чингизиды Китая были чрезмерно китаизированными правителями, смягченными дворцовой жизнью и сладострастными излишествами и отрезанными от внешнего мира ширмой из фаворитов и любовных утех, образованных людей и бюрократов, и потерявшими буквально все признаки монгольской энергии. Эти потомки наиболее грозных завоевателей, которые известны в истории, стали слабы, некомпетентны, слезливы, подвластны сомнениям и колебаниям, в часы опасности — оплакиванию и сетованию. От варварского характера у них осталась лишь неспособность привыкнуть к китайской идее государства как абстрактного существа. Занимая трон сынов Поднебесной, они оставались кланом, чьи члены публично спорили и захватывали власть друг у друга. К тому же годы их жизни были сокращены из-за их неумеренных наслаждений».²⁵

После смерти Хайсан-Хулуг-хана трон занял его младший брат Аюрбарибад (кит. Жэнь-цзун, 1311—1320 гг.), воспитанный ученым-конфуцианцем. В его правление была восстановлена система экзаменов, в правительстве стали появляться чиновники, разделяющие конфуцианские ценности. Все это вызвало недовольство татаро-монгольской элиты. Кроме того, сторонники братьев, борясь за имперский трон, стали подкупать нужных людей деньгами и уничтожать кандидатов на пре-

стол. Крупные чиновники без всякого разрешения императора выпускали бумажные деньги и раздавали их нужным людям. Хайсан-Хулуг-хан умер в возрасте 35 лет 1 марта 1320 года.

Следующим правителем стал сын Аюрбарибада, восемнадцатилетний Шидэбала (кит. Ин-цзун, 1320—1323 гг.). Ему было 17 лет. Шидэбала просидел на императорском троне три года. Он увлекался буддизмом. И по его приказу несколько тысяч солдат за три года выстроили грандиозный буддийский храм к западу от Даду. Шидэбала положил указ об отмене практики ежегодных богатых даров монгольским князьям. Недовольные князья вместе с нойоном Тэгши из рода Гаммалы ворвались в покой императора и убили его. Нойон Тэгши, в руках которого была сосредоточена имперская власть при дворе, возвел на трон сына Гаммалы племянника Темура Эссен-Темура, который командовал армией в Монголии. Он был провозглашен императором в своем лагере на берегах Керулена и церемониально коронован в Ханбалгасуне 11 декабря 1323 года в возрасте 30 лет. Его правление было отмечено тем, что большинство должностей в правительстве было отдано монголам, преимущественно мусульманам, которые не стеснялись тратить государственные деньги на строительство мечетей.

Таким образом, порядок наследования монгольского престола был окончательно нарушен, влиятельные крупные придворные нойоны сами стали решать, кого поставить императором. Через 5 лет в августе 1328 года он умер из-за своих попоек. После его смерти началась гражданская война за императорский трон. После смерти Эссен-Темура монгольские нойоны во главе с Даолаша возвели на трон в Шанду сына императора Раджапику. Но командующий войсками гарнизона Даду (Ханбалык), пользовавшийся большой властью, Эл-Темур тем временем составил тайный заговор с целью возвести на трон сына Хайсана Туг-Темура. В 1328 году приверженцы Даолаша и Эл-Темура сразились между Даду и Шанду. Даолаша потерпел поражение, и Раджапика сдался на милость победителя и передал ему свою имперскую яшмовую печать.

Но когда о заговоре стало известно во дворце старшего сына Хайсана Хошилы, то он объявил о том, что он был возведен на императорский престол в Каракоруме. В 1329 году, по пути в Даду, во главе своих главных сил, он был отправлен лазутчиком, которого выслал навстречу ему младший брат Туг-Темур. По восшествии на престол Туг-Темур тотчас же казнил жену

старшего брата Хошилы и сослал его сына Тогон-Темура в Корею. Но Туг-Темур недолго сидел на троне. В конце 1332 года он был убит, а его жену Эль-Темур взял себе в жены. 23 октября 1332 года на имперский трон возвели шестилетнего сына Хошилы Ириджинбала, которого через 52 дня убили. После убийства Ириджинбала 19 июля 1333 года был возведен на престол 12-летний сын Хошилы Тогон-Темур (кит. император Шунь-ди, 1333—1368 гг.).

В период между 1307 и 1332 гг. католические миссионеры не прерывали свою деятельность в Персии, Индии и Китае. Особенно важна была миссия францисканского монаха Одорика из Порденона, который посетил все три вышеназванные страны (1318—1330 гг.). В Даду Одорик был гостем Иоанна из Монтекорвина. Когда последний умер (около 1332 г.) его наследником до прихода Даду стал французский францисканец брат Николас, в прошлом профессор Парижского университета, который привез с собою в Китай 26 других монахов. В 1336 г. один из них, Эндрю, возвратился в Европу, чтобы передать письмо от Тоган-Тимура папе Бенедикту XII, поскольку великий хан продолжал доброжелательную политику своих предшественников по отношению к христианству. В ответ на это письмо папа послал еще две миссии в Китай; одна из них получила аудиенцию у Тоган-Тимура в 1342 г.

Жестокая борьба за трон с многочисленными заговорами аристократии значительно увеличивала политическую нестабильность. Непорядок на верху отражался на бедных слоях населения, которые бедствовали. Ухудшение жизни людей толкало людей на восстания, особенно восстаниям были подвержены завоеванные Хубулем народы: корейцы, вьетнамцы, тибетцы, китайцы и т. д. Всего с начала эпохи Хубуля до конца правления Тогона таких восстаний было не менее 130.

Гражданская война, ухудшение экономического положения в империи — все это отразилось на престиже императора в Северном Китае, который значительно упал. В Южном Китае престиж императора никогда не был высок, вследствие чужеродности правящей династии. Это связано с тем, что в Северном и Южном Китае существовало четкое различие в подходах к династии Юань. Даже до татаро-монгольского завоевания Северный Китай во многих случаяхправлялся императорами кочевниками Севера. Поэтому для северокитайцев не было чего-то необычного в принятии власти кочевников, в

особенности потому, что в каждом случае эти кочевники были готовы следовать, по крайней мере отчасти, китайскому типу культуры. В Южном Китае дело обстояло иначе, поскольку он всегда управлялся местной администрацией. После низвержения династии Сун татаро-монголами южнокитайцы должны были подчиниться неизбежному и принять правление Хубулая и его наследников, но в своем сердце они считали династию Юань чужеродной, и их лояльность по отношению к ней весьма спорна.

Вследствие развала экономики и финансов империи Юань условия жизни народа еще более ухудшились. Особенno это затронуло южнокитайские провинции. В 1277 г. в Южном Китае произошло крупное восстание с участием 100 тыс. человек. Повстанческая армия боролась с имперской армией в течение четырех лет и была побеждена лишь в 1281 году. «В 1292 г. в районах Южного Китая — Цзяннани было много случаев, когда крестьяне продавали жен и детей, и свыше 500 человек, отчаявшись, покончили жизнь самоубийством в связи с тем, что татарские чиновники потребовали уплаты непосильных налогов».²⁶ Как видно из источников, в 1283 г. крупные и мелкие восстания имели место в более чем 200 районах Южного Китая.

В 1336 году в результате финансового кризиса окончательно обесценились бумажные деньги. Вскоре страну охватило мощное народное движение, тут и там вспыхивали с трудом подавлявшиеся восстания. Усилилось патриотическое движение, набиравшее силу. Огромное количество людей страдало от голода и эпидемии чумы, совпавших по времени с эпидемиями чумы в Европе, и необычных суровых зим, которые повторялись практически через год и приносили в бассейн желтой реки засухи, наводнения и голод. Небольшие мятежи в провинциях начали приобретать все более масштабный характер. Усилился бандитизм. Неминуемое падение династии стало очевидным после того, как бандиты и мятежники начали захватывать города, грабить зернохранилища и убивать чиновников. Система дамб на Хуанхэ давно пришла в негодность. Великая река то и дело прорывала дамбы и широко разливаясь по долине, затопляя поля и жилища. В 1334 г. прорыв оказался настолько мощным, что река вновь, в очередной раз, изменила русло, уничтожая на своем пути сотни тысяч жизней. Стихийные бедствия и ухудшение императорской финансовой

системы питали нарастающее недовольство среди населения. В стране резко возросло недовольство императором династии Юань.

Во всех странах и во все времена люди склонны в невзгодах винить свое правительство. Но в Китае это особенно. В китайском политическом мышлении на протяжении нескольких тысячелетий действовала доктрина. Император получал мандат Неба за свое добродетельство. Согласно традиционным китайским представлениям, на правителе лежит ответственность даже за природные катастрофы. Человеческое общество воспринималось частью универсального порядка. Небо лелеет и защищает династию и покровительствует Китаю. Правитель заслуживает этот мандат, пока он добродетель. Если он перестает следовать добродетели, то грехи правителя побуждают к бунту не только людей, но и природу. Тогда мандат Неба будет у него отобран. Хотя главным инструментом свержения власти можно считать оружие. Так свергали все династии. Китайская история постоянно повторяется, как будто подчиняясь величественному ритму времени. Все двадцать две династии, вплоть до XX века, руководствовались традицией мандата Неба.

Императоры династии Юань получили мандат Неба, они должны были быть добродетелем к своему народу. Но династия Юань быстро деградировала. Конечно, Неба не могло простить таким императорам, которые относятся к своему народу не добродетельно. Включились силы природы. Страну поразили природные бедствия, засуха и наводнения. Страна погружалась в хаос. Тогда в стране стали бить в барабаны, призываая к восстанию. Этот ритм барабанов предвещал наступление новой исторической эпохи Китая. Так разгоралось народное восстание, охватывая всю страну. В народе говорили, император потерял доверие Неба. Он из Сына Неба превратился в узурпатора, разврата и изображался недалеким, лицемерным и страдающим манией величия человеком.

Власти попытались было в 1351 г. восстановить систему дамб и заставить реку вернуться в старое русло. Но было уже поздно. Объединение в районе строительства сотен тысяч людей лишь подлило масла в огонь: восстания вспыхнули с новой силой, причем во главе их оказались вожди тайного общества «Бай-ляньцзяо». Буддийская по своей религиозной основе, эта секта «Белого лотоса» существовала в Китае издавна, по мень-

шей мере с V в. Однако в XIV в. она превратилась в тайное общество, выдвинувшее на передний план крестьянские идеалы и предрекавшее скорое наступление века Будды грядущего Майтреи и соответственно новой династии Мин (свет), которая покончит с мрачным господством татаро-монголов. Покрыв свои головы красными повязками (символ грядущего царства Света), восставшие сорганизовались в отряды «красных войск», которые начали решительную борьбу с татаро-монгольскими угнетателями. Восстание приняло не столько сектантско-крестьянский, сколько национально-патриотический характер. И хотя первая его фаза закончилась в 1363 г. поражением красных войск, антитатаро-монгольское движение разгоралось в стране со все большей силой. Особенно когда во главе его стал Чжу Юань-чжан.

В течение многих лет присутствие татаро-монгольских гарнизонов предотвращало возможность всеобщего восстания в Южном Китае. Однако время от времени случались местные восстания и выступления. Постепенно татаро-монгольские воины осели в Китае — как и в иных странах с древней культурой, подобных Персии; потеряли военное рвение и, по словам Марко Поло, «значительно опустились». В 1352 г. восстания начались одновременно в различных местах по течению Янцзы, а также в районе Кантона. Это движение в конечном итоге трансформировалось в социальную революцию, явившуюся выступлением крестьян и издольщиков против владельцев больших земельных владений, как татаро-монголов, так и китайцев. К 1360 г. весь Южный Китай контролировался множеством местных вождей, которые часто ссорились между собой.

Император Тогон-Тимур в возрасте 33 лет практически отстранился от государственных дел. Не обращая внимания на усиливающиеся беспорядки в провинциях, где повстанцы, зачастую воевавшие друг с другом, создавали независимые от центральной власти районы, он развлекал себя и свое окружение танцевальными ансамблями и оркестрами, состоявшими из одних женщин, а также буддийскими ритуалами сексуального характера. Он плавал по озеру в императорском саду на огромной прогулочной лодке. Отупев от попоек, он не проявлял никакого интереса к делам империи и не обращал внимания на китайские восстания, громыхавшее на юге. Но самой серьезной ошибкой его было отстранение энергичного главно-

го министра по имени Тохто, единственного сановника. Служивший Тогон-Тимуру верой и правдой и прилагавший усилия, чтобы улучшить управление империей Юань и справиться с политическим кризисом в стране.

Один из самых успешных мятежей возник в провинции Хунань. Восстание проходило под фундаменталистскими лозунгами возрождения нравственности и принципов конфуцианства. Его возглавлял крестьянин. Этого человека звали Чжу Юань-чжан. Чжу Юань-чжи был противником убийств и грабежей, и крестьяне в массовом порядке присоединились к его армии. Его армия более 10 лет вела вооруженную борьбу. К крестьянам присоединилась китайская аристократия, жаждавшая избавиться от татаро-монгольского правления. После того, как Чжу Юань-чжан взял верх над всеми остальными вождями повстанцев, под его знамена встала большая часть населения Южного Китая.

Во дворце Даду оставались безразличны к потере Южного Китая, бывшей империи династии Сун. Чингизидов больше интересовала судьба Северного Китая. В момент, когда юаньское правительство оказалось перед лицом кризиса, многие родовые вожди в Монголии восстали против Тогон-Тимура. Если последний казался китайцам слишком татаро-монголом, то для старотатарской партии он был слишком китайцем. В 1365 году угедейский царевич Туген-Темур поднял мятеж. Мятеж поднял и чингизид Алахай-Темур, который послал свою армию на Ханбалык. Хотя нападение степных татаро-монголов на Даду (Ханбалык) удалось отбить, юаньское правительство продолжало держать свои лучшие войска на севере для защиты Великой Стены. В сложившихся обстоятельствах быстрое продвижение армии восставших китайцев было неизбежно. В 1363 г. Чу Юань-чан оккупировал провинции Хубай, Хэнань и Анвей, а в 1367 г. — Шеньян и Кванси. Он захватил г. Нанкин, форсировал Янцзы и в 1368 году нанес поражение татаро-монгольской армии к востоку от Даду (Ханбалык). В 1368 году его талантливые военачальники, впервые в мире в массовом порядке применив пушки с металлическим дулом, без труда овладели столицей Ханбалык и Чжу Юань-чжан с триумфом вошел в столицу. Император Тогон-Тимур и его гвардия вместе со старшей женой, кореянкой Ван Цзе Хуту, сыновьями и свитой спаслись бегством в Монголию. Так закончила свое правление династия Юань в Китае. Следом за Тогон-Тимуром

отступили в Монголию остатки татаро-монгольской армии. Тем временем в Даду (Ханбалыке) Чу Юан-чан провозгласил себя императором. Основанная им династия стала известна как Мин.

Жалкий император Тогон-Тимур, не чувствуя себя в безопасности в Долон-Норе, бежал в Инчан (Кайлу) на Шара Мурене. Там он умер 23 мая 1370 года, полный отчаяния от потери такой империи, как Китай, или, скорее, удовольствий императорского положения: «Мой великий город Даду (Пекин), украшенный с таким великолепием. Шантух мое усладительное прохладное летнее уединение, и эти желтеющие долины, усадьба и свежесть моих божественных предков! Какое я совершил дело, чтобы потерять так мою империю!».²⁷

Правление хубулаидов очень дорого обошлось татаро-монголам. Китайцы, выгнав татаро-монгольские войска из Китая, в последующем стали вторгаться в Великую Татарию (Великую Степь).

3.5. Улус Чагатая

Чагатай был вторым сыном Чингиз-хана. Он получил в наследство регион Иссык-Куля, бассейн реки Или к юго-востоку от озера Балхаш и степи Чу и восточную часть Таласа. В улус Чагатая входила территория, которая принадлежала державе Кара-хитаев, а также Мавераннахр с городами Бухара и Самарканда. Улус Чагатая не представлял собой единого целого и не мог быть прочным, на территории, на которой жили различные этнические племена и народности. Мавераннахр был районом развитой городской и оседло-земледельческой культуры. Семиречье был районом кочевников и полукочевников. Ставка орды Чагатая находилась к западу от Алмалыка (совр. Кульджа или Инин) в Семиречье, и называлась Кужи и Улуг-иф (Улуг-уй — «Большой дом»). Долина Или с главным городом Алмалыком составляла центральную часть его владений и называлась «Иль-аларгу» или «Иль-Аларгузи». Это была тюркская страна населенная тюргешскими и карлукскими тюрками правившая чингизидами-монголами. Чагатай и его потомки не собирались осесть в Кашгаре или в Хотане, в таримских оазисах. Не осели они не в Бухаре или в Самарканде, где мусульманский фанатизм был несовместим с их кочевой жизнью. В течение долгого времени они были отстранены от городов и

не понимали нужд и пользы от них. До самого конца XV века чагатай продолжали кочевать между Или и Таласом, оставаясь степными людьми.

В Мавераннахре реальной властью обладал налоговый откупщик Махмуд Ялавач (1225—1238 гг.), назначенный прямо хаганом Угедеем, чем Чагатай. В 1238 году Чагатай без согласия каана сместил Махмуда. Каан упрекнул брата, но передал ему Мавераннахр в непосредственное гражданское управление, передав откуп налогов сыну Махмуда, Масуд-беку (1238—1289 гг.), и одновременно расширив его полномочия на весь улус Чагатая.

В улусе Чагатай-хана в Мавераннахре (Средней Азии) было не спокойно. Чагатай-хан был суровым и исполнительным человеком. В своем улусе он усердно стал внедрять к исполнению законы Ясы. Но встретил сопротивление. Началась борьба между татаро-монгольской идеей создания светского государства, основанного на национальных традициях и законах, и мусульманским государством, основанным на своих религиозных мировоззрениях и законах.

Чагатай-хан твердо проводил в жизнь национальную идею, и она сохранилась в наиболее прочной форме — в языке. Чагатай-хан поддерживал официальное мусульманское духовенство, считая, что оно пойдет на полную покорность ханам. Но в его улусе были разнообразные мусульманские секты. Некоторое время спустя, в 1238 г., в трех верстах от Бухары в городишке Тараб была образована религиозная секта «одетых в шерсть». Земледельцы и ремесленники собирались на собрания секты, где обсуждали свою тяжелую жизнь и выступали с речью против ортодоксального ислама. Во главе этой секты был Махмуд, которого называли Тараби, по имени его родного города. Махмуд Тараби работал ткачом. На собраниях он стал выдавать себя за ясновидца, как будто ему являлись видения, он слышал сверхъестественные голоса. Из уст в уста стали передаваться рассказы о его чудесах, он показывал на базаре людям небесные воинства, летящие по небу, чтобы освободить их от традиционного ислама и основать новое, отвечающее их идеям мусульманское государство, — и народ видел этих небесных ратников, летящих по небу в зеленых и белых одеждах. Если кто-нибудь осмеливался сказать: «Я не вижу их, то ударили палки его заставляли видеть их». В дальнейшем борьба за

«чистоту ислама» перешла в восстание с захватом городов и казнью светских людей и не согласных с идеями этой секты.

Татары-монголы тэнгрианцы заслужили почетное место в истории тем, что ни разу не приняли участия в религиозной войне. Разнообразные мусульманские секты были укrocены твердым правлением Чагатая. После смерти Чагатай-хана начались противоречия в улусе между оседлым населением и кочевниками, жившими в степях Средней Азии, между мусульманами и сторонниками традиционного мировоззрения — тэнгрианство, между мусульманами и жителями, принявшими христианство в гг. Алмалыке, Самарканде, Бухаре и т.д.

Улус Чагатая был обыкновенным наместничеством и подчинялся Каракоруму. После смерти Чагатая в 1242 году, что и Угедей, но несколько позже, завещав престол своему внуку Кара-Хулагу, сыну Мутугена. После избрания Гуюка кааном, сына Угедея, Гююк низложил Кара-Хулагу, объявив, что при жизни сына внуку нельзя наследовать трон, и отдал Чагатайский улус старшему сыну Чагатая и личному другу Есу-Менге. Есу-Менге (1247—1252) пьянировал, не обращая внимания на дела, которыми заправляла его жена Оркына-хатун (1252—1261 гг.), и вскоре должен был взять себе в соправители своего племянника Бури. Ставка Есу-Менге располагалась в Алмалыке.

После Курултая в 1251 году и воцарения Мунке-каана большинство взрослых представителей династии Чагатаев было казнено. Улус поделили Мунке и Бату. Управление своей территорией Мунке-каан поручил Кара-Хулагу. Кара-Хулагу при восстановлении власти в улусе Чагатаев, в этом же году был убит. Его жена Оркына-хатун (1252—1261 гг.) правила улусом Чагатая в течение девяти лет.

Арык-Буга, придя во власть в Каракоруме, назначил ханом Чагатаевского улуса внука Чагатая и сына Байдара царевича Алгу. По прибытии в улус Чагатая Алгу снял с правления Оркына-хатун и был принят без возражения племенными вождями от Алмалыка до Амудары. Его правление продолжалось с 1261 по 1266 год, однако оно отличилось от той линии, на которую возлагал его ставленник Арык-Буга. Во время борьбы Хубулая и Арык-Буга Алгу перешел на сторону Хубулая. У Арык-Буга не хватало средств на ведение войны с Хубулем. Он послал в улус Чагатая сборщиков налога, а Алгу их ограбил. Тогда разгневанный Арык-Буга пошелвойной против

Алгу. Алгу разбил военный авангард Арык-Буга, но другой отряд вынудил Алгу бежать в Кашгар, а затем в Самарканд. Арык-Буга захватил бассейн Или, но не смог принудить кочевников служить ему. Убийства и грабежи аулов не дали результатов. Это только оттолкнуло от него своих командиров, которые со своими родами стали покидать его. Арык-Буга решил заключить мир с Алгу и послал в Самарканд на переговоры Оркына-хатун. По прибытии Оркына-хатун в Самарканд Алгу женился на ней. Покинутый многими своими военачальниками, лишенный ресурсов, Арык-Буга оставил улус Чагатая и вернулся в Монголию. Далее он, атакованный Хубулем, в 1264 году сдался ему в плен.

Алгу решил стать независимым и освободиться от опеки Каракорума. Начал с того, что стал собирать налоги на территории Бухары и Самарканда, которые были в последние годы в подчинении Каракорума. Алгу также расширил территорию своего ханства путем войны против Берке-хана, у которого он захватил и разрушил Оттар и провинцию Хорезм.

После смерти Алгу его вдова Оркына-хатун поставила на трон своего сына от первого брака (сын Кара-Хулагу), Мубарак-хана, который был первым чагатайцем, принявшим ислам. Однако другой чагатаец Барак получил ярлык на правление улусом Чагатая от Хубулая-хана. Прибыв в Или, Барак подчинил войско и захватил самого Мубарака, низложил его и понизил до уровня управляемого ханской охотой. Хотя Барак и был обязан своим назначением Хубулаю, но он быстро от него отрекся. Хубулей направил своего наместника управлять Восточным Туркестаном. Барак прогнал этого наместника и поставил своего человека. Хубулей послал воинский отряд для восстановления снятого сановника, однако Барак встретил этот отряд со своей армией, вынудив их отступить без боя.

Хайду был внуком Угедея, он правил в улусе своего отца, в горах Тарбагатая. Прежде чем начать войну с Хубулем, он решил расширить свою территорию за счет улуса Чагатая. Первый походвойной против Барака окончился неудачей. Барак разбил войско Хайду и захватил много пленных. Хан Золотой Орды Менгу Темур поддержал Хайду и направил ему в помощь 50 тысяч человек. Потерпев крупное поражение от коалиционной армии, Барак отступил в Мавераннахр (Среднюю Азию). В Бухаре и Самарканде он стал пополнять людьми свою армию для дальнейшей войны с Хайду. Но пришли послы

от Хайду, где он предлагал мир. Хайду предложил разделить улус Чагатая на две части. Хайду отходили район Или, Восточный Туркестан, а Бараку — Мавераннахр. Кроме того, Хайду требовал, чтобы Барак признал свою вассальную зависимость. Понимая, что ему не победить Хайду, Барак согласился на мир и разделение улуса.

Хайду готовился к большой войне с Хубулем, кочевые племена, не согласные с политикой Хубула и бежавшие от него на Или и в Семиречье, поддержали его. Так империя разделилась на территории, занимаемые чисто тюрками кочевниками, и земледельческую территорию со смешанным населением, тюрками и персами. Хайду создал империю, которая не подчинялась Хубулу. Бараку хотелось расширить территорию своего правления. Хайду разрешил ему завоевание Афганистана, который был под покровительством хулагуидов. В мае 1270 года его армия вторглась в Хорасан и заняла Нишапур. Он вынудил правителя г. Герата прийти к нему и заплатить дань. Абака-хан, сын Хулагу-хана, который был избран ильханом Персии, решил остановить завоевание Барака, так как он посягал на его интересы. Около Герата войско Барака попало в засаду и было разгромлено. Барак отступил в Бухару, а затем в Ташкент. Там он по неизвестным причинам умер. «После смерти Барака его четыре сына объединились с двумя сыновьями Алгу, чтобы освободить Мавераннахр от армии Хайду, однако они были последовательно разбиты. Ни одному из них Хайду не отдал власть в Мавераннахре. Он отдал власть чагатайцу по имени Никпай Огул. Когда Никпай Огул перестал подчиняться Хайду, то он был убит, а на его место был назначен чагатаец Тука Тимур (1272—1291). Абака-хан, желая отомстить Бараку за его вторжение, в 1273 году послал войско в Среднюю Азию, где опустошил Ургенч и Хиву. Затем его армия захватила Бухару и подвергла ее страшному опустошению. Армия Абака-хана увела с собой в империю хулагуидов 50 тысяч пленников.

После смерти Тука Тимура Хайду назначил править Средней Азией Дуве сыну Барака (1291—1306). Дува решил продолжить дело отца по завоеванию Афганистана и Индии. Его войска вступили в Бадахшан, Кабул и Газни. Его отряды прошли в Западный Афганистан, оттуда начали совершать захватывающие рейды в северо-восточную Индию. В 1227 году Дува опустошил Пенджаб, но был отогнан. Кутлуг-ходжа, один

из сыновей Дувы, расположился в Восточном Афганистане. Его военные отряды доходили до ворот Дели. В 1303 году началось новое чагатайское вторжение под руководством царевича Тургая со 120 тыс. человек. Войска расположились лагерем под стенами Дели и блокировали город в продолжение двух месяцев. Затем, опустошив весь регион, эта огромная армия отступила, видимо, из-за отсутствия осадных машин, и возвратилась в Афганистан. В 1304 году случилось другое вторжение. Сорок тысяч монгольских всадников ограбили Пенджаб, севернее от Лахора, и продвинулись до Амрохи, восточнее от Дели, где они были разбиты Туглуком, помощником султана Дели Ала ад-дина. Десять тысяч монгольских пленных были растоптаны слонами. В отместку за их смерть чагатайский царевич Кебек (позднее хан) опустошил регион Мултана. Однако когда возвращался, попал в засаду на берегах Инда Туглука, который устроил резню монголам. И на этот раз пленные были отправлены в Дели, чтобы их растоптали слоны.

Хайду был настоящим полководцем. Он один во всей Азии реально представлял угрозу для Хубулая, который даже в зените своей власти так и не смог уничтожить его. Дува верно следовал за Хайду. В 1301 году Дува со своим войском участвовал в походе Хайду в завоевании Каракорума. В августе произошло крупное сражение, где Хайду потерпел поражение и умер во время отступления.

Хайду оставил трон своему сыну Чапару. Чапар не имел такого таланта, чтобы управлять кочевой империей как его отец Хайду. Он решил заключить мир с Ханбалыком. В августе 1303 года Чапар и Дува признали протекторат императора Темура и оба выразили покорность Ханбалыку, таким образом положив конец гражданской войне, которая шла в Центральной Азии последние сорок лет.

Однако как только Дува уверился в поддержке империи, то решительно порвал с Чапаром. Армия двух чингизидов столкнулась между Ходжентом и Самаркандом, и Чапар потерпел поражение. В следующей битве между реками Черный Иртыш и Йолдыз Чапар был атакован войсками Дувы и имперской армией Темура, которая пришла из Каракорума, пересекла южный Алтай и напала с тыла. Чапару не осталось ничего, кроме как сдаться Дуве. Дува обращался с Чапаром с уважением, однако все принадлежащие ему владения присоединил себе.

Таким образом, чагатайский улус вновь восстановился в своем первоначальном наследстве.

Дува умер в конце 1306 года. Его старший сын Кончек стал ханом улуса Чагатая. Он правил год с лишним и умер в 1308 году. После его смерти власть захватил Талику (1308—1309), внук Бури. Однако сторонники семьи Дувы восстали против него, и один из них убил его во время застолья. Заговорщики затем объявили ханом Кебека, младшего сына Дувы. Волнениями в степи в связи с убийством хана решил воспользоваться Чапар, который ранее был побежден и ограблен Дувой. Чапар напал на Кебека, но был разбит. Он пересек Или и нашел убежище при дворце Хошила, императора Китая. На этом закончилась борьба дома Угедея за овладение улусом Чагатаев. Чагатаи созвали великий курултай, на котором они решили назначить ханом одного из сыновей Дувы, находившегося тогда при дворе Ханбалыке (Пекине), чингизида Эсен-Бугу (1309—1318). Эсен-Буга прибыл из Китая, сел на трон, который уступил ему его брат Кебек.

Для ханов Персии образование чагатайского владения в восточном Афганистане, возглавляемого сыном и наследником Кутлуг-ходжи, давуд-ходжой, было посягательством на их интересы. В 1313 году Олджайту, ильхан Персии, отправил армию, которая вытеснила Давуд-ходжу из Афганистана и вынудила отступить его в Среднюю Азию. Давуд-ходжа пришел к Эсен-Буги и попросил у него помощь. Эсен-Буги отправил армию против хулагуидов под командованием своего брата Кебека и Давуд-ходжи. Армия чагатаев в 1315 году пересекла Амударью и разбила армию хулагуидов в Мургабе и ограбила Хорасан до самого Герата. Однако они были вынуждены уступить свое завоевание, поскольку чагатайское ханство подверглось нападению с тыла монголами Китая. Армия Эсен-Буги была разбита имперской армией между Кучой и Иссык-Кулем. В отместку Эсен-Буги убил послов, которые возвращались из Персии ко двору Пекина. Вследствие чего имперская армия под руководством Тогачи вторглась в чагатайское ханство и опустошила как зимнюю ставку Эсен-Буги на Иссык-Куле, так и летнюю ставку на Таласе. После смерти Эсен-Буги в 1318 году Кебек возвратил себе власть».²⁸

Кебек правил с 1318 по 1326 год. Наследниками Кебека стали три его брата: Элджигидей, Дува-Тимур и Тармаширин. Первые два правили лишь несколько месяцев. Правление Тар-

маширина было с 1326 по 1334 год. В 1327 году он возобновил традицию крупных походов в Индию. Он проник до Дели и, согласно некоторым источникам, отступил лишь после уплаты крупной дани. Тармаширин принял ислам и стал султаном Ала ад-дином. Если его обращение с восторгом приняли мусульмане Мавераннахра (Средней Азии), то оно вызвало резкое недовольство среди кочевников Иссык-Куля и Или, которые рассматривали его как нарушение Ясы Чингиз-хана. В районе Или поднялось восстание против Тармашина, которое закончилось приходом к власти нового хана, внука Дувы, Чангши, правившего в долине Или 1334 год.

В чагатаевском улусе началась смута, которая разделила ханство на два государства: то есть на востоке — «Моголистан» с центром в Алмалыке, с территорией Талас, верхний Чу, Иссык-Куль, Или, Эби-Нор и Манас, территория Семиречья и Восточного Туркестана. И второе ханство на западной части с территорией Мавераннахр с центром г. Самарканда. Территория Восточного Туркестана населяли в основном разные оседлые народы, жившие там с древних времен. Моголы там были в меньшинстве. На территории Семиречья кочевали моголы — тюрко-монгольские племена — кочевники-скотоводы: дулаты (доглаты), канлы (бешик), кереиты (керей), арганут, барын, арлат, барлас, чоросы и другие племена.

Чагатай окончательно дискредитировали себя, так что власть захватили тюркские знатные рода. В Мавераннахре они сажали на трон чингизидов марионеток: Бузан 1334—1338; Есюк-Темир 1338—1342; Мухаммад 1342—1343; Казан 1343—1346 и т.д., а сами управляли страной. То же самое происходило и в Могулистане. Главным кочевым племенем в регионе был Дулат, который обладал огромными владениями в Могулистане вокруг Иссык-Куля и в Кашкарии. В середине XIV века племенем дулат руководили три брата: Тулик, Буладжи и Камар ад-дин и они были действительными хозяевами земли. В 1348 году они подобрали одного человека по имени Туклук-Тимур, якобы он сын Эсен-Буга и провозгласили его ханом. Туклук-Тимур стал первым ханом Моголистана Их не интересовало, действительный он чагатаец или нет. Тулик стал улус-беки или первым эмиром ханства. Так чагатай стали пешками в своем улусе. Власть перешла в руки местной тюркской знати.

Туклук-Тимур правил до 1363 года. Средневековый автор Мухаммед Хайдар Дулат так описывал границы Моголистана: «Восточная окраина граничит с землями калмыков и охватывает Барысколь, Емель, Иртыш. На севере в его территории входили Кокче тениз (озеро Балхаш), Бум и Карагат. На западе Моголистан граничит с Туркестаном и Ташкентом, на юге — с Ферганским вилайетом, Кашгар, Аксу, Чалыш и Турфаном». Хан Моголистана Туклук-Тимур (1347—1362) принял ислам, и его преемники носили мусульманские имена, многие кочевые племена, проживавшие в отдаленных восточных районах государства Моголистан, вплоть до начала XVI века оставались еще «язычниками». Поэтому новый этап распространения ислама среди кочевых племен Моголистана связан с деятельностью ордена Накшбандия, основателем которого был влиятельный бухарский шейх Беха-ад-дина Накшбанди (1318-1389). Подвижники этого суфийского братства проводили активную пропаганду мусульманской веры среди кочевников Моголистана, Татарии (Орды) и Западной Сибири. Именно благодаря активной миссионерской деятельности суфийских отшельников мощного и разветвленного ордена Накшбандия было покончено с остатками буддизма и тэнгрианства в Восточном Туркестане, значительная часть которого еще в начале XV века оставалась под влиянием буддизма.

Тюркские племена моголы и чагатаи перманентно воевали друг с другом. Сначала моголы неоднократно завоевывали и разоряли Мавераннахр, затем при эмире Тимуре, наоборот, чагатаи не раз вторгались в Моголистан. Да и впоследствии оседлые ираноязычные жители Восточного Мавераннахра часто подвергались нападениям кочевников соседнего Моголистана. После кратковременной стабилизации и успехов в первой половине XVI века Моголистан снова погрузился в пучину междоусобиц. Власть могольских ханов стала ограничиваться Восточным Туркестаном, да и там она была чисто номинальной. Западная часть Моголистана постепенно стала окраиной, куда бежали опальные могольские рода при сменах ханов в Яркенде, Кашгаре и Турфане. Первая волна дулатов была в 1514 году, когда их коренной юрт на западе Восточного Туркестана завоевал Султан-Саид хан. Вторая волна была в 1533 году, когда пришедший к власти Абд-Рашид хан (сын Султан-Саида) начал новое преследование дулатовской пле-

менной знати. При последующих ханах Моголистан продолжал делиться на все более мелкие улусы.

В Мавераннахре тоже было неспокойно. Мавераннахр разделился на множество областей, которые враждовали и воевали между собой, пока верховенство над всеми не взял эмир Тимур из рода барлас, в персидском названии Тамерлан. Посол Кастилии Клавихо, гостивший у Тимура несколько месяцев и подробно описавший о нем и его войске, называет их татарами. Да и Тимур называл себя татар и от этого не отказывался.

Государство эмира Тимура составляло Мавераннахр, большинство жителей составляли ираноязычные земледельцы и торговцы. Там тюрки были в меньшинстве и составляли правящую династию и военное сословие. Чагатай, жители Мавераннахра, пользовались двумя языками, тюрки и фарси.

В 1388 году китайская армия проникла в глубь Монголии и разрушила полностью г. Каракорум. В этот период эмир Тимур вел свои походы по всем тюркско-мусульманским странам. Начало его карьеры началось с того, что когда Тимуру было 25 лет и он командовал тюменем (тысячником), к нему явился шейх Барак, родом из Мекки (кто он был — араб или иудей — неизвестно), ставший впоследствии его главным духовником, и вручил ему барабан и знамя (символ власти), предсказав великое будущее. Под влиянием этого шейха эмир Тимур вел войны за распространение религии ислам.

За армией Тимура следовало множество мулл, муфтиев, потомков Мухаммеда и дервишей, которые все предприятия Тимура одобряли и оправдывали, и он по своему желанию, как всегда, получал одобрение от них, а для этой войны — благоприятные предсказания. Все свои войны Тимур объяснял распространением «чистоты ислама», за что мусульманские ученые его времени восхваляли его за это, называли его лидером, возглавившим ислам. Они издали в честь него следующее объявление: «В каждом веке Всемогущий воздвигал защитника и распространителя религии — посланника Мухаммеда. В этом веке Тимур, родившийся под счастливым созвездием, герой мира, должен считаться восстановителем веры». «А глава ученых, Мир-Сайд-Шериф, написал письмо Тимуру, где он считает, что раз Тимур трудился на пользу распространения ислама в области мира, то он имеет право на титул распространителя веры.» «Хотя Тимур был правоверным мусульманином, не признавал астрологию и предпочитал гадание по Корану, однако

чаще для него религия была орудием для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки. Тот же Тимур, который в Сирии выступил защитником Али и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандаране (в Иране) наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка. Вполне естественно, что мусульманские богословы в беседах с таким государем всегда опасались западни». ²⁹ В период пика могущества Тумура Великий шелковый путь, соединявший Восток и Запад, лежал в руинах — в особенности ключевые точки: Исфахан, Багдад, Дамаск, Алеппо, Смирна. Население было практически вырезано, удар по экономике всей Азии нанесен ужасающий. Два совершенных Тимуром похода на Татарию (Орду) не просто ослабили ее, а столь сильно подорвали государственность. Тимур разрушил в буквальном смысле слова основные жизненные районы государства, расположенные на западе от р. Идели (Волги). Он разрушил города, стоявшие на пути караванной торговли — Кафу, Солхат, Азак, Моджары, Хаджи-Тархан, Сарай ал-Джадид и т. д. Северная трасса Великого шелкового пути была им планомерно уничтожена и не смогла после возродиться. Огромное количество татар уведено было в плен; те, кто уцелел, лишились крова, скота, обжитых местностей, стали влечь нищенский образ жизни. В разграбленной стране голод и мор шли по следам победителей. В Среднюю Азию перегонялись прекрасные табуны верховых коней, стада крупнорогатых, десятки тыс. овец, караваны верблюдов. Города Орды опустели и обезлюдились. Такого масштабного разорения, которое совершил Тимур, мир еще не видел. Учиненный разгром был столь велик, что Татария (Орда) уже не могла возродиться в прежних формах, на прежней территории, в прежних масштабах. Таким образом, этот поборник Мухаммеда был главной причиной страшного ослабления и падения татарского государства. Войска Тимура возвращались в Самарканд павшие духом, ведь в Татарии они сражались и убивали не каких-то инородцев, а родственников, да еще и своих единоверцев мусульман. Да, татары-монголы крупно проиграли и проиграли не кому-нибудь, а самим себе. Татарские земли от вечных распрай чингизидов обезлюдились, иссущились и покрылись мором. Численность татар сократилась катастрофически, и в конечном итоге оказалась неспособной защищать

ни себя, ни свои земли. Но чингизидам будто до этого не было и дела. На смертном одре Чингиз-хан завещал своим детям: «Вы не должны изменять моего Ясы после моей смерти, чтобы не было смуты в царстве». Но внуки и потомки Чингиз-хана не исполнили его завещание. Они приняли другие религии, заменили законы Ясы на законы других народов и тогда Дух Неба Тэнгри отвернулся от них и весь тюркско-монгольский мир ввергся в нескончаемые распри, смуты и страдания.

Озлобление росло. Потомки Джучи долго хранили в памяти боль, унижение и оскорбление своего достоинства и в душе вынашивали идею реванша и жажду мести. И наступило время, когда под руководством Шейбани-хана в 1448 г. они вторглись со стороны Астрахани и Южной Сибири во владения тимуридов и преследовали и гнали их за пределы Чагатеева улуса, пока последний тимурид, в лице правнука Тимура Захеретдина Бабура, навсегда не ушел вначале в Афганистан, а затем в Индию, где создал впоследствии империю Великих Моголов. Но это будет позже. А пока Тимур покорял одну империю за другой. Официальным предлогом для его похода в Индию была терпимость султанов Дели к идолопоклонству. Разорив и ограбив Индию, Тимур двинулся на Османскую империю. После победы над султаном Баязидом под Анкарой Тимур оплакал память государя, погубленного им, затем стал готовиться к войне против Китайской империи. Западноевропейские крестоносцы смотрели тогда на Тимура как на своего избавителя от тюрков. Ведь не разбей Тимур армию Баязида под Анкарой, османский султан продолжал бы свое победоносное шествие — и нет нужды сомневаться, что к его ногам склонились бы и Рим, и Париж. До сих пор не исследовано, откуда поступали огромные средства на оплату тимуровской наемной армии и ведение беспрерывных войн против тюрksких государств. Ведь Тимур не завоевывал государства и их территории, не принуждалвойной соседние государства к выгодной торговле, он просто грабил и разорял все страны. Причем объектами его нападений в большинстве своем были тюркские мусульманские империи. Есть ученые, которые утверждают, что часть денег поступала от Папы Римского, который собирал их с крестоносцев Запада. Благодарная Европа не забыла этого, и в 1405 году в Париже поставила Тимуру памятник с надписью «Освободителю Европы». Памятник впоследствии был разрушен Наполеоном.³⁰ Задается вопрос, какой националь-

ности был идеиник Тимура шейх Барак, и не был ли он связан с Папой Римским? Не через него ли поступали деньги Тимуру из Европы на ведение войны с тюрками. Остается только догадываться, кто «втемную» «опускал» Великую Татарию и другие тюркские империи руками Тимура.

Политическая нестабильность на просторах Евразии привела к застою торговли и экономики на таком огромном пространстве: от русских княжеств до Индии, от Великой Китайской стены до Европы. Жить и путешествовать стало небезопасно.

В октябре 1404 г. Тимур созвал курултай и сказал: «Храбрые товарищи! Вы знаете все милости, оказанные нам Аллахом, и наши завоевания достаточно доказывают его благоволение к нам. Китайская империя, полная идолопоклонников, представляет прекрасное поприще для нашего религиозного пыла. Идемте же разрушать храмы идолов и на развалинах воздвигнем мечети! Пойдемте против этих неверных, священная война искупляет все грехи». В феврале 1405 г. он со своей армией двинулся на Китай, но по дороге заболел и умер.

Глава IV

Китайская империя XV—XX веков

4.1. Династия Мин

Династия Мин (1368—1644). После установления династии Мин одно из первых повелений правителя Минской династии императора Тай Цзу было восстановление конфуцианства на государственном уровне. Он начал проводить политику привлечения ученых на государственную службу, возобновил работу академий наук, восстановил сдачи государственных экзаменов для приема на работу чиновников. Он назначал на министерские должности конфуцианцев и следовал их советам заботиться о благополучии народа. Продолжались военные действия против монголов. Но победить силой оружия не было возможности. Началась психоисторическая война. В этой битве за историю стали наносить удары по наиболее значимым историческим событиям и фигурам, по идентичности, по традиционной тэнгриянской цивилизации. Ученым было по-

ручено написать историю чужеземной династии Юань. Официальная история Юаньской династии была написана после изгнания монголов китайцами в 1368 году. Вся история была написана в течение 331 дня и составила 210 томов. Писали ее вырезавшие всех монголов, проживающих в Китае, в ночь Белого Лотоса заговорщики. Это не признак особой любви китайцев к государству Хубулая. Наоборот, они их ненавидели и вырезали поголовно. Китайская династия Мин перевела и сохранила официальную историю монголов на китайском языке для элиты, чтобы в дальнейшей имперской политике был использован опыт борьбы со степью Юаньской династии. Китайцы сохранили не только официальную историю монголов, но и «Сокровенное сказание» — подлинную историю монголов, записанную слоговым письмом. «Сокровенное сказание» могло переводиться китайцами в спешке. Сокровенное сказание (на китайском языке называется Тайная книга Юаньской династии) также было переведено в начальный период Минской династии. Писари «Ши эй Гувана», используя 563 буквы китайского квадратного письма, по буквам трансформируя исконные монгольские слова, сопровождая каждое слово буквальным переводом, после каждой главы прикладывая смысловой перевод, сохранили эту книгу. Но при переводе старого источника были допущены некоторые неточности, вызванные изменением языка. Ведь изменение языка начали при Хубулае. Правда, оригинал не сохранился, и среди современных ученых нет единого мнения, на каком языке он был написан. Врага надо знать в лицо. Опыт прежних поколений предков, их ошибки и неудачи в борьбе с врагами помогают китайцам управлять государством. Китайская правящая элита не отвергает опыт своих предков, но и опыт чужих предков. Такой подход к использованию опыта был выработан во время династии Хань. Расцвет и очень быстрый закат первой китайской империи Цинь при императоре Ши-хуан-ди многому научил китайцев. Это можно видеть и по отношению китайцев к империи Хубулая.

Государства кочевников, проповедующие разные религии, китайцы не считали для себя опасными, поэтому удар был направлен на остатки тэнгрианцев и распространение буддизма среди монголов. Китайская правящая элита династии Мин продолжила политику династии Юань по внедрению буддизма монголам. Эту религию нельзя считать государственной. По-

тому что в ней отсутствует необходимая для государства идея, которая обязывает человека жить для общества. Но необходимый раскол этой религии среди потомственной кочевой элиты обеспечили, уничтожая идейное единство среди монголов и тюрков. А в самом Китае китайская элита придерживалась конфуцианства, которое обязывает китайца жить для китайского общества, а элита Японии придерживалась синтоизма, чтобы японец жил для японского общества.

С Китаем связано два мировых памятника: Великая Китайская стена и Великий Шелковый путь. Великая Китайская стена — материальный памятник технологии властовования, закрытости цивилизации от внешнего мира. Она была возведена после объединения Китая (221 до н.э.) при императоре Цинь Ши-хуанди. Стена служила преградой для степных «варваров» и ограничивала деятельность китайцев за ее пределами, в географии являлась границей субтропиков и сухих степей. Великая Китайская стена была символом барьера против чужеродных заимствований в духовной сфере, и это несмотря на то, что в духовном плане в поклонение концепции духа Неба и почитание духов предков у китайцев и кочевников было много общего. Через Великий Шелковый путь Китай торговал с Евразийским континентом и Европой. Но в силу своей закрытости шелковый путь заканчивался на пограничных городах Китая. Купцов и миссионеров в глубь страны непускали. Правящая китайская элита осознавала, что насильственное внедрение чужих культурно-исторических традиций приводит к разрушительным последствиям для другой цивилизации. Отказаться от своей собственной по природе культуры и заимствовать ценности другой цивилизации в духовной сфере могут только аморальные люди. Поэтому китайцы за свою культуру стоят крепко и за материальными потребностями не забывают о духе Неба.

Императоры Китая хорошо были осведомлены о происходящем в Великой Татарии (Великой степи). Два посла, отправленные к эмиру Тимуру императорами Тай Цзу и Чэн Цзу, были казнены. Китаю известно, что по закону перемен Север одолеет Юг. Центр одолеет Север, а «Дальний» Восток одолевает Центр. Зная о том, что «Дальний» Восток ему не одолеть, император Чэн Цзу решил направить разведывательный флот для исследования южных соседей. А для безопасности армада

Чжэн Хэ была вооружена солдатами — с целями большей частью демонстрационными.

Китайские императоры ни одного важного решения не принимали, не опираясь на историческое прошлое как своего народа, так и других соседних стран. Император Сюань Цзун собрал ученых во дворец. Ученые обрисовали императору картину о состоянии мира. Мир погряз в религиозных войнах, превратившихся в Хаос, в котором брат во имя веры убивал брата. Наглядным примером была Монгольская империя Чингиз-хана, которая лежала в руинах из-за религиозной гражданской войны. Изучение исторического опыта Монгольской империи показывает, что причины развала империй не военная, не экономическая составляющая, а бездуховная составляющая власти. При этом быстрый развал произошел при нарушении тех законов, которые создали эту империю. Разрушение основ духовной власти вызывало разрушение основ экономики и воцарение Хаоса в Монгольской империи. Поэтому ученые заявили, что если Китай поддастся соблазну перед легкой добычей, так как на данное время ни одна страна, где побывал Чжэн Хэ, не устоит перед мощью имперского китайского флота, и начнет завоевывать мир подобно чингизидам, то вместе с завоеванными странами в страну хлынут чуждая культура и религия. И тогда Китай ожидает судьба Монгольской империи. Доводы ученых были убедительными. Прагматичные китайцы всегда ставят перед собой выполнимые задачи, потому что опираются на отрицательный опыт своих и чужих предков. Чтобы спасти свою культуру от проникновения чуждых разрушительных идей, император решается на добровольную изоляцию империи от всего мира. Такая важная стратегическая политическая цель была поставлена, и государство стало ее осуществлять. Наиболее главной чертой в китайской традиции является то, что важные решения для судьбы империи обсуждаются с учеными, и самое главное, правильные идеи воспринимаются руководителями государства как руководства к действию.

В 1433 году император Сюань Цзун издает указ, где он запретил своим подданным путешествия в другие страны, все материалы, связанные с экспедицией, были уничтожены, а сами корабли были сожжены. Империя с того времени закрывает все границы с внешним миром. Этот уникальный указ не отменяли все последующие императоры, хотя на престоле

были всякие, в том числе и самодуры. Этот указ не отменяли даже императоры маньчжурской династии, которые заменили династию Мин. Так китайские императоры отличились своею дальновидностью и оберегли свой народ от влияния чуждых идеологических учений и религий, тем самым сохранили Китайскую империю и китайскую цивилизацию. Через сто лет Япония, так же как и Китай, закрылась добровольно от внешнего мира.

В 1435 году после непродолжительной болезни умер император Сюань Цзуна — историки назовут его образцом конфуцианского монарха, сведущего в искусствах и склонного к благожелательному управлению. Трон императора унаследовал его шестилетний сын Ин Цзун. Так как он был ребенком, реальная власть принадлежала регентскому совету, в состав которого входили три евнуха. Решающий голос принадлежал одному из евнухов, Ван Цзиню. Меняются императоры, а ограничения в плавании не отменяются.

С 1578 года в г. Кантоне открыли таможню для торговли с европейцами. Вокруг города построили стену, и за нее запрещалось выходить чужеземцам. Иностранцы были обязаны подчиняться строгим правилам: жить только в указанных районах и закупать товары не более одного раза в год. Нарушителей ждала конфискация товара и имущества. Тогда впервые итальянский иезуит Matteo Ricci построил первую христианскую церковь в нескольких километрах от Кантона и в 1602 году перебрался в Пекин. Он смог нескольких человек обратить в христианство. Но после его смерти его церковь была разрушена, а принявшие христианство подверглись гонениям.

Основная торговля китайских купцов была через Японию, оттуда китайские товары стали расходиться по всему миру. Но это продолжалось недолго. В 1587 году лоцман испанского корабля «Сан Феликс» похвастался в японском порту, что владения короля Испании все расширяются. Когда лоцмана спросили, как Испания завладела столь обширными территориями, он ответил: «Сначала пришли миссионеры, а потом — солдаты короля». Об этом разговоре доложили правителью Японии Хидэеси, и он издал закон о запрете распространения христианства, по которому священники-иезуиты под угрозой смертной казни в течение 20 дней должны были покинуть пределы Японии. Хидэеси считал, что христиане уводят японцев от их

национальных богов. Следующей акцией было приглашение в столицу японцев обращенных в христианство, где их там всех казнили. Над Японией, как и в Китае, опустился «шелковый занавес». Япония добровольно изолировалась от всего мира.

Первый император Мин Тай Цзу получил мандат Неба за свое добродетельство. Небо лелеяло и защищало династию и покровительствовало Китаю. Так продолжалось почти 300 лет. Династия Мин не выпускала Мандат Неба из своих рук. Но вот в начале XVII века на престоле стали восседать выродившиеся, слабые императоры, которые стали отстраняться от управления власти и стали больше уделять времени для личной роскошной жизни. Они жили развратной жизнью, тратя огромные деньги на строительство дворцов, различные развлечения, потакали порочным пристрастиям своих министров и слуг, окружая себя казнокрадами, не совершали должных жертвоприношений. Соответственно, в стране сразу начались и быстро распространились коррупция и взяточничество среди чиновников. Коррупция, а не деловые качества определяла того, кто займет ту или иную должность на государственной службе. Место можно было купить за деньги. Процесс разложения охватывал все верхние эшелоны власти. Вводились новые дополнительные налоги. Законы ужесточались. Крестьяне и ремесленники начинали бедствовать и страдать от поборов государственных служащих. Быстрыми темпами увеличивались кражи и разбойные нападения. Начинался период упадка. Конечно, Небо не могло простить таким императорам. Включались силы природы. Страну поражали природные бедствия, засуха или наводнения. Страна погружалась в хаос. Тогда в стране стали бить в барабаны, призывая к восстанию. Этот ритм барабанов предвещал наступление новой исторической эпохи Китая. И вот среди крестьян или ремесленников появлялись люди, которые поднимали мятеж. Так разгоралось народное восстание, охватывая всю страну. В народе говорили, император потерял доверие Неба. Мятеж подхватывали новые лидеры, которые начинали бороться за то, чтобы взять под свой контроль постоянно растущие отряды мятежников. Так Китай впал в гражданскую войну, которая длилась много лет.

Еще одной военной кампании было суждено сыграть решающую роль в падении династии Мин — это маньчжуры. Племенной союз монголов и тунгусов, получивший название

чжурченей, основавший в XII веке на обломках Северной Сун империю Цзинь, был вытеснен сыном Чингиз-хана далеко на северо-восток. В 1599 году энергичный вождь потомков чжурченей Айсиньгиоро Нурхаци начал объединять семь чжурченских племен в единое ханство и в 1606 году основал историческое государство маньчжуров. В 1616 году Айсиньгиоро Нурхаци (1559—1626) объявил себя ханом и основал династию Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь). В 1621—1622 гг. он захватил пограничный пост Шенян и здесь в 1625 году основал свою столицу. В 1624 году он принял покорность монгольского племени хорчинов, которые кочевали к востоку от Хинганских гор и западнее сунгарийского рукава. В 1627 году маньчжуры подчинили Чосон (название Кореи во времена правления династии Чосон). Таким образом, была создана Маньчурская империя.

Абахай (1626—1643), сын и наследник Нурхаци, продолжил работу своего отца. В то время как маньчжуры создавали свое единство, монголы разрушали свое или то, что осталось от него к тому времени. Хан чахаров, Легдэн (1604—1634), который носил титул великого хана всех восточных монголов, тщетно пытался поддерживать свое верховенство над племенами. Он пытался объединить монгольских вождей мирным путем, но эти попытки не удались. Его попытки насилиственного объединения страны ничего не дали. Ордос и тюмэды восстали против его господства. Вождь Ордоса Эринчин джинонг с помощью племен харака и абага нанес ему поражение в 1627 году. Вожди владений Хорчин, Харчин и южной Халхи заключили союз с Абахаем. Маньчжуры вместе с этими монгольскими племенами разгромили силы Легдэн-хана в нескольких битвах и вынудили его бежать в Тибет, где он умер в 1634 году от болезни в Ганьсу. Затем чахары покорились Абахаю, который позволил семье Легдэна оставаться их вождями. Эрке-хонгор, старший сын Легдэна-хана, признал себя вассалом Абахая в 1635 году. В том же году Абахай также принял покорность джинонга Эринчина, вождя Ордоса. Маньчжуры заняли город Хухот и маньчурский хан Абахай провозгласил себя ханом южных монголов. В 1649 году ордосы были реорганизованы под шестью знаменами (гушу), каждое под командой царевича, который был потомком чингизидовского джинонга. Таким образом, вся территория современной Внутренней Монго-

лии (Северный Китай) стала территорией Цинской империи. С этого времени ханы чахаров, тюмидов и ордосов были связаны с маньчжурской династией узами верности и клятвой верности, что продолжалось вплоть до падения династии. В 1636 году по повелению Абахая собрался съезд правителей 16 южномонгольских княжеств, на котором Абахая провозгласили всемонгольским ханом. В том же году Абахай под именем Хуан Тай Цзи дал своему государству новое название — Цин. Вождь маньчжуров Хуан Тай Цзи начал войну против Китая. Войска владетельных вождей Внутренней Монголии принимали участие в завоевательных походах маньчжуров.

21 сентября 1643 года умер Абахай, и маньчжуры провозгласили его шестилетнего сына Фулина императором. В это время в Китае основные силы повстанцев осаждали императора со всех сторон. Один отряд мятежников стоял у ворот столицы. Минский генерал Вун Сань-гуй, командовавший армиями, охранявшими подступы к Великой стене, неожиданно предложил маньчжурскому командованию, которое готовилось к очередному набегу на Китай, пропустить их конницу в китайские земли. Вун Сань-гуй, видимо, рассчитывал использовать маньчжурсскую конницу для разгрома повстанческого движения Ли Цзын-чэна с целью основать впоследствии собственную династию. Сначала маньчжуры отвергли предложение Вун Сань-гуя, но затем воспользовались предоставленной возможностью и без боя преодолели Великую стену, а армия Вун Сань-гуя присоединилась к маньчжурам в наступлении на Пекин. Войска династии Мин со всех сторон осаждали не только повстанцы, но и разного рода мятежники, бандиты и авантюристы, которые нередко воевали друг с другом. В это время подошли маньчжурские войска и имперская армия под командованием Вун Сань-гуя. Имперская армия прогнала повстанцев от столицы. В 1644 году столица была взята. Император династии Мин повесился. Затем, когда была взята столица, после победы Вун Сан-гуй поблагодарил маньчжурские войска и вежливо попросил их уйти к себе. Однако маньчжуры, оказавшись в Пекине, вели себя как хозяева. Так как маньчжуры были самыми сильными из нападающих, то после взятия Пекина власть досталась им, а Вун Сан-гую наградили и отправили наместником в Шенься, а затем в отдаленный район Сычуань и Юннань.

4.2. Маньчжурская династия Цин

Маньчжурская династия Цин (1644—1911). Через несколько месяцев после взятия Пекина Фулиня привезли в Пекин, и 30 октября 1644 года повторно провозгласили императором Цин, а имя ему дали Ши-цзу. Так император маньчжуров стал китайским Сыном Неба. Так началась новая династия. Поскольку предыдущий император был низложен, утрата им Манда Неба рассматривалась как следствие отсутствия у него добродетелей, а новый Мандат Неба перешел императору Ши-цу.

Маньчжуры объявили о благоволении к бывшим чиновникам и военачальникам династии Мин. Тем из них, кто признавал и поддерживал власть Цин, давались чины и звания в новом государственном аппарате. Всех прочих призывали поддержать новую династию в целях общей борьбы с повстанцами. Землевладельцам и купечеству гарантировалась защита. Всем, кто раскается, покинет лагерь «разбойников» и перестанет их поддерживать, было обещано прощение. Крестьянам обещали снижение налогов. Сельскому и городскому населению маньчжурский регент сулил покой и порядок.

«Маньчжуры издали указ, где под страхом смертной казни каждый мужчина должен был демонстрировать лояльность к династии Цин — брить макушку, оставляя волосы лишь на затылке, и носить маньчжурскую одежду. Запрещались браки между маньчжурами и китайцами. Во всех городах размещались маньчжурские гарнизоны. Единственная карьера для маньчжура была военная. Наиболее способные из них занимали затем должности в государственной элите. Маньчжуры освобождались от сдачи экзаменов при поступлении на государственную службу. Завоевание маньчжурами Китая, начавшееся при поддержке Вун Сань-гуй весной 1644 г., продолжалось почти сорок лет и завершилось лишь в 1683 г.

После смерти императора Ши-цу в 1661 г. на престол сел император Шэнь-чжу. Начиная с правления Шэнь-чжу, императоры заговорили по-китайски и сформировали правительство по образцу эпохи Мин. Маньчжуры пригласили китайских ученых на государственные должности, переняли китайскую культуру и поощряли своих соотечественников следовать их примеру. Стали нарушаться запрет на смешанные браки и это было началом китаизации и ассимиляции завоевателей. Об-

разованные люди устремились в Пекин. Враждебность к захватчикам исчезла. Постепенно маньчжурский режим окончательно китаизировался¹. Маньчжуры стали служить китайцам. Типичная история для тюркско-монгольского завоевания, — ассимиляция завоевателей культурой покоренной нации. Китайцы тюрок, монголов и маньчжур называли татарами, так как считали их родственным народом и имеющим одинаковый менталитет.

«Поставки британских купцов по продаже опия шли из Индии через Кантон, а оттуда распространялись по всему Китаю. Опий использовался в качестве лекарственного средства, но как только к нему пристрастилась практически вся страна, в 1838 году император Китая издал указ покончить с торговлей опиумом в Кантоне. Президент местной британской торговой палаты продолжал нарушать указ. За это уполномоченный императора распорядился арестовать англичанина и судить его по китайским законам. А от иностранных купцов потребовал подписать обязательство, что они больше не будут торговать наркотиками. Объявление о том, что нарушение этих обязательств карается смертной казнью, фактически означало перевод англичан под китайскую юрисдикцию, что противоречило принципам британской колониальной политики. Так началась «опиумная война». Английский флот с паровыми котлами разгромил парусные китайские корабли, и прошел вдоль р. Янцзы до Нанкина. Война продолжалась. К англичанам присоединились французы и другие, и Китай проиграл эту войну. В 1860 году английские войска захватили Пекин. Война с европейцами была больше в прибрежных районах. А внутри Китая шло восстание крестьян против маньчжурской династии. Оно охватило несколько миллионов человек. Маньчжурское правительство опасалось восстания больше, чем английскую армию, и поэтому пошло на мирные переговоры. Дипломаты подписали договор свободной торговли в прибрежных городах и «шелковый занавес» пал. В Китай ринулись не только купцы, но и несметное количество миссионеров, которое получило свободу после опиумной войны — мирные договоры с иностранными государствами гарантировали терпимость к христианству. Только французские миссионеры к концу столетия насчитывали в Китае девятьсот священников. К концу столетия в Китае работали более трех тысяч протестантских миссионеров, 90 процентов которых были американцами и англичанами, при-

чем половину из них составляли женщины. За два десятка лет они сумели обратить в христианство более 300 тысяч человек. Христианские миссионеры сразу столкнулись с противостоянием с высшим классом элиты. Руководитель крестьянского восстания Хун Сюцюань объявил себя младшим братом Иисуса Христа и начал «крестовый поход» против правительства, чтобы вернуть веру в Бога через христианство. Восставшие захватили г. Нанкин и переименовали в Небесную столицу и принялись строить христианское государство фундаменталистского толка, граждане которого были твердо убеждены, что спасут свои души в битве против зла. Земля принадлежала Богу, а государство справедливо распределяло ее между всеми мужчинами и женщинами. Под контроль восставших вошла большая территория, и они стали строить собственное государство внутри Китайской империи. Правительственным войскам потребовалось почти десять лет, чтобы подавить восстание и убить Хун Сюцюань. В этой гражданской войне погибли сотни тысяч человек. Христианский элемент в восстании, к которому добавились подозрения о влиянии христианства на «Общество Белого Лотоса», убедил высшие классы китайского общества в опасности христианской религии для общественной и политической жизни империи. Кроме того, под сомнение ставилась сама ценность христианской веры буддийскими миссионерами, конкурентами христиан, которые писали: «Если Бог действительно добр и всемогущ, как утверждают христиане, то почему он позволил Адаму и Еве совершить грех, такой тяжкий, что он позорным пятном лег на все последующие поколения?»² В 1911 году восстание в Китае закончилось уничтожением и ликвидацией маньчжурской династии.

Глава V

Гражданская война кочевников в XV—XVIII веках

5.1. Хаос в Монголии

В 1368 году империя Юань, основанная Хубулаем, была свергнута китайцами. Изгнанный из Китая Тогон-Тимур бежал в Инчан. По сообщению автора «Алтан товч», Тоган-Тимур бежал из Китая, где оставил «тридцатитуменный престол», и

вместе с ним вернулись в степь 10 туменов монголов. Практически вместе с ним вернулись в степи современной Монголии приближенные хана Тогон-Тимура. Через 2 года Тогон-Тимур умер от тоски по потере сладостной жизни. Сын Тогон-Тимура Аюширидар занял ханский престол после отца, избрал себе титул великого хана Билигту-хан — «Мудрый». Во время траура после смерти Тогон-Тимура крупные силы минской армии неожиданно напали на Инчан и захватили в плен Майдирибала, внука Тогон-Тимура и сына Аюширидара. Инчан подвергся большими разрушениям. Аюширидар бежал из города вместе со свитой. Вначале он остановился на некоторое время в Чаган-Субургане в кочевьях племени барын, затем оттуда направился в Каракорум и в 1370 году сделал его своей столицей.

Монгольская элита, крупные полководцы, по возвращении на родину лишились возможности, как прежде, обирать без меры порабощенные народы чужих стран. Ранее не знавшие пределов в накоплении богатств и удовольствиях, они теперь были вынуждены удовлетворить свои потребности лишь продуктами кочевого скотоводства. Эта правящая монгольская элита еще не хотела признать свое поражение и намеревалась вторгнуться на территорию государства Мин, чтобы восстановить потерянную власть династии Юань. Бывшая территория улуса Тулуга была обширная, простиравшаяся от Южной Сибири до Великой Китайской стены с севера на юг и от Хинганского хребта до Тянь-шаньских гор с востока на запад. К западу от Алтайских гор обитали лесные племена, на территории современной МНР и Внутренней Монголии (КНР) — степные кочевые племена. Бежавшие из Китая чингизиды решили на этой территории создать государство под названием Северная Юань. Для новой войны с Китаем нужны много воинов и большие материальные затраты. И того, и другого было мало: обезлюденная от всяких войн и других бед, воинов катастрофически не хватало. Скотоводство оказалось единственной отраслью хозяйства государства. Поэтому правительство Аюширидара в спешном порядке призывало к возвращению кочевников на родину. Но минское правительство принимало меры к тому, чтобы не отпускать на родину монголов, проживавших на китайской территории, силой задерживало их там, где они жили. «Император Чжу Юань-чжан издал указ о запрещении возвращения монголов на родину, который был

кодифицирован. В кодексе Минской династии говорится: «Нельзя допускать возвращения монголов на родину. Пусть они создают семьи с китайцами. Пусть они не создают семьи со своими монголами! В случае нарушения и муж, и жена обращаются в рабство». Семьи, которые откочевывали на родину, невзирая на запрет минского правительства, останавливались в пути солдатами и истреблялись поголовно».¹ Кроме того, правительство империи Мин, закрыв пограничную торговлю, проводило политику экономического давления на Северную Юань. Постоянно посыпало вглубь страны крупные отряды войск, которые истребляли население, производили разрушения и захватывали стада скота и материальные ценности.

«Император Китая династии Мин Чжу Юань-чжан решил закрепить свою победу над династией Хубулая. В 1372 году один из лучших китайских генералов Сю Та пересек Великую Китайскую стену и дошел до Каракорума. Только возле реки Тулы китайская армия была остановлена и отброшена назад. В 1378 году умер Аюширидар. Великим ханом стал его сын Токуз-Темир (1378—1388). В 1380 г. минская армия под командованием генерала Му Ина монгольского происхождения вторглась на территорию современной Монголии, захватила Каракорум и разрушила его. В 1381 г. крупное минское войско под командованием Сюй Да и Фу Юде вторглось в Ордос, перебило и ограбило население».² Минский император возложил руководство военных действий против Северной Юань на генерала Му Ина. После длительной подготовки 130-тысячная армия под руководством Му Ина напала на Инчан. В результате ожесточенного сражения обе стороны понесли большие потери. В самый разгар битвы сам Му Ин ночью неожиданно напал на ставку Токуз-Темира во главе отборного 20-тысячного кавалерийского войска. Токуз-Темиру удалось бежать вместе со старшим сыном и свитой. Минская армия захватила в плен жену, царевичей, министров и чиновников — свыше 2900 человек, десятки тысяч пленных воинов и сотни тысяч голов скота. Му Ин сжег Инчан дотла.

Минское правительство решило разгромить урянхайские отряды, руководимые Нагачу, которые совершали набеги на пограничные населенные пункты в районе Лядуна. В 1387 году китайские части большой численности развернули наступление на провинцию Гирин и вторглись в глубь Маньчжу-

рии. Завязалась ожесточенная битва в районе Чанчуня, где обе стороны понесли большие потери. Китайцы предложили сдаться Нагачу. Силы были очень не равные. После переговоров Нагачу с 20 тысячами урянхайцев сдался империи Мин. Минское правительство взяло территорию проживания покорившихся урянхайцев под строгий контроль. Покорившимися урянхайцами управлял военачальник со ставкой в г. Данин. Минское правительство стало использовать урянхайцев в борьбе против Северной Юань. В частности, император Чэн Цзу (Юн-лэ), занявший престол с помощью урянхайцев, успешно пользовался их услугами в наведении порядка на границах Китая.

«В 1388 году китайская армия вновь вступила в пределы Северной Юань и нанесла поражение войскам Токуз-Темира. Сражение произошло к югу от Бор-Нора между Халкой и Керуленом. После такого поражения Токуз-Темир был убит одним из своих родственников. Его сменил Энке, который тоже был убит своими родственниками. На трон в Каракоруме сел Элбек. После таких катастрофических поражений династия Хубулая была полностью дискредитирована. Многие кочевые племена стали не подчиняться центральной власти. Кыргызские роды обитали в то время вдоль Верхнего Енисея до озера Хубсугул. Кыргызский вождь Ужетши-хашага отверг подончество хубулаидского хана Элбека. В 1399 году он нанес поражение Элбек-хану, убил его, захватил Каракорум и провозгласил себя великим ханом. Император Китая Чжу Юнь-Вэн признал власть Угечи. Он был обрадован низвержению династии Хубулая в Монголии и освобождению Китая от чингизидского реванша. Так закончилось правление хубулаидов и самого государства Северная Юань».³

В числе возвратившихся в монгольскую степь было 10 туменов — 4 были ойратскими (1/3 часть всех монгольских войск). Эти тумены были из профессиональных воинов. Пребывания в Северном и Южном Китае не прошло бесследно. Династия Юань, начиная с Хубулая, прививала новый язык. Татаро-монголы, отправлявшиеся со своими семьями на военную службу на юг Китая, прикочевывали обратно по истечении срока. Срок службы был 4-5 лет. Если у этих воинов были 13—14-летние сыновья в период отъезда из места расквартирования, то ко времени возвращения на родину они достигали 17—18-

летнего возраста и, будучи призваны в армию, отправлялись обратно в те же края. На службе в Китае в язык возвратившихся вошли китайские слова. Китайские слова вошли и в титулы монголов.

Первоначально титул «тайджи» носили сыновья великих ханов империи Юань (монг., от кит. тай-цы — царевич), а наследник престола носил титул джинона и правил собственно Монголией, в то время как сам великий хан правил всей империей из Даду в Китае. После падения династии Юань, когда чингизиды вернулись в исконно монгольские степи и власть хана ослабла, все потомки Хубула стали носить титул «тайджи». Те же потомки Хубула, которые имели территориальные владения, стали носить титул «хунтайджи», что возвышало их над остальными чингизидами. Вожди, не принадлежавшие к роду Борджигин, носили титул «тайши» во времена монгольской династии Юань. Титул внуков и правнуков Чингиз-хана (наследник престола имел титул «хунтайджи»). После падения династии Юань (1368) титул «тайджи» (правитель) стал присваиваться членам «золотого» ханского рода, владевшим большими уделами. Появились разные степени титула «тайджи», присваивавшиеся крупным племенным вождям — не членам ханского рода. С XVII в. после захвата Монголии маньчжурами титул «тайджи» стали получать невладетельные вожди с подразделением на 4 степени. Тайджи стал обозначать принадлежность к привилегированной части общества — дворянству — с правом получения жалованья в зависимости от степени.

Создавшейся ситуацией решили воспользоваться ойраты. Угечи недолго правил, ему нанесли поражение Аруктай-нойон и ойратский вождь из племени чорос Махмуд-нойон. Ойраты были сильным лесным племенем, обитавшим во времена чингизидов на западных берегах озера Байкал. Между сыном Угечи Эсеком и Махмуд-нойоном началась война за обладание стать верховным ханом. Для того чтобы подчеркнуть свою полную независимость от других чингизидовских претендентов, Аруктай и Махмуд совершили визит покорности ко двору императора, для формального жеста, предназначенного как для подтверждения своей суверенности, так и для получения благосклонности династии Мин. Пока между ними и Эсеком шла война, Каракорум захватил сын Элбека Олджай-Тимур (по-китайски Пуньяшри). Нойон Аруктай перешел на сторону

Олджай-Тимура. Императорский двор в Китае сразу забеспокоился по поводу возрождения семьи Хубулая, и император Чэнь Цзу (Юн-лэ) попытался договориться с Олджай-Тимуром, чтобы он стал вассалом Китая. Получив отказ, в 1409 г. император Чэнь Цзу послал большую армию, которая вторглась на территорию в Монголии, была разбита в битве с войсками Олджай-Тимура. Тем не менее армия Олджай-Тимура понесла большие потери в этом сражении и была сильно ослаблена. В 1410 г. китайская армия под личным командованием императора Юн-лэ снова вступила в Монголию, она дошла до верхнего р. Онона и нанесла поражение силам Олджай-Тимура и Аруктая. Это поражение было смертельным для Олджай-Тимура, поскольку оно лишило его авторитета. Ойратский вождь Махмуд в 1412 году напал на него, разбил его и захватил власть.

До этого времени Махмуд поддерживал хорошие отношения с императором Юн-лэ, но как только он встал у власти и почувствовал достаточно себя сильным, ойратский вождь стал вести независимую политику в отношении с правителем династии Мин. Видя такое положение, минский двор заключил тайный союз с Аруктаем для борьбы с Махмудом.

В 1414 году, когда Махмуд прибыл на р. Керулен для сражения с Аруктаем, император Чэнь Цзу (Юн-лэ) во главе своей армии лично подошел туда же на помощь Аруктаю. Узнав об этом, Махмуд поспешил навстречу императору во главе 30-тысячной конницы и навязал ему сражение. Хотя минская армия широко применила огнестрельное оружие и добилась значительного успеха, но Махмуд нанес серьезное поражение китайской армии и затем ускользнул от нее за Тулу. Возвратившиеся кочевники из Китая были изнеженные от китайской жизни. Но возвратившись в свои родные степи, они вновь обрели свой степной дух и стали грозными для Китая.

Отныне Махмуд все время воевал с империей Мин, одновременно ведя борьбу против Аруктая-нояона, вступившего в сговор с минским двором. Но вскоре Махмуд умер, и дело его продолжил сын Тогон. С тех пор в течение некоторого периода Китай поддерживал Аруктая в борьбе с ойратами. Аруктай и Тогон вступили в кровопролитную борьбу между собой. Так Монголия (Северная Юань) разделилась на две практически независимые части — Западную и Восточную.

5.2. Распад Монголии на западных, восточных и южных монголов

В такой ситуации ойраты решили расширить свое господство над всей Западной Монголией — от западных берегов озера Байкал до верхнего Иртыша с намерением расшириться даже дальше к юго-западу в направлении района Или. Центральная и Восточная Монголия оставалась в положении разброда, поскольку с Аруктаем продолжал бороться за ханский титул Эсеке, сын Угечи.

В давние времена «родным местом» ойратов были территории на Алтае, в Прибайкалье, в верховьях Енисея. Эволюция цивилизационных процессов в этом регионе на протяжении первого тысячелетия нашей эры привела к образованию этнического субстрата, представляющего собой пестрый конгломерат многочисленных этнических групп со сходным образом жизни и деятельности. Впоследствии из этого конгломерата выделились ойраты, торгоуты, чоросы, дербеты, хошоуты, элюты, зунгары и другие. Этноним «ойрат» идет от слова «оорд» с ударением на «д», что по-ойратски означает «близкий». После курултая 1206 года степные и лесные племена Забайкалья стали присоединяться к монгольскому союзу добровольно. Военный поход 1207 года Джучи, когда к нему присоединились все лесные племена, можно назвать не военным, а свадебным. «Сокровенное сказание монголов» подробно описывает присоединение ойратов к монголам. «В год Зайца (1207) Джучи — старший сын Чингиз-хана — был отправлен с войском Правой руки на Лесной народ. Бука был их проводником. Ойратский Худуха-беки прибыл с миром впереди тумена ойратов и, став проводником Джучи, довел его до Шикшита. Добровольный приход Худухи-беки высоко оценил Чингиз-хан. Этот акт доброй воли позволил породниться Дому Чингиз-хана и семье Худухи-беки. Монгольская хроника «Шара туджи» описывает женитьбу двух сыновей ойратского хана Худухи-беки на Цэцэйкен — дочери Чингиз-хана и Холойхан — дочери старшего сына Чингиз-хана Джучи. Две дочери Худухи-беки были выданы за Онкута и Менгу. В результате заключения браков между сыновьями, дочерьми и потомками Чингиз-хана и Худухи-беки образовалась отдельная родовая династия. Родственные связи ойратов с чингизидами были, например, с Хубулай-

ханом в Китае, с Бату-ханом в Золотой Орде, с Хулагу-ханом в Малой Азии.

Так, например, в середине XIII века ойраты сыграли важную роль в установлении империи Хулагуидов, основанной Хулагу-ханом. Огромная империя Хулагуидов включала современные территории Ирака, Ирана, Азербайджана, Туркмении, Афганистана, Закавказья и восточной части Малой Азии. У Рашид-ад-дина мы находим: «В Иране и Туране было и есть множество [людей] из числа эмиров ойратского племени, однако неизвестно, кто какой ветви, только они между собою знают свое происхождение. Из их числа был эмир Аргун-ака». Эмиром, кстати, в первоначальном значении назывался глава десятитысячного войска. В 1284 году Аргун стал ильханом, т.е. правителем государства Хулагуидов, после него до 1335 года правили его сыновья и внуки Газан, Олджейту, Абу-Саид. В 1335 году ильханы потеряли влияние и правили под опекой, т.е. возводились на престол для придания законности власти новых династий Чобанидов и Джаларайидов. Кроме них опеку осуществляли ойратские эмиры и визири. В 1338—1399 годах ильханом под опекой Чобанидов была ойратка Сати-бек, дочь Олджейту-хана. По данным источников, в Иране и Закавказье в XIII—XIV веках находилось несколько тысяч ойратских семей, которые впоследствии ассимилировались в Иране и Азербайджане.

В начале XIII века ойраты под предводительством хана Худухи-беки в составе одного тумена переместились из верховьев Енисея в земли Западной Монголии (Джунгарию), опустившие после ухода найманов и керайтов. Переход тумена Худухи-беки в Джунгарию к западным окраинам владений Чингиз-хана можно трактовать как результат двухстороннего договора о взаимовыгодном территориальном существовании. Ойраты должны были выставлять в общемонгольскую армию 4 тумена (40 тысяч) воинов, отсюда пошло название ойратского племенного союза «дэрбэн-тумен-ойрат». Общую численность ойратов в начале XIII в. современные ученые определяют в 200 тысяч человек.

Тогон был энергичным и деятельным полководцем. Он подчинил своей власти все ойратские владения и стал единодержавным правителем созданной им империи ойратов. После этого он предпринял решительные шаги по расширению империи. На юго-западном направлении ойраты в 1421 году про-

двинулись в глубь Могулистана и дошли до Иссык-Куля. «Тогон атаковал чагатайского хана Вайса. В сражении под Турфаном Вайс-хан попал в плен к ойратскому полководцу Исан-тайши и вынужден был в качестве выкупа отдать ему свою сестру Махтум-ханум. Ваис-хану пришлось выдержать 61 сражение с калмаками за сравнительно короткий (10 лет) промежуток времени, что говорит о настойчивости и силе ойратского давления на Могулистан. Всего только один раз Вайс-хану удалось выиграть сражение, дважды он попадал в плен калмыкам».⁴ Одним из важных объектов ойрато-могулистанской борьбы за контроль над важными торговыми путями был Хамийский округ, обладание которым оспаривали три основные силы: Могулистан, Ойратская империя и Китай. Он расположен на главном торговом пути, связывавшем Китай со странами Запада. Хами играл роль дверей, открывавших и закрывавших вход в Китай. Особая роль Хами была причиной многочисленных войн, которые с древних времен Китай вел с кочевыми и оседлыми обитателями Половецкой степи и Восточного Туркестана.

География ситуации такова. Тоненькая цепочка оазисов тянется вдоль хребтов Тянь-Шаня и заканчивается на востоке узеньким горлышком крохотного Хамийского оазиса. Оазисы прорезают посередине огромную гибельную пустыню. По всей цепочке оазисов пролегает главный и единственный путь из Западного Китая в Восточный Туркестан и притяньшанские земли. Других путей в этом направлении нет, отсюда Хами имеет стратегическое военное и торговое значение.

Ойраты овладели округом Хами. С тех пор борьба за Хами велась с переменным успехом несколькими государствами до конца 70-х годов XVII века, когда Хамийский оазис окончательно подпадает под власть Джунгарского ханства ойратов. Повладев Хами несколько лет, ойраты оставили этот округ турфанцам, сосредоточив все свои силы на восточном направлении.

Император Чэн Цзу в 1422 г. в третий раз вторгся в Монголию и захватил огромное количество скота и имущества. В следующем 1423 году он во главе своей армии выступил в четвертый поход в Монголию и в союзе с войсками Аруктая сразился с ойратами, но не добился сколько-нибудь значительного успеха.

В 1425 году в Восточной Монголии ханский престол захватил хорчинский вождь Адай при поддержке Аруктая. Хорчин-

ские племена обитали к востоку от Хингана по соседству с рекой Нонни на маньчжурской границе. Их вожди были потомки Хасара, брата Чингиз-хана.

Тогон выиграл несколько сражений в Монголии. В 1438 году он победил Адая, который был убит в бою. С этого года он распространил свою власть над всей Монголией. В это время у ойратов появилось такое этнографическое новшество, как ношение улан-зала — небольшой кисти из красной ткани на головных уборах. Эта кисть символизирует солнце и исходящие от него лучи. Указом ойратского хана Тогона в 1437 году ношение улан-зала было обязательным для всех ойратов, и служило наглядным выражением их отличия от остальных монголоязычных народов, сыграв свою роль в объединении ойратского этноса. Важно отметить, что калмыки Российской империи часто называли себя «улан залата», т.е. «носящие красную кисть», вкладывая в эти слова смысл этнонима. «Улан-зала» в центре герба Республики Калмыкия (принят 11 июня 1996 года).

После завоевания Монголии Тогон вступил в переговоры с правительством Минского Китая, добиваясь в первую очередь узаконения свободной для ойратов торговли на китайских рынках. После того как переговоры с китайскими правителями зашли в тупик, Тогон начал готовиться к походу на Китай. После внезапной смерти Тогона в 1439 году нападение на Китай осуществил его сын Эсен. Вождь ойратов Эсен стал во главе союза племен и контролировал огромную территорию на севере, от Синцяна до Маньчжурии, от озера Балхаш до озера Байкал и от Байкала до подходов к Великой Китайской стене. Честолюбивый Эсен предложил женить своего сына на девушке из царского рода Мин и, получив отказ, двинул свою армию на север Китая (1449 год). Император Ин Цзун, которому исполнилось 22 года, под влиянием своего советника евнуха Ван Цзиня, у которого не было боевого опыта, решил лично повесить свою армию против ойратов. Он собрал полумиллионное войско (огромную массу неподготовленных и плохо вооруженных людей), которое в довершение всего увязло в грязи, образавшейся из-за беспрерывных дождей. В местности Туму (в провинции Чахар, к юго-западу от города Хуэйлай) произошло генеральное сражение, закончившееся разгромом полумиллионной китайской армии. В китайских летописях это событие фигурирует как «Тумусская катастрофа». Началось с того, что

ойраты уничтожили арьергард имперской армии. Затем бросились в атаку, охваченное паникой императорское войско было полностью разгромлено, а император Ин Цзун попал в плен. Эсен не двинул свою армию на незащищенный Пекин, а отступил на север, увозя с собой богатую добычу и пленного императора. После полугода неспешных переговоров китайцев с Эсением вождь ойратов в 1450 году отпустил императора. Эсен был выдающийся человек. Он не только стал первым в постчингисхановскую эпоху каганом Монголии из нечингизидов, но и тем полководцем, который сумел нанести минскому Китаю сокрушительное военное поражение и взять в плен(!) императора Ин Цзун.

После длительной борьбы Эсен объединил Монголию, подчинил ойратов, а в 1453 году заставил Китай заключить выгодный для монголов мирный договор и провозгласил себя в 1454 году всемонгольским ханом «Великим Юаньским ханом». Власть в Монголии перешла из рук потомков Чингиз-хана в руки ойратского тайши из рода Чорос. В 1455 г. против Эсена подняли мятеж ойратские племенные вожди, недовольные его централизованной политикой. В междуусобной войне войска Эсена были разбиты, а сам он погиб, после чего созданное им государство начало распадаться. Так закончился период гегемонии ойратов в Монголии.

Наследником Эсена во главе ойратов стал его сын Амасанджи. В Могулистане после гибели Вайс-хана началась междуусобная борьба, которая продолжалась много лет. Потерпевшие поражение племена борин, чурас часть из них удалилась в Мавераннахр, а другая часть во главе с эмирами перешла к ойратам, подчинившись Амасанджи, сыну Эсена. Племена калучи, булгачи и другие откочевали в центральный район современного Казахстана, где присоединились к казахско-узбекским племенам, входившим в государственное объединение Абулхайр-хана (1428—1468). В 1457 году во главе с Уз-Тимур-тайши ойраты совершили набег на сырдаринские города. Вначале они двигались по берегу Чу. Возле берега Чу оставили своих жен и домочадцев, обозы и далее двинулись налегке. Разбив в 1457 г. недалеко от Кок-Кашане близ Сыгнака войско Абулхайра, который укрылся после боя за стенами Сыгнака, разграбили окрестности Туркестана, Шахрухии, Ташкента и Сайрама. После заключения мира с Абулхайром ойраты повернули назад в сторону реки Чу, где находились их обозы

и домочадцы. Оттуда войско вернулось домой. В дальнейшем империя ойратов стала распадаться, хотя продолжали они воевать с чингизидами Восточной Монголии, а на западе угрожали степям между Или и Семиречьем.

Восточные монголы, живущие на территории современной Монголии, разделились на множество племенных орд, которые откололись от империи ойратов. Упадок ойратов, или западных монголов, не принес выгоду чингизидам Восточной Монголии. В это время они истребляли друг друга в опустошительных межсемейных войнах. Великий хан Мандуухай (1465—1466), двадцать седьмой потомок Чингиз-хана, умер в 1466 году в результате войны против своего внука племянника и наследника Болхо джигина, который, в свою очередь, был убит до его провозглашения ханом. От некогда многочисленной семьи хубулаидов остался один 15-летний мальчик по имени Бату-Мункэ, сын Болху-джинонгина, который был покинут всеми, даже его матерью, вышедшей вновь замуж. Бату-Мункэ был сыном Баян-Мунке, Болху-джинона династии Борджигинов и Шихэр Тайхо из монгольского Урянхая. Его бабка по отцовской линии, Сечен, была дочерью ойратского Эсен-тайши. Хотя Болху с семьей враждовал с Эсен-тайши в течение внутреннего конфликта в династии Северная Юань, он смог наладить отношения с его дядей Мандуул-ханом вскоре после вступления последнего на престол. Однако вскоре после примирения между отцом Бату-Мункэ и Мандуул-ханом вновь разгорелась война, и Баян-Мункэ был убит. Один из тайшей Мандуула, Исмаил (Исама), присвоил его жену, Шихер, и его имения. Чтобы сохранить жизнь юному Бату-Мункэ, Шихер отдала его в семью Бахай. Однако оттуда Бату-Мункэ забрал тангутский Темур-Хадаг, и он был воспитан в духе наследника Борджигинов в среде монгольской знати. После внезапной смерти Мандуул-хана Бату-Мункэ было пять лет. Его усыновила Мандухай-хатун, вдова Мандуула. Когда приближенные Мандухай привезли к ней ребенка, тот страдал от нарыва, и она вылечила его. Молодая вдова Мандуула, Мандугай-хатун, взяла ребенка под свое покровительство и провозгласила себя ханшой. Мандухай возвела Бату-Мункэ на общеимперский трон в качестве прямого наследника императора Хубулая в одном из чахарских святилищ. Он получил титул «Даян-хан» (титул, согласно некоторым историкам, происходит от китайского словосочетания «Великая Юань». Когда Бату-Мункэ исполнилось 19 лет,

она вышла за него замуж и получила огромное влияние при дворе и в армии. В 1491—1492 гг. эта героическая женщина была поставлена во главе армии, которая отбросила ойратов.

Долгое правление Даян-хана (1470—1543) с помощью энергичной регентши — его будущей жены — и позднее в силу его личной храбости означало возрождение чингизидовской власти. Восточную Монголию он разделил на левые и правые тумены. Левые тумены включали в себя Халхаский регион, Чахарское ханство и Урянхай и управлялись ханами, а правые тумены составляли Тумет, Хорчин и Юншиебу и управлялись джиноном, избранным ханом из числа своих братьев или сыновей. Первое крыло состояло из чахаров, урянхаев. Второе крыло включало орды, харачины или карачины.

Чингизиды своими межсемейными войнами, поражениями ойратам и китайцам окончательно дискредитировали себя. Многие вожди кочевых племен не желали им подчиняться. Даян-хан решил последовать примеру своего предка Хубулая, чтобы создать новый народ, который бы подчинялся ему. Для этого Даян-хан начал смешение племен, реорганизацию армии и народа. Из-за постоянных войн центральные и восточные районы Монголии были мало заселенными, поэтому Даян-хан начал переселять туда со всех окраин Монголии степные и кочевые племена. Такое перемещение встретило сопротивление племенных вождей, недовольных такой политикой. Племена барогонских тюmedов убили одного из сыновей Даяна, которого он назначил в качестве их вождя. Началась война с этим племенем. Даян был вначале побежден, но затем одержал верх благодаря поддержке хоричинов — племени из бассейна Нонни, которое было обязано подчиняться потомкам Хасара, брата Чингиз-хана. Он преследовал мятежников до Коко-Нора, где принял их покорность. Затем он назначил им отджигина в лице своего третьего сына Барса-болода (1512). Даян разбил войско урянхайцев, которые напали на тумен одного из его сыновей. Урянхайцы, преследуемые Даян-ханом, отступили на Алтай. Там они получили поддержку и дали отпор Даян-хану. После долгих переговоров часть урянхайцев вернулась в Монголию. У них отобрали их земли, а самих раскидали по другим туменам.

Такие племена, как эхирит, булагат, хори, хонгодор и т.д., стремясь уйти от войны ойратов и монголов (западных и центрально-восточных монголов), вернулись на природные земли

Кругобайкалья. Часть осталась в Северной Монголии. В XVII веке эти племена стали называться бурятами. Буряты, имея те же родовые и племенные группы монголов, все же имеют явную особенность — много тюркских элементов, т.е. родов и даже племен, особенно предбайкальских бурят, и очень много чисто ойратских родов, т.е калмыцких. Калмыки и буряты более близки друг к другу, и территориально и внутриэтнически, чем к халхам. Буряты и калмыки более сохранили родоплеменную память, ведут родословную аж...колена. К западным монголам относятся ойраты (калмыки), дербеты, захчины, олеты, тумэты, мянгаты, торгуты, хоштуы. Сюда же относятся буряты, баргуты (шинэ-барга) и дариганга.

К восточным (северным) монголам относятся халха (халхасцы, халха-монголы). Происхождение этнонима халха можно датировать с Даян-хана. По одной версии, этноним халха закрепился в период, когда монголы, имея силу, нападали на Китай, и теряя ее, откатывались впоследствии на север. Территории, служившие базой для подготовки новых походов и отдыха, образно были названы одним из поэтов «халха минь» — «щит мой» (в современных монгольских языках слово «халха» помимо прочих значений имеет значения — прикрытие, щит, заслон, ограждение, преграда (Калмыцко-монгольско-русский словарь, 1986). По другой версии, объединенные племена, которые концентрировались вокруг реки Халха, Бор-Нора и нижнего Керуlena, получили название халха. Отсюда халхи, изгоняя ойратов, рассеялись в западном направлении к Убса-Нору. Впоследствии этот термин прочно закрепился за большей частью современной территории Монголии — Халха, а также за восточными монголами, потомки которых носят этноним халха-монгол.

Халха-монголы не племенное, а сборное образование из разных степных и лесных племен. Так сложилось ядро будущих халха-монголов. Халха-монголы состояли из племен: борджигинов, хотогойцов, дариганцев, хорчинцев, чахаров, узумчинов и других племен, и немонгольского происхождения племен тунгусов, тангутов, сартулов и других. Среди этого образования были и такие лесные племена, которые не вели хронологию своих предков. Вот это сборное образование постепенно стали забывать свои родо-племенные деления, а к XVII—XIX векам они окончательно забыли свои рода и племена. Вобрав и поглотив десятки малых групп племен и родов

Центральной (современной) Монголии, появился новый халха-народ, со своим языком, немного отличающийся от языка ойратов (калмыков) и южных монголов. Монголы МНР — сложившаяся социалистическая нация, ядром которой являются халха. В современной Монголии халха, халхасцы, халха-монголы составляют 80 процентов с численностью 1,65 млн. человек. Живут главным образом в центральной, южной и восточной аймаках Монголии. Язык халха входит в основу современного монгольского литературного языка.

К южным монголам относятся монголы, живущие во Внутренней Монголии (Северный Китай КНР) — это хорчины, барины, оннюты, чахары, тумуты, суниты, хоштуы, жалаиры, жалайты, авганары, матай, найманы, ураты, монгрираты, джаруты, урянхайцы, хотоны, халха и т.д. К южным монголам вошли также торгуты, олеты, дэрбэты, хоштуы, тумэты, которые входили в прошлом в состав западных монголов (ойратов). В 2005 году во Внутренней Монголии (КНР) проживало 4 млн. монголов — всего 17% от всего населения района. Всего же в КНР насчитывалось 6 млн. монголов. Кроме автономной Внутренней Монголии. Остальные монголы проживают в провинциях Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Хэбэй, Хэнань, Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань. Монголы сохраняют свою племенную принадлежность. Говорят на трех диалектах монгольского языка.

В 1543 году Даян-хан умер. После смерти Даян-хана его дети и внуки разделили племена между собой. Страна была разделена между его 12 сыновьями. При этом Халха была разделена на северную и южную, и северная Халха отошла его младшему сыну Герсенджи. Северная Халха составляла примерно территорию современной Монголии. Все остальные домуны Восточной Монголии, включая южную Халху, стали позже Внутренней Монголией. Старшие сыновья стали править во Внутренней Монголии, младший сын, Герсендзе, получил в удел Халху. Все правители чингизиды Внешней (до 1921 г.) и Внутренней Монголии (до 1949 г.) были потомками Даян-хана.

Чахарские племена ушли к Боди-хану, главе старшей ветви. Он был внуком Даяна и стал великим ханом. Боди-хан осел на землях Калгана и Долон-Нора. Монгольское верховное ханство продолжало принадлежать чахарской правящей се-

мье с 1544 по 1634 год под ханами Боди (1544—1548), Кодан (1548—1557), Тумен Сасакту (1577—1593), Сечен (1593—1604) и Легдан (1604—1634), который был низложен маньчжурским императором. Все следующие ханы-преемники Даян-хана непосредственно управляли туменом чахаров и, хотя они имели формальную власть над остальными монгольскими туменами, не имели реальной власти управлять ими. Согласно монгольским историческим хроникам XVII столетия «Эрдэнийн тобчи» и «Алтан тобчи», Даян-ханом были выделены так называемые 12 «халхасских поколений», 7 из которых были переданы в управление 11-му сыну хана — Гересандзе, и 5 — 5-му сыну Даян-хана, Алчу-Болоду. Халха-монголы являются потомками 7 «колен», подчинявшихся Гересандзе. От остальных 5 происходят народы джаруты и барины в составе монголов Китая, проживающие в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР.

Третий сын Даяна, Барса-болов, который командовал ордами, устроил свою ставку на петле Желтой реки. Младший брат Гунна Биликту, Алтан-хан, наиболее известный из внуков Даяна и вождь тюмидов, обосновался в северо-восточной части петли с центром на Куку Хото. Младший сын Даяна, Гересандза очигин, командовал племенами халха, которые в то время концентрировались вокруг реки Халха, Бор-Нор, и нижнего Керулена. Отсюда халхи, изгоняя ойратов, расселялись в западном направлении к Убса-Нору. Так Монголия вновь распалась на множество мелких ханств и княжеств. Ойратские владения отделились от Монголии и стали самостоятельно отражать интервенции. Борьба ойратов велась со всех сторон одновременно — на юге против Турфанского султана, на западе против Казахского ханства, на востоке — против халха-монгольских и южномонгольских правителей.

Правитель южных монголов Алтан, сын Барс-болов-джиона, присвоил себе звание хан, наряду с ханом Монголии в Чахарии. Алтан-хан (1507—1583) устраивал набеги на Минскую империю, добиваясь благоприятных торговых условий для своих владений. И хотя Алтан-хан только один раз перешел через Великую Китайскую стену и сжег предместья Пекина, он не смог добиться большего. В 1552 году совместно с племянником Хутуктаем Сечен-хунтайджи, правителем Ордосса они нанесли поражение ойратам, принудив их покинуть освоенные кочевья в верховьях реки Орхон и бежать на запад.

Ойраты, разбитые в нескольких боях, потеряли Каракорум, резиденцию и символ монгольского имперского владычества. Алтан-хан также разгромил ойратов, соперничая с ними за овладение Кукунорским районом в 1552 году. Через 10 лет в 1562 году южномонгольские правители нанесли новый удар, заставив ойратов отступить еще дальше к западу, к реке Иртыш. В 1575 году Алтан-хан основал город Хуххото, который впоследствии стал столицей современной автономной Внутренней Монголии (Северный Китай КНР). Его племянник Хутуктай Сецен-хунтайджи вторгся в Тибет в 1566 году. Он вернулся оттуда с тремя ламами и принял тибетский буддизм школы Гелуг, в то время как монгольский Тумен-Дзасагту-хан принимал в Чахарии в 1576 году одного из высших лам школы Карма-Кагью красношапочного толка.

Вначале ламаизм принял правитель Ордоса Хутухай-Сецэн-хунтайджи, затем сумевший убедить в правильности своего решения Алтан-хана. Алтан-хан отправил большую делегацию с приглашением секты желтошапочников Сонаму Гьяцо. В 1577 г. Сонам Гьяцо выехал из Дрепунга. Для того чтобы его встретить, в местности Цабчиял в Кукуноре был выстроен специальный храм. В 1578 г. Сонам Гьяцо со своими спутниками прибыли в Южную Монголию. Их встретили посланцы Алтан-хана. Через несколько дней Сонама Гьяцо приветствовал сам хан с тысячей всадников. В 1578 г. состоялись переговоры между правителями юга Монголии и верховным ламой Тибета Содном-джамца, в ходе которых были определены основы отношений между светскими властями и руководством ламаистской церкви. Был создан своеобразный тибето-монгольский союз, противостоявший минскому Китаю. В знак этого Алтан-хан удостоил религиозного лидера Тибета звания Далай-лама (Океан премудрости), а тот, в свою очередь, провозгласил его великим ханом — перерождением хана Хубулая, а себя — Пагба-лама. Алтан-хан и его люди приняли буддизм, Сонам Гьяцо дал им всем наставления. Он сказал хану, что в прошлом тот был Хубуляй-ханом, а он сам — Пагба-ламой.

После этого ламаизм, при поддержке светских властей Монголии, стал все активнее распространяться по всей ее территории, причем высшее духовенство наделялось привилегиями светской элиты, в частности, ламы освобождались от уплаты налогов и личных повинностей.

Возвращаясь от Алтан-хана, Далай-лама заехал в г. Ланьчжоу, который принадлежал империи Мин. Китайцы встретили его с почетом и просили, используя влияние на Алтан-хана, ослабить набеги монголов на их страну. Китайские власти в лице заместителя военного министра одобряли мероприятия Алтан-хана в следующих выражениях: «Пусть ламы из Тибета преуспеют в обращении варварского народа и превращении дикарей в добродетельных людей. Необходимо каждому посылаемому к Алтан-хану монаху дать определенное должностное звание в главном буддийском управлении и пожаловать ему монашеское облачение... чтобы понравиться варварам... тогда соглашения о дани будут соблюдаться намного лучше и на границах всегда будет спокойствие». Этот текст лишний раз показывает отсутствие преемственности Юань и Мин.

Когда умер Алтан-хан, Сонам Гьяцо в 1582 г. вновь поехал в ставку хана монголов. Назад в Лхасу он отправился лишь через шесть лет, но по дороге умер. Он переродился в Монголии в правнука Алтан-хана. Так верховным ламой Тибета Далай-ламой IV под именем Йонтен стал правнук Алтан-хана. Это был первый и последний случай, когда монгол возглавил ламаистскую церковь в Тибете.

Вскоре о своей приверженности ламаизму объявил правитель Халхи Абатай, во владениях которого появился первый в Монголии дацан (монастырь). В 1642 г. сын одного из светских правителей — Тушету-хана, Ундр, был провозглашен первым главой ламаистской церкви на территории Монголии. Спустя семь лет тибетский Далай-лама посвятил его в высший сан — гэлукпа, объявив хубулганом выдающегося буддистского мыслителя Джебцзун-дараанты. Таким образом, его полное имя стало Джебцзун дамбаахутухта I с титулом бодго-гэ-гэн (гэгэн — блестящий), являвшимся третьим по значимости в ламаизме после Далай-ламы и Панчен-ламы, находившихся в Тибете. Вскоре вся страна была покрыта множеством ламаистских монастырей, которым светская власть выделяла земельные владения и лично зависимых аратов.

В 1587 году против ойратов выступили халха-монголы во главе с ханом Гересандза, по имени Убashi-хунтайджи (1567—1627), борьба с которыми развернулась уже в долине реки Иртыш. Убashi-хунтайджи в 1609 году оккупировал центр прежнего ойратского владения в регионе Киргиз-Нор и Убса-Нор, откуда он прогнал ойратов на Черный Иртыш и Тарбагатай

(1620, 1623 гг.). Он взял себе титул Алтан-хан и основал ханство под своим именем, существование которого продолжалось до 1690 года.

После смерти Алтан-хана сыновья и внуки разделили завоеванные земли у ойратов на пять самостоятельных ханств с вассальной зависимостью к центральному ханству. Но, несмотря на эту семейную договоренность, они начали междусемейную войну, и возвратились в то же самое дезорганизованное состояние, которое было до времен Даяна.

Вот как рассуждает французский исследователь, ученый, историк Рене Груссе о принятии монголами ламаизма: «Господствующий ламаизм окказал сразу такое влияние на восточных монголов, что они становились более слабыми. Ордос тюмиды, чахар и халха, в особенности первый. Вскоре потеряли свои мужские качества под благочестивым влиянием тибетской религиозности. Эта буддийская церковь, которая уже превратила жестоких тибетцев периода Тан в мечтателей и чудотворцев для Тсонг-ха-па, довела современных монголов даже до более низкого уровня, из-за отсутствия у них каких-либо философских качеств они из своей новой религии не извлекли ничего более, чем фанатизм и клерикализм. Они, которые в конце XV века нацелились на повтор чингизхановского эпоса, теперь внезапно остановились и погрузились в благочестивую инерцию с одной лишь единственной заботой по прокорму своих лам на тучных пастищах. Их история, записанная ордосским принцем Сананом Сеченом, показывает, что они забыли завоевателя мира и его славу и мечтали лишь о завоевании души. Достигнув такого уровня душевного прогресса и святости, восточные монголы созрели для того, чтобы стать жертвами калмыцкого или маньчжурского завоеваний. Вопрос стоял лишь в том, какое из этих завоеваний их поработит».⁵

Учение о перерождении души вредно с точки зрения того, что оно подрывает дух патриотизма и любви к родине. Если человек был индейцем, сегодня стал африканцем, завтра переродится в китайца и т.д., тогда такому человеку становятся не нужны собственный народ, его история, песни, герои и т.д. И уж тем более духи предков.

Перед лицом опасности, угрожавшей самому существованию ойратских владений, их правители объединились, общими силами выступили против Убashi-хунтайджи и разгромили его. Во главе объединенных ойратских сил стоял правитель

хощутского улуса Байбагас-хан, пользовавшийся наибольшим влиянием. Отразив нашествие Убashi-хунтайджи, ойратские нойоны вновь обособились друг от друга.

В XVI веке всем обитателям Великой Татарии (Великой степи) было плохо. В 1502 году Улус Джучи (Орда) распался и перестал существовать, а к середине XVI века большая часть Орды, Казанское ханство (1552), Астраханское ханство (1556), Большая Ногайская Орда (1557), Сибирское ханство (1565) были завоеваны маленьkim московским княжеством, расположившимся среди топи и болот. Так большая территория бывшего Улуса Джучи (Татария) стала достоянием Москвы, названное романовскими историками как «собиранием всех русских земель». Л.Н. Гумилев считал причину возникновения сильного Московского государства выход на службу пассионарной части ордынцев, воинов, не захотевших принять ислам. Основной этнический состав Сибирского ханства — кыпчаки, найманы, кереи и уаки в основном отступили в Казахское ханство в составе Среднего жуза. На севере ойраты в самом конце XVI века добили остатки войск бежавшего от Строгановских казаков сибирского хана Кучума. Гибель Сибирского ханства позволила ойратам продвинуть свои кочевья на север до верховий рек Ишима и Оми. Московские отряды, состоящие из казаков, подступили к границам ойратских земель. Между казаками и ойратами были неоднократные столкновения. Таким образом, западные кочевья ойратов оказались на территории и в зоне внимания Москвы. Указом царя Ивана IV от 30 мая 1574 года уральским промышленникам Строгановым вменялось в обязанность торговать с восточными народами, в том числе и с ойратами. Начались официальные контакты и стали устанавливаться посольские отношения между Московским правительством и ойратами, которых в России стали называть калмыками.

Тюркско-монгольский календарь 12-летнего животного цикла основывается на трех естественных показателях: месячном обращении Луны вокруг Земли, годичном обращении Земли вокруг Солнца и периоде обращения Юпитера вокруг Солнца. Тюркские астрономы древних веков установили, что Юпитер делает полный оборот примерно за 12 лет. Разделив круг Юпитера на 12 равных частей по 30 градусов, каждой из этих частей дали наименование определенного животного. При создании календаря тюркским астрологам уже были известны

семь «блуждающих» звезд, т.е. планет, к которым они относили Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. Приняв за основу цикла время в два оборота Сатурна, т.е. 60 лет, или один человеческий век, они получили, что Юпитер за это время совершил пять оборотов. Каждый оборот Юпитера в представлении тюрков имел свой цвет: синий, красный, желтый, белый и черный. Таким образом, в 60-летнем цикле каждый год имел присущее только ему условное сочетание. Главная его особенность — циклическая в комбинацию космических ритмов, со спиралевидностью летосчисления: годы объединены в циклы продолжительностью в 60 лет, и каждые 60 лет этот цикл повторяется снова в течение 5 раз. Это летосчисление можно назвать календарь Вселенский. Полный цикл вселенского календаря 2000 лет. Но есть еще галактический календарь, исходя из него построен календарь Майя. То есть с охватом ритмов большим, чем в солнечной системе и чем на планете Земля. По этому календарю 21.12.12 (в пересчете на григорианский календарь) заканчивается очень длинный галактический цикл в 5125 земных лет. Если же перевести на циклический календарь 12/60, то это будет вступление в силу космической эпохи созвездия Водолея. До настоящего времени — 2160 земных лет — была эпоха созвездия Рыб. После 22.12.12 по календарю Майя магнитное поле земли войдет в комбинацию космических ритмов и эпохи Водолея и нового галактического цикла. По китайскому календарю эпоха Водолея войдет 10 февраля 2013 г., а по тюркско-монгольскому календарю 22 марта 2013 года.

В календарях: 12-летнего животного цикла, вселенском, галактическом имеются свои циклы подъема и упадка (волны отлива и прилива). Человеческий цикл подъема и упадка состоит из 12-летнего цикла. Это значит — первые годы, начиная с рождения, начинается цикл подъема или волны везения. Не напрасно говорят, что маленькому ребенку до 5—6 лет очень везет. Достигнув своего максимума, волна падает. С этого периода начинается волна отлива или упадка, которая заканчивается к 12 годам, а далее все начинается сначала. Это не значит, что во время волны падения человек не может осуществить свои желания. Просто усилий для совершения какого-то дела ему придется затратить гораздо больше, чем во время подъема. Время по традиционным татарским (турецким) понятиям течет не по прямой линии, придуманной жрецами Ближнего

Востока, а спиралевидно-циклически. Цикл подъема и упадка у человеческого этноса составляет 400 лет. Это можно увидеть из истории развития татаро-монгольского этноса Хуннов, Тюркского каганата, Татаро-монгольской империи и т.д. Такая цикличность заслуживает отдельного внимания.

Начиная с XVII столетия начался космический цикл подъема для тюркского, монгольского, китайского и т.д. народов Востока. В этот период почти все тюркские народы вошли в исламскую, христианскую цивилизацию. Они пользовались линейным временем и забыли о спиралевидно-циклическом времени. Стали забывать свои традиции и обычаи, а вместе с ними уходил из них Степной дух. А раз все забывалось, значит и не могли пользоваться своими возможностями. На космическом цикле подъема китайский народ решил сбросить династию Мин, которая стала плохо служить народу. Этой космической волной подъема воспользовались и маньчжуры, которые перехватили китайцев и захватили вначале Северный Китай, а затем и весь Китай. Эту же волну подъема решили оседлать и ойраты. В начале XVII века ситуация в Центральной Азии сложилась как и в начале XIII века. Чжурчжени в тот период захватили власть в Северном Китае. В начале XVII века те же чжурчжени только под названием маньчжуров захватили Северный Китай. Если в начале XIII века Чингиз-хан с татара-монголами отвоевал Северный Китай у чжурчженей, то в XVII веке ойратам это не удалось, которая закончилась впоследствии для них трагически. Трагическая судьба постигла впоследствии и маньчжуров. Но даже поверхностный взгляд на историю ойратов (или джунгар) и маньчжуров заставляет признать, что судьба этих народов — хороший урок для любой нации и любой формы государственности. Но почему стало возможным такое? Как получилось, что государство ойратов, державшее в страхе всех своих далеко не слабых соседей, вдруг потерпело сокрушительное поражение и исчезло почти в одночасье? В ответе на эти вопросы и заключается главный урок Джунгарии для любой страны.

Если следовать логике российского ученого Льва Гумилева, суть «пассионарного взрыва» заключается в том, что, казалось бы, ничем не примечательный народ вдруг обретает необычайную силу, становясь главенствующим на обширной территории. Первый «пассионарный взрыв» относится, к возникновению Хуннской империи. Второй «пассионарный взрыв»

относится к возникновению Тюркского каганата. Третий «пассионарный взрыв» относится в XIII веку, когда Чингиз-хан создал самую великую в истории человечества империю. А четвертая связана с созданием Джунгарского ханства.

Начинался космический цикл подъема татаро-монгольского этноса, и правящая верхушка ойратов решила оседлать эту волну «пассионарного взрыва». Правящая верхушка ойратов решила повторить поход Бату-хана, объединить степные племена и создать наподобие империи Чингиз-хана. В истории тюрок и монголов такое было не раз. К тому времени ойраты представляли серьезную военную силу и могли мобилизовать и сконцентрировать в любом направлении армию численностью в 12 туменов. Хотя верхушка власти ойратов и была подвергнута буддийскому учению, но на изменение религии в верхушке власти на подсознание простых ойратов — настоящих кочевников это не подействовало. У них оставался высокий боевой дух. Они избрали духовного лидера хунтайжи, который напрямую мог общаться с Небом. Такую смелую и геостратегическую задачу поддержали родовые вожди. Вдохновленные идеей и веря, что им поможет Небо, ойраты с правого берега Иртыша дерзко двинулись на Запад.

Всем тюркам и монголам издавна была знакома обычная дорога тюркских походов — по ней шли хунны, гунны, кюк-тюрки, кыпчаки и еще многие, которых не сохранила история. Последний поход был совершен Бату-ханом, в котором участвовали и ойратские отряды. По завершении похода ойраты были поселены в Поволжье. Они стали называться татарами. Дорога, по которой шел Бату-хан, ойратам была известна. Но за несколько сот лет правления чингизидов народы Великой степи совершенно изменились и стали походить на строителей Вавилонской башни, написанной в Библии. На плодородной равнине Месопотамии, где текут бурные воды Тигра и Евфрата, было тепло и сытно народу. По библейскому преданию, жители Древнего Вавилона возгордились — решили «сделать себе имя», построив **«город и башню, высотою до небес»**. Сказано — сделано. Наделали кирпичей и стали строить огромную башню, стремясь сравняться с Богом в непомерной гордыне своей. Долго ли, коротко ли, но башня вырастала все выше и выше. И сошел Господь посмотреть на город и башню, которые возводились тщеславными людьми, и наказал их за упрямство

и дерзость, смешав язык так, что они перестали понимать друг друга, и наступил хаос. Из-за этого строительство остановилось, и Бог рассеял сынов человеческих по лицу всей Земли. Так из одного народа образовалось множество других, говорящих на разных наречиях. А город, где строилась башня, назвали Вавилоном («смешение») (Библия (Быт 11: 1-7). Выражение «Вавилонское столпотворение» употребляется в значении: суматоха, беспорядок, бестолковщина, неорганизованность.

Люди, которые проводили Вавилонский эксперимент на чингизидах, пользовались писанием Библии, но они в своем деле пошли еще дальше. Раскололи татаро-монголов не только по языку, но и по религиозному мировоззрению. Внедрили разные алфавиты и т.д. Небесную матрицу сознания татаро-монгольского народа чингизиды разрушили, а народ принудили перейти на матрицы чужих народов. Тем самым в головы татаро-монголов ввели хаотическое состояние сознания и двойственного мышления. Такое хаотическое состояние характеризуется противоречиями установок сознания, метания из одной крайности в другую.

Татары, башкиры, казахи, кыргызы, узбеки и т.д., приняли ислам и вошли в исламскую цивилизацию суннитского направления. Большая часть азербайджанцев вошла в исламскую цивилизацию шиитского направления. Гагаузы, живущие на западе, приняли христианство и вошли в христианскую цивилизацию. А халха-монголов и ойратов склонили к тибетскому ламаизму. Они вошли в буддийскую цивилизацию. Раскол на религиозной основе среди потомственной кочевой элиты обеспечил уничтожение идеиного единства.

Изменить язык недолго. Если приложить немного усилий, и язык значительно меняется естественным образом в течение даже двух поколений. Кто принял ислам, в их языке заимствовано много слов из арабского и персидского языков, а кто принял буддизм, у них много слов заимствовано из тибетского языка. Так у кочевников Великой Татарии (Великой степи) постепенно стал меняться язык, и со временем они стали плохо понимать при разговоре друг с другом. Так было осуществлено рассечение империи Чингиз-хана на враждующие политические проекты. Так тюрко-монголов культурно «развели». После внедрения проекта «Вавилон» экспериментаторам не надо было стравливать татаро-монголов. Это было не к чему. Они

сами между собой враждовали и с удовольствием вырезали друг друга. Экспериментаторам осталось только наблюдать, корректировать, направлять и управлять Великой Татарией (Великой степью).

5.3. Ойраты

Поход в Поволжье. В конце XVI в. ойраты состояли из четырех главных племенных объединений: торгут — в районе к востоку от Тарбагатая, дербет — по верхнему течению Иртыша, хошоут бузавы — в районе современного г. Дихуа, чорос — в верховьях р. Или. В обстановке острой борьбы шел процесс объединения ойратских племен. В конце 20-х и начале 30-х годов XVII в. происходила концентрация части ойратов и на правом берегу Иртыша.

В 1618 году предводитель торгоутов Хо-Урлюк отделился от ойратского союза и со своими подданными двинулся на запад. В 1620 г. передовые разведывательные отряды во главе с Лоузангом и Эйденом появились на берегах Ори и Эмбы. За ними следовала сильная орда торгоутского рода, к которой в последующем примкнули с истоков Иртыша, берегов Зайсан-Нура и р. Или хошоутские и дербетские роды. К торгоутам примкнули до 5 тысяч кибиток керайтов.

После сокрушения власти Хорезм-шаха в Средней Азии, а затем завоевание Бату-ханом земель кыпчаков основная масса кочевников со своими домочадцами ушли вместе с сыновьями и внуками Чингиз-хана на новые земли — выделенные им улусы. Оставшихся на родине кочевников в обиходе между собой татары, казахи и т.д. называли «калмыками». Название «калмак» произошло от слова «калмаклар» (отстали, отлучившие) — так татары называли их за то, что они отлучились от своих. От татар русские восприняли слово «калмаклар» как «калмык». Со временем все ойратские рода стали называть калмаками и это слово превратилось в название народа. В истории не редкость, когда прозвище прилипало к целому народу.

Чтобы пройти путь Бату-хана, калмаки должны были пройти северные и центральные казахские степи и выйти к низовьям Яика и Волги. В 1630 г. под руководством рода торгоутов Хо-Урлюк с шестью сыновьями и пятьюдесятью тысячами кибиток начал продвижение на Урал, а затем через казахские

степи к р. Яик и к берегам Нижней Волги. Хо-Урлюк сначала расположился кочевать между Ишимом и Тоболом, а его старший сын Дайчин остановился на яицких вершинах, по истокам рек Яика, Иргиза и Тобола. На составе родоплеменных групп волжских калмыков-торгоотов можно проследить процесс отражения системы военной и военно-административной организации времен существования империи Ляо и впоследствии империи Чингиз-хана.

На ойратских вождей и народ нахлынули энергия, страсть и они решили, что настало их время, чтобы они сделали историю. В противоположность им остальные тюркско-монгольские народы и племена и их вожди мирно паслись, отвлекаясь на вражду, свары и разборки между собой. Было время, когда Бату-хан со своим войском шел по этому пути, многие кыпчакские орды добровольно присоединялись к нему, кыпчаки и татаро-монголы тогда поклонялись Тэнгри. Войско Бату-хана было естественным союзником кочевников, которые придерживались тэнгрианских обычаяев, разговаривали на тюркском языке и не ставили цель отнять у кочевников их родину. А в начале XVII века в Степи уже не было сильных кочевых союзов, имеющих государственную идею.

По идее ойратов казахи, татары Ногайской Орды должны были встретить как освободителей и вместе с ними начать поход за освобождение татарских земель от московского правительства. В этом походе к ним должны были присоединиться татары бывших Астраханского, Казанского, Сибирского ханств, а также башкиры, живущие на Урале. Этой армии было достаточно, чтобы разбить московские войска, тем более в самой Москве шли непрерывные смуты. Ойраты реально могли восстановить независимость на территории бывшего Улу-са Джучи (Орды). Но в тюркской степи у ойратов союзников не нашлось. Они были встречены как враги. Ойраты прошли казахские степи. Слишком они были могущественны, поэтому казахи не рискнули преграждать их продвижение.

Ногайская Орда к этому времени уже не существовала. Кровавые разборки между мангытскими биями, интриги Московского государства привели в упадок государство. В 1580 году был разрушен казаками Сарайчик — столичный город ногаев. Ногайские племена стали переселяться на западный берег Волги. При этом некоторые ногайские племена ушли за Волгу, вплоть до степей Молдавии и Южной Украины. Таким

образом, многочисленный ногайский народ был разрезан на несколько частей — вдоль Волги русскими крепостями на переправах. Часть ногайских улусов вошла в Казахское ханство, другая — откочевала в Крымское ханство. Остатки ногайских племен, кочевавшие между Волгой и Уралом, при появлении ойратов испугалась за сохранность своих кочевий. Башкирские беки отдавали свои земли в аренду новым поселенцам, были довольны своей жизнью. После взятия Казани войсками Ивана Грозного поволжские татары были выбиты из седла. Они из воинов перешли в обозников. Смелые и отчаянные татары погибли во время завоевания Казанского ханства войсками Московского государства.

Татарские мурзы

Мурзы и служивые татары, перешедшие на службу московскому правительству до взятия Казани и после ее, сами и их потомки душой и телом преданно служили новым хозяевам. Начиная с XVIII века, татарские муллы, да и сами татары, так рьяно принимали ислам, что у них напрочь стерлось из памяти, какого они рода, какого они племени, и стали безродными. Мало того, перед революцией многие татары стали забывать какой они нации. На вопрос «Кто ты?» отвечали: мусульманин. Национальные признаки у них стирались. В тот период и

началась ассимиляция татар, так как ислам разрешает вступать в брак со всеми народами: арабами, персами, африканцами и т.д., только, чтобы они были мусульманами. Хотя еще до XVIII века на могильных камнях татары выбивали свои родовые тамги. В «Известиях об. арх., ист., геогр.» при Казанском университете в томе XIV, вып.3, на стр. 360 говорится, что в 1700 г. у казанских татар были такие же родовые знаки (тамги), как у казахских родов. Стать безродным ради какого-то мирового исламского братства — это трагедия.

Казахи, разделенные на орды, вели между собой междоусобные войны. Ни о какой новой империи ни татары, ни башкиры, ни казахи и не думали. Кроме того, калмыки для них были буддистами (то есть «неверными»), а верхушка татар, казахов считала себя мусульманами. К тому же для верхушки ойратов (калмыков) татары, казахи и т.д. были мусульмане (то есть «неверными»). Кровные братья, когда-то входившие в одну империю, в одну тэнгрианскую цивилизацию, были разделены по вере, по языку и этого было достаточно, чтобы они встретились как враги. Сохранившиеся обычай традиционного общества не могли изменить сознание татар, башкир, казахов, ойратов.

Началась война калмыков с татарами Ногайской Орды, которая перешла за обладание степными пространствами Поволжья. Когда в степи была одна религия тэнгрианство, один язык, проведение геноцида или поголовного истребления населения не могло быть. Исчезало только название племени. Люди из побежденных племен раздавались по куреням победителей, воины, попавшие в плен, пожелавшие служить чужому племени, включались в племенное объединение. Но война между ойратами и ногайскими татарами стала не этнической, а религиозной. Жившие между Волгой и Уралом ногайские орды, ставшие союзниками московского княжества еще при Иване Грозном, не получили от московского правительства помощи. Потерпев поражение, ногайские татары добровольно не вошли в калмыцкую орду. Ногайские татары не хотели стать буддистами, а калмыки не хотели быть мусульманами. Ногайские татары продолжали войну и после длительной и упорной борьбы, которая продолжалась три года, были разбиты пришедшими калмыками. Многие погибли, остальные рассеялись, оставив свои земли калмыкам. Из остатков часть ногайских племен образует Младший жуз и каракалпаков, другие остатки переселились на правый берег Волги, где смешались с ногаями из Малой орды. До середины XVIII века ногай оказались зависимы от Крымского ханства и Османской империи. Ногай, жившие между Волгой и Уралом, перестали существовать.

5.4. Калмыцкое ханство

К середине 30-х годов XVII в. калмыки-торгоуты занимали уже значительное пространство между речьми Яика и Волги, а отдельные разведывательные отряды даже выходили на левый луговой берег Волги, что постоянно приводило к вооруженным столкновениям между калмыками и московскими отрядами. Так за короткое промежуточное время, ойраты сделались повелителями от Сибири, Китая до Кавказа. В 1633 г. ойраты создали государственное образование: Калмыцкое ханство (1633—1771 гг.). Им нужна была столица.

В 1395 году эмир Тимур разрушил столицу Орды Сарай-ал-Джадид (новый дворец), в 1502 году крымский хан Менгли-Гирей разрушил столицу Орды Сарай Бату. Все они лежали в руинах, один недалеко от современного Волгограда, другой недалеко от Астрахани. В 1556 году в Ногайской Орде шла междоусобица. Когда московские и казацкие отряды подошли к Астрахани, татары в степи недалеко от города воевали между собой, выясняя свои отношения. Защищать Астрахань было некому. Хан Дервиш-Али бежал. Астрахань была взята без единого выстрела. Восстанавливать столицу Орды Сарай Бату, разрушенную самими татарами, калмыки не стали. Калмыки решили начать с восстановления Астраханского ханства и сделать г. Астрахань своей столицей.

В 1643 г. калмыки напали на Астрахань, но им не удалось взять ее штурмом. Отдать легко, вернуть тяжело. В 1644 г. калмыки вторглись на северный Кавказ, но были разбиты московскими стрельцами, кабардинцами и терскими казаками. На протяжении примерно трех лет после этой неудачи калмыцкая армия, вторгшаяся на северный Кавказ, оставалась в степях к северу от реки Кумы.

Абуль-Гази Багадур — хивинский хан (1643—1664), чингизид, был образованным человеком своего времени. В молодости он изучил персидский, арабский, чагатайский языки, отказался от управления ханством в пользу своего сына Ануш-Мухаммеда, а сам занялся составлением родословных. В 1639 году Абуль-Гази поехал в ставку калмыков. Калмыки его встретили с почестями и, пока он находился у них, оберегали его. Абуль-Гази прожил у калмыков почти год. С калмыками он разговаривал на их тюркском наречии. О поездке к калмыкам и своих впечатлениях он написал в своей книге «Родословное

древо тюрков», где отметил, что ойраты, торгоуты, хори-туманы и т.д. — это тюркские племена.

Первые шейхи Сефевиды жили в Ардебиле. Их влияние было велико, у них были мюриды не только в Азербайджане, но и в Западном Иране (Исфахане, Ширазе и т.д.), особенно в Руме (Малой Азии). В XV веке главной опорой Сефевидов первоначально были семь тюркских кочевых племен, говорившие на огузском (азербайджанском) языке. Позднее эти племена получили общее название кызылбashi (красноголовые) за то, что надевали чалму с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов. Кызылбashi брили бороды, отпускали длинные усы, а на бритой голове оставляли чуб. Кызылбашские племена со своими эмирами духовно подчинялись дервишскому ордену Сефевидов. Под предлогом «войны за веру» сефевидские шейхи, стоявшие во главе кызылбашских племен, начали войну. Воинственные кочевники стали систематически, из года в год, организовывать набеги на немусульманские страны — на Дагестан, Северный Кавказ, в страну черкесов. Прикрываясь религией, эти набеги были чисто грабительскими, приносящими воинственным кочевникам богатую добычу, коней, скот и пленников. Когда кызылбashi почувствовали силу, воспользовавшись междуусобицей в среде правителей Ак-Коюнлы, они завладели Южным Азербайджаном и заняли Тебриз. Вождь сефевидов Исмаил сделал Тебриз своей столицей, и принял персидский титул шахиншах. Впервые в тюркском государстве государственной религией была объявлена религия шиитского толка, а само государство названо Ираном (1501 г.). В 1503 году шах Исмаил наголову разбил близ Хамадана и обратил в бегство султана Ак-Коюнлы Мурада, завладев всем Персидским Ираком, государство Ак-Коюнлу перестало существовать. Затем Исмаил овладел и остальной частью Западного Ирана. В 1501 году возле Мерва войска шаха Исмаила вступили в бой с армией Шейбани-хана. После кровопролитного сражения, которое отличалось необыкновенным ожесточением, почти все узбекские эмиры пали, сам Шейбани-хан был убит. Изуродованный и обезглавленный труп его был отбит узбеками и похоронен в Самарканде. С начала XVII века началась война между Османской империей и Сефевидским государством. Эта война была религиозная, между двумя мусульманскими народами, османы сунниты напали на сефевидов шиитов. Османская армия наступала на г. Тебриз и Закавказье. Османс-

кий султан упорно добивался оккупации всего Закавказья, в т.ч. Азербайджана. По приказу султана в Азербайджан через Дербент неоднократно вторгались войска крымского хана — вассала османов. Азербайджан переходил из рук в руки. Кызылбашским войскам приходилось вести тяжелую борьбу на два фронта против Османской империи и Крымского ханства. Бои были упорными. Однако, несмотря на разительное неравенство сил, сефевидским войскам удавалось не раз наносить сокрушительные удары по османской армии. Война не принесла успеха ни одной из воюющих сторон. В сентябре 1639 г. шах подписал с султаном мир.

Появившееся Калмыцкое государство в Нижнем Поволжье заинтересовало сефевидского шаха и османского султана. Это подтверждают документы, что в 1656 г. калмыки принимали послов от сефевидского шаха и османского султана и сами направляли к ним посланников. Ни сефевиды, ни османы не изъявили желания помочь калмыкам завоевать г. Астрахань. Кызылбashi хотя и были тюркскими кочевниками, но впоследствии они приняли ислам. А это значит в калмыках они видели «неверных» и не имеет значения, были они тэнгиранцами или буддистами. Во-вторых, их не интересовал Улус Джучи (Орда), они продолжали традиции хулагуидов. Их интерес был связан с Азербайджаном, Кавказом, Персией, Ираком. Османское правительство состояло из греков, армян, евреев, албанцев, хорватов, сербов и т.д., которые по разным причинам приняли мусульманство. Конечно, они были далеки от идеи возрождения Орды. В калмыках они видели «неверных» и соответственно о какой-то помощи в завоевании г. Астрахани не могло быть речи. Интересы османов были на Ближнем Востоке, побережье Средиземноморья и Европе. Ханами крымских татар были Гиреи-чингизиды. Они приняли ислам, были вассалами Османской империи. Хан Менгли-Гирей, союзник московского княжества, в июне 1502 г. разбил войско хана Большой Орды Шах-Ахмета и покончил с Ордой. Соответственно Гиреи не стали помогать этим «неверным» калмыкам в восстановлении Орды, а стали их непримиримыми врагами. Так калмыки стали «чужими» среди своих.

До XIV века московское княжество было неприметным, населенное в большей части финно-угорскими племенами, а Москва, маленьким городом, вокруг которого были леса и торфяные болота. Природных богатств не было, занимались пче-

лоловодством. Поэтому особого развития в экономике не было. Экономически слабое княжество не могло тягаться с другими, более сильными русскими княжествами. Но все изменилось, начиная с Ивана Калиты. Московское княжество неожиданно стало возвышаться и вышло в первые ряды среди всех русских княжеств. Официальная историография считает, что все это произошло благодаря мудрой политике князя Калиты. Прозвище Калита (кошель) получил за щедрость к нищим («даяше нищим сколка вымется») и огромные богатства, которые использовал для увеличения своей территории «куплями» в чужих княжествах, например, куплены были три города с его окрестностями — Углич, Белозерск, Галич. Его сыновья, московские князья, имея большие деньги, продолжили скупать земли у частных лиц, монастырей и мелких князей, чтобы собрать Московское царство. Имея деньги, мудрый Иван Калита стал чаще других ездить в Орду к Узбек-хану с подарками, (подкупая всех придворных хана Золотой Орды), там он снискал себе уважение и был желанным гостем.

В 1327 году тверской князь Александр пустил среди народа ложный слух, что будто бы слуги хана прибыли к ним для насаждения среди христиан ислама, что несогласных собираются убить и хотят быть здесь хозяевами. В результате татарский бек Чолхан и его люди, посланные собирать дань, были перебиты. Но дело этим не кончилось — в Твери поголовно начали резать всех ремесленников и торговцев мусульманского вероисповедания. Не уцелел никто. Как только эта страшная весть достигла Сарай, Узбек-хан приказал разобраться в случившемся. Было установлено, что в этой трагедии виноваты князь и жители Твери. Иван Калита предложил хану Узбеку свою помощь для расправы. Узбек-хан московскому князю Ивану Калите, дал 50 тысяч воинов и приказал идти в Тверь. А суздальскому князю Александру со своим войском велел присоединиться к Ивану Калите. Когда объединенное войско вступило на землю Твери, князь Александр бежал в Литву. Однако жители Твери понесли справедливое наказание. Тверь была разрушена... но не татарами, а москвичами.

После сожжения и разграбления Твери Иван Калита получил в Орде ярлык на великое княжение. Установив мирные отношения с Ордой, для которой собирал с населения дань, он добился покоя «от насилия татарского, и была оттоле тишина великая по всей земли». Иван Калита уговорил переехать в

Москву митрополита, что сделало Москву духовным центром Руси и обеспечило князю поддержку церкви. Пригласив ко двору бояр, Иван Калита создал мощную опору своей власти. В 1339 Калита ввел в действие земледельческий закон, основанный на византийском праве, и установил новый порядок наследования, сформулированный в его духовной грамоте. При Иване Калите появились первые каменные здания в Москве, и прежде всего Успенский собор. Кремль был обнесен дубовым частоколом, вокруг него возникли слободы. Одни историки не особо выделяют его «в череде серых личностей на московском престоле вплоть до появления Дмитрия Донского». Другие историки считают, что «Калита заложил основы могущества Москвы», видят в нем незаурядного политика, дипломата, «собирателя русских земель». Так началось возвышение Москвы по официальной версии. Но есть исследователи, которые считают, что в возвышении Москвы сыграли другие обстоятельства.

В Европе в далкой Франции разворачивались не шуточные события. Самой богатой организацией в Европе считался орден тамплиеров. Во Франции у него было до двух тысяч комендатур, ему принадлежали более 9000 замков и не менее 2 миллионов гектаров земельных владений. В Париже ордену принадлежало без малого полгорода. Членами ордена стали 10 тысяч жителей Европы. Орден владел флотом, банками и такой богатой казнью, что мог предложить за остров Кипр сто тысяч золотых. И вот ранним утром 13 сентября 1307 года по приказу короля Филиппа IV Красивого были арестованы около 3 тысяч высших чинов тамплиерского ордена. Следствие продолжалось почти 7 лет. 18 марта 1314 г. руководители тамплиеров были казнены. Но самое главное, казна тамплиеров бесследно исчезла. Ни агенты Папы Климента V, ни тайная полиция Франции и его европейских союзников не смогли найти казну. Если казну просто спрятали, она рано или поздно нашлась бы. Если казну спрятали бы в Польше или в западных русских княжествах, то у Папы там были свои агенты и ее быстро обнаружили бы. Но казну так и не нашли. Некоторые исследователи считают, что казну вывезли, причем далеко. И самое лучшее место для казны, считают они, подальше от французских и Папских агентов и шпионов: было болотистое, труднодоступное и далекое от Европы Московское княжество. Московское княжество далеко, у него нет такого, чем при-

влечь торговых людей Европы. Это самое безопасное место от французских и Папских агентов. Конечно, вместе с казной, вероятно, прибыли и ее хозяева тамплиеры, которые были образованными, талантливыми и искусными политиками. Их тайные и видимые знания преобладали над знаниями местной элиты. Имея деньги и знания, они могли подкупать и негласно управлять московской элитой.

Большие деньги быстро возвышают Москву. Особенно это становится заметным после распада Золотой Орды. Начиная с Ивана III, армия Московского княжества резко увеличилась. Возросла и военная мощь. Иван III хорошо платил наемникам (служивым) татарам и касимовскому хану и его войску, которых привлекал во все воины. Возникает вопрос, откуда Московское княжество имело такие огромные деньги, когда у него не было ни природных ресурсов, ни промышленных, ни сельскохозяйственных, одни болота да торфяники. Война — затратное дело. Имея огромные деньги, а значит и хорошую армию, Ивану III удалось подчинить те княжества, с которыми борьба велась безуспешно в течение столетий. После двух удачных войн с Литвой к Московскому княжеству было присоединено 19 городов, 70 волостей и 22 городища. Тверь и Рязань вошли в состав Московского княжества, ярославский и ростовский князья принесли присягу на верность московскому князю. Московское княжество при Иване III выросло в большую державу.

Умер князь Василий III, оставив после себя наследником 3-летнего малолетнего сына, Иоанна IV. Пока Иоанн взрослел и находился на воспитании духовенства, государством правили бояре, которые вели непримиримую борьбу с духовенством.

Когда юный князь достиг 16-летнего возраста, он отстранил бояр от правления. С того периода власть фактически перешла в руки русского духовенства, во главе которого стоял Макарий. Главным вдохновителем и инициатором крестового похода Москвы против татар был митрополит Макарий, фактически стоявший во главе русского государства с 1547 г. Это он открыто проповедовал о проведении в жизнь идеи «Москва — третий Рим», посредством провозглашения Ивана IV царем. Но своего лазутчика Макария, запад вдохновлял, видимо, не только идеями, но и огромными средствами и технической помощью. Влияние Запада чувствовалось и при взятии Казани, где участвовали не только наемники (служивые) татары, но и

европейские военные специалисты с европейскими пушками. При Иване Грозном были завоеваны все Поволжье и Сибирь. И сибирские меха стали отправлять во Францию и в Европу. В этот же период русских крестьян стали переводить в рабов (крепостных).

1598—1613 гг. — период в истории России, названный Смутным временем. 18 марта 1584 года умер Иван Грозный. В народе ходили слухи, будто царя отравили «ближние люди» — Бельский и Годунов. На престол вступил сын Ивана — не-дееспособный Федор, от имени которого стал управлять Годунов. Через 7 лет, 15 мая 1591 г., в Угличе погиб царевич Дмитрий — сын Грозного от шестого брака, и с его смертью прекратилась династия Рюриковичей. Смута началась с появлением в Польше Лжедмитрия (в действительности Григорий Отрепьев), якобы чудесным образом выжившего сына Ивана Грозного. Среди московских бояр было много из польских и литовских родов. Они решили при помощи Лжедмитрия захватить власть в Москве. Они переманили на свою сторону значительную часть русского населения. В 1605 г. Лжедмитрия поддержали воеводы, а затем и Москва. И уже в июне он стал законным царем. Но он действовал слишком самостоятельно, чем вызвал недовольство бояр, также он поддерживал крепостничество, что вызвало протест крестьян. 17 мая 1606 г. был убит Лжедмитрий I и на престол вступил В.И. Шуйский, с условием ограничения власти. Таким образом, первый этап смуты был отмечен правлением Лжедмитрия I (1605—1606 гг.).

Второй период смуты. В 1606 г. поднялось восстание, предводителем которого стал И.И. Болотников. В ряды ополчившихся входили люди из разных слоев общества: крестьяне, холопы, мелкие и средние феодалы, служилые, казаки и посадские люди. В битве под Москвой они потерпели поражение. В итоге Болотников был казнен.

В Москве был избран царем Шуйский, но недовольство властью продолжалось. И вскоре появляется Лжедмитрий II. В январе 1608 г. его войско направилось к Москве. К июню Лжедмитрий II вошел в подмосковное село Тушино, где и обосновался. В России образовалось 2 столицы: бояре, купцы, чиновники работали на 2 фронта, иногда даже получали жалование от обоих царей. Царь Шуйский заключил договор со Швецией о поставке шведских военных отрядов, тогда Речь Посполитая

начала открыто захватнические военные действия. Лжедмитрий II бежал в Калугу.

В июле 1610 года царя Василия IV (Шуйского) свергли. Шуйский был подстрижен в монахи и увезен в Чудов монастырь. В России наступило междуцарствие — Семибоярщина (совет из 7-и бояр). Одним из первых решений «Семибоярщины» было постановление — не избирать царем представителей русских родов. В связи с этим 27 августа 1610 года бояре заключили договор со стоявшими под Москвой поляками, согласно которому русским царем признавался сын польского короля Сигизмунда III Владислав. Боярская дума пошла на сделку с польскими интервентами и 17 августа 1610 г. польские войска вошли в Москву. Москва и бояре присягнули польскому королю Владиславу. В конце 1610 г. был убит Лжедмитрий II, но борьба за престол на этом не окончилась. Третий период смуты характеризуется борьбой с иноземными захватчиками. После смерти Лжедмитрия II, русский народ стал объединяться против поляков. Война приобрела национальный характер. В августе 1612 г. ополчение К. Минина и Д. Пожарского дошло до Москвы. И уже 26 октября польский гарнизон сдался. Москва была освобождена. Тогда и была выдвинута кандидатура Михаила Романова, активно поддержанная казаками, многие из которых ранее были сторонниками «Тушинского вора». Видимо, сыграло свою роль то, что казаки считали Романовых своими ставленниками, так как отец кандидата был возведен в патриархи в лагере Лжедмитрия второго. «Митинги» казаков и простолюдинов впоследствии именно они стали одним из фактов обоснования всенародности выдвижения Романова на престол. Роль казаков в избрании нового царя не была секретом и для иностранцев. Поляки еще долго называли Михаила Романова «казачьим ставленником». Имеются сведения, что в этот день в выборах не участвовали Пожарский и ряд его сторонников, которых заблокировали казаки в их домах. Кроме того, боярами были предъявлены Собору челобитные из нескольких городов о поддержке избрания Михаила. Чтобы усилить давление на Собор, казаки даже ворвались на его заседание, требуя избрать Романова. Как бы то ни было, выборы были проведены и 21 февраля 1613 г. Земский собор назначил царем Михаила Романова. Во все концы страны были отправлены грамоты, извещавшие об избрании царем Михаила Романова. К Михаилу Романову отправили специальное

посольство. Собственно, Романова еще предстояло найти, так как точных сведений о месте его пребывания Собор не имел, поэтому посольству было предписано отправляться в «Ярославль или где он, государь, будет». Михаил с матерью сначала находился в родовой вотчине под Костромой, где, согласно легенде, польский отряд попытался захватить только что избранного царя, искал его в костромских вотчинах Романовых. Но староста села Домнина Иван Сусанин не только предупредил царя об опасности, но и завел поляков в непроходимые леса. Герой погиб от польских сабель, но и погубил заблудившихся в лесах шляхтичей. Посольство добралось в Кострому к вечеру 13 марта. На следующий день во главе крестного хода оно отправилось в Ипатьевский монастырь просить Михаила принять царство. В реальности просить пришлось не его самого, а мать, инокиню Марфу, которая потом еще несколько лет (до возвращения из Польши Филарета) принимала решения за сына. Сохранилось донесение посольства в Москву о том, как убеждали Михаила принять царство и с какими сомнениями он это решение принял. 14 марта 1613 года у России появился законно избранный царь. В первые годы царствования Михаила Романова страной фактически управляли бояре Салтыковы, родственники «инокини Марфы», а в 1619 году из плена вернулся отец царя патриарх Филарет (в миру Федор) и стал соправителем сына. Самостоятельно Михаил правил только 12 лет, после смерти отца. Он был болезненным человеком. Умер в июле 1645 года от водянной болезни в возрасте 49 лет. Смутное время закончилось.

У многих исследователей возникает вопрос. Как же случилось, что в раздираемой войнами и смутой стране царем избрали 16-летнего юношу, начисто лишенного воинских талантов и государственной мудрости, к тому же являвшегося подданным польского короля? Будучи в Москве, как и многие бояре, он присягал сыну польского короля Сигизмунду III Владиславу, а когда начались бои за Москву, он с матерью выехал в родовое имение. Кто умело режиссировал подготовку и сами выборы? Кто подкупил казаков и умело вел пропаганду среди простолюдинов, которые мало что знали о Михаиле Романове? В это смутное время казаками стали многие крестьяне, лишившиеся своих земель, из местных регионов Москвы, Рязани, Тулы, Владимира и т.д. Кто организовывал «митинги» этих казаков и простолюдинов, требовавших избрания Миха-

ила? Все смутное время шла ожесточенная борьба за престол, и вдруг так легко отдали российский трон 16-летнему, мало кому известному юноше. Вопросов много, но внятного ответа официальная историография не дает.

В народе принято говорить, что Дом Романовых правил 300 лет, но это не соответствует действительности. В прямом мужском поколении династии Романовых прервалась со смертью Петра II (1730), женская прямая линия пресеклась после смерти Елизаветы I (1761). В лице Петра III началась Гольштейн-Готторпская династия, которая продолжалась называться Домом Романовых, последний представитель которой, император Николай II, был свергнут с престола февральской революцией (1917). Прошло всего несколько поколения Романовых и на российский престол сели иноземцы. И сидели 300 лет.

Начиная с правления первых Романовых, Россия медленно стало поворачиваться лицом на Запад, особенно этот поворот стал яростным при Петре I. С этого периода в Россию началось массовое переселение людей с Запада. Начиная с правления Петра I, в Россию ехали на заработки и за чинами со всей Европы, особенно немцы. Они принимали православие и православные имена. В правительстве, в армии ученые, дворяне и т.д. в основном были выходцы из Германии. Историю России, тюрков и монголов в основном писали немецкие ученые. После широкого онемечивания верхов в XVIII—XIX веках, империи, процент русских родов в российской аристократии стал еще меньше. Фактически Россией правила европейская элита. Российская иностранная элита разговаривала на своем языке и не говорила по-русски. Мнение русского народа их никогда не интересовало. Вооружения, ружья, пушки, специалистов и т.д. получали из Запада. Москва в обмен на все это вооружение давала меха, пушнину, продукты с завоеванных земель бывших татарских ханств.

Калмыки всех этих тонкостей не знали и не хотели знать. Они делали историю. Но они понимали, что им одним Московское государство не одолеть. Московское правительство, видя, что калмыки, крымские татары, ногаи не могут договориться, решило калмыков использовать в своих интересах и стало вести с ними переговоры. 4 февраля 1655 г. ведущие калмыцкие тайши заключили договор (шерти) с царем Алексеем. Согласно договору калмыки обещали не нападать на русских, татар и башкир, а русские, татары и башкиры не должны нападать

на калмыков. В 1657 году было вновь подписано соглашение, которое повторяло основные пункты договора 1655 г., но к нему было добавлено два новых условия: калмыки должны были предоставить заложников, которым надлежало жить в Астрахани; также они давали клятву не иметь дипломатических отношений ни с турецким султаном, ни с крымским ханом. Московское правительство за это разрешило калмыкам беспрепятственно переходить на правый берег Волги и пользоваться пастищами на правом берегу реки Волги (то есть некоторые находятся за ногаями и крымскими татарами). Не сумев наладить отношения с крымскими татарами, не боясь, что русские, татары и башкиры нападут на них с тыла, тайша Мончак повел свое войско против союзников крымского хана — татар и малых ногаев в районе Азова (они были вассалами турецкого султана). Калмыки причинили значительный ущерб малым ногаям и возвратились с добычей. Начиная с этого времени и далее, калмыки оказывали регулярную поддержку Москве в войнах против крымских татар.

В декабре 1660 г. правительство Москвы направило Горохова со специальной миссией к калмыцким тайши с целью заключения нового договора о более эффективной военной помощи Москве со стороны калмыков. Горохова сопровождал кабардинский князь — Касбулат Муцалович Черкасский, чей дядя, князь Г.С. Черкасский, был воеводой в Астрахани. Донские казаки послали на эти переговоры своих депутатов, для того, чтобы достичь соглашения с калмыками о совместных действиях против крымских татар. Новый договор был заключен 8 июня 1661 г. Калмыки дали клятву вести войну против крымских татар совместно с донскими казаками и не вести переговоров с крымским ханом отдельно от Москвы. Если когда-нибудь во время военных операций калмыкам удастся освободить от татар тех русских, которые были взяты в татарский плен, калмыки обязаны передавать их русским властям без какого-либо выкупа. Со своей стороны московское правительство гарантировало калмыкам защиту от нападений башкир или кого-либо еще из царских подданных с учетом того, что калмыки не будут причинять вреда этим племенам.

Крымские татары были опытными наездниками, и татарская кавалерия по маневренности превосходила русскую. Калмыки не уступали татарам в искусстве верховой езды, что делало их военную помощь Москве неоценимой. После догово-

ра от 8 июня 1661 г. калмыки каждый год направляли войска против Крыма, взаимодействуя с донскими казаками, а иногда и с московскими стрельцами.

Московское правительство никогда ни признавало Калмыцкое ханство. Хотя московское правительство относилось к калмыцким тайши как к царским вассалам, сами тайши продолжали считать себя независимыми правителями и рассматривали отношения между ними и царем только как военный альянс, который требовалось время от времени возобновлять. Каждая вновь согласованная «шерть», которая с русской точки зрения была подтверждением вассального статуса тайши, означала для самих тайши новое военное и дипломатическое соглашение с Москвой, а не постоянное подчинение царю.

Такое недопонимание связано было с тем, что у русских практически не было специалистов по монгольским языкам. В такой ситуации обе стороны вынуждены были пользоваться татарскими переводчиками, которые, однако, не умели писать на калмыцком языке. Перед началом переговоров по поводу нового соглашения в московском посольском приказе составлялись два черновых текста идентичного содержания, один на татарском языке, другой на русском. После переговоров тексты пересматривались в соответствии с согласованными пунктами. Тайши не могли прочитать ни один из текстов. Они знали только о тех особых обещаниях, которые они давали русским, и наоборот, но их не беспокоили юридические основания договора в целом. Эта ситуация порождала недопонимание между русскими и калмыками, которое время от времени требовало переговоров по поводу нового соглашения. Недопонимание также могло возникать вследствие отсутствия централизации политической власти среди калмыков. Для всяких совместных действий необходимо было согласие среди всех тайши. Даже если старшие тайши достигали подобного согласия, какой-либо другой тайша, не принимавший участия в совещании, никоим образом не был связан решениями и мог проводить свою собственную политику. Бывали случаи, когда не принимавший в совещании участия тайша, действуя самостоятельно, предпринимал набеги на царских подданных или их вассалов, таких как башкиры и татары, или даже разорял русские деревни в приграничных районах. Калмыцкие тайши, веря на слово и подписывая дипломатические документы, которые они не мог-

ли сами прочесть, не задумывались, что эти документы об их вассалитете в будущем будут показывать их потомкам.

Создание казачества с центром в Дубовке сокращало кочевья калмыков, которые кочевали от Северного Кавказа (на юге) до Самары (на севере) и от Урала (на востоке) до Дона (на западе), нередко выходя за эти пределы. Болевой точкой в русско-калмыцких отношениях были постоянные стычки между калмыками и башкирами, которые являлись подданными царя и которых надо было защищать от калмыцких набегов. До русско-калмыцких соглашений 1655-1661 гг. калмыки нападали на башкир и разоряли их с намерением установить над ними свое господство. Башкиры отбивались, но они были слабее, чем калмыки, и возможно, они вошли бы в калмыцкое ханство, если бы не вмешательство русских. Кульмиационный момент наступил в 1644 г., когда русско-башкирские силы во главе с воеводой Львом Плещеевым разбили калмыков в бассейне верхнего Яика. Эта победа сделала башкир смелее, и они начали предпринимать ответные набеги на калмыков. Хотя русские не принимали участия в этих набегах, они не препятствовали им. В 1662 году началось башкирское восстание. Причин на это было несколько. Башкирская верхушка, князья или предводители кланов, имели статус тарханов, то есть они были освобождены от уплаты ясака. Вместо этого от них требовалось оказывать Москве военную помощь в том же духе, что и от русского дворянства. Русские армейские офицеры, расквартированные в Башкирии, получали поместья, так же как и в других частях Московского государства. Постепенно это привело к экспансии русских земельных угодий в Башкирии и к урезанию земель, находившихся во владении у башкир. Еще одним фактором явилась агитация тех потомков хана Кучума в Западной Сибири, которые продолжали противостоять Москве. И наконец, третья: после заключения русско-калмыцких соглашений, особенно после калмыцкой «шерти» 1661 г., московское правительство потребовало освободить калмыцких пленников, чем возмутило башкир.

Восстание вспыхнуло в двух центрах: на так называемой Ногайской дороге и на Сибирской дороге, где восставшие действовали от имени Кучумовичей (потомков Кучума). На Ногайской дороге башкирские князья вступили в переговоры с калмыцкими тайши. Это может показаться парадоксальным ввиду прежних недружелюбных отношений между башкирами

и калмыками. Перемена отношений башкир объясняется тем, что башкирские князья решили признать вассалитет калмыцких тайши, а последние станут относиться к ним как к вассалам и перестанут воевать с ними. Едва начавшись, восстание распространилось по всей территории Башкирии. Башкиры нападали на русские города, земельные угодья и крестьянские поселения — там, где они были (как в Западной Сибири). Отряды башкирских всадников совершили набеги на казанские земли и на другие территории за пределами Башкирии. Поскольку русские гарнизоны в Башкирии были немногочисленны, восставшие сначала одерживали верх. Москва мобилизовала войска, расположенные в районах Перми и Казани, и русское контрнаступление набрало силу в 1663 г. В виде карательной меры за нападения башкир на русские поселения разрушались башкирские лагеря и аулы. Одновременно русские власти пытались вступить в переговоры с башкирскими князьями. Москва опасалась, что к восстанию примкнут и калмыки, и тогда оно перерастет в большую войну. В 1664 г. губернатор Уфы, князь Андрей Волконский, пообещал группе ведущих башкирских предводителей, что их заложники, депортированные в Казань во время восстания, будут возвращены в Уфу и что Москва подтвердит привилегии и земельные права башкирских князей. После этого последние прекратили сопротивление и дали клятву верности царю. Башкиры послали своих представителей в Москву, и их привилегии были полностью подтверждены. Лишь в двух периферийных районах — на севере и востоке Башкирии, а точнее, в районе Осы на реке Каме и в Западной Сибири — беспорядки продолжались на протяжении еще трех лет. Как видим, в этом восстании башкирские вожди воевали только за свои привилегии, а договорившись об уступках, прекратили восстание. У башкирской правящей элиты не было государственной идеи, не было и стратегического решения на будущность башкирского народа.

В XVII—XVIII вв. Калмыцкое ханство было военно-государственным образованием, где значительный экономический потенциал и людские резервы использовались исключительно в военных целях. Калмыцкое ханство обладало внушительной военной силой, состоящей из хорошо выученной и закаленной в боях легкой кавалерии. Численность воинов достигала 40—50 тысяч человек. В середине и во второй половине XVII века основной боевой единицей калмыцкого войска стал

полк. В 60-е годы XVII века было скомплектовано до 32 конных полков. Полк состоял из трех видов воинов: стрелков, вооруженных ружьями, которые во время боя сходили с коней и открывали оружейный огонь; лучников, которые засыпали противника стрелами; копейщиков, которые должны были завершить атакой боевую операцию. Калмыки старались вести войны и даже незначительные сражения с противниками большой массой конницы, для которой были присущи высокая подвижность и умелое маневрирование на местности. Огромное внимание калмыки уделяли походному порядку, поскольку им приходилось преодолевать большие расстояния на чужой территории. Наибольшего могущества Калмыцкое ханство добилось при правлении Аюки-хана (годы правления 1669—1724). Он надеялся расширить территорию Калмыцкого ханства. Аюка-хан неоднократно совершал походы против крымских и кубанских татар. В первый же год своего правления он разбил и взял в плен непобедимого Аблая, разгромил под Перекопом крымских татар и взял в плен брата Азовского Паши. С 1684 года Аюка ведет войну за Уралом, разбивает киргиз-кайсаков, покоряет туркмен Мангышлакского полуострова и становится твердой ногой по обе стороны Волги. Кроме того, совершал неоднократно победоносные походы против горцев Северного Кавказа. Калмыки проникли на Северном Кавказе до границ, которые были в обладании кабардинцев. Похищение табунов и споры за обладание степью и привольными пастищами вызвали вражду, и вот Аюка ведет грозные войны на юге, на всем протяжении нынешней Ставропольской губернии, борется с дагестанцами, кумыками, кабардинцами и кубанцами. Кровопролитные войны эти охватывали огромное пространство, и кости павших в боях калмыков рассеяны по всему пространству от Кубани до Терека и Маныча. Испытанные в боях, хорошо вооруженные кавказские горцы, поддерживаемые и другими племенами, представляли грозную силу, но стремительное нашествие калмыков не раз сламывало беззаботную храбрость этих противников и предавало безжалостному истреблению все, что принадлежало им.

Во времена русско-турецких войн для решения исхода того или иного боя допускались поединки лихих молодцов от противоборствующих сторон. Об одном из них сохранилось следующее предание. Из рядов турок выскочил на красавце-жеребце богатырь, которому молва приписывала славу непо-

бедимого. Размахивая кривой саблей — ятаганом, он стал вызывать на бой русского храбреца — кто отважится вступить с ним в единоборство? Сразиться с янычаром вызвался калмык Амрсанан Черенжалов. Это был небольшого роста, но бесстрашный, верткий, как черт, сообразительный казак. Противники сошлись на бешеной скорости. Турок своим ятаганом свалил скакуна Амрсанана. Калмык, мгновенно среагировавший на выпад янычара и уклонившийся от страшного удара, кошкой взлетел на круп лошади врага и срубил голову с его удалых плеч. Нацепив голову янычара на клинок, Черенжалов прискакал к своим. Турецкие войска в смятении покинули поле боя.

«Калмыцкая армия и отряды принимали активное участие почти во всех войнах, начатых Российским государством. Но самое активное участие калмыки приняли в войне на Северном Кавказе, с крымскими татарами. Калмыки понесли тысячи потерь. «России калмыки оказали неоценимую услугу. Разгромили Ногайскую Орду. И тем самым сделали возможным проведение имперской политики Петра I в южных степях. России не пришлось брать на себя незавидную роль уничтожения степного населения для освобождения жизненного пространства оседлому крестьянству. Завоевание Крыма, заселение степи поселенцами уже проводилось при Екатерине Второй и помешать этому калмыки не могли. И это обстоятельство позволило присоединить к территории России не только южные степи до Черного моря, но и заволжские земли.

Калмыкам возродить Орду и создать подобие империи Чингиз-хана не удалось. Новый западный поход, наоборот, усилил Россию. Все обернулось тем, что они помогли России в уничтожении степняков и остатков Орды. Все их победы достались московскому правительству». ⁶ Идея возрождения Орды рухнула. Окончательно поняв это, в январе 1771 года большая часть калмыков торгоотов около 124 тысяч (по русским источникам, около 33 тыс. кибиток или около 170 тысяч человек) во главе с Убashi откочевала с Поволжья на Родину в долину р. Или в Джунгарию. Джунгария была в 1759 году завоевана Цинской империей, и, несмотря на это, калмыки решили вернуться на Родину, считая, будь что будет, на месте будет виднее. Поводом для такого спешного возвращения был слух, якобы императрица Екатерина Вторая решила призвать всех калмыков на войну на захват Крыма. Для калмыков это

означало, что с ними обращаются не как с союзниками, а как с подданными. Но не ради этого они пришли в Поволжье и на Урал. Кроме того, российское правительство дало добро на крещение калмыков. Православные миссионеры «кнутом и пряником» крестили калмыков. Отвернувшись раз от религии предков и приняв буддизм, калмыки стали неустойчивыми и поэтому легко переходили в другие религии. Это понимали и буддийские ламы. Видимо, и они ратовали за возвращение, чтобы калмыки были поближе к Тибету.

Возвращение было унылое и безрадостное. Дух был сломлен. «Пассионарный взрыв» упал. Что их ждет на Родине. Зима была теплая, и переправиться по незамерзшей Волге было трудно. Поэтому ушли в основном калмыки, кочевавшие на правой стороне Волги. Калмыки пошли той дорогой, какой пришли на Волгу. По дороге разграбили четыре русских городка. Екатерина, услышав об этом, возмутилась и отправила генерала с несколько десятками тысяч войск в погоню, чтобы вернуть. Но калмыки вступили на территорию казахских орд. Их путь пролегал через степи Младшего и Среднего жузов, мимо Балхаша и от него через Семиречье в Или. На пятидневном пути через эту песчаную степь хотя и были ключи, но травы не было, отчего пало много скота. Казахи, опасаясь за свои кочевья, в то же время с завистью смотрели на торгутский скот и людей. Эти чувства толкали их на нападения и грабежи. Между калмыками и казахами происходили ежедневные схватки, где с обеих сторон были потери в людях убитыми и ранеными. Но при этом казахи не пытались навязать ойратам решающего сражения.

Хан Младшего жуза Нурали был вассалом императора маньчжурской династии Мин и получил за это чин с достоинством шарика и павлинным пером на голове. Он доложил главнокомандующему (китайскому) в Или о продвижении торгоутов в Джунгарию и стал ждать от него указания. Одновременно хан Нурали сообщал о передвижении калмыков русскому командованию. Чтобы помочь России вернуть калмыков, он просил у сибирского губернатора С. Станиславского прислать ему регулярные войска и башкирские отряды. Но желание помочь русским властям имело вполне практическое значение: поживиться за счет разграбления беглецов. Торгуты сосредоточили свои войска, и хан Нурали увидел, что их многочисленности ему самостоятельно не одолеть. Между тем Убashi тоже видел,

что войско хана Нурали тоже многочисленно и поэтому не решался продолжить путь. Так войска стояли почти друг против друга полмесяца. Торгоуты, вернувшиеся в родные степи, могли представлять в дальнейшем угрозу для Китая, и поэтому главнокомандующий предписал казахам не дозволять торгоутам проходить через пастьбищные места, а в случае их неподчинения убивать их. Получив такое уведомление, хан Нурали передал послание Убаши. Когда Убаши узнал о предписании илийского главнокомандующего, то не знал, что делать, и решил заключить мир с ханом Нурали. После заключения мира хан Нурали напал на торгоутов и сумел их разделить на две части и начал грабить. «В этом бою казахи захватили множество женщин и детей в плен. Нурали потребовал от остальных торгоутов возвращения назад в Россию. Торгоутские тайджи не подчинились его требованию и продолжали движение в обход кочевий Младшего жуза. Весной калмыки переправились через Тургай и почти без остановок прошли через степь Сары-Арка и остановились на реке Шошил у озера Балхаш. По пути казахи постоянно нападали на калмыков, отбивая мелкие группы от основного потока, захватывали в плен отставших. Ойраты постоянно теряли людей, скот, имущество. Но при этом казахи не пытались навязать ойратам решающего сражения».⁷

На стоянке у Балхаша калмыки были окружены войском Аблай-хана, собранным заранее для решающего удара по калмыкам. После трехдневных переговоров калмыки внезапно пошли в атаку и прорвали окружение, бросившись вдоль южного берега Балхаша. Когда они достигли южных пределов Шарабековых, то очутились в соседстве с бурутами (кыргызами). Когда услышали об этом буруты, то прыгали от радости и поздравляли друг друга с такими небесными дарами. Они собрали несколько тысяч конницы. Убаши принужден был уклониться от них к северным Шара-бековым пределам и вступить в песчаную степь, которая на тысячу км пространства не имела ни травы, ни воды. Люди принуждены были пить кровь лошадей и рогатого скота, от чего сделалась сильная моровая язва. В этом переходе умерло много людей и скота. Через десять дней с большими потерями торгуты выбрали из песчаных степей: но буруты уже давно ожидали их за степями. Нападая ежедневно на торгутов со всех сторон, они преследовали их и захватили много пленных и скота. В уроцища Тамги калмы-

ки приблизились к китайским пограничным караулам. Тогда буруты, собрав свои войска, отступили. Убashi, по приходу в Тамгу, еще имел до 20 тысяч человек обоего пола взрослых и малолетних. Главнокомандующий отправил трех генералов с несколькими офицерами спросить о цели прихода. Убashi с тайцзиями и ламами советовался около семи дней и, наконец, решился объявить, что он поддается великому императору. И так они представили Убashi главнокомандующему, которому он поднес яшмовые вещи, столовые часы, фарфоровую посуду, ружье с замком, лагорские деревянные чаши и золотые монеты; при сем еще представил яшмовую печать с надписью из древних китайских иероглифов, жалованную предку его дном Мин в 8-е лето правления Чэнь Цзу (1410 г.). После чего главнокомандующий разместил народ по разным местам в Джунгарии. Джунгарские ворота были заперты русским гарнизоном, границу заселили верными царю казаками, подкрепленных ополчением тюркских кочевых племен.

Калмыцкое ханство прекратило свое существование. Оставшиеся калмыки были включены в российскую имперскую систему управления инородцами. Основная часть их проживала в Калмыцкой степи. Небольшие группы калмыков входили в состав Уральского, Оренбургского и Терского казачьих войск. В конце XVIII века калмыки, жившие на Дону, были зачислены в казачье сословие области войска Донского.

5.5. Джунгария (Ойратия)

Как у всех кочевников Великой Татарии (Великой степи), у джунгар много названий для одного народа: ойраты, западные монголы, калмыки, черные калмыки, чорос, джунгары. Есть сложности и с определением политических структур, на основе которых создавалось Джунгарское ханство. Неурядицы есть даже с названием ханства. В статьях и книгах оно почти всегда выступает в качестве Джунгарского, а в толковых словарях и справочниках чаще все-таки дается как Ойратское. Поэтому по мере своих возможностей разберемся в трагическом периоде Великой степи, в котором создавалось это государство.

Новое ойратское ханство, с чоросским правящим домом во главе, возникло в конце XVI века. Носители этнонима чорос (чурас, цорос) были среди монголоязычных и тюркоязыч-

ных кочевых племен Центральной Азии. Тогдашний чоросский владетель Хара-Хула в многолетней борьбе победил других претендентов на власть, в особенности своего главного соперника, правителя хошоутов Байбагаса. Часть ойратов — чоросы, несколько родов торгутов, баяты, туметы, олеты, они же ойраты, они же калмаки, они же джунгары создали на западе Монголии Джунгарское ханство (от монг. «джун гар», — «левая рука», когда-то — левое крыло монгольского войска). Род чорос как более сильный, чем остальные, и определило общее название представителей этого союза — джунгары. Около 1630 г. Хара-Хула способствует переселению торгоутов во главе с Хо-Урлюком из Джунгарии в междуречье Урала и Волги, и тем самым увеличивает ареал ее влияния в регионе. В 1634 году Хара-Хула умер, оставив своему сыну и преемнику Хото-Хоцин-Батуру пост второго (наряду с Байгасом хошоутским) «первенствующего члена» ойратского чулган. Датой рождения Джунгарского ханства считается 1635 (1635—1755) год, когда к ойратской династии чоросов во главе с Хото-Хоцином, прозванном Эрдэни-батуrom, к власти пришел сильный и целеустремленный лидер — Батур-хунтайджи. Во главе государства стоял хунтайджи (хан). Джунгарское ханство (иначе Ойратское ханство) — государство, располагавшееся к северу от гор Тянь-Шаня. В 1-й пол. XVIII в. его границы определялись линией, идущей от оз. Балхаш у устья р. Лягуз на север до р. Иртыш, по Иртышу до его истоков, далее на юг до вост. оконечности хребта Тянь Шань, на запад по этому хребту до р. Алай, далее по Ферганскому хребту до его северозападного конца, затем к совр. г. Алма-Ата в Казахстане, пересекая среднее течение р. Чу и идя вверх по ней до юж. берега оз. Балхаш. Вскоре после этого события большая часть хошоутов переселилась на юго-восток в район озера Кукунор. Хошоуты с Кукунора в середине XVII века захватили политическую власть в Тибете и создали Хошутское ханство Тибета (1637—1720), а торгоуты, дербеты и некоторое количество хошоутов ушло на запад, в низовья Волги.

Казахи, кыргызы, татары называли своих соседей калмаками. От тюркского слова «калмак», то есть «оставшиеся». Одних называли Кара калмак («черные»—«дикие калмыки»), видимо, самих ойратов, других «куба калмак» («светлые калмыки») — вероятно, это были теленгуты, кыргызы и т.д., которые были в составе ойратов. Русские джунгар называли на свой манер —

калмыками. Как называли себя джунгары (ойраты) неизвестно, скорее всего, по названию родов.

В 1640 году в Джунгарию в урочище Улан-бура в районе Тарбагатая по инициативе Эрдэни-Батора — сына Хара-Хулы, основателя и правителя Джунгарского ханства, ойратские ханы провели курултай (съезд). На этот курултай (съезд), созванный по ини-

циативе Эрдэни Батора хунтайши, прибыли представители всех ойратских ханских и княжеских родов, собравшихся с обширной территории — Джунгарии, Халхи-Северной Монголии, Кукунора, Поволжья, Северного Кавказа, Малой Азии, Средней Азии, Западной Монголии, Урала, Сибири, Восточного Туркестана, Тибета. Главная цель джунгарского съезда заключалась в том, чтобы на базе объединенного ойратского союза создать империю на основе своеобразной федерации ханств и княжеств. На этом всеойратском съезде был принят юридический документ под названием Икэ Цааджин Бичиг (Великое Степное Уложение), регулировавший правовые отношения между ойратами и их ойратскими государствами. Этим законом ойратское правящее руководство показало, что они остаются верными последователями законов своих предков. Среди прочего, это уложение утвердило тибетский буддизм в качестве официальной религии ойратов. У принятого съездом документа Ике Цаадж была еще одна цель — сплотить разные кочевые племена в рамках буддизма и единых правовых норм и законов. От высшего буддийского духовенства в работе съезда принял участие ойратский просветитель и религиозный деятель Зая-Пандита (1599—1662).

Буддизм пришел в Тибет в первой половине VII века. В этот период в Тибете появились первые монастыри и крупные учебные заведения. Начала складываться школа Ньингма «Старая традиция». Остальные школы: Сакья, Кагью и Кадам сложились в X веке. В XIV веке тибетский монах Чже Цонкапа (1357—1419) преобразовал традицию Кадам в Новую Кадам

или Гелуг — «добродетель», которая получила наибольшее распространение среди всех монголоязычных народов. Южномонгольский правитель Алтан-хан принял буддизм в 1571 году. В 1615 году буддизм принят в Джунгарии. В XVII веке традиция Гелуг пришла к маньчжурам в Китай.

В начале XVII века в Тибете разыгралась религиозная война между школами Кагью и Гелуг. В 1637 году ламаистские иерархи Гелуг направили монаха Гару-лозава в Джунгарию за помощью. Ойраты послали свои тумены во главе хошутского хана Торубайху, известного в истории под именем Гуши-хана (1582—1654). В 1642 году на окраине Кукунора ойратское войско в кровопролитном сражении разгромило 30-тысячное войско монгольского вождя Цохор-Цогто, союзника Кагью. Затем Гуши-хан основал ойратскую династию правителей Тибета — Ладзан-ханов. Специально для ойратского языка, в 1648 году Зая-Пандита, буддийский монах, ученый, просветитель и переводчик сутр, создал ойратский алфавит «тодо бичиг» — «ясное письмо». В калмыцком языке письмо тодо-бичиг официально употреблялось до 1924 года, после чего было заменено кириллицей, в ходе проводившейся в то время кампании кирилизации алфавитов народов СССР.

Маньчжурская династия Цин к этому времени на севере столкнулась с русскими казаками, которые вышли на берега Амура. И маньчжурам потребовался сильный союзник, который смог бы помочь отразить угрозу с севера. Идейной основой этой имперской политики послужила политическая литература. В XVI веке уйгурскую письменность стали применять и маньчжуры. И произведения монголов, написанные уйгурским алфавитом, появились только после того, как маньчжуры стали владыками Китая. Объявление себя боддо ханом позволило маньчжурскому повелителю найти общий язык с монахами ламаистами. И первое же произведение, написанное на монгольском языке, это описание похода Бату-хана на запад. Написано оно было для того, чтобы из остатков кочевых племен создать подобие империи Чингиз-хана.

Создав в 1635 году в центре Азии самое воинственное из ойратских государств Джунгарское ханство, вдохновленные литературой о предках, почувствовав «пассионарный взрыв» и высокий боевой дух, ойраты, оседлав своих коней, развернули имперскую политику по всем сторонам света. Идейной основой этой имперской политики послужила политическая лите-

ратура. Они решили создать подобие империи Чингиз-хана. Торгоуты, дербеты и некоторое количество хошоотов ушло на запад, по пути Бату-хана в низовья Волги. Уход торгоутов на будущем могуществе ойратов сказался не очень сильно. Второе направление наступления калмыков (чоросов, джунгар) было на Моголистан (Восточный Туркестан) и Казахские степи. В тюркской степи союзников у калмыков не нашлось, одни враги, хотя калмыки и казаки (казахи) в разное время входили в состав разных государств то вместе, то врозь. Племена считались братскими как по родству, так и по крови. Межгосударственные переговоры и официальная переписка велись без переводчиков. Значит язык у ойратов и казахов был очень близким или они знали два языка.

Экономическая и военная мощь, сплоченность ойратского общества, лидерство его правителя в общемонгольском союзе способствовали консолидации ойратов в особую монголоязычную этническую общность — ойратскую народность. В ходе исторического процесса у этого народа постепенно складывался особый самостоятельный язык. Переселившись в Джунгарию, заняв старые кочевья тюркских племен, ойраты под влиянием новых климатических условий смягчили грубый северный выговор. Соседство и тесные связи ойратов с Восточным Туркестаном внесли в их язык некоторые тюркские слова помимо тех, которые исконно были общими в тюркском и монгольском языках по единству их корня. В области фонетики ойратскому языку свойственны мягкость произношения гласных звуков, а также своеобразные опущения и изменения гласных. Определенное влияние на калмыцкий язык оказали тунгусские элементы, влившиеся в состав калмыцкого этноса.

Первый крупный поход калмаков после образования Джунгарского ханства против Моголистана состоялся весной 1643 г. Непосредственное участие в нем приняли войска халхасского Алтан-хана и главы части калмаков Хо-Урлюка. Затем калмаки двинулись на Ташкент и Туркестан, но войско казахского султана Джахангира при поддержке прибывшего на помощь узбекского войска во главе с Ялангтуш-аталыком остановило наступление, Батур-хунтайши, не сумев продвигаться дальше, закрепился на захваченных землях. Батур-хунтайши сумел распространить свою власть на западе до р. Чу. В 1653 г. умер основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайши. С его смертью началась междоусобная война калмакских пле-

менных вождей за власть. В 1660 г. ханство под властью Сенге расширило свои владения на севере до г. Красноярска. После смерти Сенге, убитого своими братьями (1671), его родной брат Галдан Башокту отомстил убийцам, изгнал своих дядьев из пределов Джунгарии.

В 1678 г. новый хан Джунгарского государства Галдан-Башокту начал новые завоевательные походы в Моголистан. Читателю предлагаются в сокращенном виде записи из книги Чокана Валиханова «Избранные произведения» (М. 1986.) о том, как был завоеван Моголистан калмаками. «XIV и XV столетия особенно замечательны для среднеазиатского мусульманства появлением многих учителей, которые приобрели имя святых и чудотворцев. Самарканд и Бухара были средоточием религиозной учености Востока, и развившийся там казуизм достиг, наконец, и Кашгара. Один из сеидов, потомков Магомета, происходивший в ближайшем колене от имама Ризы, ходжа Махтуми-Азям, приобрел богословскую известность в Бухаре. Приехавши в Кашгар, он был встречен народным уважением и получил от кашгарских ханов богатые поместья, а после смерти Махтуми-Азяма сыновья его, Имам-Калян и ходжа Исак-Вали, были почтены таким же уважением и сделались религиозными патронами мусульман Восточного Туркестана.

С этого времени ходжи начали пользоваться большим влиянием. Ханы воздавали им почести, а народ оказывал им глубокое уважение. Каждый из двух сыновей ходжи Махтуми-Азяма был окружен толпой последователей, а также множеством фанатических суфииев (наибов), дувана (дервишей) и послушников.

Таким образом, образовались две партии, отличавшиеся не столько существом учения, сколько характером и качествами лиц, стоявших во главе их. Последователи Имама-Каляна назывались и ш к и я, а последователи ходжи Исака-Вали называли себя и с а к и я, а впоследствии усвоены первыми названия белогорцев, а последними — черногорцев.

Вскоре по зарождении этих партий проявились и враждебные между ними отношения, конечно, сперва религиозного характера, но когда все население шести городов разделилось на два неприязненных лагеря, тогда к религиозным распрям присоединились и стремления к политическому преобладанию. Такое направление ясно выразилось, когда ходжи Аппак, глава белогорской партии, достиг через посредничество джун-

гаров светской власти; оно привело Восточный Туркестан к потере своей независимости, потому что как джунгары, так и китайцы умели воспользоваться взаимной ненавистью белогорцев и черногорцев и, поддерживая одну из сторон, успели подчинить всю страну своей власти...

...Пользуясь раздорами в семействе Аппака, другой брат Измаил-хана, Акбаш, утвердился ханом в Яркенде и вызвал черногорского ходжу Даниеля, который находился в Ходженте. Кашгарцы, которые были всегда ревностными белогорцами, призвали Ахмет-ходжу и провозгласили его ханом. Между Кашгаром и Яркендом завязалась кровопролитная война. Кашгарцы, при поддержке дикокаменных киргизов, осадили Яркенд, чтобы схватить Даниель-ходжу; яркендский хан Ашем из киргизских султанов, призванный в этот город после того, как Акбаш-хан, неизвестно почему, вместе с сыном Аппака Мехди уехал в Индустан, разбил со своими кайсаками наголову кашгарцев, но вскоре, по проискам ходжей, должен был уйти в свои степи, и светская власть над городом Яркендом и Хотаном сосредоточилась в руках Даниель-ходжи.

В это самое время калмыки пришли с большим войском в Яркенд. Даниель-ходжа воспользовался этим случаем, чтобы заслужить внимание джунгаров: с своими яркендцами он присоединился к калмыцкому войску, которое направилось в Кашгар. Кашгарцы после нескольких сражений должны были отворить ворота. Калмыки по выбору народа назначили хакимбека, а кашгарского ходжу Ахмеда увезли вместе с союзником и семействами их на Или...» В 1679 году калмаками был полностью захвачен Моголистан, который стал его вассалом. В результате наступления на Моголистан некоторые кыргызские племена на Тянь-Шане были оттеснены калмаками в Ферганскую долину и Восточный Туркестан. В 1679 г. в знак признания военных заслуг Галдана (победа над «неверными» в Восточном Туркестане в 1678 г.) Далай-лама 5 пожаловал ему, первому из чоросов — правителей Джунгарии, ханский титул и имя Галдан Башокту-хан (букв. «Имеющий Благословенную Судьбу»).

«В 1680—1684 гг. началась «Сайрамская» война Джунгарского ханства и казахов. Поводом для войны был отказ казахов от предложения джунгарского хана исповедовать религию ойратов (буддизм). В 1680 г. Галдан Башокту-хан вторгся в

Семиречье и Южный Казахстан. Захват джунгарами Сайрама, Ташкента, Шымкента, Тараза. В 1684 г. джунгары послали карательный отряд против восставшего Сайрама. Разрушение города и увод жителей в Джунгарию и Восточный Туркестан (ойратские гарнизоны ушли из захваченных городов, видимо, после ухода Галдан Башокту в Халху в 1688 г.)».⁸ В 1686 г. Галдан-Башокту покорил тянь-шаньских кара-киргизов и проник в Фергану до Сарыкола.

После распада Моголистана большинство кочевых племен монголов откочевало в Казахское ханство, остальные слились с кыргызами и уйгурами. Они не хотели становиться буддистами. Моголистан был завоеван и присоединен к Джунгарии так же быстро и бескровно, как и во времена Чингиз-хана. «В топонимике Казахстана до сих пор сохранились некоторые джунгарские названия, например: Нарынкол, Баянкол, Капшагай, Бурундай, Кегень, Чарын, Мукры, Каскилен, Зайсан, Уранхай и т.д.»⁹

После такой победы Галдан-Башокту-хан решил захватить и присоединить к своей расширяющейся империи Монголию. Он считал, что южные и восточные халха-монголы близкие по родству племена, они исповедуют буддизм, и присоединение Монголии будет быстро. Но оказалось не так. В Монголии не оказалось у них союзников. Южные и халха-монголы хоть и были буддистами, но они поддержали маньчжуров.

Симбиозное сращение тэнгрианского культа предков и тибетского буддизма, начатое при императоре Хубулае, дало неожиданный результат, использованный в учении тибетского ламаизма. Верховная духовная власть, позволяющая прямое общение с богом, передается по наследству, но его передачу обеспечивает секта «гелугпа».

Маньчжурская политика в степи была продолжением политики Минской династии, с некоторыми характерными особенностями. Объявление себя бодго ханом позволило маньчжурскому повелителю найти общий язык с монахами ламаистами. Для восточных монголов духовным отцом при посредстве заинтересованных лам стал маньчжурский бодго хан, проводящий политику Юаньской династии подавления всего китайского. А у западных монголов-ойратов появились свои претенденты на это духовное звание.

Первое произведение на монгольском языке по истории монголов «Эрдэни иин тобчи» написано по заказу маньчжурс-

кого повелителя Энхэ Амгалана в 1662 году Саган Сэцэном. Затем был написан вариант «Сокровенного сказания» на монгольском языке. Алтан Тобчи был якобы написан буддийским ламой из Ордосского рода Лубсан Данжином или Лубсан Данзаном. В нем сохранены 234 главы из 282 глав «Сокровенного сказания». Разброс мнений о времени написания этого произведения значительный от 1601 года англичанина Буле до 1736 г. американского монголиста Мостерт.

Китайская элита с пренебрежением относилась к маньчжурам, считая их «варварами». Во дворце постоянно плелись заговоры, чтобы изгнать маньчжур. Самых маньчжиров в Китае было мало, поэтому они были вынуждены использовать монгольские войска в своей внутренней политике, направленной на подавление китайского населения. В этом деле и маньчжуры, и монголы были естественными союзниками. Но монголы не должны были быть настолько сильными, чтобы выступить против самих маньчжиров. Объединения Монголии маньчжурский Китай не допустил, и пошел еще дальше, расколов южные и восточные племена. Поэтому маньчжуры не хотели отдавать ни южных монголов, ни халха-монголов ойратам и усиления ойратов. Это была внешняя опасность для маньчжур. Для этого они взяли себе в союзники южных монголов и восточных монголов, которые начали войну против ойратов.

Маньчжурская династия Цин подталкивала ойратов, чтобы они наступали на Запад и на Север, где они в конечном итоге должны были столкнуться с Россией, а они наступали на Монголию. Ойраты для маньчжиров не представляли опасности. Тюркский и монгольский мир был разделен на разные религии, и этого было достаточно, чтобы ойраты не могли объединить весь тюркско-монгольский мир, а это значит, они будут в одиночестве против Китая.

В 1688 г. войска Галдана Бошокту-хана вторглись на Халку, в Восточную Монголию. В силу своего происхождения ойраты считали, что это они имеют право главенствовать в Монголии, а не халха-монголы. Они не забыли своего поражения от восточных монголов при Даян-хане. Очень быстро войска халхасцев были разбиты, которые, не имея возможности бороться самостоятельно, запросили помощи у Китая, решив отиться в подданство китайскому императору богдо хану. Вторжение армии (ойратов) в Монголию затронуло интересы маньчжурской империи Цин, и на стороне халхасцев в войну вступила

Цинская империя, сама мечтавшая о подчинении Восточной Монголии. Цинской империи даже призрак возрождения державы Чингиз-хана был не допустим, поэтому маньчжуры решили срочно пресечь желания Галдан-Бошокту-хана. В 1689 году в результате подписания Нерчинского мирного договора Российская и Цинская империи пошли на взаимные уступки. Россия, потеряв значительную часть земель Албазинского воеводства, достигла стабильности своих границ в Приамурье. Цинская империя получила возможность снять свои военные силы с Приамурья и направить их на войну с Джунгарским и Хошутским ханствами ойратов.

В 1691 году в городке Долоннор прошел курултай, где правители Халхи приняли решение о подданстве Цинской империи. Там же была проведена церемония, обозначившая вхождение Халхи в Цинскую империю. Это не было вхождением Монголии в состав Китая, так как сам Китай в то время был частью маньчжурской империи Цин. С этого периода Халха, маньчжуры стали называть Внешнюю Монголию, а Южную Монголию Внутренней Монголией.

И только в 1696 г. маньчжурам, в тяжелом для обеих сторон сражении у Дзун-Мод, удалось одержать верх. «Поводом для первой ойрато-цинской войны стало обращение тушетухана Чихун-Дорджи и других противников Галдана в Халхе с просьбой о помощи к цинскому императору Шэнь-чжу (Канси). Цинская армия вошла в Монголию. 21 июня 1690 г. армия Галдана, 20—25 тысяч воинов, у озера Ологой разгромила армию цинского военачальника Араны численностью 20 тысяч воинов. Но император Шэнь-чжу (Канси), объявивший Галдана злейшим врагом династии, не собирался сдаваться, тем более, что в Джунгарии, метрополии Бошокту-хана, поднял мятеж его племянник Галдан — Церен, который отрезал дядю от родных кочевий. Узнав об этом, Галдан начал отступать на север, но был настигнут в Улан-Бутуне маньчжурской армией. 1 августа 1690 г. произошло генеральное сражение в местности Улан-Бутун, недалеко от Пекина. Цинская армия во главе с императором Канси численностью 100—110 тысяч воинов начала наступление на джунгар, численность которых составляла 20 тысяч воинов, но не смогла разгромить их. Следующие 4 дня сражения не принесли успеха ни одной из сторон. В итоге сражение закончилось вничью. Ночью 5 августа Галдан снялся с позиций и ушел на север. Цинцы не преследовали его.

Сражение при Улан-Бутуне демонстрирует блестящие боевые возможности джунгарской армии: несмотря на 5-кратное превосходство в живой силе, наличие артиллерии и резервов Цинь (лучшая армия Дальнего Востока не так давно сокрушившая многомиллионный Китай), так и не сумели уничтожить войска Галдана Башокту-хана.

Война между цинами и ойратами шла упорная. Будучи между двух огней (цинами и халхасами), лишенный баз, Галдан сражался еще 6 лет. В июне 1696 г. цинская армия захватила ставку Галдана Башокту-хана на реке Керулен.

В мире появилась артиллерия. В 1696 году император Шэнь-чжу (Кан-си) лично решил возглавить армию численностью 35—40 тысяч человек, оснащенную мушкетами западного образца (пехота, кавалерия, артиллерия). В его армии были маньчжуры, китайцы и халха-монголы. Он повел ее через пустыню Гоби и в решающем сражении к югу от Урги (Улан-Батора) цинская армия благодаря артиллерии и мушкетам разгромила ойратское войско численностью 5—6 тысяч человек. Впервые и навсегда военная техника изменила соотношение сил на поле боя. Император дал приказ открыть огонь из орудий, но Галдан с женой Ану и другими воинами, невзирая на пушки и стрелы, сражались, побросав лошадей. Натиск их был настолько силен, что не было возможности нанести им поражение. Еще неизвестно чем бы кончилась эта битва, если бы не артиллерия, которая переломила ход битвы. Большая часть ойратской армии (более 3 тыс. человек) попала в окружение и была уничтожена, а меньшая бежала с поля боя. Император Шэнь-чжу (Кан-си) предложил капитуляцию, на что джунгарский хан Галдан наотрез отказался. Потерпевший поражение, окруженный со всех сторон неприятелем и не имеющий возможности возвратиться в Джунгарию, где у власти оказался ранее преследуемый им племянник Цэван-Рабдан, хан Галдан в марте 1697 г. в урочище Ача-Амтатай в результате болезни умер (по официальной китайской версии, покончил с собой, приняв яд)».¹⁰ После поражения Галдана в Халхе все земли до Иртыша перешли в руки его восставшего племянника Цэван-Рабдана (1697—1727).

Объединить Монголию, как это сделал Чингиз-хан, Галдан Башокту-хану не удалось. Халха-монголы предпочли войну с ойратами и принять подданство династии Цин, чем создать новую империю. Шестилетняя война маньчжуротов с ойратами

закончилась поглощением в 1697 году Халха-Монголии империей Цин. В составе Цинской империи территория Монголии представляла собой отдельное имперское наместничество, поделенное на многочисленные хошуны (племенные уделы). Все мужчины в хошунах считались солдатами-ополченцами (цириками) империи, и по первому требованию маньчжурских властей каждая административная единица должна была выставлять и содержать, из расчета один воин от десяти семей, вооруженных всадников в полной экипировке, т.е. по системе Татарии (Великой степи).

Последствия войны 1690—1697 гг. были тяжелыми для ойратов. Они понесли серьезные потери в людских и материальных ресурсах, лишились своих кочевий в долине р. Кобдо, Урянхайском крае и были оттеснены маньчжуро-халхаскими войсками на запад, за Алтай. Влияние джунгарских правителей на своих кыштымов в Южной и Юго-Западной Сибири резко ослабло. Перед Цэван-Рабданом встала нелегкая задача возродить и укрепить Джунгарское ханство. Оазис Хами был включен императором Кан-си в состав цинских владений в 1697 г.

В 1697 г. Цэван-Рабдан (букв. «Прочный Владыка Жизни») стал юридически правителем Джунгарии, хотя фактически он был им с 1689 года. Ставку правителя перенесли на реку Или (в район города Кульджа). Старая ставка на реке Эмиль была передана двоюродному брату Цэрэн-Дондубу Старшему, ставшему наместником Северо-Восточной Джунгарии. В 1700 г. пришло в Джунгирию 10 тысяч хошутов во главе с двумя тайджами из Кукунора, вероятно, не пожелавших принять китайского подданства, навязанного Цинами правителям Кукунора, после разгрома Галдан Башокту-хана в 1696—1697 гг. «В 1701 г., в результате ссоры с отцом, один из сыновей калмыцкого хана Аюки Санжиб откочевал с Волги в Джунгирию со своим улусом в 15—20 тысяч кибиток или 60 тысяч человек (любопытно, что среди них был дед Амурсаны, последнего правителя Джунгарского ханства). Цэван-Рабдан улусных людей оставил в Ойратии, в районе реки Юлдуз, а Санжиба отправил назад к отцу с пятью-шестью людьми. Сын Аюки был прощен отцом, но вскоре «нечаянно» погиб в результате несчастного случая».¹¹

Во время войны с Китаем Восточный Туркестан и Семиречье стали нарушать свои договорные обязательства перед

джунгарами. Развитое земледелие, богатые торгово-ремесленные центры Восточного Туркестана были необходимы джунгарам. Они покрывали недостаток в сельскохозяйственной продукции и товарах, которые получали на рынках Китая, доступ к которым был закрыт во время войны маньчжурскими властями. Поэтому новому ойратскому хану Цэван-Рабдану было необходимо восстановить политическое господство в Восточном Туркестане, а также в Семиречье и Южном Казахстане. Ойраты вновь вторглись и в ходе войны 1698—1699 гг. вторично завоевали Восточный Туркестан в 1700 г., подчинив себе такие важные политические центры, как Яркенд, Кашгар. После войны с Китаем Джунгарии нужно было время для восстановления хозяйства.

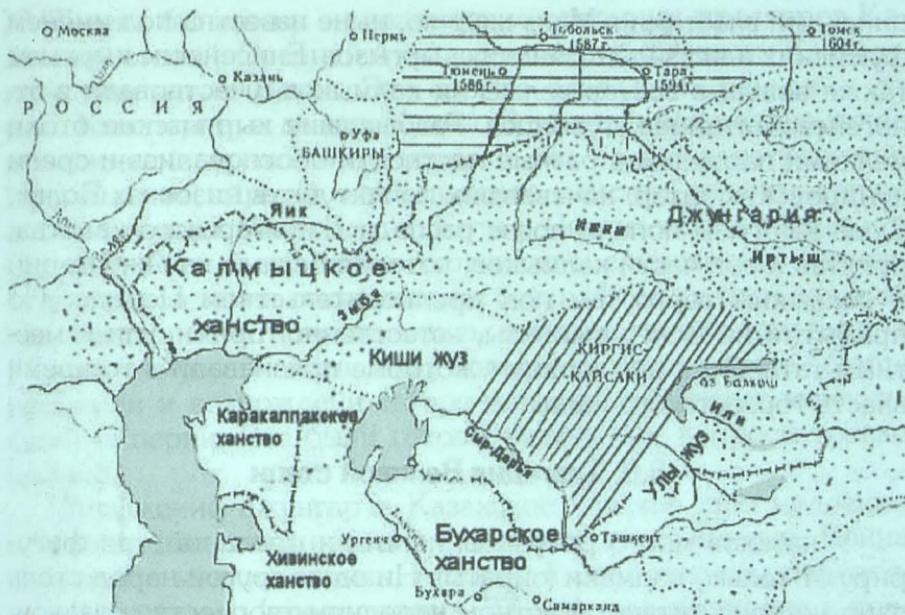
Политическое положение Цэван-Рабдана было еще весьма непрочно, и первые годы своего правления он должен был, прежде всего, употребить на восстановление единства и сил государства, расшатанного десятилетними войнами Галдана с халхасами и маньчжурами. Значительная часть лучших сил джунгаров погибла в этих войнах, тысячи людей были захвачены в плен и задержаны в Халхе и Южной Монголии. Уставший народ был разорен и ослаблен из-за войны с Халхи, Цинами и джунгарских изменников, предводимых самим Цэван-Рабданом. Пользуясь такою слабостью джунгаров, казахи и тяньшанские кыргызы возобновили на них свои набеги, а покоренные Галданом города Восточного Туркестана пытались возвратить независимость. При таких обстоятельствах Цэван-Рабдану пришлось заботиться, прежде всего, о восстановлении внутреннего порядка в Джунгарии и укреплении своей собственной власти, которая признана была, по-видимому, не без колебаний со стороны джунгарских старшин, некоторые из которых удалились к китайскому двору и побуждали императора против Цэван-Рабдана. Воспользовавшись нежеланием Канси возобновить недавно оконченную трудную войну, новый джунгарский хан сумел сохранить мирные отношения с цинами, не без уступок, но и не слишком поступаясь своими интересами и достоинством. Завоевание Халхи оставалось в перспективе и, предвидя неизбежную со временем борьбу за нее с маньчжурами, Цэван-Рабдан должен был всего менее желать враждебных столкновений с Россией. Яблоком раздора с русскими являлись кыргызы.

Вскоре после основания города Томска в 1606 году явился туда представитель енисейских кыргызов князь Номчи со своей женой и просил принять киргизский народ под высокую руку московского царя. Объясачить без боя и без сопротивления такой энергичный народ, как кыргызы, было бы находкой для Московского государства; кыргызов теснили, с одной стороны, Алтан-ханы халхаские, с другой — калмыки джунгарские. Воеводе только стоило прилично их образом принять это предложение и тогда для русской колонизации открылся бы свободный доступ в одну из лучших и плодороднейших местностей Сибири; но воевода начал с того, что велел с плеч кыргызской княжны стащить соболью шубу. Кыргызские депутаты прекратили всякие переговоры, уехали назад и с тех пор сделались непримиримыми врагами русских.

Вековое вооруженное противостояние вело к тому, что енисейские кыргызы, резко выделявшиеся своей воинственностью, стали постоянным источником международных споров и претензий между Российским государством и государством Алтын-ханов. После того, как джунгары совместно с енисейскими кыргызами разгромили Алтын-ханов, они опять же стали точкой преткновений в переговорах между Российским государством и Джунгарским ханством. Приграничные с владениями енисейских кыргызов российские города постоянно подвергались нападениям. Кыргызы действовали порой совместно с джунгарами, тем самым закрывая перспективы российско-джунгарского союза против цинского Китая. На фоне бесконечных взаимных грабительских набегов русских и кыргызов русско-kyргызский конфликт являлся постоянным предметом обсуждения послов Джунгарии и России. Чтобы предотвратить столкновения с Россией, Цэван-Рабдан решил переместить кыргызов в Джунгарию, где нетрудно было найти место для нескольких тысяч новых кочевников. Оставлять беспокойных кыргызов не только на старых их землях, где отношения их с русскими достигли крайней степени обоюдной ожесточенности и где не было возможности предотвратить новые столкновения, но и вообще на русской границе, он не мог. Кроме того, в условиях войны на два фронта Джунгария не могла себе позволить потерять опытных воинов. Джунгары также опасались допустить завладения Цинами населения Хонгорая и открытия северного фронта. Тем более еще жива была память о том, как енисейские кыргызы в ответ на агрес-

сивные действия Алтын-хана и его переговоры с Россией отстронились от Алтын-хана и совместно с джунгарами взяли его в плен в 1667 г., тем самым положив конец его государству.

Енисейские кыргызы с Джунгарским ханством были в отношениях «албату» — покровительство за военную службу и неоднократно привлекались джунгарами для ведения боевых действий. Джунгария после галдановых войн особенно остро нуждалась в людских ресурсах. В июне 1703 г. Цеван-Рабдан для осуществления своего плана отправил в Хонгорай 2,5—3 тыс. воинов во главе с тремя чайзанами: Духаром, Сандыком и Арамжама Ченбилем. Он приказал своему наместнику Абазайсану всех кыргызов и кыргызских кыштымов привести в Джунгарию, дабы они «от него контайши не отложились». Население Хонгорая (русское название — «Киргизская землица») при помощи кыргызских князей было собрано в долине р. Абакан в устье р. Аксиз. Из енисейских кыргызов в Джунгарию ушли алтырский князь Тангут Батур-тайджи, езерский князь Шорло Мерген, алтысарский князь Агалан Кашка-тайджи, а также князь Корчун Иренаков, сын знаменитого алтысарского князя Иренака, который в 60—80-х годах XVII века держал в страхе русские волости по Томи и Енисею, неоднократно грабил округу Красноярского острога. По трем дорогам жители хонгорайских улусов под конвоем джунгарских отрядов были препровождены в Джунгарию. Переселена была большая часть населения Хонгорая — 15—20 тыс. человек. Переселенцы были размещены на приграничной с казахами территории. Есть сведение о том, что часть енисейских кыргызов была поселена по р.Чу, на границе с кочевьями казахов. Однако основная часть переселенных кыргызов обосновалась при большой Урге (ставке) контайши. В дальнейшем они локализуются на р. Эмель, которая впадает в оз. Алаколь. В Джунгарии енисейские кыргызы составили отдельный оток — административно-хозяйственную единицу, находящуюся в личном подчинении джунгарского хана. Причем в Джунгарии из 24 отоков было только два неджунгарских, иноплеменных по этническому составу отока: кыргызский и теленгутский. Согласно генеалогическому преданию, алтырцы (подразделение енисейских кыргызов) являются одними из прародителей рода Бушухтухана. Кроме того, кыргызские князья состояли в родстве с правителями Джунгарии. В частности, известно, что Батурхунтайджи Сенге был женат на кыргызской княжне, а княгиня

ХАНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XVII в.

Территории занятые Россией к 1600 г. Территории занятые калмыками Современные границы Казахстана	Приблизительные границы
--	-------------------------

Алтысарского улуса Абахай являлась сестрой контайши Хара-Хулы — тайши — основателя ойратского государства. Данное обстоятельство говорит о том, что джунгары рассматривали енисейских кыргызов как родственный народ, а кыргызские княжеские рода как равные по древности происхождения. Привлечение енисейских кыргызов для охраны ставки контайши могло иметь, кроме того, что кыргызские воины были боеспособны, и тот смысл, что они были иноплеменниками и были вне межродовой борьбы за ханский престол. Во время междоусобной борьбы в Джунгарии кыргыз-калмаки, как стали называть в Джунгарии переселенных енисейских кыргызов, согласно историческим преданиям фуюских кыргызов сохранили верность Даваци. После пленения Даваци кыргыз-калмаки поддержали Амурсану.

После разгрома Джунгарского ханства часть енисейских кыргызов вернулась обратно на Енисей, некоторые остались на месте, часть оказалась среди казахов или ушла в горные долины Иссык-Куля. Были и такие, которых угнали в Монголию и в Маньчжурию. Часть енисейских кыргызов, переселенных

цинскими властями в Маньчжурию, ныне известна под именем фуюйских или хэйлунцзянских кыргызов. Енисейские кыргызы также вошли в состав волжских калмыков, участвовали в этногенезе алтайцев, тувинцев. Разошедшие кыргызские отоки мелкими партиями в разные местности обосновались и среди кундровских татар, кочевавших по Ахтубе, в низовьях Волги. Сюда кыргызы попали после распада Джунгарского ханства, пристав к той части калмыков, которая бежала из Джунгарии к волжским торгоутам под предводительством Церина. По прибытии на Волгу кыргызы, естественно, примкнули к местным татарам, к кундровцам, которые признавали в то время власть торгоутского хана.

5.6. Трагедия Великой степи

У казахов много ритуалов, легенд и преданий, где фигурируют только калмаки (ойраты). Ни один другой народ столь явно не присутствует в устном народном творчестве казахов. По казахским устным преданиям, казахи, ойраты, ногайцы и некоторые другие народы происходят от единого родоначальника, предка. Казахи по внешности похожи на ойратов. Конечно, у ойратов и казахов много общего в историческом прошлом, что вполне объяснимо: объединяют общая кочевая цивилизация, культура и законы Степи. Племена считались братскими как по родству, так и по крови. Они вместе входили в татаро-монгольскую империю и при Чингиз-хане назывались татаро-монголами. Межплеменные и межгосударственные переговоры велись без переводчиков. Значит язык был очень близкий. Между ними были конфликты за пастбища, водопои и т.д., но это было у всех кочевников. Но все это было тогда, когда эти народы верили в бога Тэнгри. А разделила их религия. Казахи и ногайцы приняли ислам, ойраты и монголы — ламаизм. Они стали участвовать в разных цивилизационных проектах. Это стало границей, и это было достаточно, что они не могли объединиться в новую империю. Хотя это не означает, что среди кочевников исчезло тэнгрианство. Оно сохранилось в традициях и обычаях, но элита не хотела тэнгрианства. Началась крупномасштабная религиозная война, и этому не мешало то, что среди казахов и калмыков были династийные браки, а в простых семьях это было обыденное дело.

Стратегическая цель джунгарских правителей в начале

XVIII века была ясна — подчинение огромных просторов Казахской степи и Средней Азии, с выходом к границам Калмыцкого ханства на Волге. Это то, что сделал Чингиз-хан, а до него Кюктюрки, а до них Хунны. В те далекие времена такое объединение проходило быстро и без больших потрясений. Наступление ойратов на Казахское ханство сильно отличалось от похода Чингиз-хана. Если у Чингиз-хана в Степи и в Средней Азии было много союзников и единоверцев Тэнгри, то у ойратов таких союзников не было. Их встретили как врагов. Казахи не хотели становиться ламаистами-буддистами, а ойраты — мусульманами. Ни у кого и в мыслях не было об объединении и возрождении татаро-монгольской (турко-монгольской) империи. Все были готовы решать все вопросы только войной.

Вторжение джунгар в Казахское ханство шло медленно и постепенно, столкновения сменялись перемириями. Война началась с мелких стычек, которая в последующем переросла в длительную (продолжалась 27 лет), ожесточенную и кровопролитную войну. Крупное вторжение джунгарских войск в пределы Казахского ханства произошло в 1708—1711 гг. Джунгарские войска оккупировали часть Семиречья, передовые их отряды дошли до р. Сарысу в Центральном Казахстане. Последствия джунгарских вторжений побудили известных старшин, биев, народных батыров, наиболее дальновидных чингизидов приложить усилия к объединению военно-людейского потенциала трех жузов. В 1710 г. в районе Каракумов собрались представители трех казахских жузов (орда). Было решено создать общеказахское ополчение во главе с видным народным батыром Богенбаем, которое сумело бы отбросить джунгарское войско на востоке. Отряды казахских войск начали наступление и не только возвратили утраченные кочевья, но и вторглись в пределы джунгарских владений и захватили много пленных. Но успехи казахского ополчения были временными. Воспользовавшись разногласием среди владетелей трех жузов (только лишь в Среднем жузе было три хана: Болат, Семене, Абулмамбет), в 1713 и 1714 годах джунгары повторили вторжение в Казахское ханство.

В том же 1710 году джунгары разорили Бие-Катунский острог и уничтожили первую российскую экспедицию, посланную Петром Первым в район Иртыша на поиски золота. В феврале 1716 года у Ямышева озера русский отряд под командованием

подполковника Бухгольца столкнулся с войсками Джунгарского ханства, которое уже восстановило достаточно сил, чтобы заставить считаться с собой. В результате разгрома ойратами одного из отрядов российской экспедиции подполковника И. Бухгольца на Иртыше был захвачен шведский сержант-артиллерист Юхан-Густав Ренат (годы жизни 1682—1744), который находился в восточных пределах России после того, как попал в плен во время Полтавской битвы. Ренат пробыл среди ойратов семнадцать лет, став «Архимедом» джунгарских правителей Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрэна. Им были построены артиллерийские, оружейные, горнодобывающие заводы. Деятельность Рената и других пленных шведов и русских способствовала возникновению военного производства, усилиению военной мощи Джунгарского ханства.

Петру пришлось в 1716 году отправить джунгарскому хану посольство с целью недопущения подобных инцидентов. Отряд подполковника И. Бухгольца отступил, хотя уже на следующий год казаки и солдаты снова пошли вверх по Иртышу, оставляя за собой крепости с гарнизонами. Не желая ввязываться в очередную войну с могущественным противником, джунгары позволили России протянуть тонкую ниточку русской экспансии на юг. Ее, возникни такая необходимость, легко было порвать. Стороны, дабы не провоцировать военных столкновений, научились не замечать друг друга.

В 1718 г. по приказу джунгарского хунтайджиnomады Алтая (телеуты), кочевавшие между Иртышом и Обью, остались районы своего традиционного пребывания и переселились во внутренние районы Джунгарии (Ойратии). В условиях сложной внешнеполитической обстановки Цэван-Рабдан потерял часть территории, но предохранил Джунгарию от «обезлюдевания».

Но основные военные действия джунгаров в 1717—1722 гг. вернулись на территории Кукунора и Тибета. Началась Вторая ойрато-цинская война. Поводом для войны стало ввод войск Цэван-Рабдана в Хамийский оазис, расположенный на юго-восточной границе с Цинской империей. Попытки ойратских войск закрепиться в Хами (1714 г.) не увенчались успехом. Хошутское (Кокунорское) ханство контролировало центр буддизма в Тибете, что было недопустимо для Цинской правящей верхушки. В 1716 г. цинцы захватили Баркуль. В 1717—1720 гг. военные действия происходили на тибетском фронте: 1717 г. — войска Цэрэн-Дондoba Старшего, родственника хунтайджи,

захватили Тибет и разграбили Лхасу. В 1719 г. — ойраты разбили вторгшиеся в Тибет цинские войска. «В 1720 году император Цинской (маньчжурской) династии Шэнь-чжу (Канси) (1654—1722) организовал военную экспедицию в Тибет, захватил и уничтожил Хошутское ханство ойратов. Затем маньчжуры в том же 1720 году захватили Хамийский и Турфанский оазисы и создали там опорные пункты для военных действий против Джунгарского ханства».¹² 1720—1721 гг. цинские войска, развивая успех в Тибете, продвинулись в Восточный Туркестан, захватили Турфан и Урумчи (вскоре отбитый джунгарами). В это же время в центре Джунгарии на реке Черный Иртыш, внезапно для ойратов, появились российские экспедиционные силы. Возникла реальная угроза войны на четырех фронтах: с Китаем, Россией, Халха-Монголией и Казахским ханством. В 1721 году джунгарский посол Борокурган был принят Петром Первым (1672—1725) с просьбой о помощи, однако вернулся ни с чем. «Война приняла затяжной характер».¹³ «В декабре 1722 г. умер цинской император Кан-си, старый недруг ойратов. Его сын и преемник Юн-чжэн (1722—1735), ввиду тяжелого финансово-экономического положения в Китае, остановил военные действия и пошел на мирные переговоры с Цэван-Рабданом. Итоги войны: обе стороны не смогли реализовать свои задачи; граница между Джунгарией и Цинской империей не претерпела серьезных изменений; однако геополитические изменения, вызванные войной, имели для ойратов тяжелые последствия — Тибет фактически вошел в состав Китая, была ликвидирована ойратская государственность в Кукуноре в 1723—1724 гг.».¹⁴ В 1722 году был заключен джунгарско-китайский договор перемирия. Наступила своеобразная передышка, когда оба государства находились в состоянии «ни войны, ни мира».

Вступив в новый военный конфликт с Китаем, Цэван-Рабдан смог избежать поражения в борьбе с таким мощным соседом. Менее удачной была его политика в отношениях с Россией. Враждебные отношения с главным противником — Цинской империей — заставляли ойратских ханов воздерживаться от войны с Россией и даже просить у нее защиты. Посольство Унковского (1721—1723 гг.) предложило ойратам от имени Петра I принять русское подданство и разрешить постройку на их землях крепостей с русскими гарнизонами в обмен на обязательство России защищать их от Цинской империи. Но хан

перевел разговор и выдвинул споры о границах и ясаке. Мир с Россией был обеспечен дорогой ценой — потерей пятой части территории государства в результате «тихой колонизации» русскими Прииртышья и Алтая. В 1715—1720 годы, несмотря на противодействие джунгар, началось строительство сибирскими казаками Иртышской укрепленной линии, заложены крепости Омская (1716), Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская (1720) вверх по Иртышу. Россия утверждалась на Алтае.

Воспользовавшись тем, что вся джунгарская армия воевала в Кукуноре и на Тибете с маньчжурами, казахские султаны, собрав 30-тысячное войско, двинулись в Джунгарию. Летом 1717 г. возле реки Аягуз их встретил однотысячный калмыцкий отряд. Произошло сражение между 30-тысячным казахским войском и однотысячным калмыцким отрядом. Калмыки отступили. Казахское войско в излучине рек загнало в осаду калмыков. Калмыки, нарубя лесу, сделали деревянный вал и сели в осаду. Казахские ополченцы соорудили деревянный вал выше калмыцкого, откуда вели обстрел противника. Так продолжалось три дня. Заблокировав осажденных, казахи стали ждать, считая, что как только продовольствие закончится, то рано или поздно калмыки выйдут. Ситуация близкой победы породила у казахских султанов беспечность. Они не выставили ни охранения, ни разведку. Неожиданно для казахов пришло еще тысячи полторы войск калмыков, это были копейщики, то есть тяжелая латная кавалерия, которые ударили по тылам и ставке казахов. Удар латников был страшен. Началась паника. Дальше началось избиение, казахи оказались зажатыми в излучине рек между двумя калмыцкими отрядами. Люди, оказавшиеся между ними, погибли, «одинаково поражаемые как с фронта, так и с тыла». Казахи «побежали все и за ними калмыки гнали полдня и их людей побили, колико, того он не знает». Из-за беспечности казахских командиров погибло почти все 30-тысячное войско. Сами султаны-чигизиды смогли спастись и ускакать с поля боя. В Аягузской катастрофе казахская армия была уничтожена до такой степени, что султан вернулся в свою орду только с двумя телохранителями. Документальные свидетельства этих событий крайне скучны. В основном все исследователи исходят из сообщения русского посланника Бориса Брянцева, составленного со слов «мурзы Кутлубая» «о войне Казачьи орды с калмыки, ... на которой войне был и он».

Видимо, казахское войско столкнулось не с джунгарами, а с калмыками. Ведь сообщение Брянцева говорит о калмыках, а не о «зюнгорцах». Джунгары-чоросы на тот момент держали свою армию на китайском фронте. А калмыки — торгоутского рода в то время продвинули свои кочевья через Сары-Арку до Иртыша, где сомкнулись с джунгарами.

Казахские улусы потеряли лучших воинов. Битв армий больше не было. Мелкие отряды ополченцев не могли противостоять двум тысячам калмыков, профессионально закаленным в боях воинам. Казахи без боя утратили контроль над Сары-Аркой (кроме части Тургая). Далее, калмыки прошли через реки Арысь, Бугень, Чаян. Калмыки остановились только перед крепостью Туркестана. Их целью было захватить ставку казахских ханов — Туркестан. Аягузское побоище показало, что у калмыков командовали способные полководцы, выдвинутые наверх своим талантом. Казахские султаны в мирное время правили бездарно. У них не было государственного мышления. Жили одним днем, занимаясь интригами среди своих родственников. А когда начались геополитические события, они даже не понимали суть того времени. Во время военных баталий, не имея военного таланта, с выдвинутыми по родству командирами и вовсе загубили себя и своих воинов. К сожалению, казахи по сегодняшний день так и не сделали выводов из этой трагедии.

В 1722 г. после смерти цинского богдыхана Канси (Юньчжена), длительное время воевавшего с ойратами, на границе с Китаем установилось некоторое затишье, что дало возможность Цеван-Рабдану перебросить армию на границу Казахского ханства. «В 1723 г. армия джунгар «семью клиньями» вторглась в долину р. Талас на территории Старшего и Среднего жузов. Казахские ополчения вступили в бой и в этом сражении потеряли несколько тысяч человек убитыми и 10 тысяч пленными. Казахские роды, дорого заплатив за беспечность своих султанов, под напором джунгарских войск вынуждены были покинуть веками насиженные места, что повлекло за собою откочевки части казахов Среднего жуза к пределам среднеазиатских ханств. Многие роды Старшего жуза также отступили к Сырдарье, перешли ее и направились в сторону Ходжента. Казахи Младшего жуза откочевали вдоль рек Яик, Ори, Ыргыз к границам России. Ведя непрерывные бои, часть казахов Среднего жуза приблизилась к Тобольской губернии.

В 1723 году казахи потеряли города Ташкент, Сайрам, Туркестан и т.д. (25 городов). В зависимость от джунгар попали узбекские территории с Ходжентом, Самарканом, Андижаном. Десятки тысяч казахов бежали в Среднюю Азию, оставив родные места. Не найдя там удобных свободных пастбищ и вступив в столкновение с бухарскими и хивинскими вождями, казахи откочевали на запад, ближе к русским гранитам, в район рек Эмбы, Яика (Урала), Илека. Приближение тысячи семей к пределам Средней Азии и владениям волжских калмыков обострили взаимоотношения в регионе. Российские казаки, каракалпаки, узбеки, нападая на обессилевших казахов, усугубили и без того их критическое положение. В 1724 г. Абулхаир, хан Младшего жуза, возвращает общеказахскую столицу — Туркестан. Ойраты подчиняют (отпавших?) киргизов. В 1725 г. джунгары разгромили каракалпаков». ¹⁵

Нападение и преследование войсками Цэван-Рабдана в 1723—1725 годах казахов, принесли огромные бедствия не только последним, но и жителям среднеазиатских городов, куда устремились беженцы. Вторжение кочевников в эти земледельческие оазисы привело к упадку хозяйства и к запустению многих городов. Нанесение удара по казахам позволило Цэван-Рабдану не только разорить и обескровить их, но и подчинить Ташкент, Туркестан, заставить признать зависимость от ойратского хана Ходжент, Самаркан, а также предложить военно-политический союз бухарскому эмиру, и это притом, что только в декабре 1722 г. закончилась война с Китаем.

Казахский ученый Чокан Валиханов говорил, что период джунгарского нашествия был «ужасным временем» в жизни казахов. Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами киргизы, подобно стадам испуганных сайгаков..., бегут на юг, оставляя на пути свое имущество, «детей, стариков, домашний скарб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда — около Самарканда, Малая орда — в Хиве и Бухаре... Не находя в среднеазиатских степях пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, они обращаются к границе могущественной России, чтобы искать помощи и покровительства». Джунгарское вторжение 1723—1725 годов вошло в историю казахов под названием «Актабан Шубрынды» (годы великого бедствия), принесло страдания, голод, разрушение материальных ценностей, нанесло невосполнимый урон развитию производи-

тельных сил: тысячи мужчин, женщин и детей были угнаны в плен.

Трагедия стала возможной ввиду отсутствия в казахском обществе политического единства. Казахское ханство было разделено на три жуза (орды) и даже в то время, когда калмыки разоряли аулы, не успевшие откочевать на восток, чингизиды, стоявшие во главе этих жузов (орд), были бездарны и враждовали между собой. В этот критический момент спасение себя и страны взял на себя сам народ. Народу пришлось брать основную тяжесть в организации отпора врага, выдвинув из своей среды батыров, которые стали предводителями народного ополчения. Семейно-клановая система управления, которым пользовались чингизиды, показала свою нежизнеспособность. За время правления чингизидами татаро-монгольская империя была расчленена на враждующие государства, которые, в конечном счете, были завоеваны другими государствами. О том, что происходило в те далекие времена, сейчас можно и нужно говорить, так как, изучая историю своих предков, испытываешь внутри себя — дискомфорт. История наших предков состоит из множества темных пятен и дыр, которые не дают нам покоя сегодня. В середине XVIII века заканчивалось управление династии чингизидов, которые еще сохранились в Казахском и Крымском ханствах. Чингизиды, стоявшие во главе Казахского ханства (орды), явно не могли управлять государством. Более десяти лет идет затяжная война. Враг наступает, государство находится в критическом состоянии, народ гибнет от врага, голода и скудости по чужим государствам. Явно это вина правителей, которые не подготовились и допустили такую трагедию. Война продолжается, правители не могут исправить положение в лучшую сторону, но, несмотря на это, никто из султанов не собирается отдать власть достойному или хотя бы собрать вокруг себя талантливых людей.

Напуганные наступлением джунгар, они начинают искать государство, которое взяло бы их под защиту и они управляли бы под чужим покровительством (подданство). Еще в 1717 году хан Тауке впервые обратился к Петру I с просьбой принять казахов в российское подданство, но без выплаты ясака, без исполнения повинностей и при сохранении власти хана. Петр I сразу же оценил значение Казахского ханства во внешней политике России: «Всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата, и той ради причины оная орда потребна под

Российской протекцией быть». Султан младшего жуза Абулхаир в 1730 году снова запросил защиты уже у императрицы Анны Иоанновны, Россия, имевшая свои далеко идущие планы, теперь сразу согласилась (миссия Тевкелева, 1731). Абулхаир преследовал свои цели. Обиженный на другие жузы из-за неизбрания его всеказахским ханом, он повел свою политику, выпрашивая у России в обмен на подданство передачи ханства по наследству своим детям. В Орске в 1740 г. вместе с Абульмембетом султан Аблай принял присягу России. А впоследствии и подданство империи Цин. Народ бедствует, а вышшей власти нет до этого дела. Она занята думой о своих наследниках, как в будущем пристроить своих детей на теплое место. Ради личной и семейной выгоды султаны (ханы) предают национальные и государственные интересы, совершают все это втайне, за спиной собственного народа. Как видим, нравственность — система координат в пространстве добра и зла, должного и недолжного, охватывающая все стороны человеческой жизни, была разрушена. Разрушена социальная совесть. У власти не было идеи, объединяющей все слои населения, народные традиции были разрушены, не было вектора развития, который мог бы успешно развивать государство и успешно противостоять внешним вызовам. Самостихийное создание ополченцев выдвинутых из народа батыров решало временные во время войны сплочения народа. А изменить семейно-клановую систему управления — таких сил и людей не было. Поэтому все шло к потере государственности.

В Китае династии тоже строились на семейно-клановой системе управления. Но у них была доктрина (договор), где император был обязан быть добродетельным и служить своему народу и государству, в противном случае народ имеет право свергнуть его и его династию. Что и произошло с 25 династиями в Китае. Чингизиды такой доктрины с народом не имели, поэтому служили себе и своей семье до последнего, пока не продали все тюрко-монгольские народы.

Если в XIV—XVI веках кочевники были разделены на разные исламские течения и с рвением вырезали друг друга в течение нескольких веков за «чистоту ислама», с середины XVII века началась новая религиозная война среди кочевников, но уже с другим оттенком. Великая Степь от Семиречья до Алтая, от Урала до Крыма была расколота на три религиозно-мировоззренческие системы —

буддийскую, мусульманскую и китайскую. Кочевники участвовали в разных цивилизационных проектах. Кочевникам объединяться стало невмочь. В горах Алтая, в степях Джунгарии, в Казахстане, Восточном Туркестане, Поволжье и в степях Дона полыхал огненный смерч. По Великой Степи пошла волна национально-религиозного, этноязыкового разделения. Опустошение в степи было изрядное. Кочевники разделились на три лагеря и успешно вырезали друг друга. Они уже не помнили о своем былом родстве. Богатство побежденных кочевых племен становилось богатством победителя-кочевника, сопротивляющихся этому просто убивали. Война между кочевниками превратилась в геноцид с обеих сторон, чего никогда не было, когда они были тэнгрианцами.

Цинская империя внимательно следила за войной в Казахском ханстве и по мере ее расширения и ожесточения наращивала усилия по подготовке к новой войне со своим противником. Китай имел артиллерию и мушкеты, которые решили исход битвы в Халха-Монголии. Цэван-Рабдан осознавал неизбежность войны с Китаем. Готовились к войне и ойраты. Результаты второй джунгаро-цинской войны не заставили Цэван-Рабдана отказаться от мысли одержать победу над грозным противником. Поэтому внутри страны Цэван-Рабдан основал военную промышленность, упорядочил административно-территориальную систему управления, построил новую столицу, обустроил перемещенных на новые земли хошоутов, торгоутов, кыргызов, телеутов. Возросшая военная мощь позволила вести продолжительные войны с соседями, часто на двух-трех фронтах одновременно. В Ургу собрано было много ремесленников делать оружие. Пленный шведский офицер сержант Юхан-Густав Ренат, бежавший из сибирской ссылки в 1716 году, обучал ойратов литью пушек. В 1726 году в Джунгарии (район Чесык-Кум) был построен первый завод по производству артиллерийских орудий. На этом заводе пленные русские под началом шведа Рената изготавливали не только пушки, но и разные огнестрельные оружия.

В 1726 г. на курултае в Ордабасы было создано Второе общеказахское ополчение во главе с Абулхаир-ханом. В 1726 году в среднем течении р. Сарысу, при впадении в нее р. Буланты, казахское объединенное войско нанесло ощутимое поражение джунгарским силам. Это была первая крупная победа казахского ополчения в длительном, изнурительном противоборстве с

Джунгарским ханством. Место сражения надолго сохранилось в народной памяти и получило название «место гибели калмаков» (калмак қырылган), что отразило значительность поражения джунгарских сил. Осеню этого же года казахские султаны Абулхаир, Семеке и другие султаны с 10-тысячным войском, напав на волжских калмыков, так часто беспокоивших западные границы Казахского ханства, вынудили их отступить. Однако неблагоприятная ситуация для казахов, вызванная прежде всего опасностью втягивания в затяжную борьбу с волжскими калмыками, заставила казахов пойти на перемирие с ними, чтобы обезопасить свои западные границы в условиях продолжающейся борьбы с самым опасным противником на востоке — Джунгарским ханством.

Джунгарское ханство (иначе Ойратское ханство, или Калмыкия) — государство, располагавшееся к северу от гор Тянь-Шаня. В 1-й пол. XVIII в. его границы определялись линией, идущей от оз. Балхаш у устья р. Лягуз на север до р. Иртыш, по Иртышу до его истоков, далее на юг до вост. оконечности хребта Тянь-Шань, на запад по этому хребту до р. Алай, далее по Ферганскому хребту до его северо-западного конца, затем к современному г. Алматы в Казахстане, пересекая среднее течение р. Чу и идя вверх по ней до южного берега оз. Балхаш.

В 1727 г. умирает правитель Джунгарии Цевен-Рабдан, и в Джунгарии вспыхнула кровавая борьба за власть между сыновьями хунтайджи. «С приходом к власти в Джунгарии в 1729 году Галдан-Церена началась третья ойрато-цинская война (1729—1739 гг.). Джунгария подверглась нападению со стороны маньчжурских войск, ойраты вынуждены были перейти к обороне своих западных границ. В течение года ойраты успешно оборонялись, нанося противнику ощутимые потери. В 1731 г. джунгарская армия численностью в 30 тысяч воинов во главе с родственником хунтайджи Цэрэн-Дондубом Младшим отправилась в поход в Халху. Джунгары нанесли поражение у Кобдо цинской армии Фу Эрдэня численностью 20 тысяч воинов. После этой победы заколебались позиции цинов в Монголии. Маньчжурское посольство в России тщетно добивалось от правительства Анны Иоанновны, калмыцкого хана Цэрэн-Дондука и джунгарского принца Шоно-Лоузана вступления в войну против Галдан-Цэрэна. В августе 1732 г. джунгарская армия в битве на реке Орхон у монастыря Эрдэни-дзу потерпела поражение от цинской и халха-монгольской армии. Ойраты

отступили из Халхи. В 1734 г. начались мирные переговоры. В 1737 г. смерть джунгарского посла оборвала первый этап переговоров, вновь возобновились боевые столкновения. В 1739 г. обе стороны заключили мир. Границей между двумя государствами стали хребты Монгольского Алтая. Император Цяньлун (1735—1795) согласился на пропуск торговых караванов из Джунгарии в глубь Китая, а также паломников в Тибет. Кроме того, цинцы обязались не строить военных укреплений и не расквартировывать войска в пограничной зоне».¹⁶

Во время третьей цино-джунгарской войны главные силы джунгаров были отправлены в Западную Монголию: Джунгария объективно не могла воевать в это время на два фронта — против казахов и маньчжур. Военно-политическое руководство ойратов бросило все имеющиеся военные и людские резервы на оборону против наступления цинов. Естественно, что так называемый «западный фронт» против казахов оказался практически незащищенным. Свидетельством тому является самое кровопролитное сражение с джунгарами, которое произошло весной 1730 года в местности Аныракай в 120 верстах на юго-восток от южной оконечности озера Балхаш у озера Алакуль, известное у казахов под названием «итишпес Алаколь» (озеро Алакуль, воду которого не станет пить собака, т. е. плохая — горько-соленая). Битва началась с поединка батыров. Вот как описывается в сказаниях об этом поединке: «Казахи и калмаки стоят на холмах друг против друга, а посередине перед войсками один лишь сын джунгарского хунтайши, зять самого Галданэ-Цэрэна, батыр Чарыш казахских батыров на поединок вызывает. Молодой пастух Абыльмансур, по прозвищу Сабалах (имя Абылай), пасший овец у Толе бия, стал воином ополчения, спросив разрешения у хана выйти на поединок и получив его благословение, разогнал коня и, издав клич: «Аблай! Аблай!», налетел и сразил Чарыша. Одним махом отрубив ему голову, он с криком «Враг сражен!» увлек за собой казахских воинов. Калмаки дрогнули, отступили и были рассеяны казахами. Так Сабалак превратился в легендарного Аблая. В память о поединке с Чарышем народ присвоил ему имя Аблай. Казахи рода аргын, караул выбрали его своим султаном. В Аныракайской битве, театр военных действий которой занимал около 200 километров, казахи одерживали победу, но неожиданно все поменялось. Внезапно умер хан Болат. Возник спор, кому же быть старшим ханом в трех казахских жузах. Главнокоманду-

ющий объединенными силами Абулхаир и владелец Среднего жуза Семеке покинули район сражения. Как видим, у казахской элиты даже в такой сложной ситуации не было речи о национальных интересах. Главной их целью было сохранить свою неограниченную власть. Эти разногласия среди ответственных за судьбу страны батыров, султанов и других крупных племенных вождей облегчили действия джунгар и свели на нет достигнутые результаты. Абулхаир-хан с подчиненными ему отрядами Младшего жуза отступил к границам России. Значительная часть Среднего жуза откочевала на север, часть Старшего жуза, в наибольшей степени испытывавшая давление джунгарских сил, оказалась прижатой к Сырдарье и была вынуждена покориться джунгарам. После поражений от казахов и начала третьей ойрато-цинской войны Галдан-Цэрэн вывел войска из Южного Казахстана, но сохранил под своим контролем Семиречье.

В 1731 году ойратский нойон Лозон-Цэрэна, зять Галдан-Цэрэна, со всеми подвластными ему людьми (до 30 тысяч) откочевал на Волгу. Откочевка нойона имела для Джунгарии серьезные последствия: во-первых, потеря такого количества боеспособных людей в условиях тяжелой войны на два фронта, против казахов — на западе и цинов — на востоке, была смертельно опасна сама по себе; во-вторых, уход с войском Лозон-Цэрэна открыл ойратский фронт у Ташкента и спровоцировал поход казахских отрядов в глубь Джунгарии.

В 1733 году, после семнадцатилетней службы на посту «главного архитектора» военной промышленности Джунгарии, через Сибирь и Россию в отчество свое возвратился шведский сержант-артиллерист Юхан-Густав Ренат. Галдан-Цэрэн решился отпустить своего инженера-самородка, наградив его «золотом, серебром и каменьями», только при условии подготовленной шведом замены из числа местных или русских мастеровых. Однако, как оказалось, отъезд Рената оказался трудновосполнимой потерей для ойратов.

Воспользовавшись войной ойратов с цинами, казахи поспешили пройтись по беззащитным ойратским улусам. За добытую там поживу казахи потом заплатили высокую цену. Заключив мирный договор с китайской империей Цин, Галдан-Цэрэна решил наказать казахов Среднего жуза за нападение на территорию ойратов в период третьей ойрато-цинской войны (1729—1739). Летом 1739 года ойратские войска численностью

24 тысячи человек под командованием Церен-Дондота двумя ударными колоннами вторглись на территорию Старшего жуза и захватили пять волостей. Зимой 1739 года против казахов пошли две армейские группировки: северная под командованием полководца Септена, южная группа ойратских войск, возглавляемая нойоном Сары Манджи (общая численность — 30—35 тысяч). Казахские кочевья, охваченные с двух сторон ойратами, бежали в сторону Урала и Сырдарьи...

Галдан-Цэрэн предложил хану Младшего жуза Абулхаиру принять ойратское подданство за города Туркестан и Ташкент. В 1740 г., осенью и зимой 1741 г. казахи под руководством султана Барака и Лжешоно-Лоузана (Карасакала) сами организовали поход в пределы Джунгарии. В феврале 1741 г. началось очередное вторжение джунгар, три группировки ойратов (две с юга и одна с востока) численностью до 30 тысяч под командованием Септена и Лама-Дорджи, сына Галдан-Цэрэна, разоряют Средний жуз. Они с боями дошли до Ишима и Тобола. Во время военных действий в плен попали казахские султаны и батыры, в том числе и султан Аблай. Гальдан-Цэрэн выдал замуж свою племянницу Тоныш-ханум за пленного султана Аблая. В плену султан Аблай был два года и был освобожден в марте 1743 года. В плену, как рассказывает казахское сказание, калмыки задали будущему султану Аблаю вопросы. После ответа на эти вопросы его отпустили. Он был им не страшен. Да, Аблай был сильным, ловким, отважным воином, настоящим батыром. Но у него не было Степного Духа. Он не знал тэнгриянского мировоззрения. Оставшиеся обычай традиционного общества не могли заменить государственную исламскую религию. Код Степного Духа — это страсть, совесть и правда.

В мае 1741 г. окончились военные действия, правители Среднего жуза признали подданство Джунгарии и отправили аманатов (заложников) ко двору Галдан-Цэрэна. Позднее и хан Абулхаир отправил к хунтайдже своего сына. В этот период между Джунгарским ханством, с одной стороны, и Средним и Младшим жузами, с другой, установились мирные и даже дружеские отношения. Простые казахи и ойраты съезжались друг с другом, торговали, охотились и т.д. Дети Аблай-султана и Барак-султана приезжали в Ургу в ставку Галдан-Цэрэна, жили там месяцами, общались и играли с детьми Галдан-Цэрэна.

С ноября 1743 по февраль 1744 г. выступило российское посольство из Оренбурга во главе с майором К. Миллером в Джунгарию с требованием прекратить со стороны ойратов все враждебные действия против казахов Среднего жуза, подданных Российской империи. Российские представители не были пропущены Сары-Манджи, наместником Северо-Западной Джунгарии, в Ургу хунтайджи (оловка Галдан-Цэрэна!) под предлогом свирепствовавшей в Ойратии осipy. 1743 г. — султан Аблай, подписав в Урге договор о мире, былпущен на родину. В этом году джунгарское подданство признали каракалпаки».¹⁷

5.7. Гибель Джунгарского ханства

Почти беспрерывные внутренние и внешние войны истощили не только казахские орды, но и само Джунгарское государство. Поубавилось людей, пооскудили табуны коней и стада скота. Да и сам Галдан-Цэрэн сильно сдал. В 1745 году умирает хунтайджи Галдан-Цэрэн. После его смерти началась кровопролитная борьба за трон Джунгарского государства. Всего 13 лет отделяют смерть Галдан-Цэрэна от гибели Джунгарского ханства. У Галдан-Цэрэна в это время было три сына и несколько дочерей. Старшему сыну — Лама-Доржи в год смерти отца исполнилось 19 лет, среднему — Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу — 13, младшему — Цэван-Даши только минуло семь лет. Галдан-Цэрэн завещал трон среднему сыну, который в 1746 году и был провозглашен ханом под именем Аджа-хана (букв. «Алмазный Владыка Жизни»). Далай-лама пожаловал ему ханский титул и имя Аджа-Намджил-хан (букв. «Побеждающее Солнце»). Галдан-Цэрэн, назначая своим наследником Цэван-Доржи, рассчитывал на то, что страной, в период малолетства сына, будут править закон и зарго, состоявший из его преданных соратников. Расчеты старого хунтайджи не оправдались. Преемственность и относительная стабильность сохранялись первые два года. Затем возобладали факторы объективного и субъективного характера, разрушившие за несколько лет то, что было создано руками четырех поколений чоросских династий в течение столетия. Трон достался тринадцатилетнему садисту, любившему мучить собак и рубить им головы. Затем свою жестокость и самодурство юный хан перенес на окружающих его людей, в том числе князей и зайсанов. Нача-

лись казни и убийства ойратских нойонов (князей), соратников Галдан-Цэрэна, и оргии малолетнего хана — похищение жен и дочерей ойратской знати и т.д. Страна оказалась без справедливой власти. Начались неповиновения хану. Отказы, под разными предлогами, нойона Даваци, родственника хана, на неоднократные приглашения приехать в Ургу. Цэван-Доржи ханствовал недолго. Первая попытка была Лам-Баира и зайсаны Басы отравить или зарезать хана. Заговор был раскрыт и три сотни заговорщиков были публично казнены. Сестра Цэван-Доржи была отправлена в ссылку в Аксу, где была тайно умерщвлена в 1749 г. В Джунгарии ввели запрет на всякое передвижение по территории ханства без соответствующего разрешения.

«В 1749 году в Джунгарии произошел государственный переворот. Против Цэван-Дорджи выступили с оружием в руках его братья и родственники Олдзы, Лама-Доржи и Сайн-Белека. Сторонники Цэван-Дорджи потерпели поражение. Они выдали хана его противникам. Цэван-Доржи был низложен, ослеплен, сослан в Аксу, где и был убит. Ханом Джунгарии стал Лама-Доржи, принявший титул Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи. Но и его правление не было длительным: титулованная ойратская знать не желала признавать ханом Лама-Доржи — человека незнатного происхождения, побочного сына Галдан-Цэрэна, рожденного от наложницы. Возник новый заговор, имевший целью свержение Лама-Доржи и возвведение на ханский престол малолетнего Цэван-Даши. Заговор был раскрыт, его участники понесли суровое наказание».¹⁸

Лама-Доржи проявил себя весьма подозрительным и жестоким человеком, не желавшим давать противникам шансов на успех. Угроза расправы нависла над всеми остальными представителями джунгарской знати, имевшими права на ханский титул. Происхождение Даваци давало ему преимущественное право на престолонаследие. Родовое владение Давачи находилось в Тарбагатае, как и владение другого ойратского нойона — Амурсаны, с которым Давачи был в тесной связи и дружбе. Давачи и Амурсана в 1751 году бежали к султану Среднего жуза Аблаю. Почти год они прожили на территории Среднего жуза. Узнав об этом, Лама-Доржи потребовал: «Или выдавайте беглых, или сами возьмем!» Дело оборачивалось бедой. Султан Аблаю было чего всплошиться. Он собрал всех султанов и старшин Младшего, Среднего и Старшего жузов, что-

бы сообща решить что делать. Многие считали, чтобы дело не доводить до войны, выдать беглецов. Но султану Аблаю удалось уговорить всех султанов не выдавать. После этого Аблай дал решительный отказ Лама-Доржи. Когда отряды джунгар вошли в казахские земли, Давачи и Амурсана бежали в свои родовые кочевья и возобновили борьбу против Лама-Доржи. Опытные полководцы и их воины воевали в казахских степях, в Урге оставались малочисленные отряды. Воспользовавшийся таким случаем, в самом начале января 1753 года Амурсана и Давачи совместно казахско-ойратским отрядом совершили рейд по Джунгарии и успешно напали на ставку джунгарского хана. Лама-Доржи был захвачен в плен и 12 января 1753 года казнен. Давачи был провозглашен джунгарским ханом. Однако ряд нойонов возвели на престол своего ставленника — Немеху-Жиргала, и в Джунгарии оказалось сразу два хана. С помощью Амурсаны Давачи низложил и убил конкурента.

Цинская империя внимательно следила за перипетиями междоусобной борьбы в Джунгарии и по мере ее расширения и ожесточения наращивала усилия по подготовке к новой войне со своим слабеющим противником. Так, в 1748 г. цинский двор запретил джунгарам торговать в Пекине. Спустя два года маньчжурские власти не разрешили ойратским паломникам проезд через цинские владения в Лхасу. Джунгарские послы, добивавшиеся в Пекине положительного для себя решения этого вопроса, в конце концов, уехали из столицы Поднебесной «с великим сердцем», т.е. крайне недовольные отказом правительства.

В начале 1750-х гг. цинская династия начала непосредственную подготовку к войне с Джунгирией. В 1751 г. цинцы запретили джунгарам торговать в приграничных городах империи. В 1752 году подготовка к войне против джунгар усилилась. В Халхе был получен приказ о поголовной проверке и переписи всех без исключения мужчин, годных к военной службе, и их вооружения. На лето 1752 года в районе Эрдэни-Дзу был назначен смотр халхаских войск. Здесь была построена крепость, от стен которой до самой ойратской границы протянулась цепь постов и застав, где были использованы войска халхаских князей. С весны 1753 г. на джунгарскую границу стали подтягиваться новые части цинской армии, снабженные артиллерией, значительными запасами вооружения, снаряжения и продовольствия.

Осенью 1753 года в Китай из Джунгарии перебежало более 3 тысяч ойратских семейств во главе с двумя внуками Галдан-Цэрэна. Цинские власти ускорили подготовку к походу против Джунгарии. В армию, предназначавшуюся к вторжению в Джунгарское ханство, наряду с маньчжурскими воинами стали широко привлекаться китайцы (ханьцы), южные монголы и халха-монголы, которым предстояло сражаться под началом маньчжиров. В 1753—1754 гг. цинское командование приступает к захвату приграничных с Китаем районов Джунгарского ханства — Монгольского Алтая, создавая стратегический плацдарм и овладевая горными проходами для наступления на ойратов. Цинское правительство открыто готовилось использовать благоприятно складывавшуюся обстановку, вторгнуться в Джунгарию и навсегда покончить с этим ойратским государством.

Вскоре после воцарения Давачи Амурсана стали одолевать мысли. Он помогал Давачи захватить трон и удержаться у власти, хотя Давачи туповат, об этом все знают. Дальше своего носа не видел и одним днем жил. А вот он Амурсана хотя по родовитости не мог сравниться с Давачи, вот по уму и смекалке — дело другое. А он находится в подчинении. В будущем, может, он станет хунтайджи! Амурсана хотел проверить привязанность к нему Давачи и попросился в свои кочевья. Давачи задерживать не стал. Уехал Амурсана из Урги. Жил в своем владении. Ждал приглашения Давачи, но от него посыльных не было. Росла обида, нашлось в душе место и для зависти. «Возгордился Давачи, совсем не хочет признавать, что я для него сделал». Не приглашает к себе, даже ко мне в гости не желает заехать. Так думая, Амурсана совсем потерял покой. «Повезло же этому увальню, а все потому, что знатнее родом. Он, Амурсана, и по уму, и смекалке, и по храбрости во много раз превосходит Давачи. А вынужден довольствоватьсь почти тем же, что и было. Поэтому он должен стать хунтайджи, он и только он. Нет людей сейчас во всей Джунгарии более достойных его». Неуемная жажда власти иссушала его разум.

Поддавшись порыву, Амурсана написал письмо и изложил горечь своих обид. Выходит, что он, который старался ради хунтайджи, не щадя жизни, остался теперь не у дел. «В одной земле два державца не живут», — без обиняков ответил Давачи Амурсане, не желая ни с кем делиться властью. «Раз дело упирается в землю, то почему бы ее и не поделить? — не от-

ступал Амурсана. — Отдай мне во владение людей каннских и каракольских, телеских и телеутских улусов и делу конец. Будем жить в добром соседстве и мире.» «Владей тем, что пока еще имеешь. Ради собственного же добра не проси большего», — гласил ответ из Урги. Ханский трон заслонил все: и старую дружбу, и дни скитаний и забот. Обуреваемый честолюбивыми замыслами, Амурсана решил бороться за трон Джунгарии до конца.

Зимой 1754—1755 гг. между Давачи и казахами происходили ожесточенные столкновения. Казахские отряды вторгаются уже в глубинные районы Джунгарии. Угроза завоевания со стороны казахов на некоторое время объединила джунгар вокруг хана. Так, десятитысячное войско Аблая было разгромлено ойратами на р. Каратал.

И вновь над ойратскими улусами, обескровленными междоусобицами и налетами осмелевших казахских султанов, захло, какой уже по счету, кровопролитной войной. В этой борьбе султан Аблай встал на сторону Амурсана. Амурсана совместно с тремя нойонами напал на ставку Давачи в 1754 году, проиграл сражение и бежал через Телецкое озеро, Кобдо и Уланком в Халху, где явился к цинским властям и заявил о своем желании служить Цинской династии. Его отправили в Пекин. При дворе Амурсану встретили с большой радостью. Царевич Амурсана обратился за помощью к богдыхану императору Китая с просьбой дать ему войско, чтобы захватить Давачи и представить его в Пекин, и император маньчжурской династии откликнулся немедленно. Это был хороший предлог, богдыхан решил использовать Амурсану как орудие для разгрома Джунгарии и ее последующего расчленения на отдельные, независимые друг от друга владения.

В конце 1754 года была объявлена мобилизация, в ходе которой было собрано 150 тысяч лошадей для похода, собрана огромная казна в 3 млн. лян серебра для обеспечения боевых действий. Ударный отряд цинов составили: 10 тысяч воинов из Халха-Монголии, 20 тысяч воинов из Южной Монголии, 10 тысяч знаменных маньчжурских войск, а также 10 тысяч китайских (ханьских) солдат, которые в основном оставлялись в гарнизонах и охраняли обозы с продовольствием. Было очень тщательно проведено планирование нападения. Были учтены особенности дорог в Джунгирию, были подсчитаны запасы воды вдоль маршрутов, созданы магазины с продовольствием.

Армия разделилась на две группировки, и двумя маршрутами двинулась в Джунгарию. Император Хун Ли считал, что силы Давачи истощились, и настало время его разбить.

Ранней весной 1755 г. цинская армия двумя колоннами: из Баркуля под командованием Юн Чана и из Улясутая под командованием Баньди — выступила против Джунгарии. Общая численность обоих отрядов цинской армии составляла — по оценкам разных источников — от 90 до 200 тысяч человек. Северным отрядом командовал маньчжурский генерал Баньди. Отряд получил задание выступить из района Улясутая и двигаться в долину реки Боротала, перейдя реки Булугун, Чингиль, озеро Айрик-нор. Южному отряду под командованием маньчжурского генерала Юн Чана было предписано двигаться к долине Боротала по дороге Баркуль — Урумчи. Каждый отряд имел сильный авангард, которым командовали ойратские князья, перебежавшие на сторону Цинской династии. Начальником авангарда северной колонны цинских войск, двигавшейся из Халхи, был назначен Амурсана, получивший от императора княжескую степень цинь-вана. Авантаждом южной колонны командовал ойратский князь Сарал. В конце апреля оба отряда, соединившись в долине реки Боротала у озера Эбинор, подошли к реке Или, переправились через нее и двинулись дальше, не встретив ни малейшего сопротивления.

Узнав, что с войском идет Амурсана, многие ойраты переходили на сторону цинской армии. Во время похода Амурсана демонстрировал ойратам свою независимость от цинского командования, убеждал население Джунгарии, что он лишь использует в борьбе с Давачи цинские войска. Амурсана и подчиненные ему войска фактически не вели боевых действий против населения Джунгарии. Население видело в них не захватчиков, а избавителей от многолетней междоусобной войны. К тому же цинское командование в распространяемых в Джунгарии прокламациях также заверяло ойратов, что войска пришли только для установления мира и наказания Давачи, в то же время предлагая жителям за вознаграждение признать подданство маньчжурского императора.

«В районе р. Или 30-тысячная армия Давачи в трехдневном сражении была разбита. Хан бежал, по одним данным, в Уч-Турфан, по другим — в Аксу. Хан Давачи, потерпев полное поражение, с остатками своего войска бежал к границам казахских владений. Султан Аблай дал ему в подкрепление

3 тысячи воинов. Давачи намеревался отбить Кашгарию, но ничего сделать не успел. Передовой отряд цинских войск под командованием Амурсаны в мае 1755 года настиг хана в его ставке на реке Текес, одном из притоков Или. Давачи бежал, не приняв боя. Давачи ускакал со своими телохранителями к правителю Уч-Турфана Хожжа-Сы-беку. Давачи назначал его правителем Уч-Турфана и думал, что он его скроет на время. Но он ошибся, 8 июля 1755 года Хожжа-Сы-бек за вознаграждение сдал его императору Хун Ли».¹⁹

Пленного Давачи отправили в Пекин. «Император Хун Ли принял Давачи как знатного вассала. Он был удостоен степени циньвана, получил прислугу и право ежедневно лицезреть императора. Сын Давачи Лубджа был впоследствии женат на императорской племяннице. Давачи был нужен Цяньлуну на случай захвата власти в Джунгарии Амурсаной. 19 июля 1755 г. — указ императора об окончании «западной кампании» и включении Джунгарии в состав Цинской империи. Это был конец Джунгарского ханства, было официально присоединено к Цинской империи».²⁰

Цинские власти распространили на Джунгарию общую административную систему, введенную ранее в завоеванных частях Монголии; институт всеойратского хана был упразднен. На обломках ханства цинские власти образовали 4 самостоятельных, независимых друг от друга княжества — Хойт, Дербет, Хошоут и Чорос, правители которых были подчинены непосредственно Пекину. Завершив войну, цинские власти стали срочно выводить войска и распускать их по домам, ибо содержание огромного войска в такой дали, оказавшегося в итоге ненужным, ложилось тяжким бременем на казну, а в Халхе, в которой было мобилизовано огромное количество мужчин, начинало зреть народное недовольство. Лишь в важнейших пунктах Халхи и Джунгарии были оставлены небольшие гарнизоны.

Амурсана рассчитывал с цинской помощью стать всеойратским ханом, но оказался обманутым. Амурсану же, после того как явственно обозначились его намерения занять ханский престол в Джунгарии, было велено казнить на месте, в крайнем случае доставить в Пекин. Цзянцзюнь Баньди не решился убить Амурсану в Джунгарии и под предлогом необходимости присутствия нойона на торжествах в Пекине, по случаю покорения Джунгарии, отправил его под конвоем в столицу, в

сопровождении халхаского князя Эринчина. По дороге, узнав от хотогойтского князя Цэньгунчжаба о предстоящей казни, Амурсана обманул сопровождающих и бежал в свои родовые кочевья, где и поднял знамя антицинской борьбы.

Побег Амурсаны вызвал переполох в Пекине. Демобилизованных воинов начали срочно возвращать в армию. Уничтожив оставшийся в Джунгарии отряд цинских войск во главе с Баньди, покончившим жизнь самоубийством, разрушив цинские почтовые станции и пикеты, Амурсана обосновался в верховьях р. Боротал в заброшенном «Каменном городке» и жил там до начала зимы. Оттуда он рассыпал письма к джунгарским князьям и урянхайским зайсанам. Он призывал всех ойратских князей изгнать завоевателей и восстановить независимое Джунгарское ханство. Среди сподвижников Амурсаны русские источники упоминают его брата Банчжура, зайсанов Басутая, Эсугара и др. Многие ойраты Джунгарии поддержали антицинское восстание Амурсаны. Бесцеремонное поведение маньчжуро-китайских властей, начавших сразу же после низвержения Давачи грабить богатства страны, осквернять ойратские религиозные святыни, открыло народу глаза на подлинные цели Пекина. На призыв откликнулись не все нойоны: бывшие сторонники Давачи опасались мести Амурсаны, большинство князей отказались признать над собой власть Амурсаны, как не являвшегося по прямой мужской линии потомком джунгарских ханов из дома Чорос, считая унизительным для себя подчиниться человеку низкого происхождения. Сторонники Амурсаны провозгласили его ханом, но вскоре в их стане начались раздоры, вооруженные столкновения, и потерпевший поражение Амурсана был вынужден вернуться на реку Или и начать собирать войска вновь. Амурсана использовал зиму 1755—1756 годов для реорганизации своих сил. Между тем попытки все еще остававшейся в Халхе семьи Амурсаны, его ближайших родственников и подвластных возвратиться в Джунгарию были пресечены цинскими войсками. Жена Амурсаны Делик-Доржи с детьми была доставлена в Пекин. Узнав о приближении большой маньчжурской армии, Амурсана оставил Джунгарию и в начале лета 1756 года бежал к казахам.

Весной 1756 г. цинская армия, возглавляемая халха-монгольским князем Цэрэном, вступила на территорию Джунгарии. Цинское правительство двинуло на ойратов новое огромное войско из маньчжур, халха-монголов и южных монголов.

Разрозненные отряды ойратских князей не смогли сдержать неприятеля. Наводнившие Джунгарию цинские войска, не имея перед собой организованного противника, приступили к массовой резне и поголовному истреблению ойратского населения. Маньчжуро-монголо-китайцы истребляли все живое на своем пути — убивали мужчин, насиловали и замучивали женщин, убивали детей и стариков, женщин и детей уводили в Китай, сжигали жилища, резали скот, они перебили несколько сотен тысяч калмыков... Вскоре в стране воцарился голод, одни начали умирать голодною смертью. За голодом шла оспа. Джунгария была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дыма от горевших улусов, лесов и трав... все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось из Джунгарии в Сибирь, а некоторая часть бежала в казахские степи и осела среди казахов. Одновременно с этим из глубинных пунктов ойратского ханства к границе России двигались тысячи беженцев, унося остатки своего имущества. Князья и араты с семьями и остатками скота искали спасения от неминуемой гибели. Из 600-тысячного населения ханства уцелело 30—40 тысяч ойратов, спасшихся в пределах Российского государства. Многие джунгары нашли защиту у стен русских крепостей. Сам Амурсана бежал к казахам. 2 мая 1756 г. императрица Екатерина II подписала указ о приеме в российское подданство бежавших под защиту русских крепостей ойратов и алтайцев.

В июле 1756 года двухтысячный цинский отряд вступил в пределы России и, разыскивая Амурсану, подошел к Колыванскому заводу, под стенами которого укрывались ойратские беженцы. 25 октября того же года еще более многочисленный отряд маньчжурских воинов подошел к Усть-Каменогорской крепости, желая увести с собой находившихся здесь урянхайцев, бывших подданных ойратского хана. Казаки не выдавали «гостей» их врагам, хотя к крепостям, гарнизоны которых составляли всего по несколько десятков человек, подходили многотысячные отряды цинов. После легкой передышки джунгарские семьи отправлялись в глубь русских пределов. Многие из них погибли от голода, становились легкой добычей разбойников всех мастей, но все равно уходили на новую для себя родину. Многие из них по указанию российского правительства были переселены в кочевья волжских калмыков.

Узнав, что Амурсана скрывается в кочевьях султана Аблая, отряд цинов направился в Средний жуз. Однообразная безлесная равнина — это было внове для маньчжуков дауров, солонов, сибо, баргинцев и уроженцев иных земель, которые волею правителя Поднебесной оставили свои таежные места и оказались в неведомых для них местах. Прирожденные охотники и звероловы, они прибыли сюда для необычной охоты. Им было предписано найти и взять не дикованную птицу, не редкого зверя, а человека, который пошел против воли их повелителя. Амурсана скрывался у казахского султана Аблая. Принц Амурсана приходился султану Аблаю родным шурином (по-татарски «балдыз»), то есть Аблай был женат на родной сестре Амурсаны. Султан Аблай не выдал императору Китая своего шурина, но и долго прятать не мог, так как это грозило войной с Китаем. В конце осени 1756 г. Амурсана после пятимесячного пребывания у султана Аблая вновь появился в Джунгарии. Зиму 1756—1757 годов он провел в горах Тарбагатая, сколачивая новые силы для борьбы против цинского господства.

С наступлением весны 1757 года Амурсана с отрядом своих сторонников направился на восток, к халхаско-ойратской границе, напал на гарнизон цинских войск в Баркуле и уничтожил его. Весной и летом 1757 года в горах Тарбагатая и в долине реки Или отряды ойратов общей численностью в 10 тысяч воинов, руководимые Амурсаной и его единомышленниками, развернули активные операции против цинской армии. Несмотря на героические действия, эти отряды не могли противостоять многократно превышавшей их численностью и оснащением цинской армии, отразившей натиск повстанческих отрядов и перешедшей в новое наступление. Ойраты терпели поражение, всех попадавших в плен каратели беспощадно истребляли.

Амурсана, потерпев ряд поражений, 28 июля 1757 года явился в Семипалатинск, прося убежища. Он был принят местным командованием, через два дня доставлен в Ямышево, где выяснилось, что он болен оспой. В Ямышевской крепости ему оказали медицинскую помощь, а 31 июля отослали в Тобольск, куда он прибыл 20 августа. 22 августа в беседе с вице-губернатором Сибири Грабленовым Амурсана сообщил, что решил бежать в пределы России по примеру других ойратских князей. Амурсана обратился за помощью к российскому прави-

тельству и получил ответ, что переход Амурсаны в российское подданство на предложенных им условиях неприемлем, но российские власти могут гарантировать убежище лично Амурсане с небольшой свитой. Амурсану поселили в окрестностях Тобольска, где он жил в полном довольстве, однако 15 сентября 1757 года болезнь обострилась и через шесть дней он умер.

«Возле российской границы маньчжурский разъезд захватил едущего на телеге человека. Пленного схватили и доставили в лагерь. Допрашивать пленного генерал Фу Дэ wollte самолично. — Как звать тебя? — Иван. — Какой ты к черту Иван, с таким-то обличьем, — не сдержался Фу Дэ. — Иван я, — упрямо повторил допрашиваемый. — По происхождению ойрат. Но крещен был. Нарекли Иваном. — Вот в чем дело. А жил где? — На форштате, у Семипалатинска. — Так, так... — Фу Дэ поиграл пальцами. — Вот что, Иван. Ты теперь в наших руках. О возвращении твоем не может быть и речи. Что дальше тебя ожидает — от тебя самого зависит. Наш государь-император поручил нам изловить вора и мятежника Амурсану. Кажется нам, что он укрылся на русской стороне. Расскажи нам, что слышно там о нем. Скажешь правду — богатым и знатным станешь, если же что запамятуешь, у нас есть чем заставить тебя вспомнить. — Амурсану я знаю давно, — начал Иван. Еще с той поры, как с моим хозяином Добачи бегал к казахам. И вот довелось опять встретиться в Семипалатинске. Он зашел в дом майора, и больше я его не видел. Говорят, что отправили его к белой царице. — Можно ли тебе полностью верить? Человек ты, видно, неустойчивый. С рождения одной веры был. Теперь религию и имя другую принял. Раз легко изменил обычай своих предков, то уж, и совратить не оробеешь. — Иван вновь подтвердил, что видел Амурсану в Семипалатинске».²¹

Узнав от пленного, что Амурсана скрылся у русских, маньчжурский отряд во главе Фу Дэ подошел к Семипалатинской крепости и стал требовать его выдачи. Фу Дэ обратился к комендантку крепости с такими словами: «Амурсана сгубил своего повелителя со всей его фамилией, убил брата своего, сноху и жену, разорил всю Джунгарию, привел под меч всех урянхайцев. Разве достоин злодей сей быть в покровительстве такого государства, как Россия? Из-за укрывательства этого злодея будут лишь неурядицы, которые возникнут между нашими го-

сударствами». Но комендант крепости заявил, что Амурсана к его крепости не приходил». ²² «Когда пришло официальное извещение, что Амурсана задержан русскими властями и, находясь в заключении, умер от оспы, пекинское правительство потребовало выдачи трупа. Несколько раз российским чиновникам приходилось извлекать останки Амурсаны из земли для предъявления маньчжурским представителям, но выдать их Пекину Россия отказалась. Отклонив это требование, царское правительство 1 ноября 1757 года предложило сибирскому губернатору отправить труп Амурсаны на границу, в Кяхту, куда и пригласить представителей цинской администрации, чтобы они могли удостовериться в его смерти. 13 марта 1758 г. в Кяхту прибыли представители цинских властей, которым была дана возможность убедиться в том, что Амурсана действительно мертв». ²³ Истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 году, когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуса. В 1759 г. умер Даваци. Тогда же войска «покорителей ойратов» Чжао Хоя и Фу Де завершили завоевание Восточного Туркестана. В 1760 году на территориях Джунгарии и Восточного Туркестана было образовано китайское наместничество Синьцзян (букв. «Новая граница»).

Прошло два столетия, но даже сегодня исторические события Джунгарского периода не стираются в памяти татарского, казахского, киргизского, алтайского, тувинского и самого калмыцкого (ойратского) народа, а наоборот — оно обостряется, так как по-прежнему нет адекватной картины событий того времени. Поэтому еще раз проанализируем причины подъема и упадка Джунгарского ханства.

В 1640 году в районе Тарбагатая ойратские ханы провели курултай (съезд). На этом съезде было решено создать новую империю. Идея создания империи была верна. Ойраты решили повернуть время вспять и победить его. Для осуществления такой программы было подобрано благоприятное время, начался цикл подъема или волны везения. Оставалось главное, выбрать идеологию, или мировоззрение, которая могла бы сплотить все народы тюркско-монгольского мира. На принятом на съезде документе было решение сплотить все племена и народы в рамках буддизма ламаистского течения. Сразу было очевидно, что буддизм не сможет сплотить идейное единство монголов и тюрков в Великой степи. Но почему этот

документ был принят? Ведь не могли ламаисты быть духовными наследниками тэнгрианца Чингиз-хана. Это совершенно разные религии. Конечно, нетрудно догадаться, кто подсунул ойратам такой ламаистский проект, а ойратская и халха-монгольская элита «купилась» на это. Ламаистский проект заранее был обречен на поражение. Это была обыкновенная «разводка». Вновь тюркско-монгольский мир «развели» по-крупному. Ясно, создать империю ойратам не удалось. В тюркской степи союзников у них не нашлось. Более ста лет шла кровавая война ойратов с татарами, казахами, киргизами, башкирами, халха-монголами, южными монголами и т.д., в которой погибло с обеих сторон сотни тысяч людей, которая принесла страдания, голод, разрушение материальных ценностей, нанесла невосполнимый урон развитию производительных сил. Племена кочевников алтайцы, сибирские тюрки, казахи и т.д. после ужасов, испытанных во время двойного нашествия, калмыков, которая добровольно пошли под защиту Белого Царя. После окончания Степной войны началась гибель и самой Джунгарии. Джунгария, Калмыкия приняв государственную религию ламаизм, могла только рассчитывать на создание своего государства, которое в дальнейшем завоевали бы сильные соседние империи, как Китай или Россия. Эта трагическая история должна послужить важным уроком для нашего поколения, которое это должно суметь понять и извлечь из всего этого урок.

Следующая причина гибели Джунгарии была обусловлена внутренними причинами. После смерти Галдан-Цэрэна в 1745 г. и до маньчжурского нашествия в 1755—1758 гг. Джунгарское ханство реально не имело единого правителя. Внутренняя междоусобная война семейного клана правителей Джунгарии, до предела истощив Джунгарию, привела в итоге к полнейшей децентрализации власти в государстве. Все девять правителей Джунгарского ханства происходили из династии чоросов (цоросов). Восемь — по мужской линии; один Амурсана — по женской. Всю свою мощь Джунгария потеряла в гражданской войне, которую вели между собой войска претендентов на ханский трон. Некогда могучая кочевая империя стремительно распадалась изнутри, «растаскивалась» многочисленными соседями или просто «расползлась», утрачивая контроль над своими прежними кыштимами и их землями. Один из многих участников семейной усобицы, Амурсана

в дальнейшем, обуреваемый честолюбивыми замыслами, выступил в качестве претендента на ханский престол, пригласил цинов в Джунгарию, что привело к краху государства и народа ойрат. Гибель Джунгарии еще раз показывает отрицательные стороны управления семейно-клановой системы, если она не ответственна перед своим народом. Система управления Джунгарии потерпела крах и разрушила государство.

Геноцид, устроенный маньчжурами над ойратами, — это не первый случай. Первый был во времена Чингиз-хана. В начале XI века тюркские племена кидани захватили северные территории нынешнего Китая и образовали огромную империю киданей под названием Ляо. В 1115—1125 гг. тунгусы, обитавшие в долине Уссури и Сунгари, объединились в орду под названием чжурчжени, сумели организоваться и разгромить империю киданий Ляо. В 1120 г. они захватили Северный Китай и его столицу, располагавшуюся в окрестностях современного Пекина. Чжурчжени, стоящие у власти Китая, боялись черных татар, проживающих в Забайкалье, которые могли быть конкурентами против чжурчженей. В те времена всех тюркских и монгольских кочевников называли татарами. Чжурчжени попытались уничтожить эту опасность в корне. Каждые три года стали совершаться походы против черных татар в Забайкалье с целью ослабить противника, уничтожая население под корень. Эта политика неприкрытоого геноцида сначала была поддержана белыми татарами. Но затем белые татары отказались от убийства своих родственников, и один отряд татарских наемников восстал против чжурчженей и двинулся в Забайкалье. Этот отряд был разбит отрядом Темучжина. А в дальнейшем сам Темучжин (Чингиз-хан) победил чжурчженей, захватил Северный Китай и вытеснил их далеко на северо-восток. Прошло время, и история повторилась, но в ином виде. В 1616 году вождь тунгусских племен и потомков чжурчженей Айсиньгиоро Нурхаци (1559—1626) объявил себя ханом и основал Маньчжурсскую империю. В 1644 году вождь маньчжуров Хуан Тай Цзи захватил Северный Китай и объявил себя новым императором и основал новую китайскую династию, которую назвал Цин. Наиболее опасными претендентами на власть Северного Китая стали джунгары, или как казахи их называли, ёара (черные) калмаки.

Джунгарские правители никак не могли смириться с покорением маньчжурами Северного Китая и Южной Монголии и

никогда не отказывались от идеи возрождения единого монгольского государства под эгидой ламаистской церкви. Началась борьба маньчжуров с ойратами, длившаяся почти целое столетие. Маньчжуры опирались на земледельческую экономику китайской империи, а ойраты опирались на кочевую экономику Джунгарского ханства. Если во времена Чингизхана чжурчжени посыпали карательные отряды и устраивали геноцид против забайкальских татар, белых татар (онгутов), то маньчжуры использовали в геноциде ойратов халха-монголов и южных монголов. И этим были посеяны семена вражды между восточными и западными монголами. Но если в те далекие времена против чжурчженей выступили кочевники, объединенные Чингизханом, и победили их, то против маньчжуров воевали одни ойраты и их вассалы теленгиты, енисейские кыргызы, урянхайцы, алтайцы и т.д. Эта война закончилась победой маньчжуров, войска которых не только стерли ойратское государство с лица земли, но и истребили сотни тысяч его обитателей. Маньчжуры уничтожили именно ойратов, поскольку боялись, что, не сделав этого, они сохранят в их лице потенциального соперника. Так, по выражению академика В. В. Бартольдта, погибла последняя кочевая империя Центральной Азии. Кочевой мир ушел, оставив нам в наследство наш менталитет.

Гибель Джунгарии нельзя считать гибеллю всех джунгар, или, если применить другое название народа, ойратов, калмыков. Сегодня их в мире насчитывается не менее полумиллиона. Наиболее многочисленные группы ойратов проживают в России, Монголии и Китае.

Джунгарское ханство исчезло, а на ее землях Цинская империя создает в 1761 году свою провинцию Синьцзян (Новая граница). Но дальше ее интересы сталкиваются с интересами Российской империи, спешно претендовавшей на Туркестан, а казахские степи уже остались в зоне российского влияния.

В 1771 г., после смерти Абулмамбета, в Туркестане, в мечети Ходжи Ахмета Ясави, ханы и султаны подняли на белой кошме нового хана Среднего жуза — Аблайя. Сам он стал считать себя ханом всех трех казахских жузов, поскольку фактически его власть распространялась, кроме Среднего, в значительной степени на Младший и Старший жузы.

23 февраля 1778 г. Аблай через своего сына султана Тугума и старшин, сопровождавших его в Петербург, просил

Екатерину II утвердить его ханом. Обращаясь к Екатерине, он имел в виду, что это даст ему возможность добиться получения российских войск для упрочения своего положения. Несмотря на то, что Аблай помогал Пугачеву и сам участвовал в нападениях на российские крепости, императрица признала Аблая ханом Среднего жуза.

После смерти Аблая в 1781 г. ханом в Среднем жузе был провозглашен его старший сын султан Вали. После смерти Букей-хана в 1817 г. и Вали-хана в 1819 г. новые ханы в Среднем жузе не были утверждены. Российское правительство, упразднив хансскую власть, создало новый аппарат управления, опираясь на «Устав о сибирских киргизах», который был разработан в 1822 г. генерал-губернатором Сибири М.М. Спешным. К концу первой половины XIX в., а именно к 1847 г., в русское подданство перешло подавляющее большинство казахов Старшего жуза — процесс присоединения Казахского ханства к России перешел в стадию завершения. На присоединенных территориях Среднего и Старшего жузов строятся укрепления Актау, Алатау, Капал, Сергиополь (Аягуз), Лепсинск, которые стали опорными пунктами для упрочения позиции России в Казахском ханстве. Для управления присоединенными районами Старшего жуза в 1848 г. учреждена должность «Пристав Большой Орды», который подчинялся западносибирскому генерал-губернатору.

В этот период в казахском Семиречье сложилась парадоксальная ситуация четверовластия. На данную территорию помимо местных жителей казахов претендовали: Кокандское ханство (аргумент — реальное обладание местностью), Китай (аргументация — исторические права с 1756—1758 годов как победителей и правопреемников Джунгарии), Россия (аргументация — присяга на русское подданство различных владельцев Большой орды, начиная от султана Тугума в 1793 году и заканчивая сыном Аблай-хана султаном Сюка в 1819 году). Последнее, включая военную мощь Российской империи, и предопределило ситуацию, в которой вопрос об установлении западного участка русско-китайской границы перешел в практическую плоскость. Начало договорному определению этой границы было положено в ноябре 1860 года подписанием Пекинского дополнительного договора и связанного с ним Чугучакского протокола 1864 года, закрепивших фактическое

положение, которое сложилось в результате присоединения к России Казахстана и ряда районов Киргизии.

В 1782 году российские войска вторглись в Крым. Крымские татары приготовились к обороне полуострова. Еще до начала войны с крымскими татарами к крымскому хану чингизиду Шагину-Гирею был послан со специальной миссией генерал Самойлов. Он передал хану предложение оставить престол Крыма ради более высокого — персидского. И хан Шагин-Гирей поверил всерьез и согласился занять древний трон падишахов! И даже сообщил об этом русскому командованию письменно, после чего князь Потемкин уверенно обещал своей высокой покровительнице Екатерине II: «Вам он Крым поднесет в нынешнюю зиму». В конце 1782 г. хан Шагин-Гирей торжественно объявил татарским старейшинам, что «не хочет быть ханом такого коварного народа», не забыв в этом последнем своем обращении к землякам призвать на них кару Аллаха. Воспользовавшись тем, что татары остались без руководства, русские войска полностью заняли полуостров, а флот — крымские порты. В январе 1783 г. царица милостиво объявила хану Шагин-Гирею, что сохранение его на престоле «не составляет для государства интереса». 8 февраля 1783 г. был опубликован документ — манифест «О принятии полуострова Крыма, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В этом манифесте царица обосновывала «принятия победой силы и победы оружия Российской».

Так закончило свое существование последнее татарское государство, управляемое чингизидами. Конечно, исчезновение кочевой цивилизации было исторически обусловлено и неизбежно, но этот объективный процесс был особо скоротечен, болезнен и трагичен для кочевых народов, прежде всего из-за их постоянной внутренней борьбы. Если правящая верхушка татаро-монгольской империи или государств имела бы стратегические программы развития и умела планировать будущее страны, то кочевая цивилизация должна была бы плавно и постепенно переходить на оседлую жизнь. При этом сохранились бы государства, и не было бы таких потрясений и Смут. А они жили одним днем, в постоянной вражде между собой и не были ответственны перед своим народом. Народ присягал чингизидам на верность, а они, поклявшись служить народу, клятву нарушали. Сегодня надо признать, что чингизидами

была совершена грандиозная ошибка, и за эти ошибки расплачивался тюркско-монгольский народ, что в конечном итоге привело к трагическому концу тюркских и монгольских государств.

Кроме того, причиной гибели татаро-монгольской империи и Джунгарского ханства, Калмыцкого ханства, которые как яркие звезды вспыхнули и загорели, явилось то, что была утрата собственной геополитической идеологии, выражением которой на протяжении многих столетий был концепт «Мэн-ге Эль (Иль)» — «Вечная Родина». Начиная с правления чингизидов, эта идеология была размыта и разрушена. Империя в лице чингизидов избрала так называемый китайский, мусульманский, христианский путь развития. Элита пошла в эти цивилизации, а народ остался на своей Родине. Произошел полный разрыв между элитой и народом, усугубленный междоусобицами, религиозными войнами и завоеванием Родины соседними государствами. Так потомки Чингиз-хана неправильным выбором вектора развития татаро-монгольской империи загубили как саму империю Чингиз-хана, так и тэнгрианскую цивилизацию.

Дэн Сяопин в 1962 году сказал такую фразу: «Не важно, какого кот цвета — черный он или белый. Хорош кот такой, который ловит мышей». Когда китайская элита и народ окончательно поняли, что маньчжурская династия Цин перестала работать (плохо стала ловить мышей) на государство и народ, в 1911 году подняли восстание и свергли императора и его династию. На смену монархии пришла республика. Мандат Неба, которым императорский дом владел на протяжении трех тысячелетий, был отозван, и могущественная династия, правившая страной почти триста лет, быстро и тихо ушла в небытие. Малолетнему императору вместе с семьей разрешили жить в Запретном городе. В 1924 году его выселили из дворца, впоследствии он был марionеточным правителем в оккупированной японцами Маньчжурии, а закончил свою жизнь в 1967 году простым рабочим в Китайской Народной Республике. Многие маньчжуры ассимилировались среди китайцев. В Пекине 1 октября 1949 года Мао Цзэдун объявляет о создании Китайской Народной Республики. Так родилась новая династия, и в ее основе лежит не генеалогия и не семья, а коммунистическая партия.

Глава VI

Системы управления государством

Жреческая система управления. Для управления государством, тем более империей, нужны особые знания. У тех, у кого не было этих знаний, обычно такие государства исчезали через 2—3 поколения или они были не самостоятельны и не играли в этом мире никакой роли. В древние времена знания по управлению государством и народами принадлежали жречеству. Они стояли во главе религий. Свои знания жрецы передавали по наследству. Последние 5—7 тысяч лет основные мощные жреческие центры были в Месопотамии, Египте, Индии, доколумбовской Центральной Америке. Жрецы имели свою структуру управления, согласно посвящению занимали должности по иерархической жреческой лестнице. Жрецы были не только во главе религии, но и главными идеологами народа и государства. Стоявшим наверху иерархической лестницы жрецам в священных книгах приписывались знания великих тайн природы. Египетское государство просуществовало более 5 тысяч лет, есть над чем задуматься. Социально-политическая структура Египетского государства формировалась по сословному принципу. Основных сословий было 5, и социальная пирамида имела вид:

- Высшее сословие — жрецы, фараон;
- Правящее сословие — правительство, чиновники, воины;
- Деловые люди — хозяйствственные руководители разных уровней;
- Труженики;
- Низы общества и невольники-рабы.

Все выборы происходили по горизонтали своих сословий. Такая сословная система в Древнем Египте просуществовала в течение 5500 лет. «В Древнем Египте на основе одного и того же иероглифа можно было из текста извлечь понятие бога, жреца, судьбы, фараона».¹ Высшее жречество древнего Египта звалось «иерофантами», что означало умение читать судьбу, предвидеть будущее. Всего было 22 иерофанта (читающий судьбу). Предвидеть будущее — есть основа управления, поскольку управлять — это значит на основе знания возможных состояний приводить общество к избранному варианту из

множества возможных. Естественно, что избрание варианта обусловлено нравственностью тех, кто управляет. Египетские жрецы вели исторические и философские записи. Они располагали библиотеками, в которых были записаны, сохранялись и изучались древние тайны.

Жрецы воспитывали личную культуру мысли. И они достигали высокого уровня возможностей постижения знаний. Жрецами были разработаны системы воздействия на простых людей, действующие в обход сознания через подсознание. Примером такого воздействия служит музыка. Она сразу воздействует на подсознание, в обход сознания. Особенно эффективно воздействие в детском возрасте, до полового созревания. И не случайно в Древнем Египте жрецы ставили фараонами мальчиков в 9—14 лет. Именно в этом возрасте социальная ответственность легко внушается и подкрепляется. И в таком возрасте легко формировать человека биоробота, убежденного в правоте своих деяний. Через таких фараонов (биороботов) жрецы руководили страной. Кроме видимого знания управления государством, жрецы знали другую систему знаний, недоступную простым людям. И никому жрецы так просто свои знания не дарили. Знания — это была их сила, это было их могущество, это была их власть.

Жрецы присматривали за храмами, были сведущи в ритуалах и составляли молитвы. В этих храмах решались вопросы, связанные как с богом, так и с людьми. Здесь вершились важнейшие государственные дела, включая назначение наследника фараона.

Министры, полководцы, чиновники, хозяйствственные руководители разных уровней, инженеры — все они выполняли работы, согласно своему служебному положению. Низы общества были крестьяне и нанимаемые на работы рабочие. На низшей иерархической ступени были рабы, захваченные в плен при войнах с другими государствами и народами. Египтяне были с бюрократическими наклонностями. Они тщательно записывали все события и истории в документы. Документов периода 26 династий сохранилось и по сегодня не мало.

С зарождением христианства исчезла египетская цивилизация с ее древним жречеством. Немало из египетской религии: символов, мифов, истории сохранилось в иудаизме, христианстве, исламе. В иудаизме, христианстве, исламе: структура управления, иерархическая лестница священнослужителей ос-

талась от египетского жречества. Священнослужители, как и в Египте, стоят не только во главе религии, но они главные идеологи народа и государства. Изменения произошли в проповедниках: раввины передают свою должность по наследству, как в египетском жречестве, а в христианстве и исламе священнослужителем может стать любой человек. Кроме того, в древние времена были еще знания шумерских жрецов, которые занимались кабалистикой. Немалые знания были у вавилонских жрецов. Тайные знания египетских, шумерских и вавилонских жрецов не исчезли. Их переняли иудейские мудрецы (оккультисты), римское Папство, тайные ордена, ложи и т.д.

До середины XI в. римское Папство было еще слабым. Германский император был выше над папой, поэтому престол Святого Петра занимали исключительно немцы, избранные императором. Император господствовал в церкви, он выбирал пап, римляне сами уступили ему это право. Но вот появился Гильдебранд, позже он стал называться папа Григорий VII. Он задался целью укрепить церковь и папство, освободить их от земных властей и подчинить им императора и королей. Борьба римского папства с императором закончилась победой духовенства. Победа состояла в том, что папу стали выбирать, а не назначать.

После своей победы Папа Григорий VII начал бурную деятельность и смог внушать правителям европейских государств и рыцарям мысль, что надо освободить Палестину и «Гробницы Христовой», а для этого надо начать войну против врагов христианства и Господа, то есть против мусульман. Папа Григорий VII сумел организовать Крестовые походы на Ближний Восток. Во время крестовых походов некоторые рыцари стали организовываться в тайные ордена — тамплиеры, госпитальеры, иоанниты, тевтонцы. Со временем наиболее могущественным из них стал орден тамплиеров. С этого периода началась тайная война за главенство в Европе между Ватиканом и тайными организациями. До начала XVI века побеждало папство, но с начала XVI века начались восстания по всей Европе за реформы христианства. 30-летняя религиозная война (1618—1648 гг.) залита Европу кровью. Резня между протестантами и католиками закончилась ослаблением власти Папы Римского и усилила влияние тайных организаций. А революции в начале XX века смели непокорных императоров — османского, гер-

манского и русского. С этого периода власть в Европе и США перешла в руки тайных обществ, орденов, масонских лож и т.д.

На Западе и в США в высших эшелонах власти со средних веков выдвигались королевские кланы и банкирские кланы-дома. Европейские древние рода соединялись в родство с иудейскими родами, создавали совместные закрытые тайные ордена или ложи. Численность таких организаций никто не знает. В официальных изданиях считают, что их число более 34 тысяч масонских лож. Но дело не только и не столько в численности, сколько в характере организаций, ее реальном влиянии. Тайные организации отработали эффективные методы, позволяющие им продвигать своих людей на высшие финансовые, экономические, военные, политические и т.д. важные посты в руководстве ведущих стран Запада. С помощью тайной власти (тайных масонских лож) и открытой (через выборы) эти родовые кланы (семьи) правили и продолжают править сейчас в Европе и США. Система управления в Западных странах либеральная. Американские и страны Запада выборы проводят в виде шоу. Они интересны и неожиданны, как хорошее цирковое представление. У каждого кандидата — своя роль, своя группа поддержки. Хотя «разделения ветвей власти» на публичные и тайные очень сложны, но при всем этом «управляемость» западной демократии чрезвычайно высока. Она определяется вовсе не пляшущими на сцене или выступающими с нестандартными речами кандидатами, а чрезвычайно глубоко эшелонированными и замаскированными структурами, которых по определению не видно — так, блеснет иногда в глаза что-то похожее на ниточку или крючок, не более того. Положение усугубляется тем, что в настоящее время борьбу за господство в мире ведут уже и не страны, а тайные ордена, в деятельность которых, так или иначе, вовлечена элита всех стран мира. Это приводит к тому, что государственные интересы становятся для элиты второстепенной задачей, и вместо того, чтобы защищать свой народ, государственный аппарат начинает работать на собственное обогащение.

С древних времен на Западе земля была частной собственностью и принадлежала феодалам. Поэтому развитие в европейских странах было поэтапно: рабовладельческое, феодальное (крепостное), помещичье-крестьянское. С развитием капитализма все средства производства в основном были в

частных руках. Только в случае войн или национальных бедствий государство брало инициативу в свои руки.

Европейские страны и США никогда не были завоеваны. Европейцы сами завоевывали и колонизировали другие государства и народы. В современное время в европейских странах и в США преобладает либерально рыночная экономика. США — глобальная держава первого разряда. США и западные государства в современное время самые передовые страны в экономике, науке и технике. Это развитые государства с высочайшим уровнем жизни населения. Имеют самые современные и могущественные армии в мире.

Китайская система управления. Китайская империя существует более 5 тысяч лет, в отличие от Египта, который канула во времени. Знания по управлению государством в Китае требуют тщательного исследования. Основных сословий было 5, и социальная пирамида имела вид:

- Высшее сословие — император;
- Правящее сословие — правительство, воины, чиновники;
- Деловые люди — хозяйствственные руководители разных уровней;
- Труженики;
- Низы общества и невольники рабы.

Китайцы придумали государство сами. Из всех культур, которые китайцы сами придумывали, было государство. Они не заимствовали его у соседей.

С древних времен китайцы поклонялись культу Неба Тэнь. Культ Неба Тэнь было не столько верховным божеством, сколько высшим олицетворением разума, справедливости, добродетели. При этом на Небо перешло представление о прямой связи божественных сил с правителем. Претендую на родство с Небом, китайские правители стали именовать свою империю Поднебесной — Тэнь-Ся (Тан-Ся), а себя Тэнь-Цзы (Тан-Цзы) — «сыновьями Неба» и этот титул сохранился за правителем Китая вплоть до XX в. Для китайских правителей отождествление с Небом Тэнь (Тан — по-татарски — восход солнца, рассвет) означало принятие на себя ответственности за весь мир, в который они включали собственный Китай (Чжун го — Срединное государство) и окружавшую его варварскую периферию, которая, по их представлениям, явно тяготела к центру, т.е. к китайскому властителю Поднебесной,

сыну Неба. Концепцией Неба являлась вера в космические моральные силы, направленные на поддержание всеобщей гармонии и существа с разумом и волей, частично управляющими судьбами людей.

В 1027 г. до н.э. армия Чжоу завоевала царство Шан. После падения династии Шан наступил период династии Чжоу. Правитель Чжоу-гун собрал великую ассамблею из лидеров Чжоу и провозгласил доктрину. Согласно ей царская власть обусловлена мандатом Неба. Правитель заслуживает этот мандат своей добродетелью: если он перестанет следовать добродетели, мандат будет у него отобран. Хотя главным инструментом свержения власти можно считать оружие. В действительности падение династии Шан было обусловлено утерей ею Небесного мандата. Поэтому, сказал он, «новый царь должен уделять самое пристальное внимание своей добродетели. Посмотрите на его древних предшественников, правитель Ся: Небо лелеяло и защищало их, пока не отвернулось от последнего из этих правителей, жестокого и беспощадного». Точно так же, продолжил Чжоу-гун, «последний правитель Шан предался праздности, забросил дела управления и не совершал должных жертвоприношений. И тогда Небо уничтожило его... Наш же чжоуский царь милостиво относился к людям, следовал добродетели и исполнял долг перед божествами и Небом. Небо наставило нас, оказалось нам милость, избрало нас и наделило нас мандатом Неба, чтобы править в ваших бесчисленных землях». В Китае с древних времен говорили, что тот правитель, который не печется о душе своих подданных, неправедный, Небо лишает таких своего благословения, а потому и подданные покидают их. Эта доктрина будет действовать на протяжении нескольких тысячелетий, и она будет сохранять доминирующее положение в китайском политическом мышлении. Если император не был добродетелем и не соблюдал интересы Китая и его народа, то народ или военные поднимали восстания и свергали императора. Предводитель восстания начинал новую династию и получал в правление мандат Неба.

Жреческой касты в Китае не было. Вместо жречества китайская цивилизация взрастила близкий, но в то же время совершенно иной общественный класс. «Внутренние и внешние сложности, борьба за власть, разросшийся правительственный аппарат требовали, чтобы правители все больше и больше полагались в делах управления на ученых людей, обращаясь к ним

за советом. Эти люди были наследниками древней традиции. Так появился класс высокообразованных людей, поставлявший государству непревзойденных гражданских чиновников, замечательных мыслителей и художников. Эти люди, явившиеся источником и проводником китайских интеллектуальных достижений, стали известны как ученые. Именно китайский ученый играл основную роль в составлении или сохранении большей части монументальных работ, позднее вошедших в состав конфуцианского Пятикнижия, или «У цзин» (буквально — пять канонов). Это были самые древние письменные произведения, известные со времен шанских надписей на черепаховых панцирях, которые стали основополагающими текстами китайской культуры. Они были вплетены в саму ткань национального существования. Они не содержали отчетов о божественных откровениях (как в Библии или Коране), к которым Восток не испытывал особого интереса, но с теми же Святыми Писаниями их роднит разнообразие содержания, варьирующееся от истории как реальной, так и вымышленной, до песен и притч, а также политических, этических и религиозных пассажей. Китай имеет огромное преимущество перед другими народами, в том, что он имеет 3400 лет непрерывной письменной истории. Историография занимала почетное место в Китае. Историческая память считалась совестью нации.

«Однако наибольший вклад в развитие китайской цивилизации своей страны китайский ученый внес в роли учителя и государственного служащего. При консультировании правителя главным оружием ученого было цитирование древнего прецедента, от которого никто не мог просто так отмахнуться. Если, чтобы удержать правителя от неразумной политики, ученый придумывал его сам, то он не шел на обман вопреки своему тщательно оберегаемому честному имени, а всего, лишь делал вывод из непонятных простому уму моральных доводов, которыми руководствовались уважаемые предки. Порою ему не удавалось найти дипломатичного способа, настоять на совете, идущем вразрез с сильным желанием своевольного правителя, и в таком случае он рисковал как своею должностю, так и своею жизнью. Но это не удерживало его, поскольку он всегда был готов принять смерть в знак преданности своему правительству. Его преданность была неотделима от честности и заботы о всеобщем благосостоянии: он считал, что, если правитель несправедлив, жесток, деспотичен или развратен, это непремен-

но приведет к плохим последствиям — бунтам, нестабильной экономике, потоку беженцев, которые укрепят амбициозное соседнее княжество. Кроме того, такое поведение, неподобающее для образованного человека и тем более правителя, было проявлением неуважения к собственным предкам».²

Начиная с Ханьской династии в I веке н.э. были введены государственные вступительные экзамены на принятие на работу чиновников. Начиная с этого периода, в Китае стала существовать наследственная аристократия, любой способный китаец мог войти в элиту общества. Для этого нужно было закончить учебное заведение высшего образования, представить доказательства, что он и его родные никогда не были судимы, затем сдать государственный экзамен на чин. Обязательным требованием экзамена было знание истории и конфуцианской этики. Конфуцианская этика основывалась на почитании культа духа Неба и поклонении духам предков. После сдачи экзамена он становился маленьким чиновником, который впоследствии, возвышаясь по карьере, достигал абсолютной власти. Так решалась для молодежи относительная справедливость по возвышению по иерархической лестнице. Соответственно любой чиновник прекрасно знал историю Китая. История — это наука всех наук. Китайцы были с бюрократическими наклонностями. Все, что считали нужным, они записывали в своих книгах и хранили для истории.

Древний Китай не знал жрецов, как не знал он и великих персонифицированных богов и храмов в их честь. Те же вышие божества, которым поклонялись китайцы (Небо, Земля), не нуждались в специальных жрецах, ибо обязанности первосвященника в ритуалах в их честь исполнял сам правитель, а функции ассистировавших ему жрецов выполняли служившие правителью чиновники. Эти жрецы-чиновники, наследственные предсказатели, имеющие государственное мышление, были, в первую очередь, чиновниками государственного аппарата, помощниками правителя, а их собственно религиозные функции оставались на втором плане. В основном вся деятельность жрецов-чиновников была направлена, прежде всего, на выполнение необходимых административных обязанностей, призванных сохранять устойчивость санкционированной Небом общественной структуры. Даже в том случае, когда основной функцией жреца-чиновника были, казалось бы, чисто ритуальные обязанности (календарно-астрологические под-

счеты, забота о сохранности ритуальной утвари, подготовка жертвоприношения), он никак не считал себя кем-то вроде священника. Такая десакрализация чисто религиозной стороны жизни китайского общества была важной особенностью религиозной системы дальнейшего Китая.

Среди крестьян существовало множество местных культов и суеверий, активно действовали шаманы, занимались они лечением, предсказаниями. Были еще гадатели, толкователи снов, определители счастливых дней, благоприятных для строительства мест и т.д., которые обслуживали текущие потребности населения. Главный участник шаманских кампаний — шаман облачался в свои одежды, впадал в транс, исполнял исступленные пляски, пророчествовал, изгонял злых духов и вызывал дождь. Представители высших классов были невысокого мнения о шаманах, их общении с духами, считая, что в нем есть очень много от заискивания и раболепства. Лишь в очень редких случаях, когда шаман имел государственное мышление, он мог достичь значимого положения в органах власти, но в то же время он пользовался большим уважением среди народных масс.

По всей вероятности, индийские буддийские монахи начали массово проникать в Китай со своими учениями в I веке н.э. Это было обусловлено распространением даосизма, в котором многое перекликалось с практикой буддизма. Постепенно под влиянием буддизма попала китайская архитектура — монастыри, храмы и пагоды. Он проник также в китайскую философию, литературу, язык и изобразительное искусство. Следует отметить, что, несмотря на взаимное влияние буддизма и даосизма, между ними существовали и фундаментальные различия. Буддизм видел достижения блаженства в освобождении от телесного существования, тогда как практика даосизма была направлена на продление земной жизни. Не менее глубокими были противоречия между буддизмом и конфуцианством. Буддисты верили, что совершенствование человека и спасение его души достигаются без взаимодействия с другими людьми, а приверженцы конфуцианства настаивали, что ценность личности определяется ее взаимоотношениями с семьей и обществом. Тем не менее для простых людей буддизм имел много привлекательных черт. Так, например, притеснявшие бедняка начальники в будущей жизни займут низшее положение, а сам терпевший несправедливость человек в своей сле-

дующей реинкарнации будет иметь высокий ранг и насладится благоденствием. Некоторые крестьяне занимали в долг и не возвращали, объясняя своим должникам, что вернут долг в следующей жизни после реинкарнации. Буддизм в Китае плохо приживался, так как для представителей высших классов китайского общества, в большинстве своем исповедовавших свою веру и конфуцианство, буддизм был непривлекателен. Он имел явную антисемейную направленность — в том смысле, что истинным буддистом считался монах, который покинул семью ради жизни в монастыре, что противоречило вековой традиции сыновнего послушания. Поэтому китайская аристократия, чиновничество и многие императоры практически боролись с буддизмом. Закрывали и не допускали строить буддийские храмы. Монахов держали под контролем и причисляли буддизм к иноземным религиям. Китайские чиновники считали, что в монастырях скрываются от правосудия много бродяг. В основном старались их выпроводить из страны и перенаправить к кочевникам и тибетцам. В последующие века китайская аристократия, чиновничество и императоры вели жесткую борьбу против проникновения в Китай ислама, христианства и иудаизма.

Китай был земледельческим государством. Как и во всех древнеземледельческих государствах, в Китае был рабовладельческий строй. Начиная с I тысячелетия до нашей эры, когда власть Китая начали захватывать кочевники, рабство стало постепенно отмирать. Китайская империя стала принадлежать императору в лице государства. Земля стала государственной собственностью, и ее император давал в пользование за службу своим приближенным, полководцам, родственникам и т.д. Она не передавалась по наследству. За плохую службу земля отбиралась и передавалась другому лицу. Крестьяне арендовали землю у государства.

Китай сам завоевывал соседние государства и был много раз сам завоеван. Китай завоевывали кочевники тюрки, монголы, маньчжуры. Их династии правили до тех пор, пока они служили Китаю и работали на интересы народа. Как только они начинали править плохо, в соответствии с доктриной народ изгонял захватчиков или уничтожал.

После революции 1911 года и изгнания маньчжурской династии в Китае установилась, как считают сами китайцы, коммунистическая династия. В красной династии до 1979 года

история КНР была периодом Мао Цзэдуна. С 1979 по 1989 год — периодом Дэн Сяопина. А с 1989 — периодом Цзян Цзэминя. В 2012 году 18-й съезд избрал Ху Цзиньтао. Специалисты китаеведы считают, что только внешняя оболочка идеологии Китая коммунистическая. А основным ядром идеологии остается конфуцианство. И это стало очевидно особенно в последнее время. Поэтому в Китае государственная собственность на землю сохранилась по сегодняшний день. Средства производства, (большая ее часть), принадлежат государству. Развитие Китая идет по традиционным канонам, с плановым развитием экономики, с частичной рыночной экономикой.

Китай сегодня — вторая ведущая держава мира после США. К 2019 году, по прогнозам аналитиков, ожидается, что Китай по совокупной мощи примет статус «глобальной державы первого разряда» и станет абсолютным лидером мира.

Кочевая система управления. У кочевников тюрков и монголов основных сословий было 4, и социальная пирамида имела вид:

- Высшее сословие — тэнрекот (тэнрекут), каган, хан, султан (император);
- Правящее сословие — вожди родов и племен, правительство, воины, чиновники;
- Деловые люди — хозяйствственные руководители разных уровней;
- Кочевники — табунщики, пастухи, охотники.

Кочевники тюрки и монголы разделялись на племена. Племя разделялось на рода, колена, подколена. В Степи условия жизни были суровые и полны опасности. Без спаянной родовой взаимовыручки жить было невозможно. В одних родах старейшина избирался, в других старейшина передавался по наследству, но и назначенного старейшину должны были избрать. Племена объединялись в федеративное государство добровольно, а если требовало время и обстоятельство, то принуждали к этому тех недальновидных вождей, которые из-за своих амбиций могли навредить кочевому миру. На чрезвычайном собрании, где собирались вожди, беи, главные военачальники племен, (нойоны), избирали общего вождя. Власть вождя была велика, но не абсолютна. Ее ограничивала родовая аристократия — старейшины, каждый из которых имел вооруженную дружибу численностью от 2 до 10 тысяч всадников. Кочевники тюрки и монголы создавали центра-

лизованные государства или империи. Хуннские императоры (II в. до н.э. по II в. н.э.) назывались тэнрекотом (тэнрикутом). Руководители провинций или наместники назначались самим тэнрикутом. Хуннская держава делилась на отдельные провинции. Провинции делились на военно-административные единицы по 10, 100, 1000, 10000 человек. Таким образом, все земли, принадлежавшие империи, были под властью тэнрекута (императора), раздававшего уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые, в свою очередь, наделяли уделы приближенных на кормление. Уделы не передавались по наследству. За плохую службу территория отбиралась и передавалась другому лицу. Земля принадлежала роду, племени. Рода разделяли степь между собой. Каждый род имел свои родовые символы, знамена, тамги и почитаемые места, боевые кличи, являясь звуковыми метками родов. Несмотря на централизацию власти, разложения рода и образования классов у кочевников не происходило. Поэтому имущественного расслоения быть не могло: род продолжал оставаться хозяином всех средств производства, и только обладание предметами личного потребления отличало кочевников между собой. Для содержания государственного аппарата требовалось средства. Поэтому налагался налог на собственность и крупный рогатый скот. Средства поступали также с подчиненных племен в виде дани и от врагов в виде военной добычи. За предоставленные участки для содержания скота кочевники несли в отношении государства повинность хозяйственного характера, куда входило обслуживание почтовой связи и т.д., но главной была воинская повинность.

В течение двух тысяч лет тюрки и монголы создали более десятка империй и сотни государств и ханств. Но во всех этих образованиях собственником земли было само государство. Формально государственная собственность принадлежала правителю, олицетворявшему государство. Как носитель высшей государственной власти тенгрикут (тенгрикот), каган, хан, султан и т.п. от имени государства разделял ее между членами своего рода и своими ближайшими сподвижниками. Закрепленная за ними земля оставалась государственной, владеть ею означало править на ней. Получив свои владения (улусы), они становились самостоятельными правителями в них с условием, что будут за это исправно выполнять определенные повинности (на самостоятельное кормление). Важнейшей по-

винностью была военная служба. Каждый нойон и нукер был обязан по первому требованию сюзерена выставить нужное число воинов с лошадьми, провизией и снаряжением. Считать нойонов аристократами было бы неправильно по одному тому, что должность они получали за выслугу, а за проступки могли быть разжалованы. Получив в свои владения уделы (улусы), они становились самостоятельными правителями в своих улусах с условием, что будут за это исправно выполнять определенные повинности. За проступки они могли быть разжалованы, а закрепленная за ними земля передана другому. Такое отношение к земле не менялось, оно было всегда и во времена Чингиз-хана. Чингиз-хан считал, что собственником всей земли в государстве может быть лишь само государство, и как носитель вышней государственной власти (император) он от имени государства разделил ее между членами своего рода и своими ближайшими сподвижниками нойонами. Закрепленная за ними земля оставалась государственной, владеть ею означало править на ней, но, естественно, не продавать, не спекулировать, как иногда это понимают наши современники. Конечно, была у народа и частная собственность землю, но это были приусадебные земли, которые принадлежали каждой семье лично.

У древних хуннов были свои религиозные представления. Наиболее почитаемым божеством у хуннов было Кен Тэнгре — Небесное Солнце (по-татарски хен, кен, кун, кояш). Именно поэтому хунны приняли самоназвание Кунны, то есть Солнце-поклонники. С течением времени культ Неба, которого татары называли Тэнгре (Тан на татарском языке переводится — рассвет, восход солнца), окончательно вытеснил культ Солнца (Кен) в главной функции верховного божества. По представлениям хуннов, все сущее на Земле подвластно Кюк Тэнгре — воплощению небесного начала, создателю вселенной Духу Неба. Именно Кюк Тэнгре выступил, прежде всего, как верховное божество, находящееся в небесной зоне Вселенной, распоряжающееся судьбами как целых народов, так и их правителей — тэнрекотов (тэнрекутом). Концепцией Неба являлась вера в космические моральные силы, направленные на поддержание всеобщей гармонии. При этом на Небо перешло представление о прямой связи божественных сил с правителем: хуннский правитель (царь, император) стал считаться сыном Неба и называться тэнрекот (тэнрикут). Кот (Кут) — зародыш, двойник,

жизненная сила, сама суть жизни, приходящая с космоса, счастье, удача. В концепции Неба большое значение имело место обитания духов предков. Поэтому тэнрекут — (Небоподобный — император) и представители высшей знати имели в столице империи храмы духам своих предков.

Удельно-пестничная система устанавливала очередность наследования престола: согласно степному обычью, сохранившемуся со времен хуннов, тюрков, престол наследовал не сын отца, а младший брат — старшего и старший племянник — младшего дядю. Кандидат на престол утверждался на курлтае башбугов (по терминологии других племен — беков). А пока правил тэнрекут, принцы крови получали в управление уделы. При такой системе престолонаследия, власть распределялась среди всех членов рода, тем самым укрепляя единство среди родственников. Будущий кандидат в правители спокойно ждал своей очереди, не плетя заговоры. Кроме того, такая система престолонаследия предотвращала вступление на престол несовершеннолетнего царевича, что могло бы поставить державу в критическое положение. При таком наследовании престола управление государством осуществлялось родовой клановой системой. Несмотря на установление очередности наследования престола, в державе существовал институт выборности тэнрекота. К выборам относились со всей ответственностью. Тэнрекут должен был быть храбрым, справедливым, умным, честным и во время выборов, беки в душе чувствовали и говорили, что на него указывает сам Тэнре. Законный выбранный вождь мыслился как тэнреподобный, возникший в Тэнгре. Претендую на родство с Небом, хуннские правители стали именовать свою империю Тэнрекотством — Поднебесная империя. Для хуннских правителей отождествление с Небом Тэнгре означало принятие на себя ответственности за всю хуннскую державу. Он не должен был обогащаться, сев на трон. Власть тэнрекута основывалась не на узурпации прав народа или защите одних слоев населения, а в его обязанность входило быть справедливым представителем интересов всего своего народа. Поэтому в хуннской державе не было резкого социального неравенства. Народ смотрел на тэнрекута не как на паразита, а как на своего покровителя. Но хунны считали, что милость Неба не гарантирована правителю навсегда, что быть достойным ее нелегко. В хуннской державе действовала доктрина, которая на протяжении многих веков сохраняла

доминирующее положение в тюркском политическом мышлении. Согласно доктрине царская власть обусловлена мандатом Неба. Правитель заслуживает этот мандат своей добродетелью: если он перестанет следовать добродетели, перестанет представлять интересы народа и государства, то мандат Неба будет у него отобран. Поэтому тэнрекот стремился уделять самое пристальное внимание своей добродетели, интересам государства и народа. Если же он забывал свое предназначение, то тогда говорили, что Тэнгре лишает его разума, требует его переизбрать. Главным инструментом свержения власти, если не получается мирно, является оружие. Тогда тэнрекот случайно погибал, т.е. отправлялся к Тэнгре, тогда говорили, что он потерял Небесный мандат. В функции тэнрекота входило не только управление державой, но он был одновременно и главным священнослужителем в государстве.

В кочевой истории тюрков и монголов не было жреческой касты, как в Египте, в Вавилоне не было такого классового общества ученых, как в Китае. В тюркских кочевых империях не было высших образовательных заведений и академий наук, как в Китае. Не было книгохранилищ. Связано было это с образом кочевой жизни. По этой причине они уступали в знаниях китайцам. Вторая причина: тюрки и монголы часто меняли алфавиты (4—5 раз за короткое время), а это вело к тому, что на новом алфавите не могло читать новое поколение, поэтому старые книги и записи уничтожались. Так обнулялись знания, накопленные предками.

Хунны не знали и великих персонифицированных богов и храмов в их честь. Те же высшие божества, которым поклонялись хунны (Небо, Земля), не нуждались в специальных жрецах, ибо обязанности первосвященника в ритуалах в их честь исполнял сам правитель, а функции ассирировавших ему жрецов выполняли служившие правителю чиновники. Эти жрецы-чиновники были, в первую очередь, чиновниками государственного аппарата, помощниками правителя, а их собственно религиозные функции оставались на втором плане. Если культ Неба (по современному он называется тэнгрианство) был имперским мировоззрением, то наряду с ним у кочевников, земледельцев, охотников существовало множество бытовых местных культов и суеверий. Активно действовали наследственные предсказатели «камы», «багучелар», в современной терминологии их называют шаманы. Они занимались

предсказаниями, лечением. Главный участник шаманских кампаний — кам облачался в свои одежды, впадал в транс, исполнял исступленные пляски, пророчествовал, изгонял злых духов и вызывал дождь. Были еще гадатели, толкователи снов, определители счастливых дней, определители благоприятных для строительства мест и т.д., все они обслуживали текущие потребности населения. Те камы, которые имели государственное мышление, занимали значимое положение в органах власти, и в то же время они пользовались большим уважением среди народных масс.

В середине VI века образовалась (VI—VIII вв.) Тюркская империя. Правитель стал называться каганом. После распада Тюркского каганата в Средней Азии, в Восточный Туркестан началась иммиграция кочевников, которые стали образовывать тюркские империи Карабаханидов, Газневидов, Сельджуков, Хорезмшахов. Эти империи в Средней Азии были не долговечные и обычно исчезали в течение двух-трех поколений, разделившись на части. Правящая верхушка под влиянием миссионеров, местных чиновников, находящихся в служении государства и т.д., стала перенимать образ жизни других народов, что не совпадало с желанием основной массы кочевников. Самые главные причины исчезновения этих государств:

- * отрыв правящей верхушки от основной тюркской массы;
- * опора ханов (султанов) на иранскую, арабскую чиновничью власть;
- * пренебрежение ханов (султанов) тюркской идеологией и образом жизни;
- * произвол власть имущих и их отношение к своему народу не как к своим сородичам, а как к обычным подданным, которые обязаны только подчиняться и платить налоги, что привело к произволу, правовому и материальному неравенству граждан.

Из степей появлялась новая орда, и все начиналось сначала. Правящая верхушка этих империй стала принимать ислам. Высокий титул с тюркским названием каган стал существовать параллельно с новым мусульманским титулом «султан», а это давало в последующем поводы для конфликтов среди членов династии. Сразу возникли противоречия в установлении очередности наследования престола. Родственники желали, чтобы престол передавался по Степным законам, правитель младшему брату или племяннику, а семья, стоящая у власти, желала

по оседлым имперским законам, от отца к сыну. Отодвинутые от власти родственники, опираясь на степные законы, начинали вести междуусобную войну за престол, что вело к ослаблению и распаду государства.

У кочевников, как правило, отсутствовали феодальные отношения, а преобладали патриархально-феодальные. Психология кочевника просто не допускала мысли о частной или феодально-личной собственности на землю. В представлении кочевника земля — это пастбище. А пастбище — коллективная собственность рода или племени. Вот почему даже перейдя на оседлую жизнь и приняв религию ислам, менталитет кочевника не изменился и при Сельджуках, Хорезмшахов, Карабахидов и при Османах (все они вышли из тюрков-кочевников) земля в Средней Азии и Малой Азии считалась государственной собственностью, формально принадлежала султану, олицетворявшему государство. Султан раздавал военной знати и сановникам не наследственные владения, а лены (кормления) — временные земельные держания. Причем право на их эксплуатацию было обусловлено несением военной или иной службы.

Управлялись кочевые империи по клановой системе и личной преданности. В условиях безальтернативных выборов такая система дает отрицательные результаты в управлении. Наверх проходят не лучшие, а худшие — бездарные и продажные. Пока у власти талантливый вождь, он собирал вокруг себя стратегически мыслящих людей, да и жизнь народа относительно была справедлива, с перспективой на будущее. Но стоило вождю умереть, и если к власти путем интриг, братоубийств, отцеубийств приходил бездарный человек, то его быстро начинали окружать интриганы и казнокрады. Так продолжалось недолго. Обычно кочевники, борясь за справедливость, сами разваливали свою империю или государство.

Самое главное тюркские и монгольские вожди потеряли свой Степной дух, точнее свой кот (кут), и рухнуло имя тэнрекот (тенгрикут) небоподобный и остался шлейф из каганов, ханов, тайджи, тайши, султанов, шахов, эмиров, беков и биев и служивых позорных мурз, и в конечном итоге президентов.

Пока кочевники сидели на коне, а кавалерия была самым сильным родом войск, тюрки и монголы завоевывали другие государства и народы. Как только в армии стран мира стали применять пушки, которые были эффективнее, чем кавале-

рия, тюрки и монголы потеряли военное превосходство. Во время правления чингизидов все кочевники были завоеваны. К середине XX в. почти все кочевники окончательно перешли на оседлый образ жизни.

В начале 90-х годов ХХ века, после распада Советского Союза, образовались независимые тюркские государства. Тюркские и монгольские государства управляются по родству и личной преданности. По закону власть в государстве передается по-европейскому типу, но в жизни больше практикуется по наследству. Своих тайных организаций нет. Часть тюркской верхушки вступает членами в западные тайные организации, но дальше прихожей их не пускают. Ученых у тюрков и монголов много, но они не пользуются авторитетом. Их мнение правящей верхушкой власти не учитывается. Власть не реагирует на выводы ученых, сделанные во время конференций. Ученые живут своей жизнью, а правящая верхушка своей. С приобретением своих государственных символов эти республики отнюдь не стали свободными и самостоятельными. И за какие-то 5 лет, после объявления независимости, благополучные республики, с развитой промышленностью, сельским хозяйством, наукой, экономикой и культурой, быстро превратились в бедные и нищие государства. Промышленное производство развалилось, наука и культура находятся в упадке. Процветают преступность, большой рост безработицы и социальное неравенство людей. Республики отброшены назад и превратились в полуколониальные сырьевые приданки Запада и Китая. Сегодня уровень жизни в этих республиках сравним с уровнем жизни в самых слаборазвитых африканских странах. Основная масса нищенствует и вынуждена выезжать на зарплатки в другие государства. Нет государственной идеологии. Нет стратегии на будущее. Нет военной доктрины тюркских стран, есть инструкции, рассчитанные против угрозы бандитов боевиков, охрана маршрутов поставок сырья и топлива, и против внутреннего сепаратизма. В руководствах тюркских стран считают, что у них нет внешних врагов (за исключением Азербайджана, который имеет врага на словах), а значит не нужны ни воздушно-космические рода войск, ни массовая армия, способная защищать экономические интересы страны, ибо серьезных врагов у них нет.

Глава VII

Небополитика в XXI веке

Любой человек, если он нормальный, подпитывается своим прошлым: воспоминанием детства, юности и т.д. Точно так же любая национальная культура подпитывается своим прошлым от древних времен до совсем недавних событий. Но есть люди психически расстроенные, которые не могут ужиться со своим внутренним опытом, отказываются от травм, полученных в своей жизни, или от ошибок в юности и т.д. Вместе с травмами, ошибками они стараются забыть и вычеркнуть эти эпизоды прошлого. Точно так же ведет себя основная часть народа, которая получила психическую травму. Народу становится неинтересна своя история, а если и узнают о ней что-то, то они стараются вырывать из истории те или иные периоды как скверные и проклятые. При российской романовской империи история тюрков и монголов писалась по директивам царского дома. Этими историческими знаниями пользовалась элита российского общества, а для тюрков и монголов они были недоступны. В бывшем СССР история писалась по директивам Коммунистической партии. История тюрков и монголов по возможности искажалась, писалась в пределах республики, области и района. Для профессиональных специалистов по историографии, специализирующихся в узком профиле, были открыты исследовательские отделы по монголоведению и тюркологии. Поэтому в СССР было два самых крупных исторических издания: история России или она же СССР, которая в основном затрагивала западные районы СССР, и история национальных республик. Таким образом, история писалась фрагментально и не имела цельной картины. В связи с этим возникает такое предположение, что романовские и коммунистические идеологи не хотели травмировать тюркские и монгольские народы, которые перенесли смуты, хаос, междоусобицы, религиозные войны по вине своих вождей, которые в конечном итоге окончательно сдали все свои империи и государства. Зачем будоражить народ, обманутый вождями, и копаться в ошибках прошлого?

Прошло много веков, выросло новое поколение, среди них много здоровых личностей, которые заинтересовались исто-

рией своего народа. Этим людям недостаточно знать историю фрагментально, они хотят иметь целостный взгляд на прошлое. И они правы, так как расчленение прошлого, отрицание целого периода истории приводят к смуте в голове. Нормальная свободная личность не может строить свою жизнь на отказе от предшествующих ступеней развития себя. Нормальный человек адекватно принимает хорошее и плохое в истории своего народа. Поэтому история не должна скрываться, если даже она проходила в страшных трагедиях и смутах. Беду и смутные времена надо помнить, знать, исправлять и не допускать ошибок, чтобы не было угрозы повторения. По настоящее время в научной историографии отсутствует адекватный анализ причин геостратегического поражения татаро-монгольской империи. Нет системного, многофакторного анализа. Самое худшее — это как раз не сделать выводов из прошедших событий, смут, потери цивилизационного кода (матрицы) и т.д., не извлечь уроки из прошедших времен. За такое беспамятство придется ответить повторением ошибок в еще больших масштабах и куда более трагическими последствиями. Начинать надо с воссоздания целостности татаро-монгольской (туркско-монгольской) истории. Для этого необходимо соединить в единое целое такие исторические направления, как монголоведение и тюркология, так как с древнейших времен они сосуществовали в одной цивилизации и множествах империй. Все эти знания необходимы для безопасности вновь образовавшихся тюркских государств.

7.1. 20 лет независимости тюркских государств

Исследовав смуты и хаосы, произошедшие в татаро-монгольской империи, в Джунгарском и Калмыцком ханствах, постараемся исследовать новую смуту, хаос, которая идет в последние более 20 лет на территории бывшего Советского Союза. Цикличность никто не может отменить, а регулярность циклов, которая имеет вращательное движение по спирали, заслуживает отдельного рассмотрения. Начиная с 1985 года, начался космический цикл подъема для азиатских народов, и окончание подъема, и начала упадка для европейских, в том числе американского народа. В 1989 г. уровень Каспия поднялся. Разве это не предзнаменование духа Неба Тэнгри? Та-

кие страны, как Китай, Япония, Южная Корея, оседлали волну подъема и стали одними из ведущих стран мира. 400-летнее господство ангlosаксонского Запада в рамках голландского, британского и американского циклов подъема приходит к своему концу. Европейские страны постепенно будут утрачивать свои позиции в мире.

На тюркско-монгольский мир этот циклический подъем также действует. Распался Советский Союз и много бывших тюркских республик получили независимость. Монголия тоже стала полностью независимой. Внутри России тюркские и монгольские республики, области получили больше прав, чем при Советской власти. И как же цикличностью пользуются эти новые государства и республики?

К подъему цикличности готовились в бывшем Советском государстве. По исследованиям некоторых политологов, историков, писателей и т.д., начиная с 60-годов XX столетия в самом ЦК КПСС в Москве появились руководители, которым стали не нравиться устои коммунистической идеи и его принципы справедливости. Благодаря влиянию этих высокопоставленных чиновников, в печати стали изредка появляться статьи с сомнениями о правильности курса коммунистической партии. Эти статьи вносили смятение в умы части интеллигенции, а это значит, началось разрушение кода (матрицы) коммунистической идеологии. Через 20 лет, в конце 1980-х годов — началась перестройка во главе правительства СССР М.С. Горбачева. Перед началом перестройки искусственно устроили дефицит на продовольственные и потребительские товары. Начали борьбу с алкоголизмом, при этом вырубали все виноградники, в том числе и те, которые предназначались для соков и фруктов. Нехватка продуктов и товаров первой необходимости объяснялась виной планового хозяйства Советского Союза. Идеология социализма и планирования планового хозяйства осуждалась во всех средствах массовой информации. В головах людей образовались Смута и Хаос, и это обвалило коммунистическую матрицу. Народ и страна стали беззащитны перед всем. В такой обстановке Советский Союз разделили.

Главы союзных республик не участвовали в разрушении коммунистической идеологии, но они понимали, что готовится система передела государственной собственности и желали этого. Понимая, что им достанутся во время передела огром-

ные богатства, они содействовали разрушению коммунистической идеологии. Если к переделу собственности они готовились, то развал Советского Союза для руководителей союзных республик был неожиданностью. Проснувшись утром, главы правительств союзных республик услышали по телевидению, что их республики стали независимыми государствами, а они сами стали независимыми руководителями. Получив огромные полномочия, они не стали долго думать и сомневаться, быстро пересели с «коммунистического» на «капиталистическое» кресло и начали, как все руководители на всем пространстве бывшего Советского государства, присваивать государственное имущество. Так как они самые главные, значит им положено самое хорошее и самое доходное — это нефтяные, газовые, химические и т.д. отрасли и предприятия. Но так как богатство народов Советского Союза было несметное и его невозможно было сразу переварить, то пришлось часть имущества на время отдать и хозяйственным руководителям — директорам малых заводов, фабрик, председателям колхозов, торговым предприятиям и т.д. Себя они стали причислять к новому классу собственников.

Чтобы чиновники и служащие не занимались саботажем, а выполняли беспрекословно указания свыше, одним словом, обеспечить лояльность, им повысили зарплату и дали повышенные пенсии. Кроме того, чиновникам за каждым чиновничьим креслом (не за человеком, а за креслом) закрепили на «кормление» ренту — возможность получать доходы. То есть брать взятки, воровать и так далее. Это не коррупция — это структурный элемент системы. Все эти механизмы породили в системе управления безответственность чиновников. Такая правящая верхушка, олигархи, чиновники составили около 10 процентов всего населения.

При таком грабеже и хаосе многие предприятия остановились или сократили свое производство, рабочие и инженеры увольнялись. Из социалистических государств выводились войска, офицеров демобилизовывали. На улице оказалась огромная масса энергии, которая растерялась и пока не знала, что делать. Чтобы слить эту энергию, быстро были организованы на окраинах России межнациональные войны, в России открыли дорогу организованным преступным группировкам, а рабочим и инженерам организовали челночную торговлю.

Наиболее национально настроенные люди погрязли в межнациональных войнах, воинственная молодежь погрязла в рэкете, грабежах и насилии, заодно запугав простого обывателя. Инженеры, конструкторы, офицеры и т.д. превратились в торговшей и тачками вывозили товары из Турции на продажу на базарах. Так вся эта необузданная энергия (пассионарий) была «слита».

Как будто все предусмотрели — богатство приватизировали (ограбили), чиновников купили, а активная часть населения поубивала друг друга. Эта тактика дала хорошие результаты в материальном плане, оставалось оправдать правящей верхушке свои моральные действия. Конечно, такой захват государственного имущества теми людьми, которые должны, по сути, охранять его, надо было обосновать идеологически. И идеологию надо было вводить срочно, так как народ постепенно осознал бы, что их «кинули» во время распада СССР. Вот тогда вчерашние идеологи социализма принимают западную идеологию либерализма. Либерализм — это христианский протестантизм, поднятый на научный уровень. Либерализм совершенно четко и определенным образом трактует такое понятие, как право личности на удовлетворение своих интересов и потребностей вопреки интересам и потребностям государства и общества в целом. Это свобода для наживы, это свобода для достижения личного успеха, комфорта, свободы торговли и предпринимательской инициативы, свобода рыночных отношений в рамках открытого общества. И именно эти свободы сегодня лежат в основе правящего класса наших тюркских и монгольских государств, а далеко не права и свободы общества, права и свобода народа. Но эта идеология подходила тем, кто присвоил богатства народа, чиновникам, которые обслуживают верхушку власти. Их около 10 процентов, а у простого обывателя безработица, коррупция и местничество вызывают недовольство. Чтобы они не думали о земных благах, а больше заботились о мире загробном, для них решили возрождать религии: христианство, ислам, буддизм. При поддержке государства обязали всех, кто «непосильно» заработал деньги, добровольно-принудительно строить церкви, мечети, буддистские храмы. Возьмем, к примеру, Татарстан. Из выступления в печати государственных и политических идеологов Татарстана вырисовывается в сущности на сегодняшний

день такая картина. После развала Советского Союза и его Коммунистической партии было взято направление на возрождение ислама и при поддержке государства, быстро стала возрождаться мусульманская идеология. Открыт исламский университет, более десяти медресе. В течение последних 10 лет только в Татарстане было построено более тысяча мечетей. В эти мечети и мусульманское духовное управление устремились работать священнослужителями бывшие работники комсомола, коммунисты, милиционеры, хорзработники и т.д., которые имеют смутное представление об исламе. В арабские и другие страны стали направлять молодежь на обучение исламских доктрин. В деревнях под названием оптимизация закрывают школы, клубы, библиотеки, больницы. Зато в каждой деревне строят мечети, церкви. Так какую-то часть людей приобщают к религии. Конечно, на все это уходят огромные средства. И бывшие партийные работники, милиционеры, хозяйственники, которые хорошо владеют речью, но им не досталось государственного имущества, ринулись осваивать эту нишу. Да, в церкви, мечети, буддистские храмы пошла какая-то часть пожилых людей, которые решили отмаливать свои земные грехи и готовиться в иной мир.

Среди молодежи большой процент безработицы или работа не по специальности. Наверху все «хлебные места» заняты. Исключен основной принцип кадровой политики — компетентность руководящего состава. Поэтому большинство молодежи не видит перспективы. Наиболее активная часть молодежи, осознавая, что вокруг творится социальная несправедливость, кругом плановость, «социальные лифты» не работают и невероятный разрыв в доходах, решила в религии найти ответы на свои вопросы. Пошла в ислам и такая молодежь, которая недовольна действующей властью, кадровой политикой государства, тем, что нет возможности для самореализации и шансов на дальнейшую перспективу роста, а это удручет и разочаровывает перспективы дальнейшей жизни. Религиозных людей, вместе взятых со священнослужителями, по официальным данным, насчитывается 1—2 процента населения, а активных соответственно еще меньше. Таким образом, идеологически задействованы 12—13 процентов населения (либералы, мусульмане, христиане, иудеи). Но самая большая часть населения относится к пофигистам. Живут они одним днем

и ничем не интересуются. Им все равно. У них нет ни духовной, ни национальной, ни государственной идеи. Взять хотя бы татар, многие не ходят в мечеть, но им ничего не стоит назвать себя мусульманами. Таким образом, произошел полный разрыв правящей верхушки с народом. Если люди живут в одной стране и придерживаются разных взглядов, нет общих высших целей — это очень опасная ситуация для государства, то такая страна обречена. Такое состояние сегодня в России и в тюркских государствах СНГ.

Колесо истории поворачивается снова. Началась циклическая волна подъема, но, несмотря на это, тюркско-монгольский мир находится на задворках мирового развития. С приобретением своих государственных символов эти республики отнюдь не стали свободными и самостоятельными. И за короткое время, в общем-то, некогда благополучные республики отброшены назад и превратились в полуколониальные сырьевые придатки Запада и Китая. Правящая власть тюркских и монгольских государств пошла по пути управления страной чингизидовскими методами. Возродилась та же система управления государством по кланово-семейной иерархии, отбор в правящую элиту и распределение чиновничьих кресел по родовому и личной преданности. Присвоения верхушкой власти государственного имущества — это безнравственно и бессовестно. Такая система управления — паразитарна. И ни какими либеральными идеологиями им не прикрыться. Поэтому основная часть народа в правящую верхушку не верит.

Сегодня порядок, устанавливаемый в жизни тюркского народа, нельзя считать нормальным, потому что принцип отбора — негативный. Коррупция и взяточничество, отчуждение от национальных традиций и внедрение мировых религий, смена алфавитов, безответственность перед своим народом и т.д. — все вернулось во времена чингизидов. Взят курс на ложную цель, строительство новой «Вавилонской башни». Тюркская народная масса в лице идеологии либерализма, исламизма, пофигизма движется неизвестно куда, но только точно не в ту Степь.

Такая система управления и стратегия развития государства дали отрицательные последствия на развитие тюркских государств. Такая правящая верхушка не гарантирует не только прогресса, но даже простого выживания. Тюркские и

монгольские народы живут в несправедливых государствах. Жизнь, где смысл жизни — накопительство, — это главная угроза для тюркских и монгольских народов. Поэтому тюркские республики за последние 20 лет отброшены в развитии на полуфеодальное общество. Сейчас полнейшая deinдустрIALIZация в тюркских странах. Взять арабские, африканские страны, острова «папуасов», везде там люди пользуются плодами цивилизации: сотовыми телефонами, компьютерами, автомобилями, летают на самолетах и т.д. Но эти страны не могут сами выпускать эту технику. Они покупают в Китае и европейских странах — все плоды цивилизации в обмен на сырье и полезные ископаемые. Чем отличаются сегодня тюркские и монгольские народы от арабов, африканцев, папуасов — ничем. Только если гордятся своей прошлой историей и своими бывшими империями, которые профукали.

В передовых государствах постоянно ведутся научные изыскания. Признано, что сегодня идет волна информационно-технического прогресса, основа которого компьютеры, телекоммуникация, интернет, микроэлектроника, робототехника и другие подобные направления. Где у тюркских народов изыскания в авиастроении, освоении космоса, ракетостроении, вооружении и т. д.? Ничего нет в тюркских государствах. Нет изобретателей и конструкторов по этим направлениям. Сложные технологии требуют образованной рабочей силы. Нет производств, чтобы выпускали эту продукцию. Остатки предприятий от советского периода доживают свои последние годы. Ясно, никто не собирается осваивать эти науки и производства. Тому свидетельство смена алфавита, который в одночасье оставляет народ без Знаний, накопленных в период Советской власти. Чем кончат свое существование такие государства, известно, для этого не надо быть провидцем или ясновидцем. А пока дипломированная гуманитарными знаниями молодежь покидает свои государства и едет на заработки в Россию и другие государства на низкооплачиваемые работы: продавцами на базарах, водителями автобусов, разнорабочими на стройках и в жилищно-коммунальных хозяйствах. Но пусть даже если современные тюркские государства закончат свое существование также, как татаро-монгольская империя, как Золотая Орда, как Джунгарское ханство, как Казахское и Крымское ханства и т.д., эта верхушка все равно не отдаст власть достойным.

7.2. Выработка стратегии для развития тюркских и монгольских государств

Для того чтобы выздороветь, нужно сначала узнать причину болезни, поставить правильный диагноз, а затем начать лечить болезнь. Если нашим предкам внедрили в подсознание не лучший способ жизни, никто не мешает нам задуматься над тем, почему у нас что-то упорно не получается, все идет на перекос. Задуматься над своими повторяющимися проблемами — первый шаг. Нужно всего лишь поставить правильный диагноз и захотеть исправить нашу жизнь. Потом вообразить желаемый результат, а потом упорно и планомерно двигаться к этой цели. На словах как будто легко, на деле — очень трудно. Тысячелетиями сознание тюрков и монголов было объектом наиболее интенсивного и хаотического воздействия. И это дало результаты. К сожалению, надо отметить, в настоящее время у тюркского и монгольского народа состояние сознания характеризуется непримиримыми противоречиями установок сознания, метания из одной крайности в другую. Поэтому частенько слышишь утверждение, высказанное одним и тем же человеком, через некоторое время совершенно противоположное. Это говорит о том, что у тюркского и монгольского народа не проявляются единая мировоззренческая система и единый религиозный дух, потеря целостности сознания которой, безусловно, существовала в древности и даже во времена Чингиз-хана (новая история). Неустойчивость, половинчатость и двойственность современного тюркского мышления и психосознания, наслоенная разными религиями и культурами, увязшая в культе манипулирования и потребления, считаю, что такое состояние стало усиливаться с потерей единого мировоззрения Тэнгри.

Поэтому народу, потерявшему целость сознания, трудно осмыслить прошлое и, конечно, найти правильное решение. Но, несмотря на это, постараемся проанализировать сегодняшнее и выработать свои действия на будущее.

Главным субъектом развития тюркских наций сегодня и завтра может быть только государство, причем служить оно должно интересам своего народа. Государство должно осуществлять стратегическое планирование. Стратегия — это приведение целей деятельности государства в соответствие

с его возможностями. Государство должно быть устойчивым, справедливым и иметь свою национальную политику. Национальная политика — это та политика, которая объединяет все группы населения страны. Для этого должны быть сформированы ясные идеологические коды и ясные идеологические модели, которые должны влиять на формирование своей культуры. Государство должно твердо стоять на фундаменте национальной гордости. Национальная гордость и достоинство формируются в процессе того, как человек осознает особенности собственной культуры, образа жизни, ценности и обычаи нации, которой он принадлежит. Самое главное, чтобы национальные интересы тюркских и монгольских стран имели верховенство над другими, а в государстве соблюдалась относительная справедливость не только в духовном, но и в материальном и в человеческом. К сожалению, на сегодняшний день в тюркских государствах идеологическая пустота. Без идеологии и стратегии национального развития невозможно создать эффективный механизм управления, в которое было бы вовлечено большинство наций.

Следующий фактор — экономический. Для того, чтобы тюркские и монгольские государства выжили в сегодняшнем мире, необходимо создать собственную модель хозяйствования, где аграрное хозяйство и индустриальная промышленность были бы высокоразвитыми отраслями. Аграрное хозяйство должно обеспечить продовольственную независимость государства. Индустриальная промышленность должна обеспечить независимость от производителей извне.

Сегодня надо полностью отказаться от экономической (рыночной) и управляемой модели, которая пришла с Запада. Чистый социализм и чистый капитализм имеют свои недостатки. Чистый капитализм все чаще демонстрирует свою антисоциальную сущность, голый индивидуализм и уничтожающую конкуренцию. Поэтому для тюркских и монгольских государств нужно многоукладное экономическое производство, основанное на взаимосуществовании и взаимодействии трех секторов: государственного, частного и коллективного, с использованием системы государственного планирования наподобие Китая и Юго-Восточной Азии. Азиатский способ производства основан на руководящей и направляющей роли государства, действующего в интересах всего народа, а не яв-

ляющегося «ночным сторожем» по охране частной собственности небольшой кучки богатых людей. У тюркских и монгольских народов в национальном характере преобладает честолюбие и в меньшей степени корыстолюбие, поэтому у них стремление к обогащению развито мало. Соответственно низка частная инициатива. Тюркский и монгольский народ более тяготеет к хозяйственному административному управлению. Связано это с тем, что образ древней кочевой жизни, менталитет, характер, несмотря на переход, на оседлый образ жизни и бурную современную жизнь, в целом не изменились. Поэтому тюрки и монголы продолжают и сегодня тяготеть больше к коллективному ведению хозяйства. В основной массе они чувствуют себя психологически лучше, когда работают не самостоятельно, а находятся в подчинении государства. Азиатский способ производства основан на коллективизме и сотрудничестве, а не на индивидуализме и конкуренции, как западный. Несомненно, должен быть частный сектор и всякие артели, и государство должно поддерживать и регулировать частные предприятия. При любых секторах развития производства приоритет нравственных, духовных, идейных ценностей должен возвышаться над материальным, а это фактически по сути получается социализм.

Национальная экономика имеет целевую установку и базируется на разумном протекционизме в политике государства, поддержке своих предпринимателей и предприятий. У национальной экономики особая финансовая система — отсутствие ростовщичества. Например, взять Японию или Китай. Государство ведет кредиты без использования ссудного процента под 1—2 процента. Прибыль банков составляет 1,0—0,5 процента. Но кредитуются на этой основе только те предприятия, которые работают в интересах государства и его народа. Такое кредитование на беспроцентной основе (внутри страны) позволяет предприятиям работать безкризисно.

Национальная экономика предполагает достаток, но не стремление к богатству, поэтому вводит фактор самоограничения. У национальной экономики главная цель — духовное развитие нации, одухотворенность человека, который стоит выше над материальным человеком.

У каждого народа, нации, племени свой образ жизни, который зависит от географико-климатических условий. Он

нераздельно связан с менталитетом народа, его мировоззрением, философией, религией, национальными и семейными традициями, культурой, обрядами. В образ жизни входят и такие понятия, как нравственные устои народа, выборы правителей, отношение властей к своему народу, правовое и материальное равенство, отражающее интересы (в достаточно справедливой мере) всех слоев населения государства и т.д.

Великий Дух Неба Тэнгри — главенствующее божество во Вселенной. Земля как сила природы является одним из главенствующих божеств в тэнгрианстве, выше которой только Небо. Поэтому божество Земля у тэнгрианцев почитаемое. У кочевников отсутствовали феодальные отношения. Психология кочевника просто не допускала мысли о частной или феодально-личной собственности на землю. Нормы традиционного земельного права соблюдались чрезвычайно строго. Земля передавалась из поколения в поколения тысячелетиями. Эти земли не находились в ведении начальника улусов. Никто не имел права посягать на эти земли. Посягательство на земли рода отражалось на благополучии его членов. Каждый член рода ощущал себя составной частью земли — воды, Родины.

Тюрки-кочевники рассматривали землю как общеплеменное достояние и поэтому они не признавали каких-либо форм личной и поземельной зависимости. Родовая земля — своя родная земля — это земля их родов, отцов, здесь они родились и выросли. Она не абстрактна. Вот почему эту Землю-воду, Родину не продают, не отдают ни под каким предлогом, а защищают от любого посягательства. За нее умирают в бою, так как изгнанному народу на чужбине не будет покровительства Тэнгри, а значит, не будет и счастья.

В 209 г. до н. эры правитель тунгусов просил у императора Хуннской империи тенгрикута Багадура (по-китайски шаньюю Моде) «брошенную» землю, что находится на границе двух государств. Тенгрикут Багадур сказал: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее? Земля дана каждому народу Великим Тэнгри. Есть земля — есть народ и можно создать государство». Так он отказал правительству тунгусов. Можно отдать богатство, можно поступиться личными интересами, но ни под каким предлогом нельзя отдавать землю, даже если она «брошенная». Землю продавать и покупать нельзя. Она должна быть государственной. У народа должна быть частная

собственность на приусадебную землю, которая принадлежит каждой семье лично.

Запал глобального вооруженного конфликта в Северной Африке и на Ближнем Востоке уже горит. Его не видит только слепой. Этот огонь войны в любой момент может перекинуться на Кавказ, в Среднюю Азию, Казахстан, Киргизию и т.д. Уже сейчас в Киргизии, Казахстане, на Северном Кавказе горят искры религиозной войны. Мусульманские экстремисты нападают на правоохранительные органы, а это уже начало гражданской войны. Необходимо поднимать обороноспособность страны, чтобы вновь тюрков и монголов уважали. А для этого нужна сильная армия, так как только она является в современном мире единственным фактором, обеспечивающим безопасное развитие и исторический успех нации. Турецкие армии должны оснащаться современным оружием, не только закупаемым за границей, но оно должно производиться и в турецких государствах. Для этого нужны современные производства, выпускающие такую продукцию. Нужны изобретатели и конструкторы по этим направлениям. Сложные технологии требуют образованной рабочей силы. Сегодня школы и вузы ведут тестовую форму обучения и сдачу экзаменов по ЕГЭ. При таком обучении школы и вузы выпускают безграмотных, бездарных учащихся и специалистов. Значить, для того, чтобы выпускать высококлассных специалистов, систему обучения нужно возвратить как было в период Советского Союза. Инженеров, конструкторов, офицеров, солдат, рабочих, детей и стариков нужно лечить и поддерживать их здоровье. А для этого нужны квалифицированные врачи и бесплатное здравоохранение. Командиры, офицеры, солдаты и т.д. должны быть не только грамотными для владения современным оружием, но они должны быть патриотами своей Родины и народа. А это связано с внутренним нравственным устройством государства. Как показала война в Ираке и Ливии, подкупленные командиры быстро сдали противнику хорошо вооруженную армию.

Соответственно при такой угрозе необходимо срочно преобразовывать управленческую систему. У кого есть преимущество в таких исторических битвах, и какие преимущества бывают? Первое преимущество — это наличие субъекта стратегического действия. В данном случае речь идет о том, у кого сильнее правящие слои, у кого сильнее элита, у кого сильнее

организация элиты. Для того, чтобы подготовиться к исторической битве, нужен эффективный госаппарат, непримиримый к безнравственности, бессовести, к предательству, умеющий извлекать ошибки из прошлого, принять идею, привлекающую для подавляющего большинства народа, создать экономику, которая работала бы на благо народа и государства. На сегодняшнее состояние у нас нет властной элиты, у нас нет как таковой просто тюркской элиты. Вместо элиты у нас обыкновенные управляющие, которые работают на чужие государства, а за это получают покровительство и ярлык на правление данной территории, поэтому она оторвана от своего народа. Эта управляющая власть не знает и не интересуется судьбой своего народа. В реальности эта управляющая власть исполняет все основные стратегические и экономические задачи по подсказке из-за границы. Только внутренние мелкие решения выполняет самостоятельно. Конечно, такая власть не имеет авторитета среди народа. Авторитет — это доверие. Авторитет — это очень конвертируемая валюта на международной арене. Способность руководства страны мгновенно реагировать и добиваться в свою пользу перелома любой ситуации — очень серьезная вещь. Одним словом, мы живем в обществе, где нет нравственных авторитетов, то есть социальной совести. Нравственность — это система координат в пространстве добра и зла, должного и недолжного, охватывающая все стороны человеческой жизни. Существенной особенностью сегодняшнего дня для тюркских государств является самое главное — начать с изменения системы управления государства и выстроить эффективный госаппарат. Для того, чтобы создать такую систему, необходимы две элементарные базисные вещи: это высокая мера ответственности руководителей государства и чиновников, которым поручено управлять государством, а также законность и прозрачность всего происходящего.

Власть в государстве должна передаваться достойным. Доступ в элиту должен быть свободным. Социальные лифты должны работать эффективно. Если тюрки и монголы были в древности кочевниками и в силу образа жизни пользовались управлением государства по родоплеменной системе, то в нынешнее время все они перешли на оседлую жизнь, значит, можно брать опыт древних оседлых народов. Метод отбора кадров в элиту, как это проводится в европейских странах,

посредством тайных организаций не годится для тюркских и монгольских народов. Менталитет другой. Да и то, что связано с тайной, значит связано со скрытностью, а это значит, там могут быть обман и несправедливость. А кому хочется быть обманутым, никому. Самый эффективный метод отбора в элиту у китайцев. После окончания вуза, с помощью экзаменов по знанию истории (китайцы считают, что история — это наука всех наук) и традиционной культуры (знания по конфуцианской этике), а также проверке на нравственные качества, претенденты отбираются для управления государством и в чиновники. На первом этапе фильтрования отсекаются кандидаты, имеющие проблемы с законом, с сомнительными связями с представителями криминала, с иностранными государствами, у которых родственники замечены в чем-то неблаговидном, и так далее. Проверяется на его нравственность, чтобы у кандидата развито было чувство совести, чести, справедливости и добродетельности. Нравственность — основа государства. В государстве, где чиновники безнравственны, там царит беззаконие и там нет справедливости. Второй фильтр — мировоззренческий. Знания национального мировоззрения и истории незыблемы. Это поднимает национальный дух. Принцип существования таких фильтров представляется крайне разумным. Во всяком случае, такие номера, как у нас, когда главами городов могли становиться криминальные авторитеты, в Китае исключены. Такой отбор проходят не только на руководящие посты высшего органа, но и на этапе в кандидаты на начальника малого руководящего поста. Пройдя через такое сито, руководитель и чиновник всю свою карьеру должен подтверждать, что он ответственный человек и достоин поста руководителя. В противном случае его ждет суровое наказание через суд.

Этим методом китайцы пользуются почти две тысячи лет, и он испытан самой жизнью и временем. Он, скорее всего, пойдет тюркам и монголам. Пока мы будем выпускать специалистов узкого профиля, которые не имеют знаний по истории и традиционной культуре, у нас не будет своей национальной элиты. Значит надо путем экзаменов отбирать и создавать эффективный госаппарат, который мог бы создать устойчивое государство.

А для этого недостаточно только возрождение традиционного мировоззрения, нужны и земные законы наподобие Ясы

Чингиз-хана. Но так как время кочевого мира ушло (оставило нам генотип и менталитет), то наши традиционные законы нужно усовершенствовать под современное время. Те люди, которые живут не по совести и не по справедливости, их методами убеждения не перевоспитаешь. Для них нужно возвратить некоторые статьи из закона Ясы Чингиз-хана. Как говорил товарищ Сталин: «Других писателей у меня для вас нет». Вот и выходит, что надо находить способ в первую очередь принуждения, не убеждения или вразумления, чтобы служили интересам народа и государства.

Для того, чтобы не сорваться в никуда или быстрее выйти из такого положения, в каком находятся сегодня тюркские и монгольские государства, нужно изменение точки зрения, а именно повернуться к интересам народа. Естественно, если они не выберут свой путь, стратегию, свою траекторию движения, то они будут поглощены и поделены между североатлантическим, европейским, китайским центрами, как это произошло с тюркско-монгольским миром в XIX веке.

7.3. Проект тэнгрианской цивилизации

С 1950-х годов мировое пространство стали осваивать не только государственные структуры передовых государств, но прежде всего экономические и финансовые структуры США. США, сделав доллар мировой валютой и отдав в частные руки, частные банки и инвестиционные корпорации, сразу оккупировали все финансовое пространство. Стали господами мира. Появились мощные транснациональные корпорации (ТНК). Они стартовали с территории Америки, имея практически неограниченный доступ к долларовой эмиссии. И благодаря этому сегодня приватизировали весь мировой рынок. И государство в этой ситуации утратило былое значение. Положение усугубляется тем, что в настоящее время борьбу за господство в мире ведут уже и не страны, а тайные ордена, в деятельность которых, так или иначе, вовлечена элита всех стран мира. Это приводит к тому, что государственные интересы становятся для элиты второстепенной задачей, и вместо того, что защищать свой народ, государственный аппарат начинает работать на собственное обогащение.

Экономика базируется на деньгах. Деньги для тюркских государств печатаются в Англии, а эти деньги в свою очередь «привязаны» к американскому доллару. Куда скакет доллар, так реагируют и деньги тюркских стран. Деньги тюркских стран выступают как второстепенные заменители американских долларов. А это и есть утрата самостоятельности в финансово-экономической сфере, которая влечет за собой утрату самостоятельности в политике и в безопасности страны. Шанс выжить имеют сегодня не государства, а цивилизации. По этому пути идут Китай, Индия, Япония, Европа и т.д. Пытаясь оставаться «всего лишь» государством, а не цивилизацией, тюркские государства будут уничтожены. Их просто сокрут. При всем том, что тюркские государства имеют гигантские пространства, просто их расташат на куски другие цивилизации и ТНК.

По современным оценкам нынешней мировой ситуации, сегодня существуют три главных субъекта, которые формируют мировые исторические процессы. Это — Северная Америка (США), со своей экономической зоной, со своей валютой, с возможностью быстро проецировать свою силу в любой регион мира, в космос, в мировой океан, это Европа и Китай. Америка и европейские страны опираются на христианскую идеологию и на англосаксонский этнический компонент. Американцы выдвинули мировой проект: «Глобализация по-американски» (Новый Вавилон). В Европе лидируют германцы, у которых свой проект: «Мондиализм по-европейски» (Новая Священная Римская империя германской нации). Китай опирается на конфуцианское учение и на китайцев (ханцев). Китайский проект: «Гармония мира по-китайски» (Срединная империя). Вот эти три центра первого уровня, которые, по сути дела, сегодня противоборствуют. У каждого из них есть свой геополитический проект, своя геополитическая доктрина. У США — это стратегия национальной безопасности, у Китая — решения съездов компартии, у Европы — проекты ее развития, которые пишутся в Берлине, Париже и Ватикане. Еще один центр, который в скрытом виде действует из-за кулис: трехтысячелетний мировой проект иудеев «Вечное Царство Израиля». Иудеи для осуществления своего проекта с древних времен постоянно искали себе союзников и по обстоятельствам прымкали

к разным центрам. В III веке иудеи союзничали с персами, с VII века стали союзничать с арабами, а начиная с XI века они были союзниками с французами, в XIX веке переметнулись к германцам. А с начала XX века стали сотрудничать в союзе с англосаксами в лице Северной Америки и Англии.

В период глобальных и противоречивых столкновений, схватках идеологий, у тюркско-монгольского мира, пока нет своего вектора развития, нет своей матрицы, в рамках которой могли бы развиваться и успешно противостоять внешним вызовам. Сегодня тюркские государства и народы живут без своей национальной идеологии и стратегии, которая объединила бы все слои населения. Тюркские государства не имеют в этом контексте собственного геополитического проекта, у них даже нет устойчивого государства, вот и мечутся, так сказать, между этими тремя центрами. Но так как пока нет авторитетной элиты и такого госаппарата, который работает на народ и тюркские государства, то далее разговор пойдет на уровне общесистемном, почти философском.

Духовная жизнь регулируется закономерностями, которые наблюдаются в материальном мире. Духовность — основной «двигатель» общественных реформаций цивилизаций. Несмотря на различия в цивилизационных теориях и концепциях мироустройства, по-моему, духовная цивилизация опирается на три опоры: 1. Язык; 2. Национальный алфавит; 3. Великую национальную идею (идеология, религия). Эти 3 элемента нужны человеку для формирования крепкого национального самосознания. Если взять, к примеру, китайцев, японцев, арабов, иудеев и т д., то у них эти три элемента присутствуют. У тюрков и монголов только один элемент — язык. Религия и алфавит у них не свои. Из трех опор две убраны. Одна опора недостаточна не только для противоборства таким цивилизациям, у которых их три, но и для выживания. Но если разобраться, язык, даже одна опора, на которую опираются тюрки и монголы, и она рыхлая. За последние несколько сот лет тюркские и монгольские языки сильно изменились. В них много вошло слов китайских, тибетских, арабских, персидских, русских и т.д. Все это привело к тому, что тюрки и монголы стали плохо понимать друг друга. Кроме того, в период Советского Союза был изобретен для каждого тюркского народа литературный язык, который отличается от разговора в простонародии.

Этот литературный язык усугубил взаимоотношения общения внутри народа. Дети не хотят учить литературный татарский язык, для них он изучается как иностранный, причем нигде не используемый. Видимо, когда его разрабатывали в период Советского Союза, считали этим языком оторвать народ от прямого общения с прессой. Ведь этим литературным языком хорошо владеют только журналисты, они и становятся негласными цензорами. Человек, который хочет поместить статью в газете или в журнале на татарском языке, его статью обязательно должен скорректировать журналист, который хорошо владеет литературным языком, так как основная масса народа не владеет литературным языком. Вот так разговариваем на одном языке, а пишем на другом. Ну, если внутри одного народа такое разделение, то что говорить о различии с другими тюркскими языками. Значит, язык надо приводить по возможности в нормальное состояние, чтобы многие благодаря такому языку могли общаться с тюркскими и монгольскими народами без цензоров и переводчиков.

Вторая опора или элемент цивилизации — это мировоззрение или религия. Как показала история, христианство не может объединить все народы Великой степи. Московское правительство после завоевания татарских земель начало крестить всех инородцев. На такие действия татары, финно-угорские народы и монголы ответили ожесточенным сопротивлением, которое сохранилось в памяти народа по сегодняшний день. Только при императрице Екатерине было осмыслено, что Российская империя будет постоянно находиться в религиозной войне, если не остановить насильственное крещение тюрков и монголов. Поэтому было смягчено принуждение к крещению, а после революции семнадцатого года вообще крещение было отменено. Ислам тоже не может идейно сплотить всех тюрков и монголов в Великой степи. Внедрение Узбек-ханом ислама в Золотой Орде как государственной религии привело к Смуте, Хаосу и религиозным войнам. Походы эмира Тимура за распространение ислама привели к Хаосу, Смутам, религиозным войнам и разорению многих тюркских и монгольских государств и народов. Создать империю и сплотить вокруг буддизма тюрков и монголов в Великой степи, джунгарам (калмыкам) тоже не удалось. Последствия — разорение, хаос и гибель самой Джунгарии. Мировые религии родились вне территории

Великой степи. Их богословские и цивилизационные центры и священные для них горы находятся также вне территории Великой степи. Поэтому, приняв эти мировые религии, войдя в эти цивилизации, тюрки и монголы могли рассчитывать быть только обозниками этих цивилизаций и к тому же ехать на чужой арбе в качестве пассажира. Как говорится в пословице: «На чьей арбе едешь — те песни и поешь». Поэтому, как бы ни были хороши христианство, ислам, буддизм, они не смогут объединить Великую степь. При помощи этих мировых религий тюрок и монголов вновь разведут.

Как показала история в период Хуннской империи, Тюркского каганата, в период Чингиз-хана тюрки и монголы были идеально объединены под мировоззрением концепции духа Неба Тэнгри и поклонения духам предкам, то есть тэнгрианства. Только в эти периоды была тюркско-монгольская цивилизация и в эти периоды Великая степь объединялась. Значит, если возродить вновь тэнгрианство, то сегодня возможно будет объединить Великую степь и создать тюркско-монгольскую цивилизацию. При этом тэнгрианское мировоззрение должно базироваться на консервативных ценностях. Тогда откроется возможность формирования идеологического и культурно-цивилизационного кода (матрицы), опирающегося на нашу традицию, на нашу историю и культуру.

Третья опора или элемент цивилизации — это алфавит. Татарский (турецкий) алфавит или как его называли ученые руны, орхено-енисейский и т.д. С переходом татар в ислам татарские ханы принудили свой народ к арабской письменности. Они обнулили информацию и знания, накопленные на татарском (турецком) алфавите, хотя арабский алфавит решительно не подходит для всех тюркско-монгольских языков. Он связан со спецификой их грамматического строя — с трехбуквенной согласной основой корней, поэтому подходит только для языков, где имеется эта особенность; это касается арабского, а также, скажем, и еврейского, и других семитических алфавитов. Кроме того, арабская письменность не могла объединить тюркские народы, так как не имела унификации для всех диалектов. Тогда возникает такой вопрос, где же были наши мудрые татарские (турецкие) правители.

С переходом тюрок на кириллицу обнулились информация и знания, накопленные на арабском алфавите. Сегодня

современные тюркские правители переводят свои народы на латиницу. Латиница для татар — такая же чужая, как и кириллица: обе они произошли от греческого. Она, как и арабский алфавит, не имеет унифицированного свойства для всех татарских и тюркских народов с их многочисленными диалектами. Таким образом, информация и знания, накопленные в течение XX столетия, вновь обнулятся. Значит, тюрков за одну ночь вновь сделают безграмотными. Опять тюрков в очередной раз «кидают».

Татарский (турецкий) алфавит имеет свою уникальность и универсальность. Раздельное начертание письма без соединения друг с другом позволяет любое написание — как слева направо, так и справа налево, а также в виде столбцов сверху вниз. Письмо воспроизводится без особых затруднений на всех видах материала: на бумаге, камне, кости, тряпичной материи, шелке и т.д. Исследователь этой письменности, известный востоковед академик В. В. Бартольд, сказал: «Здесь мы имеем сложное письмо, которое приспособлено к тюркскому языку гораздо лучше, чем все другие алфавиты. Поэтому, если мы хотим иметь унифицированный алфавит для всех тюркских и монгольских народов, чтобы создать свою цивилизацию, то надо вернуться к своему национальному татарскому (турецкому) алфавиту. Возвращение к тюркскому алфавиту не должно быть полным отказом от кириллического алфавита, так как на кириллице накопилась информация о культуре, истории, науке и т.д. за последние сто лет. Просто в школах надо изучать и татарский (турецкий) алфавит, и кириллицу. Это, между прочим, не нарушит Российского законодательства, и к нам никто не сможет придаться. Во всех школах изучается иностранный язык, в основном английский. Это значит, все дети будут знать и латинский алфавит, и татарский, и кириллицу. Татарский (турецкий) алфавит хорошо прикладывается на компьютер. Татарский (турецкий) алфавит имеет не только знаки и символы, но и магические свойства».

Идея становится идеологией только при поддержке государства. Возрождение тэнгрианства и тюркско-монгольской цивилизации должно быть государственной программой. Для этого нужна помочь государства при строительстве тэнгрианских храмов, пропаганда в средствах массовой информации, преподавания своей традиционной культуры в школах и вы-

сших учебных заведениях. Так как сегодня традиция представляется современному человеку чем-то отжившим. Эта помощь должна быть в таком же размере, в каком современные тюркские государства оказывают возрождению мировых религий. Государство должно оставаться светским, как и во времена Кюктюров, Чингиз-хана и не должны быть государственные религии. Тэнгрианство показало себя толерантным ко всем религиям и верованиям и не запятнalo себя в истории религиозными войнами. К тюркско-монгольской цивилизации могут причислить себя все тюрки и монголы, живущие во всем мире. В этой цивилизации были когда то и финно-угорские народы. Для духовного единения нет границ. Священным местом для паломников тюркско-монгольской цивилизации должна стать возрожденная священная гора Ланьшань на территории современной Монголии в Хангайском нагорье в верховьях р. Орхон (на территории современного Архангайского аймака Монголии г. Каракорум). Горный тракт Хангая — вторая крыша мира, откуда всегда генерировались татарские народы (турецкий и монгольский). В период, когда тюрки и монголы исповедовали тэнгрианство, эта гора была для них священной.

Первые годы после обретения независимости правители тюркских государств (без Монголии) несколько раз встречались обсуждать тему о создании союза тюркских государств, для взаимовыгодного сотрудничества. Но дальше дежурных и красивых слов дело не пошло. Не было идейного единства, поэтому перестали вообще встречаться. В 2009 году был основан совет сотрудничества тюркоязычных государств. Членами этой организации на сегодня являются четыре страны — Турция, Казахстан, Азербайджан и Кыргыстан. С той поры прошли уже два саммита. На этих встречах глав тюркоязычных государств были обсуждены вопросы экономического, политического и культурного партнерства между странами. Наиболее актуальной среди высказанных тем, подсчитали — это развитие туризма между этими странами. Как видим нет ни каких идей.

Но положение коренным образом изменилось бы, если бы у нас возродилась вера своих предков тэнгрианство. Конечно, надо начинать с возрождения тюркско-монгольской цивилизации, тогда было бы и идейное единство. Тогда легко было бы создать и тюркско-монгольский союз, или Орду, которая

повторилась бы в цикле. В эту Орду, или тюрко-монгольский союз, желательно, чтобы вошли такие государства, как Монголия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан (ТМС). Конечно, 20 лет времени уплачено зря, но еще есть шанс запрыгнуть в последний вагон уходящего на Восток поезда и оседлать цикл подъема.

Тюркско-монгольский союз должен быть семьей народов и в основе должны быть справедливость и правда. В ТМС от расчета между соседними государствами надо будет перейти к отношениям родственников в семье народов. Люди, живущие в этих государствах, относятся к одному этносу, они наиболее близкие родственники, языки близки, и все они входили в империю Чингиз-хана. Как мечтал и претворил Чингиз-хан. Союз государств должен быть как Мэнгу Эль — Вечное государство, где будут мир, порядок, справедливость и благополучие. Для того чтобы занимать достойное место в мире, нужно иметь три взаимосвязанных фактора: экономический, военную мощь, культурно-цивилизационный код (матрица). Этот союз государств будет соответствовать цивилизационно культурно-генетическому коду. Культурно-генетический код — это менталитет и генотип народа, по родству этнически и по традиционной культуре. Культурно-генетический код функционирует только в границах культуры с определенным стереотипом поведения. Культурно-генетический код характеризуется набором качественных универсальных характеристик, выполняющих созидательную роль в определенных цивилизационных границах. Культурно-генетический код — исторически сложившиеся системы коммуникаций, обеспечивающих целостность и защиту от внешних вызовов. Культурно-генетический код цивилизаций формируется в конкретной природно-географической среде. Большая часть территории России — это бывший улус Джучи (Орда) и улус Угедея. Она также должна войти в этот союз, так как многие его жители входили в империю Чингиз-хана. Но дело в том, что правительство России больше ориентировано на Запад, и заигрывает с Китаем и какая реальная политика в России — непонятно, положиться целиком и полностью на Россию невозможно, поэтому этот вопрос остается открытым.

Чтобы в рамках тюркско-монгольского союза (ТМС) обеспечить необходимый рынок, нужно не менее чем 400—500

млн. потребителей. Так как тюркско-монгольский союз (ТМС) такой рынок создать не в состоянии, то надо будет создать еще один экономический союз. В этот союз желательно привлечь такие страны, как Япония, Южная Корея, Турция и Венгрия. Этот союз будет не только чисто экономический, у него есть этнически родственные и духовные корни. Японцы и корейцы — это дальние родственники тюрков и монголов. Кроме того, японцы и корейцы близки по мировоззренческим отношениям. В Японии по сегодняшний день мировоззрение синтоизм, который близок родственно тюркско-монгольскому тэнгрианству. Кроме того, в Японии и в Корее с давних времен доминировало конфуцианство, пришедшее из Китая, опирающееся на концепции духа Неба Тэн.

В IX—X веках в Китае конфуцианство стало тесниться учением буддизма и даосизма. И тогда начались поиски для восстановления аутентичного конфуцианства и решение с его помощью на основе усовершенствованной нумерологической методологии комплекса новых проблем, выдвинутых буддизмом и даосизмом. В предельно компактной форме эти задачи первым решил Чжоу Дуньи (XI век), идеи которого через столетие получили всесторонне развернутую интерпретацию в творчестве Чжу Си (XII век). Его учение, поначалу считавшееся неортодоксальным и даже подвергшееся запрету, в XIV веке было официально признано и стало основой понимания конфуцианской классики в системе государственных экзаменов вплоть до начала XX века. Чжусианская трактовка конфуцианства доминировала в сопредельных Китаю странах — Корее, Японии. Как видим, в духовном плане они нам союзники, если у нас возродится вера своих предков — тэнгрианство.

Объединившись в экономический союз, японцы, корейцы, тюрки и монголы могли бы потягаться с Китаем, т.к. у этих народов исторически сложившаяся вражда с Китаем. При этом надо будет хорошо изучить историю имперской политики Китая, потому что противодействовать этой политике нам предстоит в XXI веке. Противодействие будет успешным, если мы будем действовать, зная подлинную историю борьбы Китая с нашими предками. Китай всегда проводил политику использования одних кочевых племен против других, покупая за дань верхушку кочевых племен.

При вхождении в этот экономический союз Японии, Южной Кореи, Турции, Венгрии будет сформирован внутренний рынок численностью более полумиллиарда потребителей, внутри этого рынка достаточно будет рабочей силы и накопленных капиталов. Тюркско-монгольский союз (ТМС) сможет обеспечить этот экономический союз необходимым для развития сырьем и энергетикой, так как обладают огромными земельными угодьями, для выращивания качественного продовольствия. Япония и Южная Корея могут обеспечить союз (ТМС) необходимыми инвестициями и современными технологиями.

Турция не может быть членом тюркско-монгольского союза (ТМС) государств. Она может войти в союзный региональный экономический союз. Турецкий народ состоит в основном из жителей бывшей Византийской империи. Поэтому Османская империя, а затем Турецкая республика — они наследницы византийской традиции. Вся политика Турецкой республики связана с Европой и арабскими странами. Ее жители никогда не входили в империю Чингиз-хана. Хотя турки в Турции этнически близки как родственники для тюрков и монголов и язык у них огузский, на котором говорят многие тюрки, но в Османской империи и современной Турции всегда доминировал ислам. По религиозным отношениям они совершенно оторвались от мировоззрения своих предков. 25 января 2013 года создана Ассоциация правоохранительных органов военного статуса Евразии ТАКМ. Краткое название структуры образовано от названий стран-членов на английском языке — Азербайджан, Турция, Киргизия, Монголия. Инициатива создания ассоциации ТАКМ исходит от Турции, а она — член НАТО. Соответственно, эта организация будет выполнять интересы НАТО. Противостояние между христианской Евро-американской и Китайской цивилизациями нарастает. В этой борьбе мировых цивилизаций, как всегда, были и, прогнозируется, будут козлами отпущения и пушечным мясом представители тюрков и монголов. А с такими правителями во главе тюркских и монгольских государств, которые существуют на сегодня, ввязать тюркские и монгольские государства в кровавые войны не составляет большого труда.

Проект возрождения тэнгрианства и возрождения тюркско-монгольской цивилизации на основе союза тюркско-мон-

гольского государства (ТМС) или новая Орда родился не сегодня. Начало ее рождения июнь 1997 года. Первые ее обсуждения начались на священной горе в Высокогорском районе Республики Татарстан возле села Камаево. Маленькая гора имеет магическую силу. Рядом с горой на маленьком пространстве — поле, лес, речка. В древности эта местность называлась Иски-Казан (Старая Казань). По преданиям, сюда летом приезжал Бату-хан со своей ставкой на моление Тэнгри. Поэтому это магическое место было выбрано для дискуссий. Утром в середине июня мы, единомышленники, собирались на горе и проводили жертвоприношения и моления духу Неба Тэнгри. По окончании моления после обеда начинались беседы и дискуссии о возрождении тэнгрианства, где затрагивались идеи и о возрождении тэнгрианской цивилизации. С ноября 1997 года стали выпускать на свои средства газету «Безнен юл» («Наш путь»). Начиная с 2000 года под этой горой в конце июня мы стали организовывать палаточный тэнгрианский (джиен) лагерь «Тан Батыр» на семь дней, куда приезжали все, кто хотел подискутировать о необходимости и значении тэнгрианства. Приезжали из городов и районов Татарстана, из Чувашии, Марий Эл, Башкирии, Казахстана, Карабаево, Азербайджана, Якутска, Алтая и т.д., и даже был ученый этнолог из Японии и Турции. Люди приезжали разные — были из общественных организаций, просто одиночки или даже семьями, все кто желал пообщаться и поговорить о тэнгрианстве, а заодно отдохнуть на природе. Лагерь «Тан Батыр» превращался в маленький союз этнически родственных народов (мини Орда). Приезжали со своими палатками, с продуктами и флагами. Продукты складывали вместе, еду варили в котлах для всех участников лагеря. Чай кипятили в самоварах из родниковой воды. До обеда отдыхали кто как хотел: одни облагораживали родники, другие собирали цветы, третиловили рыбу на речке Казанке и т.д., одним словом, наслаждались природой. После обеда начинались доклады и диспуты по истории, национальным традициям, национальным обрядам, экологии, ожидаемым климатическим изменениям, по ожидаемым финансово-экономическим кризисам. Выступить мог любой. Время для выступления было не ограничено, лишь бы было по теме. А вечером проводились этноконцерты в исполнении самих участников лагеря. Один день, обычно это была суббо-

та, был праздничный. Утро начиналось на горе, с жертвоприношения и моления духу Неба Тэнри. По окончании моления после обеда игры, веселья. Вечером разговоры у костра. Так как местонахождение лагеря было недалеко — в 45 км от г. Казани, то приглашались на лекции и татарские ученые: историки, политологи, этнологи, писатели и представители власти. Но, к сожалению никто не приезжал.

Начиная с XVIII века, после реформ Екатерины, началось интенсивное внедрение татарам ислама. Ислам интернациональная религия. И в течение короткого времени татары забыли свои рода и стали безродными, забыли какого они племени, и как на это на них смотрят предки с того света — это вопрос. Татары стояли на грани незнания своей национальности. Они забыли свои символы, смыслы, традиции и т.д. Татарам повезло, что произошла революция в России, им дали автономную республику, а в паспортах записали графу национальности. После распада Советского Союза графу национальность отменили, и есть опасность, что татары забудут название своей национальности. Для современных татар названия племен найман, онгут, кунграт, керайт, меркит, ойрат, карлуки, жалаир, аргын, кыпчак, торгут и т.д. — это какая-то древняя архаика и не имеет никакого интереса, хотя сами состоят из части этих родов. Многие считают, знать эти названия дело ученых. Некоторые татары стали сегодня искать свое семейное древо до 10 колена. Но это ничего не дает, так как это просто семейное древо, а какого они рода и племени, они не знают. А как говорят, «без корней растет только плесень». Таким безродным людям можно написать любую историческую теорию, и они будут верить.

Обсуждались такие темы, что татары в большинстве своем не знают своей национальной культуры и истории, они не знают даже, какая у них национальная музыка. Поют под чужеродные музыки, не понимая, что таким путем уничтожается татарская нация. Хотя известно, что национальная музыка действует на подсознание. Фольклорные ансамбли надевают рабочие одежды, которые татары надевали в XIX веке, и в них выступают на сценах. Эти костюмы представляются публике как национальная одежда татар. Таких тем было много. Одновременно обсуждалось современное состояние татарского и

тюркского мира. Так мы, единомышленники, старались разогнать Тьму, для того чтобы открыть путь Свету на волю.

В те годы приходила информация с Запада об ожидаемых цивилизационных войнах и противостояниях. И в свете этой информации обсуждалось, как тюркским и монгольским народам выжить в будущем. Вот тогда и зародился проект возрождения тэнгрианской цивилизации, союза тюркских и монгольского государства. Чтобы наши выступления и дискуссии дошли до интеллектуалов, наиболее интересные доклады и статьи печатали в газете «Безнен юл» («Наш путь») и сами его распространяли. В тот период началось освоение интернета. Это стало нам подмогой. Чтобы ознакомить всех интеллектуалов тюркского и монгольского мира, открыли сайты, на которых выставлялись статьи на эти темы. В тот период правящая верхушка Татарстана внедряла проект возрождения ислама, и поэтому большая часть ученых и писателей работали над этой программой. В республике каждый день рапортовали об окончании строительства очередной мечети и сдаче его мусульманским священнослужителям.

Не найдя поддержки в своей Республике Татарстан, я со своими единомышленниками решил поехать в тюркские и монгольские республики и встретиться там с адекватными людьми из правящей верхушки, надеясь, что наш тэнгрианский проект там найдет себе применение. На просторах Великой степи живут потомки степняков, которых обманули и предали их вожди. И мы думали нужно немного, чтобы они вспомнили свое, кровное, забытое. В поездках распространяли книги и газеты «Безнен юл». На поездки ушло более десяти лет. Оказалось, не тут-то было. В тюркских республиках и государствах обстановка была такая же, как на всем пространстве бывшего Советского Союза. Правящая верхушка занималась распилом бывшей государственной собственности: одни присосались к бюджету и усердно его пилили; другие оседлали нефтегазовые трубы и крутили задвижками то вправо, то влево; третьи продавали сырье и природные богатства; четвертые вывозили оборудования из предприятий и продавали его как металлом за границу и т.д. Конечно, такие люди, не думающие о завтрашнем дне, были отгорожены от народа, и побеседовать с ними в коридорах власти было невозможно. Все они работали на разрушение, а не на созидание государства. Они не пред-

ставляют, как можно жить иначе, подчиняясь иностранным государствам. Встретившись нечаяно с некоторыми из правящих людей, все равно разговор не получался. Они даже слушать не хотели, заявляя, что тратить время на слушания каких-то стратегических проектов у них нет времени, они, в пример, другим (то есть нас) очень заняты работой. А на вопрос, можно ли в таком большом учреждении найти чиновника, который выслушает нас? Ответ был такой, что чудаки здесь не работают, здесь работают только деловые люди. В тюркском мире только выдающаяся личность творит историю. Но пока выдающейся личности в тюркско-монгольском мире не просматривается.

Будучи не выслушанными правящей властью тюркских государств, решили донести наши идеи до ученых. Побывали почти во всех институтах тюркских и монгольских республик, в Академиях наук, разговаривали с учеными историками, политологами, философами, филологами и т.д. Разговор с учеными не получался. Единственное, что ученые твердили, что «жизнь — это текущая река, в которую невозможно войти дважды». Такое было впечатление, что они не слышали или не хотели слышать нас. Как будто разговор велся о возврате кочевого образа жизни (кочевой мир ушел навсегда, и если вернется, то только после очередной мировой глобальной катастрофы), а не о возрождении своей исконной цивилизации. В основе нашего проекта лежит не забота о возврате прошлого, а забота о будущей достойной жизни народа. Наша задача — построить общество, отвечающее современным требованиям жизни, но с максимальным использованием сильных сторон нашего наследственного менталитета. Только впоследствии поняли, что ученые вели себя неадекватно потому, что они не имеют авторитета у власти. Они в основном выполняли те программы, что им спускаются сверху, а сейчас именно идет проект возрождения ислама. Они понимали, что выйти с новыми идеями могло чревато закончиться для них. Инициатива наказуема, так можно лишиться и рабочего места. Тогда возникает вопрос, если ученые нужны номенклатуре только для фасона, а нужны ли такие ученые народу? Раньше народ бился насмерть, отстаивая свою независимость, а человек свято и самозабвенно отдавал свою жизнь ради сохранения своего народа. Но сегодня реальность такова, что люди перестали ценить целое, частью которого они являются по природе, от рождения. В

людях начисто вытравлен инстинкт сохранения истории своего народа, генеалогии своего рода, биографии своей жизни, памяти поколений, растущей от самых корней.

Мы не профессиональные политики или ученые, мы просто энтузиасты, самодеятельные общественники из народа. Предложили свой проект о возрождении самостоятельной самобытной тюркско-монгольской цивилизации правящей власти, ученым и народу. Если понравилось — взяли бы, не понравилось — не взяли. Мы не собирались отвлекать занятую верхушку власти и ученых от их важных дел и обременять их убеждением. Надо было быть совсем наивными и надеяться, что они решились бы на отказ от комфорtnого скольжения в прогасть ради нормализации жизни тюркских государств. Трудно было себе представить и всерьез надеяться на то, что правящая власть озабочится своим долгом и кардинально изменит свою политику. Как говорится, круг замкнулся. Тюроков и монголов окружили и обложили. Правящая власть занята пилешкой и отделена от народа, ученые не имеют авторитета и поэтому не ввязываются в обсуждения новых идей. Правящая власть и ученые — выходцы из народа, а у народа мышление неустойчивое и двойственное. Стало очевидным, что ошибаться и выбирать ложный путь развития могут не только отдельные люди, группы людей, но и народ в целом. Значит ли это, что нужно поднять руки и сказать: «Мы сдаемся!» Нет, ни в коем случае не значит! Просто мы решили сделать привал и отойти на время в сторону. Поэтому летние встречи в лагере «Тан Батыр» с 2010 года прекратили. Выпуск газеты «Безнен юл» приостановили. Перестали ездить в другие регионы. Живем размеренной жизнью.

Прошло время. Сейчас правящая власть озабочена подъемом волны мусульманских экстремистов в тюркских республиках. Сначала возрождали ислам, а сейчас борются с экстремистами. Сначала создают проблемы, затем борются с этими проблемами.

Замысел написания этой книги был таков. В феврале 2013 года по китайскому календарю заканчивается космическая эпоха созвездия Рыбы и начнется эпоха созвездии Водолея. По тюркскому календарю эпоха Водолея начнется в марте 2013 г. Чтобы в эпоху Водолея войти со смыслами и идеями, решил вновь напомнить о нашем проекте Возрождения тэнгрианской

цивилизации и создания тюркско-монгольского союза (ТМС новая Орда), чтобы мои единомышленники об этом прочитали и вспомнили, а на Небе все это запечатлелось. Пусть наш проект изучается на Небе. Символы на Небе распознаются, а Небо само решит, как дальше быть. Только воля Великого духа Неба Тэнгри может помочь в такой критической ситуации, в какой находятся сегодня тюрки и монголы.

Февраль. 2013 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Г л а в а I. Походы адмирала Чжэн Хэ

1. *Рейн Крюге.* КИТАЙ. Полная история Поднебесной. Перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. — М., 2006. — С.304—308.
2. *Сергей Константинопольский.* Из Китая — за тридевять земель. Интерфакс Время. № 13 (559) 05.04.2006 г.
3. *Динара Дубравская.* Сокровищницы адмирала Чжэн Хэ. Журнал «Вокруг света», №8 (2815). Август 2008 г.
4. Флот Чжэн Хэ в Западных морях (Китайский информационный Интернет-центр China.org.cn) 03.06.2005 г.
5. *Александр Волков.* Почему китайцы не открыли Европу? Журнал «Знание — Сила». Наука и жизнь российского предпринимателя. № 9.2002.
6. *Динара Дубравская.* Сокровищницы адмирала Чжэн Хэ. Журнал «Вокруг Света», №8 (2815) Август 2008 г.
7. *Анна Рысева.* Америку открыли китайцы? Журнал «Шотландия» №03. 03.2004 г.
8. *Динара Дубравская.* Сокровищницы адмирала Чжэн Хэ. Журнал «Вокруг Света», №8 (2815) Август 2008 г.
9. *Александр Волков.* Почему китайцы не открыли Европу? Журнал «Знание — Сила». Наука и жизнь российского предпринимателя. № 9.2002
10. *Анна Рысева.* Америку открыли китайцы? Журнал «Шотландия». №03.03.2004 г.

Г л а в а II. Заветы Чингиз-хана

1. *Кривошапкин А.И.* Завещание Чингисхана. Якутск. — 2009 г., с. 61.
2. *Лависс Э., Рамбо А.* Всеобщая история. — М., 1897. Т. II, с. 846.
3. *Гумилев Л.Н.* Черная легенда. Журнал «Хазар». — Баку, 1990, № 1, с. 13.

Г л а в а III. Закат татаро-монгольской империи

1. *Юань ши.* («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай-Пекин., 1958, гл.с.36.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1989, с.507—517.
3. Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история. М., 1897. Т. II., с. 203—205.
4. Рене Гуссе. Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. — Казань. 2012, с. 205—208.
5. Гумилев Л.Н. Черная легенда. Журнал «Хазар». Баку, 1990, № 1, с. 18.
6. Гумилев Л.Н. Черная легенда. Журнал «Хазар». Баку, 1990, № 1, с. 19—20.
7. Демир Кадыров. 10 проповедей о главном. — Бишкек, 2012, с.26—29.
8. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. Т. II, с. 197.
9. *Юань ши.* («Биография Урянхатая», цз. стр. 5а—7б).
10. Академия наук СССР, Институт востоковедения Татаро-монголы в Азии и Европе, сборник статей. М., 1970. Н.П. Свишунова. «Гибель государства южных сунов», с. 275.
11. *Юань ши.* («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин., 1958, цз 3, с.11а.
12. Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. Авторизованный перевод с монгольского П. Нихлая. — М.,1983, с.34.
13. Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. Авторизованный перевод с монгольского П. Нихлая. — М.,1983, с.35.
14. Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. Авторизованный перевод с монгольского П. Нихлая. — М.,1983, с.48.
15. Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. Авторизованный перевод с монгольского П. Нихлая. — М.,1983, с.49.
16. Юань ши. («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.134.
17. Юань ши. («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.26.
18. Юань ши. («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.5.
19. Рашид ад-дин. Сборник летописей, т.III, перевод А.К. Арендса, М.-Л., 1946, с.286.
20. Юань ши. («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.202.
21. Рене Гуссе. Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. — Казань. 2012, с. 222—223.

22. *Юань ши.* («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.25.
23. *Юань ши.* («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.30.
24. Сун сюэ-ши вэньцзи, гл.3.
25. *Рене Гуссе.* Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. — Казань. 2012, с. 242.
26. *Юань ши.* («История (династии) Юань») Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.17.
27. *Рене Гуссе.* Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. Казань. 2012, с. 245.
28. *Рене Гуссе.* Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. — Казань. 2012, с. 253—255.
29. *Бартольд В.В.* Сочинение. — 1964. Т-II. Ч. II. С.47.
30. *Рустан Рахманалиев.* Перед лицом вечности. — М, с.82.

Г л а в а IV. Китайская империя XV—XX веков

1. *Рейн Крюге.* КИТАЙ. Полная история Поднебесной. Перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. — М., 2006, с. 365—366.
2. *Рейн Крюге.* КИТАЙ. Полная история Поднебесной. Перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. М. 2006, с. 405—407.

Г л а в а V. Гражданская война кочевников в XVI—XVIII веках

1. Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. Авторизованный перевод с монгольского П. Нихлая. — М.,1983, с. 133.
2. *Юань ши.* («История (династии) Юань»). Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958, гл.81, с.16.
3. *Рене Гуссе.* Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. — Казань, 2012, с. 368—369.
4. *Пищулина К.А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. — Алма-Ата, 1977, с. 113.
5. *Рене Гуссе.* Империя Степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Виля Мирзаянова. — Казань, 2012, с. 377.
6. *Кривошапкин А.И.* Завещание Чингисхана. Якутск, 2009, с. 81.
7. *Магаун M.* Азбука казахской истории. Документальное повествование. — Алматы. Казакстан, 1997, с. 126—129.
8. *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи (17—18 вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991, с.55. .
9. *Кайрат Закирьянов.* Тюркская сага Чингисхана. Сокровенное сказание казахов. — Алматы, 2008, с. 110.

10. Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья (17 в.). С.170—190. Сайт «Сибирская Займка».
11. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — М.: Наука, 1983, с. 221.
12. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 505. Д. 39. Л. 185 об.
13. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1727 г. Д. 11. Л. 157.
14. Международные отношения в Центральной Азии. 17—18 вв. Документы и материалы. Книга 1. — М.: Наука, 1989, с. 349.
15. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) в 5-ти томах. Том 3. Казахстан в Новое время. — Алматы: Атамура, 2000, с. 121-139.
16. Международные отношения в Центральной Азии. 17—18 вв. Документы и материалы. Книга 1. — М.: Наука, 1989, с. 360—363.
17. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (17—18 вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991, с.112—120, 121—139, 140—160.
18. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985, с.324.
19. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX века: проблемы политической истории и присоединения к России. — Горно-Алтайск, 1991, с. 111.
20. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в 17 — первой половине 19 в. — М.: Наука, 1979, с. 108—109.
21. Кузнецов В.С. Амурсана. Издательство «Наука» Сибирского отделения. Новосибирск, 1980, с. 144—146.
22. Кузнецов В.С. Амурсана. Издательство «Наука». Сибирского отделения. Новосибирск, 1980, с. 145.
23. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в 17 — первой половине 19 в. — М.: Наука, 1979, с.155.

Г л а в а VI. Системы управления государством

1. Перепелкин Ю.А. Тайна золотого гроба. Ан.СССР. Институт народов Азии, — М.: Изд-во «Наука». М., 1968, с. 146—157.
2. Рейн Крюге. КИТАЙ. Полная история Поднебесной. Перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. — М. 2006, с. 72—73.

СОДЕРЖАНИЕ

Г л а в а I. Походы адмирала Чжэн Хэ	3
1.1. Адмирал Чжэн Хэ	7
1.2. Походы китайского флота	13
1.3. «Шелковый занавес» над Китаем	25
Г л а в а II. Заветы Чингиз-хана	34
2.1. За Великой Китайской стеной	34
2.2. Создание татаро-монгольской империи	46
2.3. Завоевания (объединения) Чингиз-хана	54
Г л а в а III. Закат татаро-монгольской империи	66
3.1. Поход в Европу	71
3.2. Поход на Ближний Восток	81
3.3. Улус Джучи — Орда (Татария)	93
3.4. Улус Тулуя и династия Юань	103
3.5. Улус Чагатая	134
Г л а в а IV. Китайская империя XV—XX веков	146
4.1. Династия Мин	146
4.2. Маньчжурская династия Цин	154
Г л а в а V. Гражданская война кочевников в XV—XVIII веках	156
5.1. Хаос в Монголии	156
5.2. Распад Монголии на западных, восточных и южных монголов	162
5.3. Ойраты	180
5.4. Калмыцкое ханство	184
5.5. Джунгария (Ойратия)	202
5.6. Трагедия Великой степи	218
5.7. Гибель Джунгарского ханства	232
Г л а в а VI. Системы управления государством	250
Г л а в а VII. Небополитика в XXI веке	268
7.1. 20 лет независимости тюркских государств	269
7.2. Выработка стратегии для развития тюркских и монгольских государств	276
7.3. Проект тэнгрианской цивилизации	283
Список литературы	299

ISBN 978-5-98356-215-8

Безертинов Рафаэль Нурудинович

ГЕОПОЛИТИКА И ПРАВИТЕЛИ
ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРИЙ

Редактор *Л.З. Салахутдинова*

Технический редактор *Н.Ф. Гимадеева*

Художественное оформление обложки *Р.Н. Безертинов*

Корректор *Ф.Ш. Закирова, В.П. Лашенова*

Электронный набор *Р.Н. Безертинов*

Подписано в печать 02.09.2013. Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитура «Souvenir». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,0.

Тираж 1000 экз. Заказ С-2044.

Издательство «Слово».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-10.

E-mail: Slovopress-s@yandex.ru

Отпечатано в типографии филиала ОАО «Татмедиа»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

